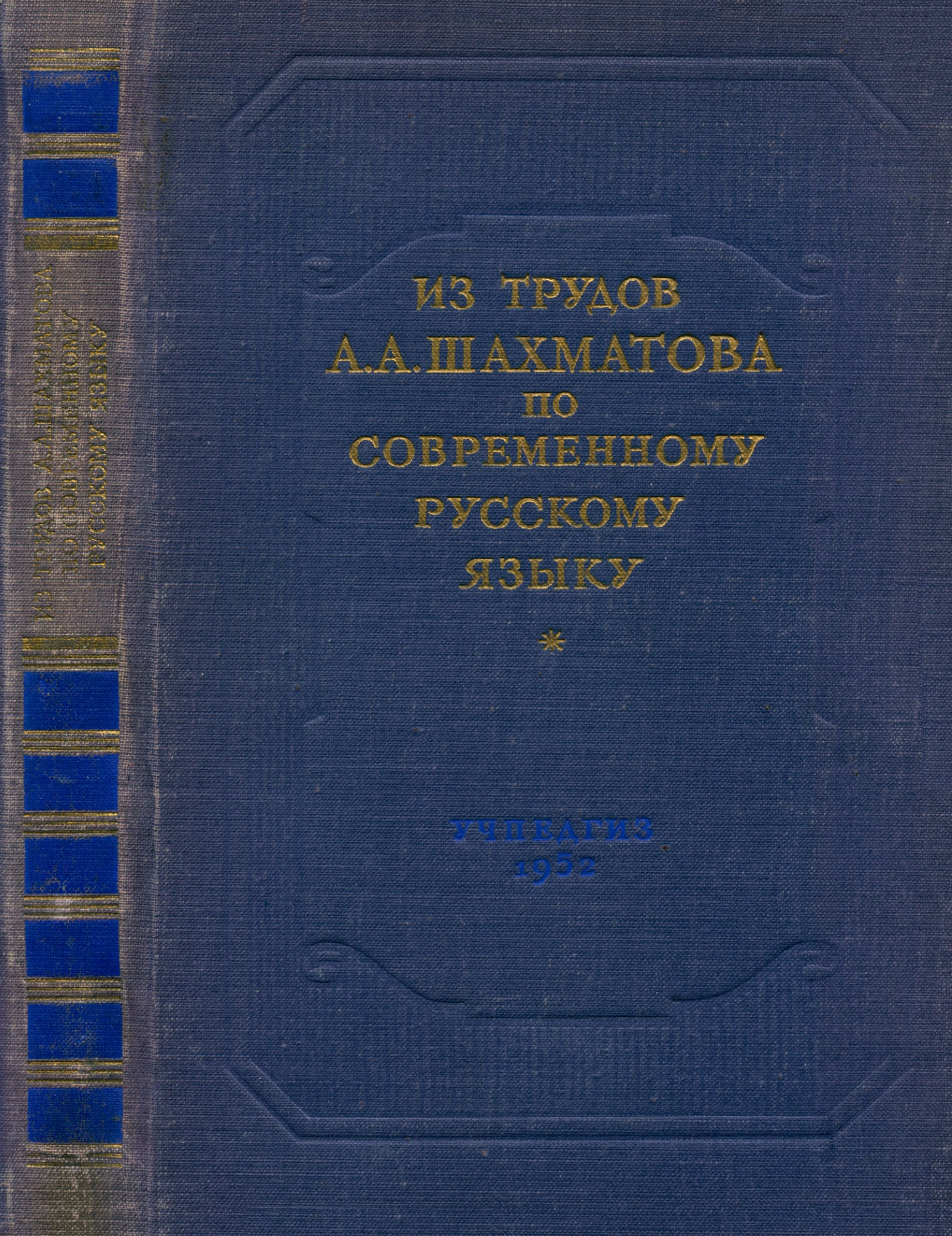

ИЗ ТРУДОВ
А. А. ШАХМАТОВА
ПО
СОВРЕМЕННОМУ
РУССКОМУ
ЯЗЫКУ
*
УЧПЕДГИЗ
1952
ИЗ ТРУДОВ А. А. ШАХМАТОВА ПО СОВРЕМЕННОМУ РУССКОМУ ЯЗЫКУ

ИЗ ТРУДОВ А. А. ШАХМАТОВА ПО СОВРЕМЕННОМУ РУССКОМУ ЯЗЫКУ

*

(УЧЕНИЕ О ЧАСТЯХ РЕЧИ)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР

МОСКВА * 1952

В. В. ВИНОГРАДОВ.

УЧЕНИЕ АКАД. А. А. ШАХМАТОВА О ГРАММАТИЧЕСКИХ ФОРМАХ СЛОВ И О ЧАСТЯХ РЕЧИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ.

1.

Советское языкознание, вооруженное марксистско-ленинской методологией и направленное И. В. Сталиным на широкую дорогу свободного научного развития, должно воспользоваться для своих обобщений, открытий и достижений всем ценным, что может дать лингвистическая наука прошлого. Советскому языкознанию чуждо голое и легкомысленное отрицание языковедческой традиции, достижений прошлого развития лингвистической науки. Наша задача — критически пересмотреть лингвистическое наследство, тщательно разобраться в нем и творчески использовать то, что соответствует задачам и принципам советского марксистского языкознания.

В истории нашей отечественной науки о русском языке с 90-х годов XIX в. по первые годы Советской эпохи едва ли не самое выдающееся место принадлежит акад. А. А. Шахматову. А. А. Шахматов был, прежде всего, историком русского народа и его культуры по данным языка. Основной круг его научно-исследовательских интересов лежал в области изучения языка русского племени и русской народности или, как выражался сам акад. Шахматов, „древнейших судеб русского племени". В связи с этими интересами находились и оригинальные исследования А. А. Шахматова по истории древнерусской литературы и древнерусского летописания. Ученик акад. Ф. Ф. Фортунатова — одного из талантливых, самобытных представителей сравнительно-исторического индоевропейского языкознания в нашей науке, А. А. Шахматов при изучении истории русского языка широко, смело и самостоятельно пользовался сравнительно-историческими приемами исследования славянских языков, стремясь в то же время связать историю языка с историей народа. Либерал по своим общественно-политическим убеждениям, очень далекий от знакомства с марксистской философией истории, А. А. Шахматов интересовался главным образом историей образования русской народности — в связи с историей восточнославянских наречий и языков, историей русской

государственности и историей русской интеллигенции в ее внеклассовом понимании. Эти проблемы в научной деятельности А. А. Шахматова тесно сплетались с вопросами истории русского литературного языка. Как и многие другие представители буржуазно-либеральной науки, А. А. Шахматов не мог оценить надлежащим образом роль народных масс и их инициативу в истории сложения и развития как русского национального языка, так и русской национальной культуры вообще.

По словам А. А. Шахматова, „культура проникает во всякую страну через ее городские и торговые центры. Купцы, горожане, правящие классы являются ее распространителями. Усвоение тех или иных культурных влияний этими слоями населения обеспечивает дальнейшее распространение их в стране, ибо народные массы идут слепо за выдвинувшимися из их среды передовыми элементами“[1].

Следуя либеральным традициям в изображении взаимоотношений „героев“ и „толпы“, в понимании роли личности в истории, А. А. Шахматов считал, что активный почин в возникновении языковых изменений, в отходе от традиции всегда исходит от отдельных индивидуумов; коллективная же среда говорящих, по мнению А. А. Шахматова, лишь пассивно регулирует производимые отдельными личностями изменения в языке, более или менее согласуя их с действующими нормами общественной речи.

„Закономерность в явлениях языка, — писал А. А. Шахматов, — сказывается не в том активном процессе, который ведет за собой изменения в звуках и формах языка, а в том пассивном процессе, который регулирует их, вносит согласование с действующими нормами, распространяет на однородные случаи. Этот пассивный процесс принадлежит коллективной среде говорящих (составляющих семью, общину, племя, народ), между тем как активный процесс зарождается в языке отдельных индивидуумов, импонирующих среде своим социальным положением, своим умом, талантами, образованием (культурностью)“[2]. С этой точки зрения А. А. Шахматов изображает основные этапы истории русского литературного языка.

Но так как главные языковедческие интересы А. А. Шахматова были сосредоточены на вопросах истории звукового и грамматического строя русского языка, то активное вмешательство личности в развитие языка, по большей части, оставалось за пределами его исследований. Несмотря на методологическую неприемлемость той теории общего языкознания, которой придерживался А. А. Шахматов, его конкретные работы по исторической фонетике и исторической грамматике русского языка, а также по сравнительно-исторической грамматике славянских языков сохраняют во многом свое значение и до сих пор.

---

[1] А. А. Шахматов, Введение в курс истории русского языка, Петроград 1916, стр. 79.

[2] А. А. Шахматов, Очерк современного русского литературного языка, 1941, стр. 107.

Как учебные пособия по курсу современного русского языка у нас пользуются широкой известностью „Очерк современного русского литературного языка“ А. А. Шахматова и его же „Синтаксис русского языка“.

2.

А. А. Шахматов был убежденным сторонником историзма в изучении языка. По его словам, „факты современного языка в их взаимоотношении могут быть поняты только в историческом освещении“[1]. Без исторической перспективы всякое описание языка, учил Шахматов, будет „односторонним и случайным“. Только научно-историческое описание „берет язык в его целом“, „открывает внутреннюю связь между явлениями в их последовательности и приходит таким образом к определению причин тех или иных изменений языка, законов, ими управляющих“[2].

Шахматовское описание строя современного русского литературного языка — это, в сущности, как бы воспроизведенная на плоскости история его фонетических явлений и грамматических категорий. Сначала может показаться, что А. А. Шахматов близко подходил к сталинскому пониманию языка как продукта ряда эпох. Но это не так. Ведь структуру языка и законы его развития А. А. Шахматов представлял совсем не в марксистском плане. Основная категория синтаксиса — предложение у Шахматова выводилась из идеалистического понятия психологической коммуникации. Заметны также большие колебания А. А. Шахматова в определении содержания и задач грамматики, в освещении взаимоотношения и взаимодействий ее основных частей — морфологии и синтаксиса, в понимании отношения грамматики к лексикологии.

А. А. Шахматов, вопреки той русской научно-грамматической традиции, которая была создана М. В. Ломоносовым, отрицал принцип нормативности и целесообразность стилистических приемов исследования в области грамматики. А. А. Шахматову было чуждо ясное представление о норме в системе общенационального литературного языка. Всякую нормализацию в области языка А. А. Шахматов считал „искусственной“. Во всяких попытках нормализации литературной речи он склонен был видеть если не упразднение, то ослабление „тех двух авторитетов, которые одни могут иметь решающее значение в вопросах языка, — это, во-первых, авторитет самого народа с его безыскусственным употреблением, во-вторых, авторитет писателей — представителей духовной и умственной жизни народа“[3].

В связи с этим А. А. Шахматов считал главной задачей описания и изучения словаря и грамматики современного русского языка —

---

[1] А. А. Шахматов, Очерк современного русского литературного языка, 1941, стр. 59.

[2] А. А. Шахматов, Курс истории русского языка, литогр. изд., ч. I, стр. 8.

[3] А. А. Шахматов, Несколько слов по поводу записки И. Х. Пахмана. Сборник ОРЯС, 1899, т. XVII, № 1, стр. 28—29.

собирание и систематизацию „надежного материала, из которого было бы видно, как говорит народ в различных областях России, как выражаются современные писатели, в каком значении употреблялись те или другие слова писателями прежнего времени и т. д."[1].

Отчетливое и ясное представление об общенациональном, общенародном языке как высшей форме, которой подчинены диалекты как низшие формы, об историческом соотношении и взаимодействии категорий народного и литературного языка, об отношении языка писателя к общенародному языку и другим типам речи, например, к классовым жаргонам, отсутствовало в работах А. А. Шахматова. В основание систематической и исчерпывающей научной грамматики русского языка, по словам А. А. Шахматова, „должен быть положен язык определенного круга (образцовых) писателей, работавших за последние два-три десятилетия, причем добытые результаты должны быть самым тщательным образом сопоставлены с наблюдениями над живым языком современного образованного общества, жителей столичных городов и других крупных центров"[2]. Но грамматика современного русского языка (так же, как и историческая грамматика русского языка) осталась у А. А. Шахматова недостроенной. Проект сооружения был смел, грандиозен и монументален, хотя иногда опирался на методологически ложные и непрочные основания.

3.

Принадлежащие А. А. Шахматову „Очерк современного русского литературного языка" и „Синтаксис русского языка" так и остались незавершенными. В них нельзя искать полного воплощения того идеального плана научной грамматики современного русского языка, о котором мечтал А. А. Шахматов. Не доведены до конца ни морфология, ни синтаксис. Между тем, в представлении А. А. Шахматова сфера грамматики была достаточно широка, чтобы охватить не только морфологию и синтаксис, но и семасиологию. Правда, состав, задачи и содержание семасиологии в концепции А. А. Шахматова остались очень неясными. В „Очерке современного русского литературного языка" А. А. Шахматов, приступая к анализу категории вида, писал: „Учение о значении видов принадлежит отделам грамматики, посвященным синтаксису и семасиологии. Но вопросы об образовании и форме видов рассматриваются в морфологии, причем значение видов затрагивается здесь постольку, поскольку обнаруживается связь между различными значениями и различными формами видов"[3]. В проекте „Синтаксиса русского языка" А. А. Шахматов предполагал по-

---

[1] А. А. Шахматов, Несколько слов по поводу записки И. Х. Пахмана. Сборник ОРЯС, 1899, т. XVII, № 1, стр. 31.

[2] А. А. Шахматов, Отзыв о сочинении В. И. Чернышева „Правильность и чистота русской речи". „Опыт русской стилистической грамматики", Спб. 1911. Сборник отчетов о премиях и наградах за 1909 г., стр. 445.

[3] А. А. Шахматов, Очерк современного русского литературного языка, М. 1936, изд. 3, стр. 149.

святить одну из глав или частей своего исследования проблеме: „Значение предложений"[1].

Эти планы не были выполнены. Семасиологические этюды и наблюдения А. А. Шахматова в области изучения грамматических категорий рассеяны в его работах по морфологии и синтаксису русского языка. Повидимому, в понимании А. А. Шахматова семасиология как отдел грамматики была тесно связана с синтаксисом. Поэтому мы можем говорить лишь о морфологии и синтаксисе как об основных разделах грамматики русского языка, постоянно, сильно и неотразимо привлекавших к себе научно-исследовательские интересы А. А. Шахматова. В области исследования исторической морфологии русского языка А. А. Шахматов трудился особенно много и плодотворно. К всестороннему исследованию русского синтаксиса А. А. Шахматов приступил лишь в самый последний период своей жизни. Он так и не увидел выхода в свет этого своего труда, которым был так увлечен.

Лишь спустя четыре года после его смерти (в 1924—1925 гг.) были изданы два незаконченных тома „Синтаксиса русского языка" А. А. Шахматова. Объем и границы синтаксиса в понимании А. А. Шахматова оказались очень широкими, А. А. Шахматов включил в синтаксис учение о частях речи, относимое им раньше к морфологии.

„Синтаксис русского языка" А. А. Шахматова является до сих пор самым полным и самым глубоким описанием типов простого предложения в русском языке. Область сложного предложения почти целиком осталась за пределами синтаксических исследований А. А. Шахматова. В его архиве сохранились лишь первоначальные черновые наброски, относящиеся к этой части синтаксиса.

„Синтаксис русского языка" А. А. Шахматова, несмотря на обилие и ценность материала, наблюдений и обобщений, не разрешил и не мог разрешить вопроса о структурных типах предложения в русском языке. Учение А. А. Шахматова о двусоставных и односоставных предложениях несвободно от многих неясностей и противоречий.

Шахматовское учение о коммуникации как об основном акте мышления, лежащем в основе всех разновидностей предложений, носит явно метафизический и субъективно-идеалистический отпечаток. Непригодность этого учения для уяснения сущности предложения и для последовательного разграничения основных видов и типов его в русском языке непосредственно очевидна из самого „Синтаксиса" А. А. Шахматова.

Связав учение о словосочетании с изучением членов простого предложения и ограничив анализ типов словосочетаний описанием состава и функций второстепенных членов предложения, А. А. Шахматов не разрешил и проблемы словосочетания в русском языке. В области сложного предложения наблюдения А. А. Шахматова, как уже сказано, носили отрывочный и случайный характер.

---

[1] А. А. Шахматов, Синтаксис русского языка. Редакция Е. С. Истриной, 1941, стр. 18.

Тем не менее значение синтаксических работ А. А. Шахматова в истории русского языкознания очень велико. В „Синтаксисе“ А. А. Шахматова впервые собран колоссальный материал, характеризующий поразительное разнообразие синтаксических конструкций современного русского языка, особенно в кругу разных типов простого предложения. А. А. Шахматовым впервые была сделана попытка найти в этом разнообразии систему, тщательно описать и подвергнуть грамматическому разбору разные виды предложений. Многие конкретные соображения А. А. Шахматова в области современного русского синтаксиса предложения и синтаксиса словосочетания сохраняют всю свою ценность, все свое значение и для нас. Ценно и то обстоятельство, что нередко, анализируя синтаксические конструкции современного русского языка, А. А. Шахматов прибегал к широким сравнительно-историческим сопоставлениям и параллелям. „Синтаксис русского языка“ А. А. Шахматова заслуживает нового переиздания, конечно, с соответствующим критическим предисловием и комментарием.

4.

В настоящем сборнике объединены основные грамматические труды А. А. Шахматова, посвященные изложению учения о грамматических формах слов и о частях речи в современном русском языке. В него вошла полностью та часть „Синтаксиса русского языка“, в которой излагается учение о частях речи, и весь раздел „Морфологии“ из „Очерка современного русского литературного языка“. Согласно укоренившимся в языкознании представлениям учение о частях речи органически связано с тем разделом грамматики, который называется морфологией. Права морфологии — после выхода в свет гениальных трудов И. В. Сталина по языкознанию — у нас полностью восстановлены.

Морфология как система правил, относящихся к изменению слов разных разрядов, как учение о строе слова, и синтаксис, как учение о способах сочетания слов в предложения, о типах предложений, неразрывны и взаимосвязаны.

Принципы построения морфологии в истории нашего отечественного языкознания, начиная с „Российской грамматики“ М. В. Ломоносова, вырабатывались в тесной связи с распределением слов и их форм по частям речи. С 80-х годов XIX в. акад. Ф. Ф. Фортунатов и особенно его ученики, подвергнув критике традиционное учение о частях речи, пытались создать новую схему морфологии русского языка. Акад. Ф. Ф. Фортунатов стремился построить морфологию на понятии „формы слова“ как внешнего выражения грамматического значения в строе отдельного слова. „Присутствие в слове делимости на основу и аффикс дает слову то, что мы называем его формой“,— писал акад. Ф. Ф. Фортунатов[1], различая слова полные, частичные и междометия.

---

[1] Ф. Ф. Фортунатов, Сравнительное языковедение. Лекции, читанные в 1899/1900 г., стр. 88.

Междометия, по Фортунатову, лишены форм и „существуют вне предложения", принадлежа речи „не как выражение идей, но как выражение чувствований, испытываемых говорящим". Что касается частичных слов, то они „обозначают нечто или в значении полных слов как части предложения или в значениях самих предложений, в состав которых входят полные слова"[1]. Таким образом, различия в формах слов определяют и обуславливают лишь морфологическую классификацию полных слов. Воспроизводя теорию своего учителя, ученик акад. Ф. Ф. Фортунатова — проф. В. К. Поржезинский в таком виде представлял морфологическую классификацию полных слов в языках такого типа, как русский: „Наиболее общими грамматическими классами слов в индоевропейских языках являются: 1) слова склоняемые; 2) слова склоняемые с формою согласования в роде; 3) слова спрягаемые"[2]. Этим трем основным грамматическим классам склоняемых и спрягаемых слов В. К. Поржезинский, следуя за Ф. Ф. Фортунатовым, противополагает „один большой класс слов, характеризуемых отсутствием форм словоизменения; если здесь и есть слова с формами отдельных полных слов, то это слова с формами словообразования"[3]. Сюда, по мнению проф. В. К. Поржезинского, прежде всего должны быть отнесены неопределенная форма глагола и деепричастия. Сюда же, очевидно, относятся и некоторые разряды наречий. Остается неясным, к какому классу слов принадлежат в русском языке несклоняемые формы кратких имен прилагательных вроде: весел, здоров, готов и т. д. (ср. рад, горазд, должен и т. п.), а также формы русского прошедшего времени (писал, писала, писало). Анализ частичных или несамостоятельных слов и распределение их по классам и группам связывается В. К. Поржезинским с семасиологией.

По словам другого ученика акад. Ф. Ф. Фортунатова — проф. Д. Н. Ушакова, „к неизменяемым словам относятся наречия с деепричастиями, частицы, неопределенная форма глагола, предлог, союз, междометие, неизменяемые существительные и неспрягаемый глагол (т. е. слово *нет*) — это подразделение не по формам, а по значению"[4].

Так наметились две системы построения морфологии русского языка: одна исходила из теории частей речи, из „грамматической лексикологии", как выражался проф. И. А. Бодуэн де Куртенэ, и описывала структурные особенности разных частей речи как в их формообразовании (включая сюда и словоизменение), так и в словообразовании; другая основывалась только на различиях форм словоизменения, на различиях парадигм склонения и спряжения у разных классов изменяемых слов и распределяла весь материал форм по системам склонения и спряжения.

---

[1] Ф. Ф. Фортунатов, Сравнительное языковедение. Лекции, читанные в 1899/1900 г., стр 238.

[2] В. Поржезинский, Введение в языкознание, изд. 2, М. 1910, стр. 124.

[3] Там же.

[4] Д. Н. Ушаков, А. М. Смирнова и Н. Н. Щепетова, Учебная книга по русскому языку. Указания для учителя, 1929, стр. 18.

Естественно возникает вопрос: как отнесся акад. А. А. Шахматов к этим двум направлениям в области русской морфологии и к какому из них примкнул?

В „Курсе истории русского языка“ акад. А. А. Шахматов, приступая к „Очерку грамматических форм русского языка“, прежде всего дает определение понятия — „грамматические формы“. Это — „разные виды слова, отличающиеся между собой своим формальным значением (познаваемым только из связи с другими словами)“. Формальные значения слов, как более отвлеченные и немногочисленные, противостоят реальным значениям. „Реальные значения слов каждого языка так же разнообразны, как разнообразны представления, возникающие в мышлении в результате знакомства со внешним миром“, — говорит А. А. Шахматов. „Формальные значения слов, напротив, ограничиваются вообще немногочисленными категориями. Категории эти зависят прежде всего от реальных значений, связанных с теми или иными словами; но зависимость эта не прямая, а производная, производная именно от тех трех главных категорий реальных значений, которые возникают в уме говорящего“[1]. Три главные категории реальных значений, связанных со словами русского языка, объединяются терминами — имя существительное, имя прилагательное и глагол.

Таким образом, база трех категорий реальных значений — категорий имени существительного, имени прилагательного и глагола — семасиологическая. „К этим трем категориям, — пишет А. А. Шахматов, — присоединяются еще местоимения, т. е. те слова, которым присвоено значение более общего определения имен существительных, независимое от того или иного индивидуального их свойства, что имеет последствием замену некоторыми местоименными словами самих существительных“[2].

„Под термином местоимение, — пишет в другом месте того же курса А. А. Шахматов, — разумеется в грамматике ряд служебных слов, не имеющих самостоятельного реального значения, т. е. не обозначающих ни предметов, ни лиц в отношении их к определенным постоянным признакам, ни качеств или свойств, взятых сами по себе, безотносительно к другим качествам или свойствам. Значение местоимений прежде всего относительное, т. е. они служат показателями отношений предмета или лица к тем или иным явлениям; при известных условиях местоимения могут оказаться заместителями каждого вообще предмета, лица или быть присоединены к каждому вообще предмету, лицу для обозначения его отношений к другим предметам, лицам“[3].

Таким образом, кладя в основу определения основных частей речи — семантические (или семасиологические) признаки, А. А. Шахматов явно отходит от фортунатовской классификации слов, опиравшейся на своеобразное, но узкое определение „формы слова“. Однако в дальнейшей классификации формальных значений, присущих каждой

---

[1] А. А. Шахматов, Курс истории русского языка, читанный в СПБ университете в 1910/11 г., ч. III, стр. 1—4.

[2] Там же, стр. 5 — 6.

[3] Там же, стр. 220—221.

ие этих основных частей речи, проскальзывает у Шахматова и близкое к Ф. Ф. Фортунатову понимание грамматической формы („Грамматическая форма слова определяется или присутствием в ней окончания или отсутствием его" — стр. 10) и противопоставление слов с формами словоизменения словам без форм словоизменения. Правда, общее содержание изменяемых частей речи для Шахматова целиком определяется лежащими в основе их основными четырьмя категориями реальных значений. И в этом — резкое отличие первоначального шахматовского понимания морфологии, ее главных понятий и категорий от фортунатовского.

„Но, кроме того, в языке, — по словам А. А. Шахматова, — существует ряд слов, не выделяющих из себя формальных значений; это, во-первых, слова, имеющие сами только формальное значение и потому немыслимые вне сочетания с другими словами" (предлоги, союзы); „во-вторых, это слова, служащие для выражения наших чувств и нашего отношения к тем или другим действиям или качествам (ближайшего их определения); с одними из них связываются определенные реальные представления — это наречия, с другими такие представления не связываются — это междометия. Союзы, предлоги, наречия, междометия суть неизменямые части речи"[1].

Таким образом, морфология понимается А. А. Шахматовым как учение о грамматических категориях частей речи вообще и о грамматических формах изменяемых частей речи. „Изменяемые части речи, вступая во взаимные отношения, создают ряд категорий формальных значений": имена существительные — категории падежа и числа; прилагательные изменяются по падежам, числам, родам и степеням; так же, за исключением степеней, изменяются местоимения, в которых находит себе выражение категория лица; глаголы изменяются по категориям лица и числа, времени, наклонения, залога, вида, а также по категориям „свойственным именам, когда действие не связывается с представлением о трех грамматических лицах, действующих или испытывающих действие (инфинитив, причастия, деепричастия, в старом языке супин)"[2]. И в этом вопросе — об объеме и сущности категорий, объдиняемых в глаголе, А. А. Шахматов отходит от узкого схематизма Фортунатова и его учеников, разбивавших систему форм глагола на несколько классов слов. Следовательно, морфология, описывая изменяемые части речи как системы форм, связанных с разными грамматическими категориями, прежде всего содержит в себе правила склонения и спряжения. „Но учение о формах,— продолжает А. А. Шахматов,— обнимает и такие изменения частей речи, которые не покрываются понятиями склонение и спряжение; сюда относится, например, изменение прилагательных и местоимений по родам, изменение прилагательных по степеням"[3].

---

[1] А. А. Шахматов, Курс истории русского языка, читанный в СПБ университете в 1910/11 г., ч. III, стр. 5 — 6.
[2] Там же, стр. 7 — 9.
[3] Там же, стр. 9.

Дело в том, что прилагательные и местоимения, „принимают родовой признак существительного“, с которым они согласуются в своих формах. Между тем, „категорию рода нельзя отнести к числу тех грамматических категорий, по которым изменяются имена существительные, ибо каждое существительное вообще имеет только один род и не переходит в другой“[1].

В процессе исторического развития грамматического строя русского языка складывается как особая часть речи имя числительное.

Итак, первоначально А. А. Шахматов относил к морфологии 1) учение о категориях формальных значений, тесно связанных с основными категориями реальных (т. е. лексических) значений слов (а именно: со значениями предмета, качества или свойства, присущего предмету, явлению, действия, состояния того или иного предмета или явления и т. п.); 2) учение о системах грамматических форм, присущих разным изменяемым частям речи. Так, по словам А. А. Шахматова, каждое существительное в общеславянском языке-основе, „изменяясь по числам и падежам, могло бы являться в двадцати одной форме, если бы некоторые падежи не совпадали между собой по звуку“ (например, в двойственном числе именит., винит. и зват.; дательный и творит., родит. и местн. и т. д.)[2].

5.

Словообразование никогда не включалось А. А. Шахматовым в морфологию. Так, в „Синтаксисе частей речи“, говоря о категории субъективной оценки, А. А. Шахматов пишет: „Эта категория обнаруживается не морфологически, ... а путем словообразовательных суффиксов, дающих основания различать слова со значением увеличительным, уменьшительным, ласкательным, пренебрежительным“[3].

Но А. А. Шахматов всегда сознавал тесную связь словообразования с грамматикой. Так, он находил целесообразным категорию субъективной оценки исследовать в синтаксисе, ссылаясь на Потебню: „Как отмечено Потебней, уменьшительные и ласкательные суффиксы имен могут влиять на форму согласующихся с ними прилагательных, которые принимают соответствующие уменьшительные или ласкательные формы: *маленький кусочек, сыночек, добренькая старушка, уютненькое местечко, беленький платочек, чистенькая рубашечка*; таким образом эти суффиксы становятся сами синтаксическими факторами, что указывает и на их синтаксическую природу“[4]. Тут же А. А. Шахматов подчеркивает и морфологическое своеобразие суффиксов субъективной оценки, состоящее „в согласовании рода производных слов с соответствующим основным словом...: *зипунишко, домишко* или *домишка* муж. рода под влиянием *дом; табачище, са-*

---

[1] А. А. Шахматов, Курс истории русского языка, ч. III, стр. 16.
[2] Там же, стр. 15.
[3] А. А. Шахматов, Синтаксис русского языка, 1941, стр. 452.
[4] Там же, стр. 453.

пожище муж. рода под влиянием *сапог; головища, ручища, ножища* вм. *головище, ручище, ножище* женск. рода под влиянием *голова, рука, нога*"[1]. Правда, А. А. Шахматов признает, что суффиксы уменьшительности, увеличительности, уничижительности и ласкательности „имеют другое значение, чем другие словообразовательные суффиксы, при помощи которых выражаются представления, совершенно отличные от представления, выраженного соответствующим основным словом, представления, самостоятельные от него. Ср., с одной стороны, *топорик, топоришко*, с другой стороны — *топорище* в значении рукоятки, деревянной части топора"[2].

Однако и изучение других типов словообразования А. А. Шахматову представлялось тесно связанным с грамматикой языка, с описанием его грамматического строя. Определяя синтаксис, его задачи и разделы, А. А. Шахматов заявляет, что „задачей синтаксиса является изучение как предложения, т. е. словесного выражения единицы мышления, так и выделившихся указанным путем словосочетаний и слов, насколько однако эти последние — в своей ли форме или в своем употреблении — не потеряли связи с предложением, сохранив значение частей или членов предложения". А далее А. А. Шахматов излагает свое понимание структуры языкознания, намечает линии связи разных лингвистических дисциплин: „Вне области синтаксиса остаются таким образом только те элементы языка, которые потеряли свою непременную связь с предложением, которые хотя и обнаруживаются в предложении, но могут быть отвлечены от него, не завися ни в своей форме, ни в своем значении от окружающих слов. Эти элементы рассматриваются частью в других частях грамматики (фонетике, морфологии, словообразовании), частью в тех отделах учения о языке, которые посвящены слову, отвлеченному от предложения (лексикология, семасиология)"[3]. Таким образом, А. А. Шахматов склонен был считать словообразование особым разделом грамматики, наряду с фонетикой, морфологией и синтаксисом.

Приблизительно к такому же пониманию объема и содержания грамматики пришел позднее акад. Л. В. Щерба, но только он иначе представлял внутреннее деление грамматики на разделы и соотношение этих разделов. То, что традиционно называлось сначала этимологией, а позднее морфологией, у Л. В. Щербы состояло из трех самостоятельных частей: 1) из „грамматической лексикологии" или учения о частях речи, 2) формообразования (включая сюда и словоизменение) и 3) словообразования.

Советская лингвистическая наука, опирающаяся на высказывания о языке классиков марксизма-ленинизма, и особенно на теорию общего марксистского языкознания, изложенную в труде И. В. Сталина „Марксизм и вопросы языкознания", не может согласиться с включением словообразования целиком в сферу грамматики. И. В. Сталин

---

1 А. А. Шахматов, Синтаксис русского языка, стр. 453.
2 Там же.
3 Там же, стр. 18.

тесно связал вопросы исторического словообразования с изучением развития основного словарного фонда и словарного состава языка. Основной словарный фонд, куда входят как его ядро и корневые слова, дает языку базу для образования слов. Следовательно, основной словарный фонд языка связан нитями исторически изменяющихся закономерных словообразовательных отношений с общим словарным составом языка. Но вместе с тем словообразование является связующим звеном между основным словарным фондом и грамматикой языка. Таким образом, словообразование занимает своеобразное место в ряду лингвистических дисциплин, будучи тесно связано с лексикологией — наукой о словарном составе языка и в то же время — во многих отношениях сближаясь с грамматикой, с учением о формообразовании и даже с синтаксисом словосочетаний. Понимание места словообразования в общей системе лингвистических дисциплин, решение вопроса об отношении словообразования к грамматике у А. А. Шахматова менялось. В сохранившихся черновых рукописях „Очерка грамматики" А. А. Шахматов признавал словообразование самостоятельным разделом науки о языке. Предлагая класть в основание изучения языка синтаксис, А. А. Шахматов рисовал такую схему учения о языке: „Учение о языке могло бы, начинаясь с синтаксиса предложения, переходить последовательно к синтаксису словосочетаний, синтаксису частей речи, учению о грамматических формах, учению о звуках, учению о словообразовании и учению о словарном составе. Первые три дисциплины объединяются термином — синтаксис, за ним следует морфология, далее фонетика, учение о словообразовании и лексикология" [1].

В этом случае А. А. Шахматов выделяет учение о словообразовании в особую дисциплину, не относя ее к грамматике, в которую включаются фонетика, морфология и синтаксис. Однако в этом же черновом наброске суживается объем морфологии и в другом направлении: учение о частях речи отходит к синтаксису, морфология определяется как учение о грамматических формах.

6.

В „Очерке современного русского литературного языка" уже намечается некоторое изменение во взглядах А. А. Шахматова на объем и содержание морфологии. Обоснование распределения слов современного русского языка по разным частям речи остается за пределами „Очерка". Части речи здесь рассматриваются как понятия, устанавливаемые в других частях грамматики, т. е. в синтаксисе. А. А. Шахматов заявляет, что значение частей речи определяется синтаксически [2]. Обозрение форм русского языка начинается прямо со склонения. Определение значений падежей, по словам А. А. Шахматова, „принадлежит синтаксису" (121). „Склоняемыми словами, — пишет А. А. Шахматов, — являются

[1] А. А. Шахматов, Синтаксис русского языка, стр. 573.

[2] А. А. Шахматов, Очерк современного русского языка, изд. 4, 1941, стр. 122.

в русском языке: имя существительное, имя прилагательное, местоимение, числительное, а также глагольные образования, объединяемые понятием причастия. Склоняемые слова объединяются понятием имя" (122). Далее устанавливается различие склоняемых имен в отношении к категории рода: имени существительному, не изменяющемуся по родам, противостоят имена, изменяющиеся по родам: имя прилагательное, местоимение, числительное и причастия. Показательно, что по чисто морфологическому признаку склоняемости причастие относится к именам, а по признаку изменяемости по родам оно сближается с именами прилагательными. В именах существительных родовые разделы их „даны как готовые, определенные ряды; из них не может быть, — по мнению А. А. Шахматова, — извлечена категория рода" [1].

Таким образом устанавливается деление имен на имена существительные и остальные склоняемые имена. По словам А. А. Шахматова, это деление соответствует и различию синтаксических функций имен: „имена существительные — это слова определяемые, а прилагательное, местоимения (кроме личных местоимений), числительные и причастия — имена определяющие (атрибутивные)" [2].

Это синтаксическое различие совпадает с морфологическими различиями, к которым А. А. Шахматов относит не только систему падежных окончаний, но и различия в строении основ. Внимание к различиям в строении основ разных частей речи кладет резкую грань между шахматовским пониманием задач морфологии и пониманием морфологии у эпигонов Фортунатова.

Своеобразие шахматовского понимания объема и задач морфологии сказывается также в том, что А. А. Шахматов, анализируя систему современного склонения имен существительных, попутно выделяет все те грамматические категории, которые так или иначе связываются с разными явлениями в склонении имен. Эти категории характеризуются у А. А. Шахматова не только морфологическими приметами, но и своими семантическими особенностями. Так, говоря о категории числа, А. А. Шахматов выделяет имена, „которые по значению своему не могут употребляться во мн." (125). Указав в этой связи на слова со значением вещественным, А. А. Шахматов отмечает, что „многие из подобных слов допускают индивидуализацию, т. е. могут мыслиться не в сплошной неделимой массе, а выделенными в особые виды, входящие в состав собирательного или вещественного понятия, например, *сено луговое и лесное, масло подсолнечное и льняное, мясо русское и черкасское;* при такой индивидуализации возможно употребление этих слов во мн. числе: *масла, мыла, мяса, сена, табаки, спирты* и т. д." (125). В той же связи А. А. Шахматов говорит и об „индивидуализации отвлеченных понятий". Характеризуя категории единичности и множественности, А. А. Шахматов определяет их семантический состав. Кроме слов

---

[1] А. А. Шахматов, Очерк современного русского языка, изд. 4, 1941, стр. 122.
[2] Там же.

с вещественным, отвлеченным и собирательным значением, сюда относится ряд конкретных. „Относительно состава конкретных слов, употребляющихся только в ед. числе, — пишет А. А. Шахматов, — можно заметить, что он определяется прежде всего единичностью тех предметов или представлений, которые этими словами обозначаются; таковы, например, имена собственные, обозначающие местности (города, реки), название стран света; сюда же относятся слова, представляющие во мн. числе другую основу или ассоциирующиеся с другим словом: *человек — люди, цветок — цвета;* сюда же, наконец, относятся и такие слова, которые во мн. имеют другой оттенок значения; *хлеб* означает более широкое понятие, или, точнее, имеет несколько значений, между тем как мн. *хлеба* ограниченнее в своем значении и не покрывает слова *хлеб* (нельзя сказать: *вынула хлеба из печи*)“ [1].

Таким образом, путем всестороннего тонкого анализа разных своеобразий и особенностей в склонении имен существительных, в категориях рода, числа, в формах падежей, а также в категориях одушевленности и неодушевленности, А. А. Шахматов дополнительно выделяет в системе имен существительных „категорию лица и не-лица“ (в „Синтаксисе русского языка“ ей соответствует „категория лица мужского полу“), категорию отвлеченности и конкретности, категорию единичности и множественности, категорию собирательности, категорию вещественности, категорию умалительности, уничижительности и увеличительности. Система склонения имен существительных, распределенных по родовым классам, впервые в русском языкознании воспроизведена с такой тщательностью и в такой полноте. Указав вслед за акад. А. И. Соболевским на отсутствие параллелизма в формах и типах склонения между единственным и множественным числом, А. А. Шахматов дает точную, строго дифференцированную схему типов склонения во множ. числе.

К склонению имен существительных примыкает именное склонение прилагательных. „Склоняются, изменяясь по падежам, только притяжательные; прилагательные-сказуемые изменяются только по родам и числам, образуя, впрочем, твор. падеж“ (164). В связи с именным склонением прилагательных А. А. Шахматов рассматривает также склонение фамильных имен на *-ов, -ин* и этого же типа имен городов и сел. Любопытно, что в той же главе дается обзор основ кратких имен прилагательных.

Вслед за тем характеризуются местоимения, их основы и формы, а после этого, естественно, описывается местоименное склонение т. н. полных имен прилагательных. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в главе об именах прилагательных ничего не говорится об изменении имен прилагательных по степеням сравнения и нет анализа форм сравнительной и превосходной степени. В заключение обзора систем именного и местоименного склонения А. А. Шахматов особо останавливается на склонении имен числитель-

---

[1] А. А Шахматов, Очерк современного русского литературного языка, изд. 4, стр. 130.

ных, представляющем собою смешение склонений — именного и местоименного.

Своеобразие шахматовского понимания морфологии особенно ярко сказывается в анализе спряжения. А. А. Шахматов не ограничивает морфологическую систему глагола одними личными формами. „В отделе, посвященном глаголу, — пишет он, — необходимо рассмотреть, во-первых, глаголы в собственном смысле, во-вторых, спрягаемые имена прилагательные и причастия (т. е. краткие формы имен прилагательных и причастий. — В. В.), в-третьих, склоняемые глагольные имена с атрибутивным значением (причастия), в-четвертых, несклоняемые глагольные имена с неатрибутивным значением (инфинитив), в-пятых, глагольные наречия (деепричастия). Все эти слова объединяются частью тем, что образуются посредством определенных окончаний от общей основы (глаголы, причастия спрягаемые и склоняемые, деепричастия, инфинитивы), частью тем, что изменяются по общим всем им категориям, чуждым другим частям речи (категории времени, залога и вида объединяют глаголы, причастия, деепричастия; категории залога и вида объединяют глаголы, спрягаемые имена прилагательные и причастия)“ [1].

По отношению к категории лица как базе системы спряжения различаются слова спрягаемые (сюда относятся глаголы в собственном смысле, а также несклоняемые имена прилагательные и причастия) и неспрягаемые (инфинитив, причастия склоняемые и деепричастия). Естественно, что может и должно вызвать возражения шахматовское признание инфинитива, причастий и деепричастий особыми словами. Ведь в тех случаях, когда они не оторвались по своему значению от производящего глагола (ср., например, *слыхать* в значении — слышно; *походя*, *„растерян* мыслями“ и т. п.), это — формы того же слова, что и спрягаемые, личные формы [2].

Относя вслед за А. Х. Востоковым краткие имена прилагательные и причастия к спрягаемым формам, А. А. Шахматов различает в спряжении этих форм „десять лиц, семь для ед. числа и три для мн., причем в ед. числе три лица мужеского рода, три лица женского рода и одно (3-е) лицо среднего рода“. „Различия между этими формами, — пишет А. А. Шахматов, — образуются посредством присоединения к прилагательным и причастным формам восьми местоименных форм“ (*я, ты, он, она, оно, мы, вы, они*), т. е. аналитически [3].

С неменьшей тщательностью, чем грамматические категории в системе имен существительных, подвергаются анализу в „Очерке“ А. А. Шахматова грамматические категории глагола. В характеристике категории вида и залога ощутима зависимость А. А. Шахматова от акад. Ф. Ф. Фортунатова и проф. Г. К. Ульянова. Но здесь

---

[1] А. А. Шахматов, Очерк современного русского литературного языка, изд. 4, стр. 174—175.

[2] См. статью Л. В. Щербы „О частях речи в русском языке“. „Русская речь“, вып. 1, 1927.

[3] А. А. Шахматов, Очерк современного русского литературного языка, изд. 4, стр. 176.

А. А. Шахматов еще шире и свободнее, чем при обзоре грамматических категорий имени существительного, пользуется приемами семасиологического анализа. Правда, А. А. Шахматов делает такое предупреждение в отношении категории вида: „Значение видов затрагивается здесь постольку, поскольку обнаруживается связь между различными значениями и различными формами видов“ (180). Вообще же, по мнению А. А. Шахматова, „учение о значении видов, принадлежит отделам грамматики, посвященным синтаксису и семасиологии“. Говоря о синтаксисе, А. А. Шахматов в данном случае, очевидно, имел в виду тесную связь видового значения с временным и, следовательно, необходимость освещать видовые различия глаголов при анализе синтаксического употребления глагольных форм времени. Впрочем, видовые различия глаголов играют видную роль и в построении разных типов сложного предложения, особенно временных и условных.

Однако в своем морфологическом анализе категории вида А. А. Шахматов придал слишком мало значения вопросу о соотносительности (или коррелятивности) парных форм — несовершенного и совершенного вида у тех глаголов, которым свойственны и те и другие образования, и не вполне четко и точно отграничил реальные лексические значения (особенно в приставочных глаголах) от чисто видовых. Таким образом, в области изучения видовых образований глагола здесь были смешаны и перепутаны границы и задачи морфологии и словообразования, а отчасти и лексикологии. Относя употребление категории залога к синтаксису, А. А. Шахматов связывает с морфологией анализ форм залога. „Формами залога называются те различные, произведенные от одного и того же глагола образования, в которых обозначаются различного рода отношения действия или состояния, выраженного глаголом, к его субъекту. Таким образом, под понятие залога подходят те формы, которые может принять тот или иной глагол для выражения указанных отношений. Определение залогов составляет предмет морфологии постольку, поскольку при этом выясняются те формальные средства, к которым для указанной цели прибегает язык“ [1].

Так и в вопросе о залоговых образованиях глаголов границы морфологии, синтаксиса, словообразования и лексикологии остаются неопределенными, неясными.

А. А. Шахматову пришлось, вслед за анализом категорий вида и залога, посвятить особую главу „прочим грамматическим значениям глагольных основ“. Здесь характеризуются значения переходности и непереходности; значения основ несовершенного вида: непрерывной длительности, неопределенной и определенной моторности, значение многократности, значения длительно-производное, длительно-комитативное, длительно-дистрибутивное и длительно-прерывистое; значения основ совершенного вида: результативное, однократное и детерминативное; разные значения глаголов с частицей -ся, образованных от

[1] А. А. Шахматов, Очерк современного русского литературного языка, стр. 188.

глаголов переходных: возвратно-непереходное, возвратно-переходное, возвратно-взаимное и возвратно-общее; значения непереходных глаголов с частицей -ся: усилительное и определительное. Здесь же характеризуются значения отложительных глаголов, т. е. тех глаголов на -ся, „которые не имеют при себе простых глаголов и в которых, следовательно, частица -ся не вносит значения залога“ (195). Например, *улыбаться, надеяться, чваниться* и т. п. И в самом конце описывается способ превращения личного глагола в безличный с помощью суффикса -ся (*естся сытно, торгуется хорошо* и т. д.).

Следовательно, в этой главе морфологические проблемы также переплетаются с проблемами глагольной семасиологии, лексикологии и глагольного словообразования. Заканчивается „Очерк“ Шахматова анализом неспрягаемых глагольных форм и обзором глагольных основ.

Легко заметить, что главным лексическим материалом, который использован А. А. Шахматовым для характеристики основ имен существительных, прилагательных, местоимений, числительных и глаголов, послужил основной словарный фонд русского языка.

Вместе с тем совершенно ясно, что А. А. Шахматов не хотел и не считал возможным свести морфологию только к формальной схеме парадигм склонения и спряжения. Тонкий и острый анализ тех грамматических категорий, которые обнаруживались при глубоком, исторически обоснованном осмыслении особенностей склонения и спряжения, показывал тесное взаимодействие морфологии с синтаксисом, с одной стороны, со словообразованием, с другой, с семасиологией и лексикологией, с третьей.

Однако точному отграничению морфологии от лексикологии и словообразования в концепции А. А. Шахматова, точному определению взаимодействия грамматических и лексических значений мешала неопределенность и неясность в понимании системы „грамматических форм“ у разных частей речи, так как, отвергая очень внешнее, узкое и схематическое разграничение форм словоизменения и форм словообразования, предложенное Ф. Ф. Фортунатовым, сам А. А. Шахматов не выработал ясного учения о формах слова и о слове как системе форм.

7.

В „Синтаксисе русского языка“ А. А. Шахматов делает попытку обосновать необходимость перевода или переноса учения о частях речи из морфологии в синтаксис. Назвав вторую часть своего синтаксиса „Синтаксис частей речи“, А. А. Шахматов изложил здесь, иногда в расширенном и дополненном виде, часто с указанием синтаксического употребления и синтаксических функций грамматических форм, многое из того, что раньше относилось им к морфологии. Так, в разделе об имени существительном подробно характеризуются категория числа, категория считаемости, категория единственности, категория единичности, категория парности, категория совокупности, выражаемая как в формах единственного, так и множественного числа,— и в противовес множественному совокупности — множественное ди-

стрибутивное, категория конкретности и абстрактности, категория одушевленности, категория лица мужского пола, категория рода, категория субъективной оценки. Этот перечень категорий имени существительного, несколько расширенный по сравнению с тем, который был приведен в „Очерке", дополнен интересными наблюдениями, относящимися к субстантивации прилагательных, местоимений-прилагательных, причастий, а также других частей речи, в том числе глагольных форм, наречий, междометий, разных типов словосочетаний.

В заключение рассматриваются формы сочетания существительных для выражения одного сложного представления (типа: *туман — роса, печаль — тоска* и т. п.), утрата существительным знаменательного значения, переход существительных из одной категории в другую и переход существительных в другие части речи. Таким образом, на долю морфологии остается лишь характеристика типов склонения, воспроизведение парадигм склонения и описание вариантов разных падежных форм. Все это отсутствует в „Синтаксисе частей речи".

Точно так же данный в „Синтаксисе" очерк глагола, хотя и с существенными изменениями и дополнениями, но воспроизводит многое из того, что иными словами было изложено в очерке морфологии. Правда, в „Синтаксисе частей речи" подробно описаны функции разных форм лица, функции связки; дана общая характеристика безличных форм глагола и при том с историческими экскурсами; говорится о глагольном междометии; детально расчленены синтетические и аналитические формы наклонений, указаны их основные синтаксические значения, а также отмечены некоторые грамматические типы функциональных взаимозамен в системе наклонения; охарактеризовано синтаксическое значение и употребление категории времени; сделаны некоторые синтаксические наблюдения над употреблением глаголов разных залоговых значений и — при всех этих нововведениях — не прибавлено ничего синтаксического к характеристике вида. Таким образом, перед нами — более тонкий, более глубоко разработанный, чем в „Очерке", анализ основных грамматических категорий глагола, осложненный обзором синтаксических функций, синтаксического употребления этих категорий.

В „Синтаксисе частей речи", естественно, отсутствует описание системы спряжения глагола и анализ основ глагола,— в связи с различиями типов спряжения и обозрением классов глаголов. Это, очевидно, остается на долю морфологии. Точно так же выведены за пределы глагола и т. н. спрягаемые, т. е. предикативные, краткие формы имен прилагательных.

В том же направлении изменены и дополнены главы, посвященные прилагательным, местоимениям и числительным. Основное внимание сосредоточено на синтаксических функциях соответствующих частей речи. Однако здесь же подробно рассматривается и их чисто морфологические и семасиологические особенности. Так, в главе, посвященной прилагательным, после анализа собственных прилагательных и адъективированных слов, подвергаются анализу нечленная и членная формы имен прилагательных — в связи с различием их син-

таксических функций, после этого описываются степени сравнения, уменьшительные формы прилагательных и воспроизводится выводимое из чисто морфологических признаков „деление имен прилагательных на грамматические классы" — качественных, относительных и притяжательных. По плану, оставшемуся незавершенным, глава о прилагательных должна была закончиться изложением процессов адъективизации других частей речи. В разделе о местоимении основное место занимает подробная историческая характеристика грамматических классов местоимений, среди которых особо рассматриваются определительные и относительные местоимения. После этого следуют параграфы, посвященные вопросу о развитии члена (артикля) и прономинализации. Само собой разумеется, что склонение прилагательных и местоимений в „Синтаксисе частей речи" не рассматривается.

Создается такое впечатление, что семантика грамматических категорий, а также вопросы об их функционировании в речи отходят к синтаксису, в сфере же морфологии остается лишь аппарат словоизменения, или шире: формообразования. Так, показательно, что в главе о наречии, помещенной в „Синтаксисе частей речи", А. А. Шахматов характеризует процессы адвербиализации и затем дает подробное описание классов наречий, выделяя наречия качественные, наречия места, наречия времени — именные, глагольные и местоименные, те же группы внутри наречий видовых, наречия количественные, наречия бытия, состояния.

Таким образом морфология у А. А. Шахматова постепенно превращается в вспомогательную или подсобную дисциплину для синтаксиса, в учение о системах грамматических форм, облегченное от груза грамматических категорий. Однако А. А. Шахматову не удалось безболезненно оторвать учение о частях речи от взрастившей его морфологической почвы.

„Слово в его отношении к предложению или вообще к речи определяется в грамматике как часть речи",— пишет А. А. Шахматов[1]. Но тут же он вынужден заявить, что „во многих языках, в частности и в русском, части речи могут различаться морфологически, т. е. слова, относящиеся к одной части речи, могут отличаться или самим своим строением или способностью изменяться по грамматическим категориям от слов, относящихся к другим частям речи" (420). Так, „в русском языке существительные, прилагательные, глаголы и др. имеют во всех своих формах характерные окончания, отличающие их как друг от друга, так и от других частей речи; при этом характеристичным для существительного является его склонение, т. е. изменение по числам и падежам, характеристичным для прилагательного его изменение по родам, характеристичным для личных форм глагола его спряжение, т. е. изменение по лицам, временам и наклонениям"[2]. Любопытно, как сужено здесь понимание систем форм у разных частей речи. Если бы не было указания на изменение имен существи-

[1] А. А. Шахматов, Синтаксис русского языка, 1941, стр. 420.
[2] Там же, стр. 423—424.

тельных по числам, можно было подумать, что А. А. Шахматов возвращается к тому узкому фортунатовскому пониманию форм словоизменения, с которым он до этого упорно боролся. В самом деле тут отсутствует указание на степени сравнения прилагательных, на категорию вида глагола. Но этого мало. А. А. Шахматов не считает морфологические признаки — даже в таком строгом и ограниченном их подборе — достаточными и даже существенными для определения и разграничения частей речи. Доводы в защиту такой точки зрения заимствуются А. А. Шахматовым из арсенала фортунатовской школы... „Рядом с существительными склоняемыми в русском литературном языке известны и несклоняемые существительные (*какао, бюро, визави, амплуа*); по этому самому определить существительное как склоняемую часть речи было бы несогласно с создавшимися в языке отношениями“, — пишет А. А. Шахматов. Это было бы верно, если бы существительные узнавались только по окончаниям. Но морфология, устанавливая правила изменения слов, не может и не должна оставлять в стороне семасиологические различия между основными категориями слов, т. е. между разными частями речи.

Сам А. А. Шахматов признает, что, кроме морфологических и синтаксических оснований различения частей речи, „имеются и более глубокие основания для такого различения — основания с е м а с и о л о г и ч е с к и е“ (427). Пусть эти семасиологические основания для различения частей речи самим А. А. Шахматовым истолковываются в неприемлемом для советского языкознания психологическом плане (см. „Синтаксис“, стр. 428—429), но такие основания существуют. Они заключаются в очень абстрактных, отрешенных от частного и конкретного, „грамматикализованных“, так сказать, категориях предмета или предметности, качества или признака, приписываемого предмету, действия или состояния и т. п. Под эти категории и подводятся соответствующие разряды слов — именно существительные, прилагательные, глаголы и т. д. Вопрос о морфологической классификации слов в русском языке неотделим от вопроса о системе частей речи. Слово относится к именам существительным не потому, что оно по той или иной парадигме склоняется; скорее наоборот: как имя существительное, оно представляет собой, хотя бы потенциально, соответствующую систему форм. Что же касается заимствованных и — вследствие своеобразия своей внешней звуковой формы — остающихся несклоняемыми слов — типа *какао, бюро* и т. п., то и они прежде всего подводятся под категорию предметности, присоединяются к определенному родовому классу имен существительных и приобретают — вследствие этого — синтаксические свойства и функции, свойственные соответствующему типу слов.

Таким же неубедительным представляется возражение А. А. Шахматова против морфологических оснований для выделения русских имен прилагательных в особую часть речи. „Неправильно было бы, — говорит Шахматов, — определить прилагательное как часть речи, изменяющуюся по родам, ибо по родам изменяются и глагольные формы прошедшего времени на *-л*“ (424). Однако каждое имя прилагательное, выра-

жающее признак или качество (в их отношении к предметам), представляет собою систему родовых и — одновременно — падежных форм ед. ч. и только падежных — во мн. ч. Формы же прошедшего времени на *-л* входят в систему спрягаемых форм глагола независимо от своих родовых различий.

Гораздо более существенна и весома ссылка А. А. Шахматова на морфологическую разнородность систем форм глагола: „Рядом со спрягаемыми глагольными формами имеются и неспрягаемые (инфинитив, деепричастие), а некоторые из неспрягаемых форм склоняются, т. е. изменяются по падежам (причастия наст. времени действит. залога, прошедш. времени действит. залога, прошедш. времени страдат. залога и др.)" (424).

Разрешение вопроса о системе форм русского глагола и обоснование внутреннего единства этой системы связано с более глубокой разработкой вопроса о структурных и семантических различиях разных частей речи, а также о русском глаголе, как системе форм с единым лексико-семантическим стержнем.

Сталинское определение морфологии как учения о правилах изменения слов требует от советских лингвистов нового, марксистского разрешения вопросов о слове, о грамматических формах и изменениях слова, о лексических и грамматических значениях слова, о слове как объекте грамматики и слове как объекте лексикологии, о морфологической классификации слов и частях речи.

Стремясь расширить как можно больше объем и задачи синтаксиса, понимая синтаксис как „ту часть грамматики, которая рассматривает способы обнаружения мышления в слове", А. А. Шахматов опустошает морфологию. Для того, чтобы объявить морфологический принцип деления частей речи и морфологические принципы их разграничения не выдерживающими никакой критики, А. А. Шахматов выносит за пределы морфологии и все грамматические категории, связанные с частями речи, так как „категория грамматическая познается в синтаксисе" (420).

Однако через несколько страниц (§ 498) А. А. Шахматов заявляет: „Грамматические категории познаются в русском языке при помощи тех морфологических особенностей, в которых они обнаруживаются. Эти морфологические особенности могут быть положены в основание при определении грамматических категорий, причем, однако, необходимо заметить, что некоторые категории вообще не находят для себя морфологического обнаружения, а некоторые, обнаруживаясь в одних частях речи, не имеют внешнего обнаружения в других" (434). Таким образом, А. А. Шахматов признает качественную неоднородность разных грамматических категорий. В связи с этим едва ли можно отнести ко всем без исключения грамматическим категориям такое заявление А. А. Шахматова: „Грамматическими категориями определяется внутренняя связь отдельных слов между собой и отношение их к предложению" (421). Применима ли эта характеристика к таким категориям, как категория конкретности и абстрактности имени существительного, как категория определенности и неопределенности местоимений и т. д.?

Любопытно, что при определении грамматических значений как значений сопутствующих А. А. Шахматов устанавливает различия в их семантической природе, а также в их генезисе. По его словам, „сопутствующие значения могут основываться частью на явлениях, данных во внешнем мире: например, множ. число *птицы* зависит от того, что мы имеем в виду представление не об одной, а о нескольких птицах; женский род слова *кухарка* зависит от того, что это слово означает особу женского рода. Частью же сопутствующие значения основываются на субъективном отношении говорящего лица к определяемому им явлению“ (такова, например, категория повелительного наклонения). „Частью, наконец, сопутствующие значения основываются не на реальном значении внешнего мира и не на субъективном к нему отношении говорящего, а на формальной, внешней причине, данной в самом слове“ (ср. женск. род слова *книг-а*). „Выяснение различных категорий грамматических значений,— продолжает А. А. Шахматов,— принадлежит исследованию об отдельных частях речи“. Но, очевидно, в самом этом исследовании должны быть с полной ясностью определены как морфологические и семасиологические, так и синтаксические основания и особенности разных грамматических категорий. Так, по словам самого А. А. Шахматова, „категория повелительного наклонения обнаруживается морфологически в спрягаемых формах глаголов, но остается необнаруженною ни при инфинитиве (*молчать!*), ни при некоторых других глагольных формах (*пошел вон!*), ни также при междометии (*цыц!*)“ (434). Очевидно, в этих случаях способом обнаружения грамматической категории является интонация. Все это говорит о том, что у морфологии и синтаксиса есть свои задачи исследования грамматических категорий и что круги или сферы категорий, подлежащих изучению в морфологии и синтаксисе, не совпадают (ср. такие синтаксические категории, как, например, категория бытия или наличности, категория вопроса и т. п.). Сам А. А. Шахматов сознает необходимость такого разграничения. Он пишет: „Грамматическим понятием называем те сопутствующие основным значения, которые в данном языке находят себе морфологическое или синтаксическое выражение. Грамматическою формой называем морфологическое обнаружение грамматического понятия“ (434). С этой точки зрения в морфологии должны изучаться грамматические формы слов и соответствующие им грамматические категории. С ними и связаны правила изменения слов в предложениях, в речи.

Во всяком случае, синтаксическая точка зрения, положенная А. А. Шахматовым в основу различения частей речи, не привела этого ученого к открытию какой-нибудь новой части речи (кроме разве „префиксов“, отнесенных к частям речи по явному недоразумению)[1].

Нельзя не признать также справедливости обращенного к „Синтаксису“ А. А. Шахматова упрека в том, что „ложно понятый сема-

---

[1] В. В. Виноградов, Современный русский язык, в. I, 1938, стр. 88—91.

сиологический принцип различения частей речи в теории Шахматова ведет к нарушению и разрушению морфологических граней между частями речи, и что формы синтаксического функционирования (иногда даже очень условного) и взаимоперехода частей речи Шахматову представляются нередко более существенными показателями категорий, чем морфологические особенности слов" [1].

Преобладание общей семасиологической точки зрения над грамматической в собственном смысле сказалось на шахматовской интерпретации местоимений и числительных. Так, среди числительных А. А. Шахматов выделяет определенно-количественные местоимения, определенно-количественные наречия и определенно-количественные существительные.

Особенно же ярко односторонность шахматовского подхода к учению о частях речи обнаружилась в чрезмерном преувеличении грамматической роли наречий по сравнению с именами существительными и глаголами. „Наречие,— пишет А. А. Шахматов,— в системе частей речи занимало центральное место: сочетаясь с существительным и уподобляясь ему, наречие переходит в прилагательное; сочетаясь с косвенным падежом существительного для выражения тех или иных отношений, наречие становится предлогом; употребляясь для выражения отношений между двумя словами или предложениями, наречие становится союзом. Центральное место наречие занимает в известном смысле и теперь: как увидим, наречием становится существительное в именительном и косвенных падежах, когда получает в предложении значение обстоятельства (*пора вставать, грех сказать, шутка сказать*); наречием становятся как личные, так и неличные формы глагола, когда не ассоциируются с категориями лица и времени (*он де болен; она ведь ушла; ее, чай, уже след простыл;* также на месте деепричастий: *разиня рот, спустя рукава, сломя голову, положа руку на сердце;* также на месте инфинитива: *он знать нездоров*, областное *он чать придет*); наречием становятся утратившие склонение прилагательные (*он сильнее меня; кто помоложе — выжизет*)" [2].

Легко заметить, что категория наречий в понимании А. А. Шахматова теряет морфологическую определенность. В ее состав попадают и т. н. модальные частицы и модальные слова, и имена существительные в функции сказуемого, переходящие в категорию состояния (например, *грех сказать, пора вставать*), и формы сравнительной степени имен прилагательных, и многие другие.

Едва ли можно согласиться и с шахматовской характеристикой имени существительного, „как части речи, по своей природе соответствующей независимому представлению" (429). В этой психологической характеристике нет ничего грамматического.

Таким образом, попытка А. А. Шахматова изъять учение о частях речи из морфологии и передать его в полное и исключительное ведение синтаксиса не удалась и не могла удаться. Она привела лишь

---

[1] В. В. Виноградов, Современный русский язык, в. I, 1938, стр. 92.
[2] А. А. Шахматов, Синтаксис русского языка, стр. 426—427.

к смешению синтаксиса с морфологией и ослаблению грамматических позиций морфологии, на долю которой осталась лишь материальная часть словоизменения.

Советское языкознание считает морфологию равноправной с синтаксисом частью грамматики. „Грамматика (морфология, синтаксис) является собранием правил об изменении слов и сочетании слов в предложении",— учит И. В. Сталин[1]. „...Абстрагируясь от частного и конкретного, как в словах, так и в предложениях, грамматика берёт то общее, что̀ лежит в основе изменений слов и сочетании слов в предложениях, и строит из него грамматические правила, грамматические законы"[2].

Таким образом, грамматика, как наука о строе слова и строе предложения в их развитии, имеет дело с грамматическими категориями, которые обнаруживаются и в законах изменений слов и в законах сочетания слов в предложения. Очевидно, морфология должна исследовать законы изменений слов и тот круг грамматических категорий, который связан с этими изменениями. Само собой разумеется, что марксистское понимание слова, его структуры, его значений, его морфологических модификаций („грамматических форм")—в связи с проблемой „частей речи" должно лежать в основе морфологии, т. е. той части грамматики, которая исследует законы изменений слов. От правильного разрешения этих вопросов зависит точное определение отношения, связи и взаимодействия морфологии и синтаксиса в составе грамматики.

А. А. Шахматов был очень далек от разрешения этих вопросов. Но поразительное богатство, разнообразие и выразительность собранного А. А. Шахматовым материала, строгая систематизация грамматических явлений, тонкость и глубина анализа грамматических категорий, стройное и последовательное изложение—делают работы акад. А. А. Шахматова живыми и ценными для советских филологов.

---

[1] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1950, стр. 23—24.

[2] Там же, стр. 24.

А. А. ШАХМАТОВ

УЧЕНИЕ О ЧАСТЯХ РЕЧИ

УКАЗАТЕЛЬ ИСТОЧНИКОВ,
из которых приводятся примеры-цитаты
(и список условных сокращений в ссылках на них)[1]

Аблесимов А. О. Мельник, колдун, обманщик и сват; Счастье по жребию и др.
[Б. и д.] Герцен, Былое и думы.
[Бедн. не пор.] см. Островский.
Богданович И. Ф., Душенька.
[В. и м.] Л. Толстой, Война и мир.
[Вешн. в.] Тургенев, Вешние воды.
[Вл. тьмы] Л. Толстой, Власть тьмы.
[Г. от у.] Грибоедов, Горе от ума.
Горбунов И. Ф., Смотрины и сговор и другие рассказы.
[Гроза] см. Островский.
Даль В. И., Пословицы русского народа, 3-е изд., 1904.
Даль В. И., Беглянка.
[Двор. гн.] Тургенев, Дворянское гнездо.
Дмитриев И. И., Взгляд на мою жизнь. Сочинения, ред. Флоридова, СПб, 1895.
[Дядя Ваня] Чехов, Дядя Ваня.
[Егип. ночи] Пушкин, Египетские ночи.
[Кап. д.] Пушкин, Капитанская дочка.
Капнист В. В., Ябеда.
Карпов Е., Зарево.
Крылов И. А., Басни.
Лесков Н. С., Соборяне.
[Мещане] М. Горький, Мещане.
[Нахлебн.] Тургенев, Нахлебник.
Островский А. Н., Бедность не порок, Гроза.
[Пик. д.] Пушкин, Пиковая дама.
[Пис. и бум. П. В.] Петр Великий, Письма и бумаги Петра Великого, СПб, 1887 и сл.
Писемский А. Ф., Ипохондрик, Тысяча душ.
Помяловский Н. Г., Очерки бурсы.
[Прест. и нак.] Достоевский, Преступление и наказание.
[Ревизор] Гоголь, Ревизор.
[Св. Креч.] Сухово-Кобылин, Свадьба Кречинского.
Слепцов В. А., На железной дороге, Сцены в больнице и другие рассказы.
[Слуги ст. в.] Гончаров, Слуги старого века.
[Тысяча душ] Писемский, Тысяча душ.
Тургенев И. С., Вешние воды, Дворянское гнездо, Нахлебник, Холостяк и др.
[Холостяк] Тургенев, Холостяк.
[Чайка] Чехов, Чайка.
[Что делать?] Чернышевский Н. Г., Что делать?
Шейн П. В., Русские народные песни, 1859.

---

[1] Цифры при названиях произведений указывают главу или часть и главу, в пьесах — действие и явление, в сборниках и некоторых отдельных изданиях — страницу.

Условные сокращения отмечены прямыми скобками.

I. ИЗ „СИНТАКСИСА РУССКОГО ЯЗЫКА“[1].

ВВОДНАЯ ЧАСТЬ.

§ 489. Слово в его отношении к предложению или вообще к речи определяется в грамматике как ч а с т ь р е ч и. Определение частей речи, таким образом, должно исходить из указанных отношений. Во многих языках, в частности и в русском, части речи могут различаться морфологически, т. е. слова, относящиеся к одной части речи, могут отличаться или самым своим строением или способностью изменяться по грамматическим категориям от слов, относящихся к другим частям речи. Но морфологические признаки отнюдь не составляют сами по себе основания для различения частей речи; так, в литературном языке имеется немало несклоняемых слов, которые по своему значению относятся к существительным, например *депо, амплуа, колибри;* таким образом, существительное как часть речи не может быть определено как слово склоняемое, изменяющееся по падежам. Морфологические изменения соответствуют, как сказано, г р а м м а т и ч е с к и м к а т е г о р и я м; существенным признаком, отличающим части речи друг от друга, является связь каждой из них с этими грамматическими категориями, а так как категория грамматическая познается в синтаксисе, то синтактическое определение частей речи должно принять во внимание и ту связь, которая имеется между отдельными частями речи и грамматическими категориями. Самое содержание учения о частях речи составляет между прочим определение грамматических категорий в их отношении к частям речи.

Определив ч а с т ь р е ч и как слово в его отношении к предложению, г р а м м а т и ч е с к у ю к а т е г о р и ю мы определим как представление об отношении (к другим представлениям), сопутствующее основному значению, вызываемому словом; так, обнаруживаем в слове *домá* сочетание основного значения (дом) с представлением о множественности, т. е. с представлением отношения между представлениями, мыслимыми в их совокупности; в слове *дом* обнаруживаем сочетание основного значения с представлением о мужеском роде, т. е. представлением относительным, предполагающим наличность у говорящего на

[1] Используется 2-е издание „Синтаксиса русского языка“ А. А. Шахматова (1941 г.). Орфография и пунктуация за небольшим исключением сохраняются без изменения. *(Рed.)*

данном языке представлений о других родах (женском, среднем). Представления об отношениях могут быть различаемы как представления об отношениях самостоятельных, или независимых, и как представления об отношениях несамостоятельных, или зависимых; к первым относятся те отношения, которые сопутствуют тому или иному основному представлению независимо от его сочетания с другими представлениями; ко вторым относятся те отношения, которые возникают между двумя сочетавшимися представлениями. Самостоятельными, независимыми являются, например, представления об единичности и множественности, или представления о лице, о времени, о наклонении, или представления о роде, о качестве; *домá, хожу, говорят, пройду, попросить, старостиха, каблучок*. Несамостоятельными, зависимыми являются представления о падежах: *мальчику* получает определенное значение только в сочетаниях, как *я отдам мальчику, завидую мальчику, удивляюсь мальчику,*

Грамматическими категориями определяется внутренняя связь отдельных слов между собой и отношение их к предложению; слова определяются как части речи именно постольку, поскольку они вызывают представление о грамматических категориях или, напротив, не вызывают такого представления. Но рядом с такими словами существуют и другие слова, которые не только не представляют в своем значении сочетания основного значения с сопутствующим, относящимся к той или иной грамматической категории, но сами означают определенную грамматическую категорию, самостоятельную или несамостоятельную. Сообразно с этим слова как части речи могут быть четырех различных видов: во-первых, слова, выражающие сочетания основных представлений с сопутствующими, отношение слова к грамматической категории; во-вторых, однородные с ними по значению слова, выражающие, однако, только основное представление вне сочетания его с сопутствующими; в-третьих, слова, служащие для выражения той или иной самостоятельной грамматической категории; в-четвертых, слова, служащие для выражения той или иной несамостоятельной грамматической категории; первый и второй виды слов как частей речи определим как части речи знаменательные (сюда относятся, например, существительные, прилагательные, глаголы); третий вид определим как части речи незнаменательные (сюда относятся местоимения); четвертый вид определим как части речи служебные (предлоги, союзы, частицы).

Знаменательные части речи отличаются от незнаменательных и в их отношении к лежащим в основании их представлениям: представления наши распадаются на представления о субстанциях (предметах, лицах), качествах-свойствах, действиях-состояниях и отношениях. Знаменательные части речи означают субстанции, качества-свойства или действия-состояния (ср. существительные, прилагательные, глаголы, наречия); незнаменательные части речи означают отношения (местоимения, числительные, местоименные наречия). В составе как знаменательных, так и незнаменательных частей речи одни слова могут выражать своею формой (при данных условиях) полную

мысль, т. е. стать словопредложениями (например, именит. падежи существительных и местоимений-существительных, личные глагольные формы, за исключением, впрочем, формы 3-го лица единств.); другие — только один из членов предложения (прилагательные, местоимения-прилагательные, 3-е лицо единств. числа глаголов). Выяснение словопредложений, — с одной стороны, членов предложения — с другой, необходимо предложить при обзоре частей речи.

§ 490. В русском языке синтактически различаются следующие части речи: *существительное*, *глагол*, *прилагательное*, *наречие* (знаменательные части речи); *местоимение*, *числительное*, *местоименное наречие* (незнаменательные части речи); *предлог*, *союз*, *префикс*, *частица* (служебные части речи); *междометие* (как эквивалент слова). Подробное определение каждой из этих частей речи дадим ниже, а здесь ограничимся краткими определениями, исходящими из установленной выше связи слова с грамматической категорией [1].

Существительное означает ту часть речи, которая вызывает представление о сочетании основного знаменательного представления с грамматическими категориями числа, рода, падежа, а также субъективной оценки.

Глагол означает ту часть речи, которая вызывает представление о сочетании основного знаменательного представления с грамматическими категориями лица, времени, залога, наклонения, вида.

Прилагательное определяется как та часть речи, которая, означая знаменательное представление, мыслится неизменно в сочетании с существительным (заимствуя от него или от соответствующего ему представления грамматические категории числа, рода, падежа, субъективной оценки), причем прилагательные качественные могут вызывать представление о степенях сравнения.

Наречие определяется как та часть речи, которая, означая знаменательное представление, мыслится неизменно в сочетании с представлениями о действии-состоянии или качестве-свойстве, вызывает представление о бытии-состоянии, не обнаруживая в своей форме связи с грамматическими категориями; впрочем, наречия качественные могут вызывать представление о степенях сравнения.

Местоимение это та незнаменательная часть речи, которая, означая отношение, соответствует или названию субстанции или названию атрибута; местоимение-существительное вызывает сопутствующие представления о падеже, заимствуя в некоторых своих образованиях представление о роде от соответствующего представления о субстанции или о существительном; местоимение-прилагательное заим-

---

[1] ⟨В перечне частей речи приписки карандашом; вместо *местоимение* стоит:⟩ местоимение-существительное, местоимение-прилагательное, ⟨перед *союз* написано:⟩ связка.

⟨В конце страницы приписка:⟩ Надо все переработать ввиду того, что ниже я говорю о грамматических категориях. Кроме того, местоимение-существительное отделить от местоимения-прилагательного. Отдельно поставить перед союзом связку.

ствует от сочетавшегося с ним существительного грамматические категории числа, рода и падежа.

Числительное это та незнаменательная часть речи, которая, означая числовые отношения (с точки зрения говорящего лица или субъекта предложения), соответствует или названию субстанции, или названию атрибута, причем обнаруживающиеся при известных условиях грамматические категории рода и падежа заимствуются от сочетавшихся с числительными имен существительных.

Местоименное наречие означает ту незнаменательную часть речи, которая включает в себе слова, определяющие качественные, видовые, временные, пространственные, количественные отношения, сочетающиеся с представлениями об активных признаках (выражаемых глаголами) или пассивных (выражаемых как прилагательными, так и наречиями).

Предлог означает ту служебную часть речи, которая включает в себе слова, способствующие в сочетании с косвенными падежами более точному и подробному определению отношений, выражаемых этими падежами.

Союз[1] означает ту служебную часть речи, которая включает в себе слова, соединяющие или разъединяющие сочетавшиеся слова, словосочетания и предложения и определяющие эти сочетания со стороны тех или иных отношений.

Префикс означает ту служебную часть речи, которая включает в себе слова, дополняющие в сочетании с глаголами, прилагательными, наречиями значение этих частей речи в пространственном, видовом или количественном отношении.

Частица означает ту служебную часть речи, которая включает в себе слова, усиливающие или оттеняющие в том или ином отношении сочетающиеся с ними предикативы.

Междометие означает слова, являющиеся выразителями внешних и внутренних ощущений, а также звукоподражаний и вызывающие представления о грамматических категориях только постольку, поскольку они употребляются как эквиваленты глаголов.

§ 491. Несомненно, что части речи представляются точно определенными и разграниченными между собой категориями; смешать одну часть речи с другой невозможно; усомниться, какая именно перед нами часть речи, также вообще не приходится за указываемым, впрочем, ниже исключением. Между тем разграничение это не соответствует морфологическим признакам, характерным для слов, входящих в состав той или другой части речи. Правда, в русском языке существительные, прилагательные, глаголы и др. имеют во всех своих формах характерные окончания, отличающие их как друг от друга, так и от других частей речи; при этом характеристичным для существительного является его склонение, т. е. изменение по числам и

---

[1] <Вписано карандашом:> Связка означает ту служебную часть речи, которая, соединяя главные члены предложения (подлежащее и сказуемое), может сочетаться с грамматическими категориями лица, времени, наклонения.

падежам, характеристичным для прилагательного его изменение по родам, характеристичным для личных форм глагола его спряжение, т. е. изменение по лицам, временам и наклонениям. Но рядом с существительными склоняемыми в русском литературном языке известны и несклоняемые существительные (*какао, бюро, визави, амплуа*); по этому самому определить существительное как склоняемую часть речи было бы несогласно с создавшимися в языке отношениями; рядом со спрягаемыми глагольными формами имеются и неспрягаемые (инфинитив, деепричастие), а некоторые из неспрягаемых форм склоняются, т. е. изменяются по падежам (причастия наст. времени действит. залога, прошедш. времени действит. залога, прошедш. времени страдат. залога и др.); неправильно было бы определить прилагательное как часть речи, изменяющуюся по родам, ибо по родам изменяются и глагольные формы прошедш. времени на *-л*. Ввиду этого морфологический принцип деления частей речи не может выдержать критики, и нам остается обосновать это деление указанными выше синтаксическими условиями, характерными для каждой из определенных выше частей речи.

Существительное отличается от других частей речи тем, что вызывает представление о сочетании основного представления с грамматическими категориями числа, рода, падежа; это не означает того, что существительное отличается от других частей речи тем, что изменяется по числам, родам, падежам; существительное *пальто* в русском литературном языке не склоняется, но оно вызывает представление о единств. или множ. числе, а также о падежах, как видно из того, что мы говорим: *мое пальто, зимние пальто, он вырос из этого пальто*. Прилагательное мыслится непременно в соединении с господствующим над ним существительным, причем заимствует от существительного все то, что может сообщить существительное сочетавшемуся с ним прилагательному, т. е. родовые, числовые и падежные окончания. К глаголу относятся слова трех различных категорий: во-первых, слова спрягаемые: это личные формы глагола в условиях времени настоящего и будущего и в условиях наклонения изъявительного и повелительного; во-вторых, личные формы в условиях прошедш. времени изъявит. и сослагат. наклонения, которые изменяются не по лицам, а по числам и родовым признакам соответствующих им, как сказуемым, подлежащих; в-третьих, неспрягаемые и неличные формы глагола, вызывающие представление о виде, залоге и этим самым составляющие одно целое с личными формами глагола, которые также вызывают представление о виде и залоге (к таким формам относятся: инфинитив, причастия и деепричастия, причем инфинитив может вызывать и представление о 2-м лице повелит. наклонения). К местоимению относятся как местоимения-существительные, так и местоимения-прилагательные; те и другие объединяются в одной части речи как слова, соответствующие не названиям самих субстанций или свойств субстанций, а отношениям говорящего или субъекта предложения к субстанциям. Тесно связано с местоимением и числительное, отличаясь от него, однако, тем, что означает исключительно числовые отношения.

Существительное, прилагательное, местоимение-существительное и местоимение-прилагательное, числительное и глагол, ввиду всего вышесказанного, получают положительное синтактическое определение. Отрицательное определение вызывает **наречие**, как часть речи, сама по себе не соответствующая какой-нибудь грамматической категории; но по существу своему наречие тождественно с прилагательным и отличается от него только тем, что прилагательное сочетается с существительным и заимствует от него свои грамматические окончания, между тем как наречие сочетается с прилагательным, наречием и глаголом, не изменяя под влиянием этих господствующих над ним слов своих грамматических окончаний; прилагательное — это сочетавшееся с существительным и ему уподобившееся в своей форме наречие; общая природа наречия и прилагательного сказывается в том, что качественные прилагательные и наречия образуют степени сравнения. Сближение природы наречия и прилагательного естественно ведет к определению рядом с местоимениями-прилагательными **местоимений-наречий**; эти наречные местоимения отличаются от других наречий так же, как отличаются местоимения-прилагательные от прилагательных, что и вызывает необходимость выделить наречное местоимение в особую часть речи; быть может, последовательнее было бы признать в качестве особенных частей речи три местоименных класса: местоименное существительное, местоименное прилагательное и местоименное наречие.

Что до числительного, то оно включает в себе все эти три местоименных класса: числительным-существительным назовем слова, как *двое, пятеро, пол,* равно также *десяток, сотня, дюжина, пара* и т. п.; числительным-наречием — слова, как *два, три, пять* и в счете и в сочетаниях с родит. единств. или родит. множ. существительных, также слова, как *пятью, дважды, вдвое, впятером;* числительным-прилагательным слова, как *двум, трем, пяти, сорока* и т. д. в сочетании с косвенными падежами существительных, а также числительные порядковые.

Наречие является частью речи, переходящею при благоприятных условиях в служебные части речи, т. е. **предлог** и **союз**; оно занимает, таким образом, середину между прилагательным, с одной стороны, служебными частями речи, с другой: определяя существительное, являясь при нем выразителем атрибута, наречие становится прилагательным *(это особь статья);* занимая господствующее положение в отношении к следующему косвенному падежу существительного, наречие по своему значению становится близким к **предлогу** и переходит в предлог; наречие отличается в таком положении от предлога только в том случае, если имеет возможность употребляться и независимо от следующего существительного: *после* признаем наречием потому, что рядом с *после него, после обеда* возможно сказать *он придет после; до* признаем предлогом, так как вне соединения с родит. падежом существительного *до* не употребляется. Впрочем, наречия, сочетаясь с косвенными падежами существительных, настолько близки к предлогам, что образуют особую группу, которую можно

определить или как **предложные наречия**, или как **наречные предлоги**. Сходны отношения наречия к **союзу**: функцию союзов, определенную выше в данном там определении, разделяют с союзами многие наречия, соединяющие или разъединяющие предложения и определяющие их со стороны тех или иных отношений; так, значение союзов присваивается наречиям *когда, где, откуда, куда, как* и др., поставленным во главу тех или иных предложений и определяющих их отношение к другим предложениям: *мы радуемся, когда его нет дома; куда бы он ни пошел, собака следует за ним; как видно из его письма, ему живется недурно;* впрочем эти и подобные слова можно признать не собственно союзами, а **союзными наречиями** или **наречными союзами**, ввиду того, что они имеют и самостоятельную функцию в качестве вопросительных наречий; собственно **союзами** назовем те союзы, которые такой самостоятельной функции не имеют (например, *бы, же, но, а*); поэтому *ли* признаем не союзом, а союзным наречием; ср. *ли* в вопросе. Определение в составе наречия группы союзных наречий делает необходимым внести такое же разграничение в составе местоимения: рядом с собственными местоимениями (вопросительными) известны **союзные местоимения**; к таковым отнесем местоимения относительные *(который, какой, чей,* также *кто, что);* союзное местоимение *что* является также в функции настоящего союза, ибо при известных условиях теряет связь с существительным, переставая быть, таким образом, местоимением; ср. такое *что,* например, во главе дополнительных придаточных предложений: *он думает, что вы ошиблись;* также со значением относительным: *где книга, что лежала здесь?* Из предыдущего видно, что разграничение наречия от предлога и союза не так просто, ввиду возможности употребить наречие в качестве предлога и в качестве союза. Вместе с тем эта близость наречия к предлогу и союзу наводит на мысль, что последние по крайней мере отчасти могут быть возведены к наречиям; часть союзов представляется в своем происхождении исчезнувшими наречиями, и также первоначальными наречиями можно признать большую часть предлогов.

Таким образом, наречие в системе частей речи занимало центральное место: сочетаясь с существительным и уподобляясь ему, наречие переходит в прилагательное; сочетаясь с косвенным падежом существительного для выражения тех или иных отношений, наречие становится предлогом; употребляясь для выражения отношений между двумя словами или предложениями, наречие становится союзом. Центральное место наречие занимает в известном смысле и теперь: как увидим, наречием становится существительное в именительном и косвенных падежах, когда получает в предложении значение обстоятельства *(пора вставать, грех сказать, шутка сказать);* наречием становятся как личные, так и неличные формы глагола, когда не ассоциируются с категориями лица и времени *(он де болен; она ведь ушла; ее, чай, уже след простыл;* также на месте деепричастий: *разиня рот, спустя рукава, сломя голову, положа руку на сердце;* также на месте инфинитива: *он знать нездоров,* областное *он чать придет);*

наречием становятся утратившие склонение прилагательные *(он сильнее меня; кто помоложе — выживет)*.

§ 492. Только что указанные примеры убеждают нас в том, что между словом и принадлежностью его к той или другой части речи не только нет обязательной необходимости в данной форме слова, но также и в том, что одни части речи могут переходить в другие, не изменяя своей формы. Приведем еще некоторые примеры: прилагательное в форме как мужеск., так женск. и средн. рода переходит в существительное, как только мыслится вне сочетания с существительным; частью это может объясняться пропуском соответствующего существительного, но в значительном числе случаев, особенно при субстантивации прилагательного средн. рода, о пропуске не может быть речи (ср. *портной, городовой, горничная, духовная, жаркое, красное)*. Существительное может перейти в числительное: ср. наши *пять, шесть, десять* и т. д., которые по происхождению являются существительными женск. рода. Перейдя в наречие, существительное может перейти дальше и в союз: например, существительное *раз* является наречием при счете: *раз, два, три,* союзом в условных предложениях: *раз вы его не предупредили, он и не пришел.* Перейти в существительное может всякая часть речи в функции подлежащего или дополнения: *это твое „перестань" меня раздражает; русское авось; далече грянуло ура.* Субстантивированное слово легко приобретает возможность склоняться: *эти охи и ахи надоели нам всем;* народное *на уру;* старинное *в естях, в нетях;* повидимому, слово *суть* является субстантивированной формою 3-го лица множ. числа. Процессы перехода одной части речи в другую мы будем называть латинскими терминами, как субстантивация, адъективация, вербализация, прономинализация, адвербиализация, конъюнкционализация и т. д.

Указанные процессы дают как будто указание на необходимость некоторых дополнительных определений синтактической характеристики частей речи. Существительное это часть речи, не употребляющаяся в качестве обстоятельства и определения. Прилагательное это часть речи, которая употребляется в качестве определения или сказуемого, а в нечленной форме также в качестве главного члена односоставного предложения. Наречие есть часть речи, употребляющаяся в качестве главного члена односоставного предложения, а также в качестве обстоятельства.

§ 493. В предыдущем выяснены синтактические основания различения частей речи. Но имеются и более глубокие основания для такого различения — основания семасиологические. Различию частей речи соответствует различная природа наших представлений. Все наши представления, как было указано в § 489, распадаются на представления о субстанциях (лицах или предметах), представления о качествах-свойствах, представления о действиях-состояниях и представления об отношениях. Прямого соответствия между нашими психологическими представлениями и частями речи установить нельзя: представлению о субстанции соответствует,

правда, существительное, но существительное может соответствовать и представлению о качестве-свойстве (например, с одной стороны, существительное в приложении, как *дурак, подлец,* с другой стороны, существительные отвлеченные, как *глупость, краснота*); существительное может соответствовать и представлению о действии-состоянии (например, *поездка, езда, пение, отказ,* и т. п.). Представления о качестве-свойстве выражаются не только прилагательным, но и существительным (ср. выше), а также наречием *(кто помоложе — выживет)*. Представление о действии-состоянии выражается не только глаголом, но и существительным, (например, *ход, ходьба*). Наконец, представления об отношениях выражаются как местоимениями, так и существительными, а также наречиями и союзами. И несмотря на все эти несоответствия и несогласованности, нам необходимо определить отношения частей речи к нашим психологическим представлениям. Существительное это часть речи, соответствующая, во-первых, представлению о субстанции, во-вторых — представлению о качестве-свойстве или действии-состоянии, мыслимых вне сочетания с носителями или производителями их; следовательно, существительное это часть речи, соответствующая в своей независимой грамматической форме независимому представлению, представлению, не зависящему от другого господствующего над ним представления; при этом всякое независимое представление является в форме существительного или субстантивированного имени. Прилагательное это часть речи, соответствующая представлению о качестве-свойстве (пассивном признаке), мыслимом в атрибутивной зависимости от другого господствующего над ним представления, представления субстанции. Глагол это часть речи, соответствующая представлению о действии-состоянии (активном признаке), мыслимом[1] в зависимости от другого господствующего над ним представления, представления о субстанции. Наречие это часть речи, соответствующая представлению о качестве-свойстве, мыслимом в сочетании с представлением о другом качестве-свойстве или с представлением о действии-состоянии. Местоимение это часть речи, соответствующая представлению об отношениях, причём местоимение-существительное вызывается независимым представлением об отношении, соответствующим представлению о субстанции; местоимение-прилагательное вызывается представлением об отношении, зависящим от представления о субстанции; местоимение-наречие вызывается представлением об отношении, сочетавшимся с представлением о качестве-свойстве или действии-состоянии. Что касается служебных частей речи — предлога, союза, префикса и частицы, то они не находят соответствия в психологических наших представлениях и являются только средствами для обнаружения наших представлений в других словах. Совершенно отдельно стоит среди прочих частей речи междометие. Существительное, прилагательное, глагол, наречие, местоимение являются названиями соответствующих представлений о субстанции, качестве-свойстве, действии-состоя-

[1] ⟨Наверху приписка карандашом:⟩ безличный?

нии, отношениях; междометие является выражением (а не названием) наших ощущений и волеизъявлений.

§ 494. Предложенное выше определение существительного потребовало особой оговорки: существительное только в своей независимой грамматической форме может быть определено как часть речи, соответствующая независимому представлению; определение других частей речи не требует различения в них тех или иных категорий. Следовательно, более точным определением существительного будет как будто следующее: существительное это та часть речи, которая в своей независимой грамматической форме соответствует независимому представлению, а в зависимой соответствует независимому по существу своему представлению, ставшему, однако, зависимым в данных речью условиях. Все остальные части речи (кроме местоимения-существительного) по самому существу своему соответствуют зависимым представлениям, причем замена их независимыми ведет за собой замену этих других частей речи существительными (зависимое — *летать,* независимое — *лёт, полёт*). Ввиду этого можно определить существительное как часть речи, по своей природе соответствующую независимому представлению. И такое определение имеет еще то преимущество, что в приложении, относящемся к подлежащему, существительное сохраняет свою независимую форму (именит. падеж), несмотря на свое зависимое положение; равным образом именит. падеж существительного сохраняется и в сказуемом, которое является в зависимом положении от подлежащего.

§ 495. Глагол мы определили как часть речи, соответствующую представлению о действии-состоянии, мыслимом в зависимости от представления о субстанции. Под это общее определение подойдут все вообще глагольные образования, следовательно,— спрягаемые формы глагола, инфинитив и причастия. Но между этими образованиями замечаются серьезные различия, которые могут дать основание к различному их определению с точки зрения природы их как частей речи. Причастия это глагольные формы, т. е. названия действий-состояний, мыслимых в атрибутивной зависимости от представления о субстанции. Деепричастия это глагольные формы, мыслимые в предикативной зависимости от существительного, являющегося при этом по большей части в качестве подлежащего, почему деепричастие получает обычно значение второго сказуемого. Инфинитив это глагольная форма, мыслимая в качестве сказуемого в непосредственной предикативной зависимости от субстанции (например, *портной ну браниться, ну браниться*), в качестве же глагольного дополнения в посредственной зависимости от другого глагола, стоящего в предикативной зависимости от субстанции *(дети любят кататься; семья стала увеличиваться);* мыслимая далее в качестве главного члена односоставного неопределенно-личного предложения, в сочетании с субъектом при волеизъявлении *(молчать!);* мыслимая, наконец, в качестве главного члена односоставного безличного предложения, в сочетании с выраженным или невыраженным названием зависимой субстанции *(вам сдавать; заснуть бы на часок).* Что до спрягае-

мых глагольных форм, то они в предложениях личных являются выражением сочетания глагольного признака с лицом, иначе — выражением сочетания представления о действии-состоянии с представлением об отношении. Более подробное определение даем ниже, там, где говорим о глаголе.

§ 496. Анализ частей речи, как мы видели, приводит к установлению различия между независимыми представлениями, находящими себе выражение в существительных, и зависимыми, выражаемыми глаголом, прилагательным, наречием. Но ошибочно было бы заключать отсюда, что существительное в независимой своей форме выражает всегда только независимое представление: как мы видели, именит. падеж существительного выражает и приложение и сказуемое, т. е. зависимые представления; напротив, глагол как в личных своих формах, так и в безличных выражает только зависимое представление, причем способность соответствовать целой мысли, быть словопредложением или главным членом предложения зависит от того, что большая часть глагольных форм вызывает представление о сочетании глагольного признака с другим представлением, соответствующим или субъекту, или предикату мысли; также и наречие в функции словопредложения или главного члена предложения вызывает представление о сочетании соответствующего признака с представлением о бытии или состоянии в предикате; прилагательное вообще не является в функции словопредложения или главного члена предложения, а если является, то только в нечленной форме, вызывая представление о сочетании признака с 1-м или 2-м лицом единств. или множ. числа.

§ 496[1]. Необходимо указать здесь, что в живой речи имеется ряд слов, произносимых без ударения или, в двусложных своих формах, со слабым второстепенным ударением. Неударяемыми являются все вообще частицы: *иди-ка, ну-тка, гля-ко*. Неударяемы все вообще предлоги, когда сочетавшееся с ними постпозитивно имя сохранило свое ударение: *от други́х, по слова́м, сквозь зу́бы, над на́шими голова́ми, на хле́б, на ча́й, от си́лы, на ре́чку, по про́звищу* и т. д.; но при известных условиях предлог принимает на себя ударение, а следующее за ним слово остается неударяемым: *на́ воду, на́ веселе, за́ голову, по́ морю, и́з дому, на́ сторону, за́ нос, по́ уху* и т. д. Предлог, очевидно, сливается со следующим существительным в одно слово, и это является причиной в одних случаях утраты им ударения, а в других — утраты ударения существительным. Двусложные предлоги сохраняют на первом своем слоге слабое ударение, когда в силу известных условий не перетягивают на себя целиком ударения: *ѝз-за ле́са, посредѝ обши́рного двора́, нàдо мно́й, пѐредо мно́ю, мѐжду густы́ми куста́ми, чѐрез поро́г, ѝз-под наве́са, ѝз-под мо́крой замáшной руба́шки;* также: *вслѐд за не́ю*. Предлог постпозитивный сохраняет ударение, например двусложное *ради: бо́га рàди, Христа́ ра́ди*. Союзы односложные являются неударяемыми; *не да́ст, боя́лись как огня́, ни на ша́г, и мне́ навстре́чу, как вдру́г, а по про́звищу Бирю́к, но над на́шими голова́ми, да ви́дишь кака́я гроза́, я не ви́дел ни зги́, и лепета́ли, ни на каку́ю прима́нку, и ло́вок как*

бе́с; двусложные союзы слабоударяемы: *и́ли о́н и́ли я́.* Местоимения-существительные вообще неударяемы, ударяемы же в случае особенной связанной с ними выразительности: *во́т мы и до́ма, я по́днял го́лову, мы тро́нулись, я подвига́лся, я уда́рил, я не го́лоден, мы вы́шли вме́сте, говоря́т — ты никому́ спу́ску не даёшь, он доста́л, по их слова́м, су́нув ей в ру́ку, стесня́л мне дыха́нье, бо́г его зна́ет, а та́м я ва́с провожу́, а ты́ кто са́м? самова́р бы я ва́м поста́вил, да чаю у меня́ нету; а, ты — Бирю́к? он слегка́ упе́рся рука́ми; ре́дко мне случа́лось.* Местоимения-прилагательные: *мой проводни́к* [но: *ва́ша голова́*], *к тому до́му, в те воро́та, в ту кали́тку.* Местоимения-наречия: *так ты́ Бирю́к, во́т как отзыва́лись, ну́, как зна́ете, как тебя́ зову́т?* Числительные односложные слабоударяемы и неударяемы: *две сестры́, два бра́та, сто рубле́й* [но возможно перенесение ударения на числительные: *два́ дня, три́ дня*]. В глаголах неударяемыми являются формы глагола *быть* в значении связки: *оте́ц был нездоро́в, мы будем учи́ться, принужде́н был;* далее *было* в наречном употреблении: *он было шагнул вперед, он было заикнулся;* затем ряд глаголов в вводных предложениях: *говорит (гыт), значит, вишь,* областное *каже, скажет, бает* (ср. также происшедшие из глаголов наречия: *мол, де, бишь* и др.). В существительных неударяемыми являются односложные приложения, как *князь, граф;* например, *князь Голи́цын к князь Петру́, граф Спера́нский;* далее некоторые существительные в обращении: *ну́, брат; ну́, братец ты мо́й;* ср. дальнейший переход их в частицы как *спаси́-бо, да-с* (из старшего *да́-су*); может быть *-ста.*

Из предыдущего видно, что неударяемость и слабоударяемость зависит прежде всего от принадлежности слова к служебным или незнаменательным частям речи: по общему правилу не с полным ударением являются частицы, союзы, предлоги, а также те местоимения-существительные, употребление которых в известном смысле дополняет словесное обнаружение сказуемого.

§ 497. О сопутствующих значениях и грамматических категориях. Грамматическое значение языковой формы противополагается реальному ее значению. Реальное значение слова зависит от соответствия его как словесного знака тому или иному явлению внешнего мира; грамматическое значение слова это то его значение, какое оно имеет в отношении к другим словам. Реальное значение связывает слово непосредственно с внешним явлением, грамматическое значение связывает его прежде всего с другими словами, со значением других слов. Некоторые слова имеют исключительно грамматическое значение: это слова служебные; другие слова совмещают реальное значение с грамматическим: это слова знаменательные; наконец, третьи слова имеют только реальное значение: это междометия.

Грамматические значения, совмещающиеся со значениями реальными, можно назвать сопутствующими значениями. Сопутствующие значения могут основываться частью на явлениях, данных в внешнем мире: например, множ. число *птицы* зависит от того, что

мы имеем в виду представление не об одной, а о нескольких птицах; женский род слова *кухарка* зависит от того, что это слово означает особу женского рода. Частью же сопутствующие значения основываются на субъективном отношении говорящего лица к определяемому им явлению: например, *я ходил* означает то же действие, что *я хожу*, но имевшее место по сообщению говорящего в прошедшем времени; *полюби* означает то же действие, что *любишь*, но включает указание на волю говорящего, направленную к тому, чтобы это действие осуществилось, и притом не длительно, а результативно. Частью, наконец, сопутствующие значения основываются не на реальном явлении внешнего мира и не на субъективном к нему отношении говорящего, а на формальной, внешней причине, данной в самом слове; так, женский род слова *книга* зависит только от того, что оно оканчивается на *-а*, причем это окончание именит. единств. влечет за собой неизменно представление о женск. роде, если этому не препятствует реальное значение слова, отношение его к явлению, данному во внешнем мире (ср. *голова*, *городской голова* — муж. рода, при *голова* — женск. рода). Необходимо заметить, что сопутствующее грамматическое значение может сопрягаться не только со словами, имеющими основное реальное знаменательное значение, но также и со словами, имеющими основное значение незнаменательное: ср. слово женск. рода *она*, слово множ. числа *они*, где сопутствующие значения женск. рода и множ. числа сочетались с основным значением этого слова, значением личного местоимения. Грамматические значения являются сопутствующими при одних частях речи, основными при других. Сопутствующими они являются при существительных, глаголах, прилагательных, наречиях, а также при местоимениях-существительных, местоимениях-прилагательных и числительных. Основными они являются для предлогов и союзов. С местоимениями-наречиями и числительными-наречиями они не сопрягаются совсем. С междометиями они сочетаются только постольку, поскольку междометие употребляется как эквивалент глагола, т. е. как название действия.

Выяснение различных категорий грамматических значений принадлежит исследованию об отдельных частях речи. Здесь я намечу только некоторые основные категории и укажу на отношение к ним отдельных частей речи.

Существительное вызывает категории числа, рода, одушевленности и неодушевленности, конкретности и абстрактности, субъективной оценки, а также в форме именит. падежа — бытия или наличности, — наконец, падежа (*птицы, книга, тьма, перышко*, *мороз!*). Прилагательное воспроизводит в своей форме те самые категории, которые вызывает существительное, кроме категории бытия или наличности; но кроме того, в форме именит. падежа нечленное прилагательное может вызывать представление о бытии или наличности, о лице 1-м и 2-м единств. и множ.; прилагательные качественные вызывают представления о положительной и превосходной степени качества, противополагаемых сравнительной степени, нашедшей себе выражение в соответствующем наречии, а также категорию субъективной

оценки *(веселенький ситец)*. Глагол воспроизводит в спрягаемых своих формах следующие категории, вызываемые существительным, с глаголом сочетавшимся: число *(птицы поют)*, а в прошедшем времени кроме того и род *(книга лежала на столе)*; в причастии глагол воспроизводит под влиянием существительного категорию числа, рода и падежа; кроме того, глагол во всех своих формах вызывает представление о виде, залоге; во всех формах, кроме инфинитива, глагол вызывает представление о времени и наклонении; спрягаемые формы глагола, а также инфинитив вызывают представление о лице; безличная спрягаемая форма 3-го лица единств. и инфинитив могут вызывать представление о бытии или наличности. Наречие вызывает категорию бытия или наличности; кроме того, оно вызывает представление о субъективной оценке *(скоренько, маленько, премного)*, а также о сравнительной степени, противополагаемой положительной и превосходной *(низко, ниже, нижайше)*. Местоимение-существительное вызывает категории лица, числа, рода, одушевленности и неодушевленности, вопроса, определенности и неопределенности, наконец, падежа, а в форме именит. падежа не 1-го и не 2-го лица также бытия или наличности. Местоимение-прилагательное воспроизводит в своих формах те самые категории, которые вызываются местоимением-существительным, кроме категории бытия или наличности; оно вызывает представление о вопросе и об определенности и неопределенности. Местоимение-наречие вызывает представление о вопросе и об определенности и неопределенности.

Таким образом, вызываются непосредственно нижеследующие грамматические категории. Категория числа — существительным и местоимением-существительным. Категория рода — существительным и местоимением-существительным. Категория одушевленности и неодушевленности — существительным и местоимением-существительным. Категория конкретности и абстрактности — существительным. Категория падежа — существительным и местоимением-существительным. Категория субъективной оценки — существительным, прилагательным и наречием. Категория бытия или наличности — существительным, безличными формами глагола, наречием и нечленным прилагательным. Категория сравнения — прилагательным и наречием. Категория времени — глаголом. Категория залога — глаголом. Категория наклонения — глаголом. Категория вида — глаголом. Категория лица — глаголом и нечленным прилагательным. Категория вопроса — местоимениями (существительным, прилагательным и наречием). Категория определенности и неопределенности — местоимением (существительным, прилагательным и наречием).

§ 498. Грамматические категории познаются в русском языке при помощи тех морфологических особенностей, в которых они обнаруживаются. Эти морфологические особенности могут быть положены в основание при определении грамматических категорий, причем, однако, необходимо заметить, что некоторые категории вообще не находят

для себя морфологического обнаружения, а некоторые, обнаруживаясь в одних частях речи, не имеют внешнего обнаружения в других. Так, категория бытия или наличности не имеет морфологического обнаружения ни в существительных (если не признать таковою особую интонацию), ни в наречии, ни в прилагательном, ни в глаголе. Категория повелительного наклонения обнаруживается морфологически в спрягаемых формах глагола, но остается необнаруженною ни при инфинитиве (*молчать!*), ни при некоторых других глагольных формах (*пошел вон!*), ни также при междометии (*цыц! стоп!*). Как видно из предыдущего, ту или иную интонацию можно признать способом обнаружения грамматической категории. Так, категория вопроса в местоимениях обнаруживается особым словообразованием, особыми корнями (*кто? какой? который? где? куда?*); та же категория при других частях речи обнаруживается соответствующей интонацией (*брат? вернулись? холодно?*). Ввиду того, что некоторые грамматические категории общи нескольким частям речи, а некоторые могут сопутствовать всякому вообще слову (категория вопроса), нам придется рассмотреть каждую из них отдельно вслед за обозрением частей речи.

§ 499. Здесь остановлюсь еще раз на некоторых определениях. Частью речи называем те группы слов, которые образуются отношениями основных значений слов к сопутствующим этим значениям грамматическим понятиям. Грамматическим понятием называем те сопутствующие основным значения, которые в данном языке находят себе морфологическое или синтактическое выражение. Грамматической формой называем морфологическое обнаружение грамматического понятия. Сопутствующими основным значениями являются представления об отношении того или иного реального значения к другому реальному значению, мыслимому в отвлечении; например, отношение к лицу, к полу, к одушевленности или неодушевленности, ко времени, к качеству, к бытию или наличности, к числу, к волеизъявлению и т. д.

СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ.

§ 500. Согласно предыдущему существительное это часть речи, соответствующая, во-первых, представлению о субстанции, во-вторых, представлению о качестве-свойстве или действии-состоянии, мыслимых вне сочетания с носителями или производителями их. Ввиду того, что представления о качестве-свойстве, действии-состоянии, а также об отношениях являются представлениями, зависимыми от другого господствующего над ними представления (в частности представления о качестве-свойстве, действии-состоянии зависят от представления о субстанции, как их носителе или производителе, представления об отношениях — от разнообразных других представлений, мыслимых в сочетании с ними), можно признать, что существительное служит выражением независимых представлений, т. е. таких представлений, которые могут мыслиться самостоятельно и отдельно от других представлений. Существительное включает в себе,

согласно сказанному: 1) названия субстанций, 2) названия действий-состояний, 3) названия качеств-свойств, 4) названия всяких вообще представлений, мыслимых самостоятельно и независимо от других представлений. Морфологически существительные являются как в виде слов, в самой форме своей содержащих указание на принадлежность к этой части речи, так и в виде слов, по форме принадлежащих к другим частям речи, но по значению соответствующих существительным.

Примеры для названий субстанций (лиц или предметов): *брат, барин, дерево, мясо*. Примеры для названий действий-состояний: *полёт, ходьба, пенье, жаренье.— Я вам уже сообщил мое правило насчет избежания близких сношений с людьми низшего круга*. Холост. II; *Но, как человек, он сжимался нравственно пред забытьем беспричинного гнева, в котором очевидно находился Наполеон*. В. и м. III, 1, VI; *Человек с «большими достоинствами» ухаживал за Анной Павловной по случаю желания назначения попечителем женского учебного заведения*. В. и м. III, 2, VI. Примеры для названий качеств-свойств: *доброта, красота, зло, нежность*. Примеры для названий других представлений: *мороз, тьма, мысль, запад, голод, гроза*. Примеры для собственно-существительных: *ворон, крыша, добро, небо, кость, семя*. Примеры для субстантивированных слов: *портной, гостиная, красное, жаркое; на нет суда нет; мое жалкое я*[1].

Существительные, как собственно-существительные, так и субстантивированные прилагательные, представляют рядом с независимыми формами, каковыми являются формы именит. падежа, формы зависимые, каковыми являются формы косвенных падежей. Зависимая форма существительного показывает, что оно в том или ином данном сочетании мыслится в зависимости от другого представления. Учение о существительном распадается на учение о существительном самом по себе и на учение об его зависимых формах (падежах).

Нижеследующие грамматические категории обнаруживаются в существительных морфологически, синтактически, далее посредством словообразовательных суффиксов и интонации: число, конкретность и абстрактность, единственность и множественность, единичность, считаемость, парность, совокупность, одушевленность и неодушевленность, род, бытие или наличность, увеличительность, уменьшительность, ласкательность, пренебрежительность.

§ 501. Категория числа. По общему правилу существительное в основной своей форме является в единственном числе и образует посредством особых окончаний множественное, отличающееся в своем значении от значения основной формы только тем, что сочетается, как с сопутствующим представлением, с представлением

---

[1] <Вставка:> Существительные, обозначающие субстанции, могут означать их или независимо от характеризующих их признаков, например: *дерево, камень, человек*, или как носителей тех или иных признаков (качеств-свойств, отношений): *знаток, мастер, отец, мальчик.— А в это время, как нарочно, сидел на галлерее бас из наших синодальных певчих*. Чайка, I.

о множественном числе: *стол, столы; теленок, телята; гнездо, гнёзда* и т. д. В древнем языке, кроме единств. и множ. числа, существовало и двойственное число, вызывавшее представление как о парности, так и о двух соответствующих субстанциях или явлениях.

Двойственное число в русском языке исчезло так же, как почти во всех других славянских языках, но оставило несколько заметных следов в морфологии и синтаксисе как в русском, так, независимо от него, в украинском и белорусском языках; самостоятельность каждого из названных языков в отношении последствий исчезновения двойственного числа, равно также свидетельство памятников, убеждает в том, что двойственное число уступило место множественному сравнительно поздно, не раньше XIII—XIV в. В морфологии исчезновение двойств. числа обнаружилось между прочим в том, что формы именит. двойственного получили значение именит. множественного, причем частью это сопровождалось перенесением ударения с окончания формы именит. двойств. числа: *домá* стало означать не только форму именит. падежа двойств. числа, но и форму именит. падежа множ. числа; напротив, формы, как *домá*, в положении за числительными *два* (а по аналогии и за *три, четыре*) уступали место формам родит. падежа: вместо *два домá, два мужá, два городá* стали говорить *два дóма, два мýжа, два гóрода*. Следовательно, окончание *-á* в именит. множ. числа муж. рода восходит к окончанию именит. падежа исчезнувшего двойств. числа; появление родит. единств. в положении за числит. *два, три, четыре* обязано исчезновению двойств. числа после числительного *два*, откуда оно переносилось по аналогии за числительными *три, четыре*. Как увидим, старое окончание двойств. числа сохранилось в некоторых словах, означающих парные предметы.

Отношение существительных к категории числа обнаруживает в существительных несколько других грамматических категорий. Сюда относится прежде всего категория считаемости: только те слова образуют единств. и соответственное ему множ. число, которые подлежат счету, могут употребляться в соединении с числами; множ. число всех других слов имеет то или иное особенное значение.

§ 502. Категория считаемости. Морфологически такая категория обнаруживается в нескольких случаях. Во-первых, некоторые слова муж. рода, обозначающие единицы счета, имеют в родит. множ. древнюю усеченную форму, без окончания *-ов*; сюда относятся: *аршин, солдат, рекрут, драгун, сапог, чулок, пуд* (при *пудов*). Во-вторых, нижеследующие слова муж. рода представляют архаические ударения в сочетании с числами *два, три, четыре*: *два шагá, три рядá, четыре часá*; вообще же с этими числами сочетаются формы родит. единственного. В-третьих, как отмечено Ломоносовым, колебание в современном ему языке между двумя окончаниями родит. единств. слов муж. рода *-а* и *-у* разрешается в пользу окончания *-а* именно для тех слов, которые подлежат счету, например *три волоса, четыре закона, три боба, два блина* (Росс. грамм., § 179); это, конечно, объясняется влиянием древних форм двойств. числа на

форму слов, подлежащих счету: *два клина* представляет старую форму двойств. числа, отсюда *три, четыре клина*; под этим влиянием удерживалось *клина* вместо *клину* и в таких сочетаниях, как *от клина*. В-четвертых, слово *человек* во множ. вытесняется словом *люди*, но при счете сохраняется *человек*; не только *два, три, четыре человека*, но и *семь, сто человек.— Я редко видал двух человек более противуположных, как они*. Б. и д. I, 25. При *курица* во множ. употребляется *куры*, но при счете находим *курица*: *две курицы, десять куриц.— Раевский приказал уланам прекратить преследование кур... Но таким образом дали мы сорок верст крюку, дабы спасти жизнь нескольким армянским курицам*. Пут. в Арзр. IV. Ср. еще *дерев* при счете рядом с *деревья*. В-пятых, слова на *-ина*, обозначающие единичное понятие, противополагаемое понятию совокупному (выражаемому единств. числом): *картофелина, репина, скотина, тесина;* ср. *семь репин, двадцать скотин*.

§ 503. Категория единственности. Сюда относятся те существительные, которые употребляются только в единств. числе, не образуя множественного; впрочем, как увидим, не образуют множественного также и слова со значением отвлеченным, далее слова, означающие делимое вещество; представление об единственности вызывают только те существительные, которые являются названиями мыслящихся в единичном виде, единичном числе представлений. Сюда относятся имена собственные, т. е. названия лиц и местностей (географических единиц). Впрочем, собственные имена лиц могут употребляться и во множ. числе, а именно, во-первых, при неопределенном указании ряда лиц при помощи случайно выхваченных имен. *Но как только остановлюсь памятью на котором-нибудь из них* [моих слуг], *предо мною из тьмы предстанут, как живые, лица Михеев, Егоров, Максимов, Павлов и т. д.* Слуги ст. в. Во-вторых, для обозначения неопределенного числа лиц, сходных по своему значению или характеру с лицом, название которого употреблено во множ. числе... *И что влияние Наполеонов на ход этих* [исторических] *событий есть только внешнее и фиктивное*. В. и м. III, 2, XXVIII; *В какой скит поместит он такие лица и явления, как Иваны III и IV, борьба боярской партии, учреждение опричнины, движение служилого и крестьянского сословий, волнения самозванщины, борьбу с Польшей и Ливонией?* В. А. Бильбасов, Истор. моногр. V, 181. В-третьих, при обозначении собственным именем известного, знаменитого лица, названия должности или характеристичного для этого лица подвига. *По свидетельству всех Видоков и Ванек Каинов, нет ничего труднее, как надуть честного, бесхитростного человека, если он имеет хоть несколько рассудка и житейского опыта*. Что делать? II, 7; *А если хочешь, Я князь-Григорию и вам Фельдфебеля в Вольтеры дам*. Г. от у. IV, 5; *Тогда мужики зажгли с четырех сторон солому, и все три Муция Сцеволы земской полиции* (исправник и два его писаря) *сгорели*. Б. и д. 1, 321. Кроме того, множ. число фамильных имен означает совокупность членов того или другого семейства: *братья Карамазовы, семейство Лариных*;

множ. число как индивидуальных имен, так и отечественных употребляется как название местностей: *Егоры* Рузск. у. Московск. г., *Михали* Бронницк. у. Московск. г., *Петровичи, Филипповичи, Никуличи* и т. п.

Также употребляются во множ. географические названия при неопределенном указании ряда их при помощи случайно выхваченных имен. *И встают у меня перед глазами все эти Каменки, Голодаевки, Грязнухи, Ивановки.*

В редких случаях возможно употреблять географические названия при счете. *В России две Двины, два Буга, три Десны, две Самары.— Да нет! их два* [Ардатова]*; один Ардатов Нижегородской губернии, другой Симбирской.* Св. Креч. III, 3.

§ **504.** Категория единичности. Некоторые слова в самой форме своей содержат указание на то, что обозначаемые ими представления мыслятся только как отдельные единицы, причем им противополагаются сходные по основному значению слова, означающие совокупность таких единиц. Эти слова сами по себе в основе, представленной единств. числом, не могут образовать множ. числа. Сюда относятся, во-первых, слова муж. рода с суффиксом *-ин,* образующие множ. число без этого суффикса: *боярин, дворянин, татарин, англичанин* (во множ. — *бояре*, *англичане* и т. д.). Во-вторых, слова на *-ёнок*, имеющие во множ. окончание *-ята*: *теленок, ребенок* и т. д. В-третьих, некоторые слова на *-ина*, противополагаемые словам, означающим совокупность и выражаемым множ. числом: *бычина, дурачина, детина*, *молодчина*. В-четвертых, слово *дитя* при множ. *дети*. Все эти слова, в противоположность указанным выше в § 502, не употребляются при счете, заменяясь формами множ. числа: *пять телят, двадцать детей, много бояр;* но после *два, три, четыре* находим форму родит. единственного, причем необходимо указать, что и в древнем языке двойств. число представляло, например, суффикс *-ин* (*дъва боꙗрина*), ср. *четыре теленка*; впрочем, слова на *-ина* совсем не сочетаются с числами, а *дитя* образует *двое, трое детей.*

§ **505.** Категория парности. Возможно, что эта категория непосредственно восходит к той категории парности, которая в древнем языке связывалась со значением двойств. числа. Категория эта обнаруживается частью морфологически, представляя в именит. падеже старую форму двойств. числа: *уши, очи* (церк.) при *ухо, око; плечи* при *плечо*; *колени* (вм. *колѣнѣ*) при *колено;* далее областн. *брыле*, *скуле*. — *Что брылы распустил? Подбери губы-те, городничий едет.* Даль, II, 25. Наконец, *рукава,* в котором окончание *-а* не может быть отождествлено с окончанием *-а* в *домá, городá*, ибо это окончание употребляется только в тех словах, в которых родит. падеж не сходствует с формой множ. числа, отличаясь от него ударением; поэтому *глазá, рогá*, которыми также выражается представление парное, являются формами множ. числа; ср. также множ. число *ноздри*, *руки*, *ноги*, *голени,* а также названия некоторых одежд и орудий: *штаны, брюки, вожжи, очки*. Сюда же, может быть, *сутки*. Быть может, *погоны;* ср. единств. число: *Из этого не следует, чтобы*

худенькие плечи Карла Ивановича когда-нибудь прикрывались погоном или эполетами. Б. и д. 1, 91.

§ 506. Категория совокупности. Эта категория морфологически обнаруживается как формами множ. числа, так и некоторыми формами единств. числа.

Множественное число со значением совокупности находим, во-первых, в названиях веществ, сортов каких-либо веществ[1], также посевных площадей, сборов и т. п.: *овсы, ячмени, вина, мяса, сена, дрожжи, сливки, чернила (чернило), молока, жиры, всходы, озими, пески, доходы, подати, поборы, верхи, харчи;* единств. число или совсем не употребляется, или имеет само значение совокупности как названия веществ. Во-вторых, множ. число со значением совокупности находим в названиях явлений природы: *холода, снега, ветра, сумерки, морозы, росы, жары* (при единств. *жара*, женск. рода, ср. единств. *жар* муж. рода). В-третьих, представление о совокупности вызывают формы множ. числа на *-ята*: *ребята, поросята,* — благодаря тому, что формы единств. числа образуются от основы *-енък*; ср.: *В нужде, в работе, лишенные теплой одежды, а иногда насущного хлеба, они умели выходить, вскормить целую семью львенков.* Б. и д. 1,166; также формы множ. числа на *-е*: *мещане, бояре,*— благодаря тому, что формы единств. числа образуются от основы на *-ин;* далее слова *люди, дети,* так как в единств. числе находим *человек, дитя*; ср.: *Я увлекся, целый месяц ничего не делал, а в это время люди болели; в лесах моих, лесных порослях, мужики пасли свой скот.* Дядя Ваня, IV, 44. В-четвертых, представление о совокупности может вызываться (однако рядом с представлением о простой множественности) некоторыми формами множ. числа, по происхождению своему являющимися формами единств. числа с собирательным значением; это, с одной стороны, первоначальные слова женск. рода на *-а*, *-ья: господа, братья, сватья, мужья, князья* (вм. *княжья,* под влиянием *князи*), *друзья* (вм. *дружья*, под влиянием *друзи*); с другой стороны, это первоначальные слова средн. рода, в которых окончание *-ье* фонетически изменилось в *-ья*: *деревья, клочья, колья;* параллельными образованиями множ. числа может иногда выражаться множественность: *зубья* (при *зубы*), *листья* (при *листы*), *волосья.* В-пятых, категория совокупности вызывается и некоторыми другими словами, означающими то или иное сложное по своему составу представление. *Как жаль, что Грибоедов не оставил своих записок*! Пут. в Арзр. II; ср.: *В продолжение дороги и на месте я вел поденную записку.* И. Дмитр. Взгл. на м. ж. 35; *Я знаю, шансы мои на взаимность ничтожны.* Дядя Ваня, 1. В-шестых, названия некоторых частей тела: *кишки, легкие, мозги, икры. — Здоровые мышцы его износились.* Б. и д. 1,170; *У отца-то от расходов на тебя уж все животы подвело.* Что делать? I.

Единственное число со значением совокупности обнаруживается частью особыми суффиксами со значением собирательным:

---

[1] <Над строкой приписка:> Может быть а) веществ, б) сортов.

-ья: братья (монастырская); *-ьё: старичьё, мужичьё, бабьё, вороньё, галочье, пеньё; — Жили в лесу, молились пенью.* *Даль,* III, 172; *-ство: множество, большинство, меньшинство; — Церковь уже была наполнена гражданством обоего пола и всех сословий.* И. Дмитр. Взгл. на м. ж. 134; *-ня: родня; — Мы плакс, размазни не любим.* Е. Карпов, Зарево. Все эти слова означают совокупность лиц, животных, реже неодушевленных предметов. Ср. относящиеся сюда же слова, как *голытьба.* С переносным таким же значением: *Всей честной беседе поклон.* Бедн. не пор. II; *Что̀ уж господа ученое сословие, про вас и говорить! вам и книги в руки!* Тыс. душ, II, 1. Понятно, что во множ. числе все эти слова не употребляются.

Возможно согласование при них сказуемого во множественном: *И куда дурачье лезут; Большинство ждали перемены.* См. § 333.

Множ. число: *шайки, толпы. — За иконой, кругом ее, впереди ее, со всех сторон шли, бежали и кланялись в землю с обнаженными головами толпы военных.* В. и м. II, 2, XXI.

Далее сюда относятся слова, означающие произрастания, злаки, ягоды: *клюква, репа, картофель, малина, крыжовник.* Слова, означающие вещества и металлы: *тесто, сметана, молоко, золото, серебро, песок, жир, сера, фосфор, керосин. — После приема мерзлой живности, отец мой... призывал повара.* Б. и д. I, 105. И эти слова вообще не употребляются во множ. числе. Но, как указано выше, множ. число от некоторых из них может означать совокупность, значительное количество соответствующих веществ: *жиры, пески.— Каждый божий день гости у нее, чаи да сахары... пляс да песня.* Мещане, I; *Офицер показал рукой на дымы, видневшиеся влево за рекой.* В. и м. III, 2, XXI; *Картины, мраморные статуи, бронзы, дорогие игрушки ... поразили его.* Егип. ночи, I. Иногда в соединении с числительным: *Пуф-пуф!.. поднимались два дыма, толкаясь и сливаясь, и бум-бум!.. и подтверждали звуки то, что̀ видел глаз.* В. и м. III, 2, XXX.

Особо множ. число *дряни* рядом с собирательным *дрянь. — Такие дряни, как вы, должны за счастье почитать...* Слуги ст. в. Наконец, сюда же принадлежат и такие слова, которые, означая совокупность однородных индивидуумов, могут означать и единичный входящий в состав совокупности индивидуум. *Покупатель стал редок; — Такая пчела, я тебе скажу, — сила!* Слепц. Свиньи; *муха, мошка, гусеница, червяк.* Также названия произрастаний: *Яблоко нынче ни по чем; Огурец дешев.*

Категория совокупности (противополагаемая категории множественности) унаследована из старины, что видно из наличности в общеславянском праязыке особого ряда ч и с л и т е л ь н ы х, означавших совокупность: *двой, четвер*; они были прилагательными; в русском языке прилагательными они остались только в косвенных дополнениях, между тем как в подлежащем и прямом дополнении они превратились в числительные наречия с тем же самым согласованием, что *пять, шесть* и т. д., причем они сочетаются, во-первых, со словами, употребляющимися только во множ. числе (и означавшими первоначально

совокупность): *двое ворот*; во-вторых, со словами, означающими лица муж. полу: *двое мужчин, трое солдат*, причем *двое, трое, четверо* означают совокупность такого числа лиц (ср. *один дурак камень бросит, семеро не поднимут; семеро одного не ждут*); это последнее обстоятельство любопытно связать с тем, что собирательными, как *толпа, шайка, народ, племя, род*, означается преимущественно собрание лиц муж. полу. Категория совокупности обнаруживается и именами числительными, как *десяток, сотня* и т. п.; во множ. они означают, что данная совокупность повторена в мысли несколько раз. Ср. ... *а вечера* [проводил] *в разговорах со своею старухою, проводившею дни свои в штопанье сотен и тысяч всякого старья, приносимого к ней охапками с толкучего рынка*. Что делать? II, 21.

§ 507. Категория совокупности, выраженная множ. числом, во многих случаях переходила в простое множ. число. Именно этим объясняется то разнообразие значений, какие получает множ. число.

Множественное число слов, означающих названия орудий, приборов. Повидимому, множ. число вызвано именно тем, что такие слова вызывали представление о совокупности составных частей этих орудий, приборов; сюда относятся: *весы, часы, счеты, гусли, ножницы, клещи, щипцы, сани, дровни, дроги, дрожки* и т. д. — *Небольшие пошевни*. Б. и д. I, 365; *В дверях ей встречаются Петр и Татьяна*. Мещане, II; *Тюфяев, после отъезда наследника, приготовлялся с стесненным сердцем променять пашалык на сенаторские кресла*. Б. и д. I, 361. Под влиянием своих русских слов множ. число приняло также слово *фортепиано*. — *Как же, она играет на фортепианах-с*. Холост. I; *Я тоже для своих дочерей фортепианы из Москвы выписал-с*. Ib. В настоящее время большинство этих слов вызывает представление об их единственности, индивидуальности, что видно из того, что они могут употребляться с количественными определениями, подлежат таким образом счету. При этом они сочетаются не с количественными числительными, а с собирательными; это доказывает, что первоначально они вызывали представление не о множественности, а о совокупности: *двое саней, трое ворот, четверо мехов*. Если мы говорим *две двери, пять дверей*, то это от того, что при слове *двери* существует и *дверь*. Названия одежды: *брюки, штаны, онучи, шаровары*.

Множественное число слов, означающих местности. Оно вызвано названием его обитателей, которые мыслятся во множ. числе. Ср. указанные выше примеры, как *Егоры, Михали, Петровичи*, также *Макаряты, Ваняти, Проняти, Морозята* и мн. др. в Гороховецком уезде; *Губята* Ефрем.-Тул., *Волчаты* Касим.-Ряз., *Жучаты* Егор.- Ряз. и т. д. *Борзенки* Орл., *Бобренки, Агафоненки, Аверченки, Захаренки, Матвеенки, Тарасенки, Филипенки* и др. в Псковской губ. Также и такие названия, как *Дулебы, Печенеги, Малороссияне, Донцы* Михайл.-Ряз., *Козары* Козельск.-Калужск., *Болгары* Владимирск., *Мордвины* Судог.-Владим., *Чернцы* Шуйск.-Владим., *Хохлы* Новосил.-Тульск., *Дворники* Звениг.-Моск. и т. д. Впрочем, множ. число подобных названий может иметь в иных случаях и другое

объяснение: *Грядки* или *Гряды* Волокол.-Моск., *Подолы* Рузск.-Моск., *Молибожи* Углич.-Яросл., *Семидворы* Данил.-Яросл., *Брусы* Данк.-Ряз. и др.

Множественное число слов, означающих время. Оно вызвано тем, что некоторые такие названия обнимают период в несколько дней или в несколько часов; отсюда множ. число обобщалось и на другие подобные слова. *Тотчас же после госпожинок.* Прест. и нак. I, 3; *Да уж теперь скоро и вечерни.* Горб. Самодур, I; *Вчерашнего числа в вечерни изволили уехать,— ласково сказала Мавра Кузминишна.* В. и м. III, 3, XXII. Ср. также: *каникулы, Петровки.* Сюда же: *похороны, именины, крестины, поминки, смотрины.*

Множественное число для обозначения местности посредством находящегося, приходящегося в соседстве с ним предмета. *Мать-протопопица, вдвоем с Феклинькой, придвинули к головам постели отца Савелия тяжелый, из корельской же березы, овальный стол.* Леск. Собор. I, 4; *И с одною маленькою подушкою в головах.* Прест. и нак. I, 3; *Руки в головы не клади — память проспишь.* Даль, II, 38. Сюда же: *в межах.*

Множественное число состояния. Большею частью в соединении с предлогами *в* с винит. и *в* с местн. падежом множ. числа названия состояния, выраженного словом, означающим лицо со стороны его занятий, промысла, ремесла, положения; при этом в винит. падеже видим форму, тождественную с именит., а не с родит., несмотря на то, что слово означает лицо. *Я не бродяга, я хожу в хорошие люди.* Слуги ст. в. III.

§ 508. Множественное дистрибутивное. Дополнения, относящиеся к нескольким лицам или предметам, могут быть выражены как в единств. числе, вызывающем в таком случае представление о множественности, так и во множественном числе, которое можно определить как дистрибутивное, ибо каждая из входящих в состав множественного единиц должна быть отнесена к тем единицам, к которым относится это дополнение. Так же употребляется во множественном подлежащее и обстоятельство.

Единственное число. *Велел студентов одеть в мундирные сертуки, велел им носить шпагу, потом запретил носить шпагу.* Б. и д. I, 125; *Чтоб на коня садились.* Пушк. <?>; *Их можно всегда было видеть в кофейнях полу-турецкой Бессарабии, с длинными чубуками во рту, прихлебывающих кофейную гущу из маленьких чашечек.* Пушк. Кирджали; *Да прикажи в городе купить колокольчиков — моим коровам на шею.* Нахлебн. II.

Множественное число. *Но сзади их вдруг послышался тихий, прерываемый одышкой плач, и за спинами у них появилась облитая слезами просвирня.* Леск. Собор. I, 16; *Люди шли, обвязавши носы и рты платками.* В. и м. III, 2, V; *Толпа скучиваясь зашевелилась, и быстро снялись шляпы.* Ib. III, 2, XI; *Дрон Захарыч, вас* [кличет],— *послышались кое-где торопливо-покорные голоса, и шапки стали сниматься с голов.* Ib. III, 2, XIV; *Огромная толпа,*

с открытыми головами офицеров, солдат, ополченцев окружала икону. Ib. III, 2, XXI; *Опасность поднимала еще более наши раздраженные нервы, заставляла сильнее биться сердца.* Б. и д. I, 163; *И садятся верхом на шеи нам и едут на нас.* Мещане, IV; *У всех студентов на лицах был написан один страх, ну как он в этот день не сделает никакого грубого замечания.* Б. и д. I, 139. Ср. также обстоятельство во множ.: *Они сидели верхами, окутанные в чадры.* Пут. в Арзр. II.

Единственное и множественное число рядом. *Слуги в черных кафтанах, с гербовыми лентами на плече и со свечами в руках.* Пик. д. V; *И чаще опускались головы, встряхивались волоса и слышались вздохи и удары крестом по грудям.* В. и м. III, 2, XXI.

§ 509. Категория конкретности и абстрактности. Согласно данному выше определению, существительное означает не только субстанции (лица, предметы), но также свойства-качества, действия-состояния и явления природы. Субстанции, как нечто осязаемое, выражаются существительными конкретными; свойства-качества, действия-состояния, явления природы, как нечто неосязаемое, выражаются существительными абстрактными (отвлеченными). Различие между обоими рядами существительных обнаруживается грамматически тем, что конкретные существительные образуют и единственное и множественное число, причем исключение составляют, во-первых, слова, означающие совокупность и употребляющиеся или только в единств., или только во множ. числе, во-вторых, рассмотренные выше в § 507 слова, употребляющиеся только во множественном; между тем абстрактные слова употребляются только в единств. числе. Ср. конкретные: *собака, перо, рот, гвоздь, кусок, шар, колено, голова;* абстрактные: *скука, любовь, лень, божественное, сидение, мытьё.*—*Ах вы скромность! Уже сказала бы словечко, да не хорошо при парнях-то.* Бедн. не пор. I [обращаясь к двум девушкам].

В частности относительно отвлеченных на *-ое*, *-о* отметим, что в современном русском языке они вообще никогда не образуют множ. числа, и это в противоположность церковнославянскому языку, где подобные отвлеченные существительные употреблялись именно во множ. числе, оканчиваясь на *-ая, -а*; ср. ещё в языке Петра Великого: *Ѳелтъмаршалъ Огилвіі, которой неописанныя зла здѣлалъ.* Пис. и бум. П. В. IV, 56. *И прочая* у Пушкина: *Вы знаете, что он выдавал себя за вечного жида, за изобретателя жизненного эликсира и философского камня, и прочая.* Пик. д. I.

Впрочем, абстрактные существительные сохраняют свою природу только в более общем их употреблении; в применении к определенному лицу, времени, месту они могут выступать в более реальных очертаниях, так сказать, индивидуализируясь или конкретизируясь (например, в своих осязаемых результатах, означая эти результаты). Такие абстрактные слова (кроме, однако, слов на *-ое, -о*) могут в таком измененном своем значении образовать и множ. число. Абстрактные переходят в конкретные: *власти, его величество.*

Вы не слыхали здешних бед? Г. от у. III, 18; *Автор берет смелость заверить читателя, что в настоящую минуту в душе его героя жили две любви.* Тыс. душ. II, 7; *Где царствуют без скук веселости одни.* Богдан. Душенька, I; *Ведь жених-то редкий; Он храбр, в честях, любезен и богат.* Лерм. Испанцы; *Кроме того, четыре раза в год, в именины и рожденья хозяев, съезжались до ста человек гостей на один-два дня.* В. и м. IV, Эпил. 1, VIII; *Она участвовала во всех суетностях большого света.* Пик. д. II; *После обеда она приказала подать новости, полученные ею.* И. Дмитр. Взгл. на м. ж. 134; *Барыня, заподозрив какие-то неверности...* Б. и д. I, 293; *Все отменно ласкали меня; предупреждали в учтивостях.* И. Дмитр. Взгл. на м. ж. 74; *С этой минуты гнев и милость, смех и крик К. раздаются во все наши возрасты, во всех приключениях нашей жизни.* Б. и д. I, 164; *Весь город стелется у их подошвы, с их высот один из самых изящных видов на Москву.* Б. и д. I, 343; *Уезжали, и первые уехали богатые, образованные люди, знавшие очень хорошо, что Вена и Берлин остались целы, и что там, во время занятий их Наполеоном, весело проводили время жители с обворожительными французами.* В. и м. III, 3, V; *Вообще она любила мне читать морали — если я их не исполнял, то мирно выслушивал.* Б. и д. I, 76; *Не боюсь богатых гроз, боюсь убогих слёз.* Даль, II, 18.

Иногда отвлеченное представление выражается и само по себе во множественном. *Наведет содом целый, курит так, что страхи берут.* Св. Креч. II, 1; *берут завидки; на радостях.* В древнем языке: *въ гнѣвѣхъ.*

§ 510. Категория одушевленности. Существительное, означая субстанции, как одушевленные, так и неодушевленные, в некоторых случаях обнаруживает морфологически различие между словами, означающими одушевленные и неодушевленные субстанции. Таким образом выясняется, что слова, означающие одушевленные субстанции, находятся, можно сказать, в ассоциативной связи, образуют особую цепь, особый ряд слов. Категория одушевленности обнаруживается, во-первых, в единств. числе слов муж. рода, во-вторых, во множ. числе, где, как увидим, современный язык не знает родовых отличий. В единств. числе слов муж. рода с основой на согласную категория одушевленности обнаруживается: а) в том, что слова, означающие одушевленные субстанции, имеют винит. падеж, тождественный с формой родит. падежа, между тем как слова, означающие неодушевленные субстанции, имеют винит. падеж, тождественный с формой именит. падежа; при этом к одушевлённым относятся не только лица, но и животные, птицы, рыбы, насекомые: *он позвал брата, он раздавил паука, мы запрягли мерина*; б) в том, что родит. падеж оканчивается только на *-а*, между тем как в словах, означающих предметы неодушевленные, а также явления и отвлеченные понятия, окончанием может быть также *-у*; ср. замену древнего *волу, сыну,* через *вола, сына*; в) в том, что местн. падеж оканчивается только на *-е*, между тем как в остальных словах возможно при известных усло-

виях *-у* (после предлогов *в*, *на* при подвижном ударении, причем окончание *-у* имеет на себе ударение); ср. замену древнего *волу, сыну*, через *воле, сыне*. Во множ. числе категория одушевленности обнаруживается в том, что винит. падеж имеет окончание, тождественное с родит. множественного, между тем как винит. множ. неодушевленных имеет окончание именит. множественного: *мы загнали утят, продала ли ты свиней, мальчик ловил мух, мы любим детей, мы проводили сестёр, они нашли себе проводников*. На основании этого слово средн. рода *лицо* в винит. множ. имеет форму *лиц*. История языка показывает, что первоначально категория одушевленности развивалась только в словах единств. числа муж. рода, распространяясь при этом от названий лиц на названия животных. Во множественное число эта категория проникла не скоро, а именно сначала в названия лиц (муж., потом женск. рода) и уже позже в названия животных. Это видно частью из того, что и до сих пор в областном языке держатся старые формы винит. множ. от названий животных, тождественные с именит, множественного: *продала ли ты свои свиньи?* Кроме того отмечу, что окончание *-ы* именит. множ. в словах с подвижным ударением перетягивает ударение на себя *(сады, ряды, возы, пуды)*, но в именах лиц и животных муж. рода возможно и неударяемое *-ы* (заменившее *-и* под действием твердой согласной основы): *вóры, вóлки* (здесь *и* вм. *ы* вследствие предшествующего *к*).

Категория одушевленности связывается и с суффиксом *-тель*; это зависит от того, что суффикс этот фактически образует названия действующих лиц муж. рода. Что именно вследствие этого с ним сочетается представление об одушевленности, видно из того, что слова, как *знаменатель, множитель*, образуют винит. падеж единств. сходно с родительным, хотя они и не означают лиц.

§ 511. Категория лица мужеского полу. Мы видели, что категория одушевленности вообще получила развитие в названиях лиц муж. полу. Наличность такой категории уже в общеславянском праязыке доказывается тем, что она обнаруживается морфологически в нескольких славянских языках, например, в особенности в польском языке. Здесь имена лиц муж. полу имеют типические для них окончания *-i*, *-owie* (królowie, biskupi), причем окончание *-y*[1], свойственное неодушевленным, употребляется тогда, когда с именами лиц связывается пренебрежительное к ним отношение, недостаточное к ним уважение (anioły, chłopy, Tatary вместо aniołowie или anieli, chłopi, Tatarzy). Равным образом в чешском языке окончание *-i* свойственно только одушевленным, а *-y* неодушевленным, причем, однако, в категорию одушевленных попадают и названия животных (bozi, sedlaci, páni, hadi, vlci, pstruzi при rohy, duby, stromy, hřichy). В верхнелужицком окончание *-i* является также характеристичным для именит. множественного слов муж. рода (čerći, djabli, wojacy). В чешском окончание дательн. единственного *-ovi* свойственно только

[1] (латинский шрифт).

одушевленным, названиям лиц и животных (panovi, hadovi); в нижнелужицком одушевленные в дательн. единственного имеют преимущественно *-oju*, но также *u*[1], неодушевленные имеют *u*, реже *oju*.

В русском языке категория лиц муж. рода обнаруживается в окончании именит. множ. числа. Во-первых, имена лиц муж. рода могут иметь окончание *-и*, восходящее к старому окончанию этого падежа в основах на *-о*, причем сохранение этого окончания содействовало переводу всего склонения множ. числа соответствующих слов в основы на *-i*: *холопи, черти, соседи*, стар. и област. *игумени, ангели, попи*. Во-вторых, имена муж. рода имеют окончание *-е*, неизвестное в других именах: *бояре, баре, мещане, дворяне*. В-третьих, имена муж. рода имеют окончание *-а* неударяемое как после мягких, так и после твердых согласных, причем это окончание в других именах неизвестно: древние *сыновя, мещаня*, современные *хозяева, бояра, бара*. В-четвертых, имена лиц муж. рода могут иметь окончание *-ья*, с ударением на окончании, причем это окончание восходит к окончанию имен собирательных (*князья, друзья, зятья*, откуда *сыновья*).

Замечательно, что субстантивированные прилагательные муж. рода в громадном большинстве случаев означают лица муж. полу: *городовой, рулевой, военный, дежурный*. Исключения, как *целковый, золотой*, редки.

§ 512. Категория рода. Каждое существительное вызывает в русском языке в единств. числе представление о роде: мужеском женском или среднем. В отличие от других грамматических категорий, раньше рассмотренных, категория рода не может быть признана сопутствующим представлением о том или ином реальном отношении: категория конкретности и абстрактности соответствует представлению о чем-то осязаемом или неосязаемом; категория одушевленности и неодушевленности соответствует известному реальному различию между представлениями; категория единичности, единственности, совокупности точно так же соответствует реальным представлениям; но уже в категории числа видим отсутствие прямого соответствия между грамматической категорией и природой соответствующих представлений; ср. слова множ. числа, означающие единичные предметы (§ 507). Наши родовые грамматические представления не связаны вообще в настоящее время с реальными родовыми представлениями за исключением, впрочем, названий лиц и животных. Природа представлений, вызываемых неодушевленными предметами, явлениями, отвлеченными понятиями, не дает объяснения, почему, например, *озеро* среднего рода, а *река* женского рода, или почему названия одних городов, сел, рек мужеского рода, а других женского рода. Родовые грамматические представления в их распространении зависят главным образом от того, что с отдельными окончаниями как именит., так и других падежей связались определенные родовые представления: так слова на *-а* вообще все женск. рода; слова на *-о*, *-е* среднего рода; слова на твердую исконно согласную муж. рода; слова с родит. на *-ы*,

[1] (латинский шрифт).

дательн. на *-е*, творит. на *-ою*, *ой*, женск. рода; слова с родит. на *-у*, местн. на *-у* муж. рода; слова на *-ь*, имеющие в творит. *-ью* женск. рода, а имеющие в творит. *-ем* муж. рода. Исключения из этих отношений совершенно ничтожны или случайны. Так у Герцена смешиваются слова *занавесь* женск. рода и *занавес* муж. рода, вследствие чего при *занавес* находим сказуемое в женском роде. Рядом с: *Гоголь приподнял одну сторону занавеси.* Б. и д. I, 305 — найдем: *Когда мертвая тишина вдруг заменила увертюру и занавес стала, как-то страшно пошевеливаясь, подниматься...* Ib. I, 153; *Занавес не подымалась.* Ib. I, 53.

Колебание в роде находим среди слов заимствованных. Французские слова на согласную с *е* muet являются или с основой на твердую согласную, становясь словами муж. рода: *метод, зал, комод, фасад.— Его высокая нравственность была моим эгидом.* И. Дмитр. Взгл. на м. ж. 118; *Читал он нараспев с амфазом, почти всхлипывая.* Слуги ст. в. Сюда же нар. и областн. *секунт, минт* (вм. *минут*).— Арина. *Да ты беги поскорей за девками-то.* Егорушка. *В секунт*! Бедн. не пор. II. Или такие слова являются с основой на *-а*, становясь словами женск. рода: *метода, рутина, эгида.— Николай издал целый том церковных фасад, высочайше утвержденных.* Б. и д. I, 350. Франц. la salle является поэтому и в виде *зал* муж. рода и в виде *зала* женск. рода (немецк. der Saal). *Зала общего собрания, место присутствия, была ими наполнена.* И. Дмитр. Взгл. на м. ж. 140. Но известно еще и третье образование: *зало* средн. рода. La statue — *ста́туя* или *стату́я*, а в народном *стату́й*: *Что ты, как статуй, стоишь?* Горб. На ярмарке, III. Колебания видим и в других заимствованных иностранных словах: *комментарий* и *комментария* у Герцена. *Лучшая комментария на эту умную меру в отчете министра юстиции в графе „Детоубийство“.* Б. и д. I, 126. Eau de Cologne является в женском роде. *Опрыскавши комнату одеколочью.* Б. и д. I, 110,— или в муж. роде; ср. народное. *Или лодеколоню извольте*? Св. Креч. II, 8. Monopole является в женском роде в форме *монополия*, в муж. роде в виде *монополь.— Я не знаю, почему дают какой-то монополь воспоминаниям первой любви над воспоминаниями молодой дружбы.* Б. и д. I, 95. Французские заимствованные слова на *-i* являются в средн. роде: *С князем Владимиром Бельским у меня большое пари.* Б. и д. I, 11; *От роду не загнул ни одного пароли.* Пик. д. I. Иностранные слова не заимствованные являются в том роде, какой свойствен им в соответствующем языке. *Теперь вообразите себе мою небольшую комнату... и наш* tête à tête. Б. и д. I, 53; *От этой mésalliance родня не спасла его.* Ib. I, 64.

Род имен существительных познается, впрочем, не из морфологических окончаний, ибо, как увидим, показания окончаний стоят нередко в противоречии с так называемым естественным родом, о котором скажем дальше, а из синтактических отношений, в которые ставится данное имя: родовая форма согласованного с именем прилагательного в определении и прошедшего времени глагола в сказуемом

указывает на род имени. Эти синтактические отношения свидетельствуют между прочим о том, что бóльшая часть субстантивированных слов несклоняемых, неизменяемых среднего рода: *далече грянуло ура, неожиданное „долой“.— Понимаешь, ты ворона, и что довлеет тебе яко вороне знать свое кра, а не в свои дела не мешаться.* Леск. Собор. II, 1; *Есть тысячи причин, почему...— Я не знаю, граф, вашего почему,— продолжала она.* В. и м. IV, Эпил. 1, VI; *Никакого „но“ не мог отыскать в своей голове Лопухов.* Что делать? II, 21; *Добившись от Дрона покорного „слушаю-с“, Яков Алпатыч удовлетворился этим.* В. и м. II, 2, IX. Рядом: *Да понадеялся он на русский авось.* Пушк. Ск. о попе и раб. его Балде.

§ 513. Наши родовые грамматические представления не связаны вообще в настоящее время с реальными родовыми представлениями: в этих последних не найдется объснения, почему *озеро* средн. рода, а *река* женск. рода, или почему названия одних городов и сел муж. рода, других женск., третьих среднего; род всех этих названий определяется грамматическими окончаниями. Поэтому, например, *Верхотурье* средн. рода, причем из нижеследующего примера видно, что мысль о нем может вызывать представление о муж. роде. *Верхотурье, потерянное в горах и снегах, принадлежит еще к Пермской губернии, но это место стóит Березова по климату, он хуже Березова — по пустоте.* Б. и д. I, 292. Но рядом с грамматическими представлениями о роде в нас живет и сознание реальных родовых представлений, зависимых от наших представлений о естественном поле. Эти реальные представления влияют на грамматические представления, подчиняя их себе. Лица муж. полу вызывают в нас необходимость сочетать с их названиями прилагательные в определении и прош. время глагола в сказуемом в муж. роде, и это несмотря на женские окончания соответствующего названия или на окончания средн. рода. Так, русский язык унаследовал из общеславянского, а этот из индоевропейского праязыка ряд слов муж. рода с основой на *-а* ($\bar{a}$) и женскими окончаниями их в склонении, означающие лица муж. полу; ср. *судья, владыка, голова, убийца, пьяница, батюшка, воевода.* Также *турка* при *турок* у Пушкина: *Из лесу вышел турок... я заступился за бедного турку.* Пут. в Арзр. IV. *Ближайшему родне Оставил по своей покойной же жене.* Капн. Ябеда, V. При заимствованном *коллега* возможно образование *коллег*, судя по нижеследующей форме: *О первом заключении говорил раз с довольно умным коллегом своим, отцом Николаем.* Леск. Собор. I, 5. В древнем и областном языке находим иногда женск. род в прилагательных, согласованных с этими словами муж. рода на *-а*, причем подобная форма прилагательного объясняется внешним грамматическим согласованием, вызванным таким согласованием прилагательных с другими словами на *-а*; ср. *неправедная судья, мировая судья, городская голова, святая владыка.* Также оказываются в числе слов муж. рода некоторые слова на *-о*, *-е*, означающие лица муж. полу: *подмастерье*, областн. *батюшко*,

украинские фамилии на *-ко, -енко*, как *Малько, Морозенко. Всякий вякало* (*дьяк*) *по-своему вякает.* Даль, III, 115. Слово *чадушко* в применении ко взрослому, может быть муж. роду. *Кроме озорства да пьянства ничего от тебя, от подлеца, не видали... Зародился чадушко!* Е. Карпов, Зарево. Ср. еще: *Обедни отошли... А мое чадушко спит, как убитый.* Ib. Некоторые такие слова на *-о* обнаруживают стремление получить или мужеские окончания, или женские, — последние ввиду наличности большого числа слов на *-а* муж. рода. *А лавочник мне вслед: — Ей ты, приживал.* Дядя Ваня, IV. У Лескова: *карло Николай Афанасьевич.* Собор. I, 5; рядом: *Ее господской воли, батюшка, я, раб ее, знать не могу — отвечал карла.* Ib.; *С этим пречудесным карлой.* Ib.; *Так, по-вашему, и упечь ее за какого-нибудь деревенского чучелу?* Св. Креч. I, 3. Сюда же: *батюшка, мальчонка, дядюшка, секретаришка.*

Представление о лицах женского полу не могут повлиять на изменение грамматического рода мужеских слов на твердую согласную, служащих для их обозначения. Слова *доктор, кондуктор, студент* остаются словами муж. рода, когда означают женщину, девушку; это зависит и от того, что слова эти продолжают обозначать и лица муж. полу; для означения женщины, девушки язык охотно прибегает к новообразованиям (*докторша, докторица, студентка*). О замене окончания с твердой согласной окончанием *-а* в словах заимствованных сказано выше. Франц. la gouvernante заменилось словом *гувернанта* и дальнейшим новообразованием *гувернантка.— В старинном доме Ивашевых жила молодая француженка гувернанткой.* Б. и д. I, 64. В некоторых случаях видим переход в женск. род слов среднего рода на *-о, -е*, в применении их к лицам женск. рода. *Такая чучела уродилась, не знаю в кого.* Что делать? I; *Откуда вы, Матрена Панкратьевна, такую сокровищу выкопали?* Горб. Самодур, I[1].

Замечательно, что дети не всегда вызывают представление о половых между ними различиях: слово *дитя*, означающее и мальчика и девочку, среднего рода. *Но, старое дитя, скажи мне, как не стыдно Вдруг струсить от того, что ложно очевидно?* Капн. Ябеда, IV. Но рядом: *Кажется, дитя умыт, причесан, накормлен.* Кап. д. I. Ср. народное *с дитём* или *с дитёй*, следовательно, с мужеским или женским окончанием. *Ребёнок*, например в устах врачей, означает не только мальчика, но и девочку.

Противоположение слов, означающих лиц муж. и женск. полу, обнаруживается и в различных словообразовательных суффиксах. Так, с суффиксами *-арь, -ец, -ин, -ун* связываются представления о лицах муж. полу, с суффиксами же *-арка, -ица, -иха, -унья* представления о лицах женского полу, например: *старостиха, учительница, ученица.— И разумеется, больше говорил с дочерью, чем с управляющим и управляющихой.* Что делать?

---

[1] <В конце страницы приписка:> NB. *Золото* в применении к лицу муж. пола: *Должно быть, тоже нализался, как наше-то золото, по рассуждению Матрены. А золото уже храпело.* Что делать? II, 17.

Менее резки родовые представления о животных. В названиях многих животных, четвероногих, птиц, рыб, насекомых общее слово означает и самца и самку: *слон, носорог, тюлень, крот, кролик, лисица, морж, белка, коршун, соловей, ястреб, тетерев, глухарь, сорока, галка, ласточка, кукушка, иволга, цапля* и т. д. В таких названиях замечаются и диалектные колебания в роде: *мышь*[1], *гусь, лебедь* в литературном языке муж. рода, но в говорах они женск. рода. Некоторые домашние животные имеют различные названия для самца и самки: *козел — коза* (но множ. *козы*), *баран — овца* (*овцы*), *боров — свинья* (*свиньи*), *селезень — утка* (*утки*), *петух — курица* (*куры*), *индюк — индюшка*. Для некоторых домашних животных рядом с общим названием, означающим и самца и самку, существуют специальные названия для самца и самки: *собака* женск. рода (но в белорусском муж. рода) при *кобель — сука*; *лошадь* женск. рода (в белорусском муж. рода), при *жеребец* (*мерин*) — *кобыла*; *гусь* муж. рода при *гусак — гусыня*. В обозначениях животных детенышей родовые признаки вообще не обнаруживаются; слова муж. рода: *цыпленок, щенок, ягненок* обозначают и самца и самку; также *жеребенок*; *теленок* означает самца и самку, но ср. *бычок*, рядом *телка*; частью это объясняется тем, что детеныши в древнем языке являлись в форме средн. рода, сохранившей свои типические окончания во множ. числе (*поросята, жеребята*), но в единственном заменившейся новообразованиями муж. рода. Ср. *теля* средн. рода в пословицах: *Ласковое теля двух маток сосет*; *Городское теля мудреней деревенского пономаря*. Даль, II, 41. В названиях взрослых животных средн. род не удержался по другой причине. *Серко, Воронко, Карько* являются в муж. роде; неударяемое *-ко* заменяется окончанием *-ка*, и слово становится женск. рода. *Жучка, Савраска, Сивка, лошаденка, коровенка* вместо более древних и областных *Жучко, коровенко*. Некоторые из приведенных выше личных суффиксов служат различению также самцов и самок; ср., с одной стороны, *песец, жеребец, самец*, а с другой: *львица, орлица, медведица, волчица, зайчиха*.

Не исключена возможность того, что в древнем языке естественный род становился источником грамматического рода и названий предметов неодушевленных путем их персонификации или анимализации. Так, замечательно, что названия рек и в древнем и в современном языке непременно муж. или женск. рода, в противоположность названиям озер, которые могут быть и средн. рода; в украинском языке *Дніпро, Дністро*, несмотря на свое окончание, остаются словами муж. рода.

§ 514. Грамматическое представление о средн. роде имеет своим источником не только соответствующие окончания (*-о, -е, -мя*), но также и некоторые реальные представления. С средним родом, как кажется, исконно сочеталось представление о неодушевленном предмете. Это можно заключить из того, что личному местоимению (не

---

[1] ⟨Такое же указание, что *мышь* — муж. рода в литерат. языке, дано и в первоначальной редакции этого раздела.⟩

различающему, впрочем, муж. и женск. рода) *кто, никто, я, ты* противополагается предметное местоимение *что, ничто, нечто*. Но, конечно, этому положению решительно противоречили те отношения, благодаря которым с известными грамматическими окончаниями связалось представление о муж. и женск. роде; это было следствием влияния соответствующих слов, означавших одушевленные предметы, лиц, животных муж. и женск. рода; влияние это повело к переходу ряда слов, означающих неодушевленные предметы, в мужеский и женский род. Тем не менее исконное представление о среднем роде, как о роде представлений не личных, было причиной того, что именно в средн. роде являются представления о неодушевленных предметах и отвлеченных понятиях, выраженных субстантивированными прилагательными: *жаркое, пирожное, приданое, малое, разумное, духовное*; для такой субстантивизации не требовалось наличности при прилагательном того или иного слова средн. рода. Равным образом средн. рода оказывается, как мы видели, бóльшая часть субстантивированных слов несклоняемых, неизменяемых.

§ 515. В § 513 указаны те исключения в определении грамматического рода по окончанию, которые обусловлены влиянием естественного рода существительных. Отмечу здесь, что другим источником для таких исключений является влияние основного слова на слова, произведенные посредством уменьшительных и увеличительных суффиксов. Увеличительные на *-ищ-* переходят в муж. или женск. род под влиянием лежащего в их основании слова: *такая бабища, этакий кулачище, грязный сапожище, вот какой он выстроил себе домище*; также *мой домишко, твоя ручонка, рубашонка, убери свою ножищу* и т. п.

§ 515[1]. Категория рода в современном русском языке обнаруживается только в единств. числе существительных; употребляющиеся только во множ. числе существительные (§ 507) стоят вне родовых отношений. Это видно, во-первых, из нередкого вытеснения во множ. числе окончаний, издревле свойственных одному роду, окончаниями, заимствованными из другого рода; ср. между прочим проникновение *-ам*, *-ами*, *-ах* в муж. и средн. род; далее проникновение окончания родит. множ. *-ов* в слова женск. и средн. рода в народном и областном языке: *местов, избов, делов*, а частью и в литературном: *поместьев, платьев, деревьев*; особенно сгладились различия в форме именит. множ., где общим окончанием для всех родов становится *-ы*: ср. литерат. *яблоки*, народн. и областн. *лицы, гнёзды, озёры, зёрны*; где в муж. и средн. роде имеется общее окончание *-ья*: *колья, сучья, деревья, поленья* (в областном также *нивья, лопатья, полянья* и т. д.); где в муж. и средн. роде имеется общее окончание *-á*: *городá, домá, голосá, парусá, летá, сенá, мясá, ситá* (в областном также *старостá, яблоня́, озимя́* и др.). Во-вторых, отсутствие родовых различий во множественном обнаруживается и в том, что невозможно определить род существительных, употребляющихся только во множ.: *сани, дрожжи, (под-) уздцы́, жары́, злыдни* (*Говорил три дни, а все про злыдни*. Даль, III, 112). В-третьих,

отсутствие родовых различий во множ. числе местоимений-существительных, обнаруживающих такие различия в единств. числе: *они* (и *оне*) безразлично для всех родов. В-четвертых, отсутствие родовых различий во множ. числе местоимений-прилагательных: *те, эти, все, одни* (и *одне*), *мои, наши* для всех родов[1]. В-пятых, наличность исконной формы множ. числа средн. рода на *-ята* при единств. числе муж. рода на *-енок*: *телята, ребята*.

§ 516. Категория субъективной оценки. Эта категория обнаруживается не морфологически, как прочие выше рассмотренные категории, а путем словообразовательных суффиксов, дающих основание различать слова со значением увеличительным, уменьшительным, ласкательным, пренебрежительным. Приведу основания, которые побуждают признать категорию субъективной оценки подлежащею исследованию в синтаксисе. Во-первых, суффиксальные образования, относящиеся сюда, не видоизменяют реального значения основного слова: *домик, домина, домище, домишко* обозначают то же представление, что *дом*; следовательно, эти суффиксы имеют другое значение, чем другие словообразовательные суффиксы, при помощи которых выражаются представления, совершенно отличные от представления, выраженного соответствующим основным словом, представления, самостоятельные от него. Ср., с одной стороны, *топорик, топоришко*, с другой стороны — *топорище* в значении рукоятки, деревянной части топора. Во-вторых, особая природа указанных суффиксов обнаруживается и морфологически в согласовании рода производных слов с соответствующим основным словом, о чем мы говорили в § 515: *зипунишко, домишко* или *домишка* муж. рода под влиянием *дом*; *табачище, сапожище* муж. рода под влиянием *сапог*; *головища, ручища, ножища* вм. *головище, ручище, ножище* женск. рода под влиянием *голова, рука, нога*. В-третьих, как отмечено Потебней, уменьшительные и ласкательные суффиксы имен могут влиять на форму согласующихся с ними прилагательных, которые принимают соответствующие уменьшительные или ласкательные формы: *маленький кусочек, сыночек, добренькая старушка, уютненькое местечко, беленький платочек, чистенькая рубашечка*; таким образом, эти суффиксы становятся сами синтактическими факторами, что указывает и на их синтактическую природу.

Приведу несколько примеров. *Мне на спорщицу-женищу, Купить добрую плетищу, Нахрестать ее спинищу*. Аблес. Мельн. II, 13; *Ты и не напялишь его на свои окаянные плечища*. Кап. д. II; *Ведь тебя, мою родную, маслищем конопляным зеленым кормить станут*. Двор. гн. XLV; *Бельище на тебя наденут толстое-претолстое*. Ib. XLV; *Винища-то что выдули*. Вл. тьмы, IV; *Легко-ли деньжищи какие*. Ib. IV; *Не могу я табачища вашего терпеть*. Двор. гн. XXX; *Послушай-ка, дружище!* Крыл. Осел и соловей;

---

[1] ⟨В рукописи следует:⟩ различение *-ые* в муж. роде, *-ыя* в женск. и среднем в прилагательных искусственное и произвольное. ⟨Не включается в текст ввиду отсутствия этого различения в современной орфографии.⟩

Я сама вот из этого самого окна глядела, как наши казачищи моих мужиков колотили и мои амбары грабили. Леск. Собор. I, 5; *Дождь, ветер, холодище, паровоз старый, скверный... измаялся я в эту ночь, прямо сил нет!* Мещане, II; *Кулачище вот какой!* Св. Креч. II, 2; *Лапища по плечу.* Даль, II, 26; *Большой белый домина.* Св. Креч. II, 11; *Вот и ты, поп Савелий, не бездомовник! И у тебя своя хатина будет.* Леск. Собор. I, 5. В нижеследующем примере увеличительный суффикс употреблен для обозначения представления не о величине, а о множестве: *Народят ребятищев да и раскидают по чужим дворам,— ворчала старуха, сидя у ворот.* Слепц. Питомка.

С маленькими гусенками (вар. *гусенятками*). Ревизор, I, 1; *А слышь ты, Василиса Егоровна,— отвечал Иван Кузьмич:— я был занят службой: солдатушек учил.* Кап. д. III; *Небольшую чашечку кофею ничего, право, ничего,— решил князь.* Тыс. душ, II, 1; *Покуда происходили такого рода знаменательные происшествия в моем маленьком мирку...* Ib. II, 1; *Только на виске маленькая ранка и одна только, как есть одна, капелька крови.* Гроза, V; *Под деревцом могилушка... как хорошо!.. Солнышко ее греет, дождичком ее мочит... весной на ней травка выростет, мягкая такая... птицы прилетят на дерево, будут петь, детей выведут, цветочки расцветут: желтенькие, красненькие, голубенькие... всякие, всякие...* Гроза V; *На нем старомодный фрак с крошечной тальецой.* Холост. I.

Уменьшительные суффиксы нередко употребляются для выражения того или иного аффекта, сопровождающего произнесение всей фразы. *Я так довольна, так, матушка, довольна, по горлушко!* Гроза, I; *Волюшки у вас, милостивый государь, нет, характера — вот в чем дело!* Тыс. душ, III, 11; *Ну вот и столковались мы с ней в потемочках, чтобы идти нам с ней к вам.* Бедн. не пор. III; *Наступили горькие денечки, натерпелись от него все.* Двор. гн. XI; *И, наконец, годиков через двадцать, добился генеральского чина, получив полк.* Ib. XIII; *Книжечками не забудьте меня за мою послугу!— говорил ему вслед почтмейстер.* Тыс. душ, I, 7; *А что полюбили мóлодца не из золотца, так не велика еще беда: так и быть должно.* Ib. I, 8; *Съестное, питейцо — пред нею нет чужого.* Капн. Ябеда, I; *Вожжи мои, вожжи! Всё поле извожжали, вокруг головушки не стали* (Глаза). Даль, II, 34; *Долги, долги вожжечки, до неба станут, а вкруг головы не станут* (Глаза). Ib.; *Ему и нуждушки нет.* Св. Креч. II, 15; *Вот накопи деньжат, да и сам женись.* Мещане, I; *Так-таки в зубочки его и треснет.* Холост. III.

Держите его! Этакой фальшивой мужичонко! Гроза, IV; *Проклятый купчишко Абдулин — видит, что у городничего старая шпага, не прислал новой.* Ревизор, I, 4; *Ведь вот, господа, за покойником-то должишко остался, да уж бог с ним.* Помял. Оч. бурсы, II; *Торгуем по-маленьку маслишком, да дегтишком.* Тург. Хорь и Калин.; *При этом возгласе в арестантской кубарем слетел с полатей дежурный десятский, бездомный и бессемейный мещанинишка, слу-*

живший по найму при полиции. Тыс. душ, 1, 8; *Посмотри, один и тот же сюртучишко он таскает три года, ходит без пальто.* Чайка, III.

Понятно, что некоторые из относящихся сюда суффиксов могут образовывать и такие слова, которых нельзя не признать особыми от простых словами ввиду их соответствия другим реальным представлениям. Так *бесенок* является уменьшительным от *бес*, но *котенок* не обозначает маленького кота или кошку, а их детеныша; *яблонка* не обозначает маленькую яблоню, а молодую яблоню, присадок; *березка* обозначает не только небольшую березу, но также срубленную березовую ветку для праздника троицы.

§ 517. Субстантивация. Как мы знаем уже, понятие о существительном не есть понятие морфологическое, а синтактическое; вследствие этого входящие в эту часть речи слова могут и не представлять во внешней своей форме тех особенностей строения и изменения, которые характерны для большинства существительных. Определив же существительное как выражение независимого представления, понятно, что в число существительных придется включить не одни названия лиц и предметов, но также названия явлений, действий-состояний, качеств-свойств, насколько соответствующие им представления являются независимыми, самостоятельными представлениями. Что касается названий действий-состояний и качеств-свойств в их отношении к словам, обозначающим самые действия-состояния и свойства-качества, то по большей части эти названия произведены от данных слов при посредстве словообразовательных суффиксов, причем получают обычную для существительных форму. Ср. слова средн. рода на *-нье, -ние, -тье, -тие,* как *пенье, катанье, страдание, колотье, мытьё, движение, соленье, отправление;* далее слова женск. рода на *-ка*: *поездка, походка, окраска, отправка, белка*; слова на *-ьба: ходьба, молотьба, борьба*; слова на ⟨согласные⟩[1] (основы на *-о*): *ход, рост, подвоз, подступ, спор, полёт* и др. Далее слова женск. рода на *-ота: краснота, высота, простота*; на *-ость: старость, молодость, глупость, малость, робость;* на *-ина*: *ширина, вышина;* на *-изна: укоризна, прямизна* и т. д.

Но в этом параграфе мы имеем в виду рассмотреть не эти субстантивные образования от корней, означающих признаки, а субстантивацию, переход в существительные самых названий признаков. Субстантивироваться могут прилагательные. Как мы видели, муж. род прилагательных в подавляющем большинстве случаев означает лицо муж. полу; возможно, что начало подобной субстантивации дано путем пропуска того или иного существительного, означавшего лицо (например, слов *муж, староста, пристав, человек*), но вообще подобное употребление прилагательного не предполагает происхождения его из сочетания прилагательного с существительным. *Береженого и бог бережет.* Даль, III, 159; *дежурный, десятский, земский* (писарь), *становой, городовой, мастеровой, малый, нищий;*

---

[1] ⟨В рукописи:⟩ на ъ.

больной, безрукий, слепой. Кроме лиц муж. полу, субстантивированные прилагательные могут означать названия часов: *Наконец, в половине осьмого, музыканты засуетились, приготовили смычки и заиграли увертюру из „Танкреда“.* Егип. ночи, III; далее, за пропуском рубль: *целковый;* также *золотой.— Ну, на чаю тоже пропоила с целковый; да вот теперь пошла, целковый рубь дала.* Слепц. Питомка. Уменьшительное *целковенький: Однако, двадцать целковеньких пожалуйте, мне пора.* Пис. Ипох. III.

Разнообразны значения субстантивированных прилагательных женск. рода: они означают лица, например, *горничная,* далее помещение, комнату — изба *бельевая, писарская, въезжая*; *гостиная, столовая,* далее документ — грамота: *духовная, отступная, купчая, мировая.* Ср. еще и другие слова: *А на станциях-то нищая да калека всякая безрукая, безногая.* Горб. На ярмарке, I (м. б. опущено братия). *То есть всю подноготную дознаю, да уж тогда прямо к старику.* Св. Креч. I, 12; *Вот какую нанесло... вот какую нелегкую нанесло — поверить невозможно... Ну просто как омут какой: все взяла нелегкая!* Св. Креч. II, 1. Уменьшительные: *Аким, говорю, дай красненькую, а я уберусь с поля, тебе к Покрову отдам.* Вл. тьмы, III.

Средний род для означения конкретных представлений: *жаркое, пирожное, молочное, горячее, мороженое;* названия податей и поборов: *подушное, выводное, подъемное;* названия отвлеченных представлений: *Но кроме этого было еще одно важное: это было белое у двери, это была статуя сфинкса, которая тоже давила его.* В. и м. III, 3, XXXII; *И он только успел увезти из своего имения свое семейство и все ценное.* Ib. III, 2, IX; *А на меня и платье не из целого кроят. Все с чужого плеча.* Нахлебн. I; *И далекое, невозможное вдруг стало близким, возможным и неизбежным.* В. и м. IV, Эпил. 1, VI. *Прости, не поминай нас лихом!* Крыл. Волк и кук.

Субстантивация местоимений-прилагательных. *Ты наше все, вся надежда, упование наше.* Прест. и нак. I, 3.— Именит. множ. *все, одни;* именит. единств. *каждый, всякий. Всё* в значении все: *Всё уселось и примолкло.* Егип. ночи, III; *Приходя к деревне, всё бросалось к колодцам.* В. и м. III, 2, V; *Петю сдавили так, что он не мог дышать, и всё закричало: ура! ура! ура!* Ib. III, 1, XXI. *Одно и то же:— Без непрактических натур все практики остановились бы на скучно повторяющемся одном и том же.* Б. и д. I, 182. *Первое* в отношении к сообщенному перед этим: *Между прочим он был неумолимо аккуратен и беспощадно честен. Первым он причинял мне немало досад.* Слуги ст. в. IV.

Субстантивация причастий. *Проезжающие, курящие, гуляющие, покупающие, подписавшиеся, праздношатающиеся* и т. д. *— Голос бившего стал до того ужасен от злобы и бешенства, что уже только хрипел.* Прест. и нак. II, 2; *Много проезжающих?— Да, достаточно.* Ревизор, II, 4; *При мне служащие чужие очень редки.* Г. от у. II, 5.

Субстантивация других частей речи не имеет последствием таких слов, которые сходствуют с существительными в способности

изменяться по падежам. Впрочем, некоторые из них принимают форму существительных и прилагательных. *А мне говорили, что вы большой волокита... этак с бацу бьете.* Пис. Ипох. II; *Вот в чем дело-с: вся-то суть-с.* Прест. и нак. III, 5; *И указал на места, на которых должны были быть устроены к завтрему две батареи для действия против русских укреплений.* В. и м. III, 2, XXVII. Вообще же субстантивированные слова оказываются несклоняемыми.

Субстантивация глагольных форм. *Иному ведь страшно слово „засудят“.* Прест. и нак. VI, 2; *То чувствуешь ли и то, что я хил, стар и отупел от всех оных „молчи“.* Леск. Собор. I, 5; *Даже „здравствуй“ не сказал.* Мещане, III; *И никто не видит тех драм, которые терзают душу человека, стоящего между „хочу“ и „должен“.* Мещане, I.

Субстантивация наречий. *Это „хорошо“ Марья Николаевна уже с намерением выговорила совсем по-мещанскому — вот так: хоршо.* Вешн. воды, XXXV; *Мне своего довольно; дочери вашей своего тоже довольно. Если два довольно сложить вместе, в итоге нужды не выйдет?* Св. Креч. I, 15; *Ты разве позабыл, что весь издревле свет Всё на авось-либо надежду полагает?* Капн. Ябеда, II.[1]

Субстантивация междометий. *Прошу за честь сию спасибо вас принять.* Капн. Ябеда, I; *Осмотритесь: ведь вас на фуфу подымают!* Св. Креч. III, 5; *Доктора для Наташи были полезны тем, что они целовали и терли бобо, уверяя, что сейчас пройдёт, ежели кучер съездит в Арбатскую аптеку.* В. и м. III, I, XVI.

Субстантивация сочетаний предлога с существительным. *Старый граф, вдруг принявшись за дело, все послеобеда не переставая ходил со двора в дом и обратно.* В. и м. III, 3, XIV; *Она располагала отложить основательное наслаждение до после-чаю.* Что делать? II, 17[2].

Субстантивация других словосочетаний. *На этом „просто дурак“ сошлись все, даже и те, которые отвергали, что он застрелился.* Что делать? Пред. I; *Ещё мальчишка, „Отче наш“* (вар. *„Отче наша“*) *не знаешь, а уже обмериваешь.* Ревизор, V, 2. Ср. *А я, дедушка, Вотчу до половины знаю.* Вл. тьмы, IV, сц. 2.

§ 518. Сочетание существительных для выражения одного сложного представления. В предыдущем отделе, в синтаксисе словосочетаний, мы уже рассматривали подобные словосочетания, а именно те, в которых рядом с господствующим словом является другое, определяющее его со стороны его качества-свойства, являющееся приложением. Здесь рассмотрим сочетания, в которых оба существительные сохраняют свою синтактическую самостоятельность, выражая одно сложное представление. Во многих случаях допустима наличность пропуска соединительного союза, но несомненно, что в некоторых сочетаниях исключена мысль о таком соединении:

---

[1] <В вставке:> *И отложил-таки малую толику на чёрные дни.* Б. и д. I, 272.
[2] <Приписка:> [не галлицизм ли это?].

сочетание более тесно; оно стоит на границе между сложным словом (образующим одно слово, но вызывающим или могущим вызвать сложное представление, например: *винеторговля, кораблекрушение, землеописание, кровообращение. Саепёки открыли длинное и широкое окно.* Помял. Оч. бурсы, II; *Почт-содержатели откровенно мне говорили, что они не могут вести иначе дела.* Тыс. душ, IV, 12) и двумя словами, соединенными союзом или соединительной паузой. В сложном слове различаются: основная часть сложения и вторая часть, соответствующая зависимому представлению; между тем в словосочетании оба слова соответствуют независимым друг от друга, но сочетавшимся двум представлениям.

Приведу примеры. *У кого — праздник-ликованье, а у кого горе-гореванье.* Е. Карпов, Зарево; *Вон! Змеёныш... я тебя вскормил от пота-крови.* Мещане, IV; *Я к отцу-к матери пришла.* Е. Карпов, Зарево; *Поднялся свежий, белый туман-роса, и над деревней и над домом воцарилась тишина.* В. и м. III, 2, XII; *Она в встречного-поперечного влюбляется, ей-то только не соответствуют.* Пис. Ипох. III; *Ветры буйные, перенесите вы ему мою печаль-тоску!* Гроза, V; *„Хлеб да соль!" говорят, „хлеба-соли кушать".* Помял. Оч. бурсы, II.

Рядом видим такие сложения, в которых одна из частей может быть понята как приложение (не как дополнение) к другой части. *Ipse был чорт-самородок, дух того ада, которому имя бурса.* Помял. Оч. бурсы, II; *Земля-матушка никому не скажет, как корова языком слижет.* Вл. тьмы, IV.

Сочетание имени лица с отечественным именем может вызывать одно общее представление, в котором не различены составные части. Этим объясняется возможность утраты склонения именем в таких сочетаниях. *Лошадей нет,— сказал он,— я и Яков Алпатычу говорил.* В. и м. III, 2, X; *Спохватитесь вы с Гордей-то Карпычем, да уж поздно будет.* Бедн. не пор. III.

То же с теми же последствиями — в сочетаниях имени с некоторыми приложениями, теряющими возможность склоняться: *князь Петру;* ср. прилагательное: *Зело удивъляюсь кнезь Григорьеву писму.* Пис. и бум. П. В. III, 436 (1705).

§ 519. Утрата существительным знаменательного его значения. Во многих словосочетаниях существительное теряет свое самостоятельное значение, сохраняя за собой только смысл звена в данном словосочетании. Сюда относятся, например, слова, как *бог*; в выражениях *бог с ним, бог его знает, бог даст* смысл слова *бог* поглощается смыслом всего словосочетания; ср. областное *бознать што* вместо бог знает что; также *спасибо* вместо спаси бог. Также слово *чорт* как член таких словосочетаний, как *чорт возьми, чорт дери. А ты до сих пор не перенял у ней кабалистики.— Да, чорта с два!— отвечал Томский.* Пик. д. I.; *Ни чорта не понимаю.* Св. Креч. I, 13; также: *ни чертá (ни чертá я не видел; ни чертá не понимает)*, далее *чорт с тобой.* Теряет свое значение слово *человек* в сочетании с (могущими субстантивироваться) прилагательными:

например, *он несносный человек, он человек простой и незлобивый; — Каждый человек из них желал только одного — отдаться в плен, избавиться от всех ужасов и несчастий.* В. и м. IV, 2, XVIII; также в сочетании с числительными: *В темноте человек двадцать различных людей окружили Пьера.* В. и м. IV, 1, XII. Быть может, такие словосочетания, как *бог с ним* и т. п., *чорт знает* и т. п., надо признать словосочетаниями неразложимыми (неразложимыми синтактически), ибо, конечно, трудно признать *бог* в *помилуй бог* подлежащим, в виду сокращения *бог* в *бо* в *спасибо*. Впрочем, имеются несомненно градации между полным значением и отмеченною в подобных сочетаниях утратой значения: существительное может стать служебною частью речи. Ср. переход латинск. homo, немецк. Mann в местоимения: франц. on, немецк. man; с этим переходом можно сравнить употребление слова *люди*, например, в таких выражениях, как *люди давно отпахались, а он все еще почесывается; если не веришь, спроси у людей; люди его научат.*

Особенно легко теряется существительным его знаменательное значение в обращении. Ср. *брат, братец ты мой* (и в отношении к женщине, ср. § 345). Так обратились в частицы слова *сударь* (откуда *-су, -с*) и *староста* (откуда *-ста*). Также *человек* в призыве, зове, обращенном к слуге: *челэк, чаэк.*

Существительное в обращении, ставшем восклицанием, может получить значение междометия, т. е. выражения чувства. Ср., например, *боже, господи, матушка моя, батюшки* и т. п.

§ 520. Переход существительных из одной категории в другую. Нам приходилось уже выше отмечать подобные явления, а именно переход отвлеченных в конкретные. Ср., *жалованье* в значении отглагольного существительного от *жаловать* и *жалованье* в значении платы за труд, вознаграждения; *воскресенье, посылка; печенье хлеба* и *дайте печенья; выражение чувств* и *это неправильное выражение. Забота* может означать предмет заботы, *работа* — результат работы, *сочинение* — авторское произведение.

Далее отметим персонификацию. Морфологически в словах муж. рода она может обнаружиться в том, что винит. падеж единств. и множ. числа принимает окончания родительного. *Чин чина почитает.*

Напротив,— переход собственного имени лица в название предмета. Так, например, *церковь* называется по имени святого, которому она посвящена. *Святая богородица уцелела от пожара.— Исакий-то, Исакий-то один чего стоит?* Холост. I.

Задать храповицкого.— Ну, дайте только пообедать да задать, что называется, храповицкого. Св. Креч. II, 8.

Переход отвлеченного в название лица. *Эй ты, служба! Вели-ка мелюзгу собрать.* Б. и д. I, 281.

Переход собирательного в название индивидуума. *Дядька даже прослезился, узнав, что немчура повел молодого барина самого покупать в лавки готовые сапоги.* Б. и д. I, 91.

§ 521. Переход существительных в другие части речи. Как в прямой своей форме (в именит. падеже), так и в кос-

венных формах (косвенных падежах) существительное может перейти без помощи словообразовательных суффиксов в н а р е ч и е. *Я, знаете, будучи уязвлен, страх как жаждал, чем бы и самому отца Савелия уязвить.* Леск. Собор. I, 3; *Страсть какая добрая; поднимитесь малость повыше; подвиньтесь чуточку назад; она осталась малость позади нас; жаль, жалость; грех.*

Числительным наречием является *раз, сила.* Областн. *куча.*

Наречие из существительного может перейти в союз: *раз вы не желаете, перестанем об этом говорить.*

Наречие из существительного может перейти в предлог: древнерусск. *конец Паритова ручья, верх Хмелевого ручья.*

Случаи, как *домой, долой, дома; середи, верху; перед; силом.*

NB. Сравнит. степени, как *полетее, бережее, побережее.*

§ 522. С к л о н е н и е с у щ е с т в и т е л ь н о г о и е г о с и н т а к т и ч е с к о е у п о т р е б л е н и е. Существительное является в речи в двоякой форме: в прямой форме — в именит. падеже, и в косвенной — в косвенных падежах[1].

И м е н и т. п а д е ж в синтактическом употреблении своем является: *а*) в качестве подлежащего, *б*) в качестве главного члена односоставного предложения (см. § 37), *в*) в качестве сказуемого (примеры см. § 198 и сл.), *г*) в качестве приложения (примеры см. § 372 и сл.).

Употребление именит. падежа в сказуемом объясняется ассимиляцией формы сказуемого форме подлежащего, которое является в именит. падеже. Употребление именит. падежа в приложении точно так же объясняется уподоблением его именит. падежу господствующего слова; если господствующее слово стоит в косвенном падеже, приложение получает тот же косвенный падеж. Но есть случаи, где приложение остается в именит. падеже, несмотря на косв. падеж господствующего слова (примеры даны в § 387).

ГЛАГОЛ.

§ 523. Для грамматического представления о г л а г о л е нами указано, что в состав этого грамматического представления входят слова, являющиеся названиями активных признаков (действий-состояний); прибавим здесь: и мыслимые притом в сочетании с представлением о производителе признака; такая прибавка необходима для того, чтобы отличить глагол от отглагольного существительного, являющегося названием активного признака, отвлеченного от его производителя; ср. различие между словами *стрелять* и *выстрел, ходить* и *ходьба*; правда, мы при слове *ходить* можем и не представлять

---

[1] <В рукописи далее следует:> О косвенных падежах скажем ниже, в главе, следующей за местоимением-существительным; мы рассмотрим в ней синтактическое употребление косвенных падежей. Здесь остановимся на синтактическом употреблении именит. падежа. <Не включается в основной текст ввиду отсутствия такой главы в издаваемой рукописи>.

себе определенно того или другого производителя этого действия, но оно при некотором напряжении вызовет в нас представление или о человеке, или о животном, или о машине — производителях такого действия; конечно, и слова *выстрел, ходьба* могут вызвать представления о словосочетаниях *выстрел охотника, ходьба часов*, но разница со словами *ходить, стрелять* в том, что они не вызывают представления о подобных словосочетаниях с опущенным названием производителя действия, а вызывают представление о самом даже не выраженном словом производителе действия. Признавая, таким образом, основным значением для глагола название активного признака, видим, однако, что часть речи, называемая глаголом, включает в себе не только названия активного признака простые, но также обособленные теми или иными сопутствующими представлениями; из них наибольшее обосложнение вызывается сочетанием глагольного признака с представлением о лице, производителе действия; также сочетанием глагольного признака с представлением о другом активном признаке, выражающем наличность, бытие, появление этого признака; сочетанием глагольного признака с представлением о пассивном признаке, определяющем того или иного его носителя или производителя; далее, сочетанием с представлением об отношении к другому глагольному признаку, сочетанием глагольного признака с звуковым представлением. Сообразно с этим, входящие в представление о глаголе слова могут быть распределены в следующих (шести)[1] отделах: первый отдел заключает в себе название глагольного признака, не обосложненное,— это инфинитив; второй отдел заключает в себе название глагольного признака, обосложненное категорией лица,— это личные глагольные формы; третий отдел заключает в себе название глагольного признака, обосложненное категорией наличности,— это безличные глагольные формы; четвертый отдел заключает в себе название глагольного признака, обосложненное пассивным признаком,— это глагольное прилагательное или причастие; пятый отдел заключает название признака, обосложненного отношением к другому глагольному признаку (деепричастие); шестой отдел — глагольное междометие. Каждый из (шести) отделов должен быть нами рассмотрен отдельно.

Вслед за сим нам придется рассмотреть ряд других сопутствующих глагольному признаку представлений, не легших в основание настоящего деления, но распространяющихся на глагольные формы частью всех (шести) отделов, частью не всех отделов. Такими сопутствующими представлениями могут быть категории вида, залога, времени и наклонения. Здесь так же, как и в предыдущем, мы будем определять только те явления, которые нашли себе морфологическое или иное словесное выражение, а исходить мы будем из морфологических явлений. Смысл последней оговорки выяснится из такого примера: повелительное наклонение вызывает

---

[1] ⟨В рукописи:⟩ четырех ⟨пятый и шестой отделы вписаны позже; ср. дальнейшее изложение⟩.

представление о соответствующей категории (волеизъявление говорящего), такое же представление вызывается формами инфинитива: я рассмотрю способы выражения волеизъявления говорящего в определенных глагольными формами пределах, но оставлю в стороне вопрос о всяких других способах такого выражения (напр., наречиями или косвенными падежами с соответствующей интонацией: *прочь! воды!*).

Отдел I. Инфинитив.

§ 524. *Инфинитив* это название глагольного признака, не обосложненного представлением ни о производителе признака, ни о другом активном или пассивном признаке; инфинитив это наиболее общее название глагольного признака. Как указано, представление об инфинитиве вызывает представление о производителе соответствующего действия-состояния; это подобно тому, как имя прилагательное вызывает представление о носителе соответствующего качества-свойства: всякий признак, пассивный или активный, мыслится обычно в сочетании с производителем, носителем признака. Как увидим, другие глагольные формы частью однородны в этом отношении с инфинитивом (причастие и деепричастие), частью в самой форме своей содержат указание на ⟨носителя⟩ признака (личные формы), частью, наконец, они содержат указание на то, что мыслятся вне сочетания с производителем, носителем признака (безличные формы). Впрочем, при известных условиях инфинитив, оставаясь названием глагольного признака, может и не вызывать представления о производителе признака; это имеет место там, где инфинитив является в качестве дополнения, где он имеет значение объекта (см. ниже). Таким образом различаем *субъективное* употребление инфинитива и *объективное* его употребление[1].

Вопрос о *субстантивации* инфинитива решается отрицательно для русского языка. Субстантивация инфинитива известна, например, из греческ., немецк., франц. языков, которые для этой цели пользуются членом: τὸ φιλοσοφεῖν, τὸ ποιεῖν, das Leben, das Werden. В связи с этим стоит и то, что инфинитив не является в качестве подлежащего (ср. § 126). *Объективация* инфинитива не есть переход его в название субстанции: это только результат зависимого его положения, при котором он не сохраняет всей полноты своего значения.

Субъективное употребление инфинитива рассмотрено в учении о предложении. В односоставных безличных предложениях инфинитив является в качестве главного члена предложения (§ 93); в односоставных неопределенно-личных и определенно-личных предложениях он является в качестве главного члена предложения со значением выразителя волеизъявления говорящего (§ 68—70); в двусоставных согласованных предложениях инфинитив является в каче-

---

[1] ⟨На полях приписка:⟩ О том, что субъект выражается дательн. падежом.

стве главного члена в зависимом составе, т. е. в качестве сказуемого (§ 238, 239); в двусоставных несогласованных предложениях — в качестве главного члена одного из составов, причем главным членом другого состава является или другой инфинитив, или наречие (§ 140 и след.; § 148); в двусказуемых инфинитив является в качестве второго сказуемого (§ 288^1—290); в соединении с вспомогательным глаголом *быть* инфинитив является частью сложного времени; сочетание двух инфинитивов[1].

Объективное употребление инфинитива рассмотрено в учении о словосочетании. Здесь мы различали употребление инфинитива после глаголов переходных (на месте прямого дополнения)[2], и употребление инфинитива после глаголов непереходных[2].

В последней функции инфинитива выделяется его употребление после глаголов движения: инфинитив восходит здесь к достигательному наклонению (супину). (См. § 472). Далее в качестве дополнения инфинитив может являться после названия пассивного признака, выраженного как существительным (§ 470), так и прилагательным (§ 471). Сочетание двух инфинитивов[3].

Категория лица определенного и неопределенного. В односоставных предложениях.

Категория уменьшительности. В русском языке почти не известны уменьшительные формы инфинитива. Ср. их в украинском.

Адвербиализацию инфинитива см. § 584.

NB. Инфинитив безличных глаголов. Сочетается ли с ним представление о субъекте? Я думаю, что такой инфинитив вообще самостоятельно не существует. (Ср. *будет смеркаться; как начнет светать*).

Не признать ли инфинитив выразителем признака как субъекта мысли? Причем субъект действия-состояния мыслится в зависимой форме дательн. падежа. Ср. сходное для безличных глаголов на *-ся (ему работается, мне не спится)*, о чем см. ниже, § 535.

Инфинитив в значении императива.

Быть по сему: здесь субъектом является сам глагольный признак.

Инфинитив с *бы*: см. желательное наклонение.

Отдел II. Личные формы глагола.

§ 525. Личные формы глагола — это название глагольного признака в сочетании с сопутствующими представлениями о лице, связанными с ними представлениями о числе, в известных случаях роде, а также с сопутствующими представлениями о времени, накло-

---

[1] ⟨В рукописи далее:⟩ см. § ⟨Но соответствующий § указать затруднительно⟩.

[2] ⟨В рукописи: см.⟩ § ⟨Но соответствующих группировок в разделе о словосочетании нет; ср. § 472⟩.

[3] ⟨В рукописи далее:⟩ см. § ⟨Но соответствующий § указать затруднительно⟩.

нении, виде и залоге[1]. Эти последние категории мы рассмотрим ниже отдельно; здесь остановимся только на категории лица и числа. Как увидим, эти категории находят себе выражение в самих глагольных формах; но в формах прошедшего времени действительного и страдательного залога словесно обнаруживается только категория числа. Категории 1-го и 2-го лица единств. и множ. находят себе словесное выражение также еще в личных местоимениях: *я, ты, он, мы, вы, они*. Таким образом, личные формы глагола 1-го и 2-го лица имеют два значения: во-первых, в односоставных предложениях — названия глагольных признаков в их сочетании с определенным, а частью и неопределенным субъектом; во вторых, в двусоставных предложениях — названия глагольных признаков вне подобного сочетания. Иначе категория лица обнаруживается морфологически в глагольных формах только в односоставных предложениях, где налицо нет особого выражения для субъекта (для подлежащего)[2]. Что до личных форм 3-го лица единств. числа, то в односоставных предложениях они в литературном языке имеют почти исключительно значение безличных глагольных форм, т. е. глагольных форм вне сочетания с субъектом; только в немногих случаях в областном языке с формами 3-го лица единств. числа соединяется представление о сочетании глагольного признака с неопределенным лицом единств. (единичным представлением): в двусоставных предложениях, где налицо особое слово для выражения подлежащего, глагольные формы 3-го лица единств. числа означают глагольный признак вне сочетания с субъектом. Личные формы 3-го лица множ. в односоставных предложениях означают глагольный признак в сочетании с неопределенным тр<етьим>[3] множ. лицом; в двусоставных же предложениях, где налицо особое слово для выражения подлежащего, глагольные формы 3-го лица множ. означают глагольный признак вне сочетания с субъектом. Там, где мы найдем формы 3-го лица единств. или множ. в двусоставных предложениях вне сочетания с подлежащим, мы должны признать наличность пропуска подлежащего.

§ 526. Категория 1-го лица единств. числа определенно-выраженного. Говорящее лицо обнаруживает себя в личных формах глагола частью морфологически особыми окончаниями (например, *хожу, дам*), частью же синтактически (насколько значение, например, форм 1-го лица единств. *просил, осчастливлен* выясняется из контекста); впрочем, говорящее лицо может обнаружить себя при посредстве личного местоимения 1-го лица: *я*[4]; [особенно

---

[1] <На полях приписка:> В сущности это категория субъекта (залог — категория объекта).

[2] <Здесь знак вставки, по которому намечено перенести сюда часть текста из § 526.>

[3] <Слово не вполне разобрано>.

[4] <Текст в прямых скобках намечен к переносу в § 525; не переносится в издании ввиду некоторой текстуальной неувязки, которая получилась бы при механическом переносе его.>

часто найдем его при тех глагольных формах, которые морфологически не обнаруживаются как формы 1-го лица *(я был, я просил)*, но также и при других формах *(я хожу, я дам, я буду помнить)*. В древнем языке употребление личного местоимения было гораздо реже, чем в современном, причем употребление местоимения вызывалось необходимостью подчеркнуть личность 1-го или 2-го лица; отличие современного языка можно объяснить частью стремлением расчленить нерасчлененные формы, но частью это могло зависеть от утраты форм настоящего времени вспомогательного глагола в сложных образованиях прошедшего времени и естественной замены таких форм личными местоимениями: *был есмь, еси, были есмъ, есте* переходят в *был, были*, что вело дальше к *я был, ты был, мы были, вы были*]. Примеры для односоставных предложений см. § 54; примеры для двусоставных с выраженным подлежащим см. § 165. Категория 1-го лица только в изъявительном и сослагательном наклонении.

Обязательно употребление *я* при формах 2-го лица повелит. для выражения прошедшего времени, для выражения сослагательного наклонения (§ 56, 168, 235—237).

Категория 1-го лица единств. неопределенно-выраженного. Когда говорящий отодвигает свою личность на задний план, сообщая о событиях прошлого времени, неоднократно повторявшихся, занимая ими в красочном изложении слушателя или воскрешая перед собою подобные картины прошлого, он, говоря о себе, может употребить 2-е лицо настоящего времени несовершенного или совершенного вида, нередко с прибавлением наречия *бывало*. 2-е лицо в этом случае вызывает представление о 1-м лице. Происхождение оборота обязано, вероятно, именно тому, что картина прошлого воскрешается перед мысленным взором самого говорящего, обращающегося к себе, как ко 2-му лицу. Примеры — § 61.

Категория 1-го лица единств. числа квалифицированного. Говорящий для придания своим изъявлениям особой важности, причем он дает чувствовать, что за ним стоит та или иная сила, тот или иной коллектив, может обнаруживать себя в формах 1-го лица множ. числа. Примеры. И так же точно говорящий из скромности, скрывая свою личность за другими (ему подобными), может обнаруживать себя в форме 1-го лица множ. числа. Примеры: *мы там не были, мы ничего не знаем*. Наконец, тот и другой способ может вызывать подобное употребление в виде простой манерности. Например, авторы часто говорят о себе в 1-м лице множ. числа, впрочем, быть может, подчеркивая свою авторскую скромность; иногда множ. число автора включает и читателя, т. е. автор солидаризируется с читателем.

§ 527. Категория 2-го лица единств. определенного. Говорящий может обнаружить лицо своего собеседника или морфологически, посредством определенных личных окончаний *(несешь, дашь, проси, дай, ешь)*, или синтактически (значение 2-го лица изъявит. *ездил?* или 2-го лица повелит. *пошел!* или 2-го лица сослагат. *покушал бы* определяется частью из контекста, частью из ин-

тонации); впрочем, говорящий может обнаруживать лицо своего собеседника и посредством личного местоимения 2-го лица единств. числа *ты*. Первый способ в односоставных предложениях: см. примеры § 54; второй способ в двусоставных: см. примеры § 165.

Категория 2-го лица единств. обнаруживается в изъявит., сослагат., повелит. наклонениях. Употребление *ты* при повелит.-сослагат. обязательно.

Категория 2-го лица единств. неопределенного. Говорящий может иметь в виду не конкретного, определенного собеседника, а неопределенного слушателя или читателя, которому должна передаться его мысль. Лицо этого неопределенного собеседника обнаруживается так же, как лицо определенного, т. е. морфологически (окончание 2-го лица единств.) или синтактически (например, в форме прошедшего времени). Редко видим при этом употребление личного местоимения 2-го лица единственного. Такие формы обычны в пословицах, изречениях. Примеры — § 60. Также и в утверждениях, касающихся того или иного несомненного с точки зрения говорящего факта или положения. Примеры — § 60.

Категория 2-го лица единств. числа квалифицированного, определенного и неопределенного. Обращаясь к лицу, старшему по возрасту, положению, а в образованных слоях общества вообще к другому лицу не близко родственному (но нередко и к родителям), говорящий обнаруживает это лицо в формах 2-го лица множ. числа [№, *вы мой благодетель*]. *Будьте справедливым* (в двусказуемых).

Категория 2-го лица в сочувственных обращениях. В обращениях вместо 2-го лица единств. говорящий может употребить формы 1-го лица множ. числа. Здесь, кажется, подражание французскому.

Мы плачем? Мы ушиблись?

§ 528. Категория 1-го лица множ. числа определенного. Говоря о группе лиц, в состав которой входит и он сам, или обращаясь с требованием, побуждением, распространяющимися через такую группу лиц и на него самого, говорящий соединяет с глагольным признаком сопутствующее представление о 1-м лице множ. Соответствующая категория обнаруживается или морфологически (*милости просим, пойдём*), или синтактически (*ходили, страдали*). Впрочем, говорящий может обнаружить эту группу лиц и посредством личного местоимения 1-го лица множ. числа *мы*. Первый способ в односоставных предложениях — § 54; повелит. наклонение — § 55. Второй способ в двусоставных — § 165. Употребление *мы* обязательно при повелит. наклонении для выражения сослагат. наклонения или прошедшего времени.

Категория 1-го лица множ. числа неопределенного. Говорящий может иметь в виду в своих утверждениях не определенную группу лиц, включающую и его, а группу неопределенную, в состав которой он входит потенциально (но не обязательно) в силу родства, соседства, сознания своей солидарности с другими людьми.

И такую группу он обнаруживает теми же словесными способами, как группу определенную. Примеры — § 165. *Что имеем не храним, потерявши плачем.*

§ **529.** Категория 2-го лица множ. числа определенного. Обращаясь к нескольким собеседникам, говорящий обнаруживает личности своих собеседников или морфологически посредством определенных личных окончаний (*несёте, дадите, дайте, ешьте*) или синтактически (значение 2-го лица множ. *устали? пришли наконец, пошли вон* определяется из контекста или из интонации); впрочем, говорящий может обнаруживать своих собеседников и посредством личного местоимения 2-го лица множ. числа *вы*. Первый способ — § 54. Второй способ — § 165.

Употребление *вы* обязательно при повелит. наклонении для выражения сослагат. наклонения.

Категория 2-го лица множ. числа неопределенного. Возможно употребление форм 2-го лица множ. с таким значением, но, быть может, известные примеры отнести насчет категории 2-го лица единств. квалифицированного неопределенного.

§ **530.** Категория 3-го лица единств. числа определенного. Обнаруживается морфологически согласованием глагольной формы с сочетающимся с нею подлежащим; опущенное подлежащее выясняется из предыдущей речи, а иногда из всего смысла данного предложения. Как указано, 3-е лицо глагола с таким значением является только в двусоставных предложениях. Примеры — § 303.

Категория 3-го лица единств. числа квалифицированного. Если говорящий говорит о лице, заслуживающем, по его мнению, особого уважения, выше его поставленного, то в народной речи допускается обнаружение её в формах множ. числа. *Барин ещё не приходили. Мамаша чувствуют себя нехорошо.*

Категория 3-го лица единств. числа неопределенного. Как указано, в литературном языке почти отсутствует; только иногда можно услышать такое неопределенное *говорит.* — *Я прочёл сегодня статью; она оригинально освещает события; мы, говорит, не скоро дождёмся конца мировой войны*, т. е. говорит автор статьи; следовательно, это не может быть примером для неопределенного субъекта при 3-м лице. Примеры из народной речи см. § 66.

NB. *А он невесть что говорит.*

§ **531.** Категория 3-го лица множ. числа определенного. Обнаруживается морфологически согласованием глагольной формы с сочетающимся с нею подлежащим во множ. числе; подлежащее может быть опущено, но оно восстанавливается из контекста или из смысла речи.

Категория 3-го лица множ. числа неопределенного. Для обнаружения неопределенного числа лиц, являющихся производителями или носителями того или иного действия-состояния, соответствующие глагольные формы употребляются в 3-м лице множ. числа. Нет оснований думать о пропуске подлежащего (например, слова *люди*). Такое употребление 3-го лица множ. унаследовано из

старого языка. Оно известно во многих других языках. Современные западноевропейские языки заменили 3-е лицо множ. сочетаниями с man, on, people и т. п.; такая замена представляется не древнейшим оборотом, а новейшим расчленением. Примеры — § 67.

§ 532. Категория числа. Она рассмотрена выше в связи с категорией лица. В древнем языке в глагольных формах различались не два числа, как теперь, а три; двойственное число исчезло в современном языке. Относительно множ. числа замечу, что множ. число 1-го и 2-го лица имеет значение совокупности; *радуемся твоему возвращению* не означает того, что радуюсь я и другой *я*, а что *я* радуюсь вместе с другими, в совокупности с ними. Особенности числа в наличности множ. числа для выражения единств. числа (ср. квалифицированное лицо).

§ 533. Категория рода. Эта категория обнаруживается только в тех глагольных формах, которые восходят к причастиям, следовательно, к атрибутивным глагольным формам; в причастиях наличность родовых окончаний объясняется так же, как в прилагательных, т. е. ассимиляцией формы атрибутивного слова форме определяемого им слова. Но такое объяснение возможно только для форм 3-го лица единств. и множ. числа, которые всегда имеют при себе подлежащие с родовыми окончаниями (сюда относятся и формы личного местоимения *он*, *она*, *оно*, заимствующие свои родовые окончания от заменяемых ими существительных). Но мы находим как в древнем, так и в современном языке (в древнем в сочетаниях причастных форм с вспомогательным глаголом) муж. и жен. род также при 1-м и 2-м лице единств. в главных членах односоставных предложений и в сказуемых двусоставных предложений. В древнерусском *былъ ѥсмь*, *ходила ѥси*. В современном языке: *отказалась*, *вырвался наконец*, *пошла вон; я вернулась, ты меня спрашивала; я подавлен, ты удивлена, я увлечена своей идеей*. Категория рода в сказуемых и главных членах не может объясняться так, как в прилагательных и прочих атрибутивных словах. Ясно, что категория рода в глагольных формах свидетельствует о том, что представление о лице стало обязательно соединяться с представлением о роде; я говорю стало потому, что отсутствие родового различия в местоимениях 1-го и 2-го лица *(я, ты, мы, вы)* показывает, что исконно представление о лице не связывалось с представлением о роде. Развитие категории рода в личных формах обнаруживается, например, и в том обстоятельстве, что в старославянском языке формы 3-го лица двойств. числа прошедшего времени представляли родовые отличия *(видѣста* и *видѣстѣ?)*. Женщина скажет о себе: *была, смотрела, не слыхивала*, а мужчина: *был, смотрел, не слыхивал;* это служит ясным доказательством, что существует *я* и *ты* как муж., так и жен. рода. Во множ. числе родовые различия стерлись и в лицах. Поэтому *мы были, вы ошиблись, вы привлечены к ответственности* могут безразлично относиться как к муж., так и жен. роду.

§ 534. Личные формы вспомогательных глаголов. Так называются те глаголы, которые в двусказуемых сочетаниях не

обнаруживают полноты своего значения. Как мы знаем[1], двусказуемые сочетания могут быть троякого рода: во-первых, перевес принадлежит тому или иному глаголу при наличности во втором сказуемом деепричастия; во-вторых, перевес принадлежит глаголу движения или состояния при наличности во втором сказуемом существительного или прилагательного; в-третьих, перевес принадлежит второму сказуемому, выраженному инфинитивом, причастием, существительным, прилагательным, при наличности в первом сказуемом глагола состояния. Вот эти глаголы состояния, утратившие полноту значения под влиянием сочетавшихся с ними вторых сказуемых, называются в с п о м о г а т е л ь н ы м и. В вспомогательных глаголах различаются две группы: первая, в которую входят глаголы, утратившие или изменившие только часть своего реального значения: в русском языке сюда относятся, например, *стать, сделаться* (см. § 258); вторая, в которую входят глаголы, утратившие все свое реальное значение и сохранившие только сопутствующие реальному (так называемые формальные) значения: в русском языке сюда относится глагол *быть* (см. § 251).

Таким образом, глагол *быть* стал в русском языке, точнее в его предке, именно в двусказуемых предложениях простою с в я з к о й. Главным сказуемым оказывалось имя существительное, прилагательное или причастие. Рядом в нем существовал исконно тип односказуемых предложений со сказуемым, выраженным теми же частями речи; такие сказуемые (существительные, прилагательные) могли возникать именно в тех случаях, где в предложении утверждалась связь сказуемого с подлежащим вообще, безотносительно ко времени и вне других условий (условий наклонения). Вполне естественно то влияние, которое обнаружилось между указанными двусказуемыми с в я з о ч н ы м и предложениями, с одной стороны, и односказуемыми б е с с в я з о ч н ы м и предложениями, с другой; связочные предложения передавали свою связку настоящего времени бессвязочным, ибо настоящее время может означать и обычные, вневременные отношения (например, *он много работает, он голодает, болеет, старится*); напротив, они утрачивали связку под влиянием бессвязочных по той же причине. Борьба между исконно двусказуемыми (связочными) и исконно односказуемыми (бессвязочными) предложениями может быть прослежена в древнеиндийском, древнегреческом (гомеровском) языке; но позже она в разных языках индоевропейской семьи окончилась различно: в латинск., греческ., немецк., например, бессвязочные были вытеснены связочными, сохраняясь только в общих изречениях, пословицах; то же случилось и в южных и в западнославянских языках; но в русском языке верх одержали бессвязочные предложения. Это сопровождалось исчезновением связки со значением настоящего времени; связку, выраженную настоящим временем глагола *быть*, мы теперь совсем не находим в русском языке; только в некоторых говорах сохранилось 3-е лицо *есть*, *е*. Исчезновение форм настоящего времени

---

[1] ⟨В рукописи далее:⟩ из §. ⟨Но соответствующий § указать затруднительно.⟩

глагола *быть* повело к исчезновению таких форм и в исконно односказуемых предложениях, где они имели значение не связки, а глагола с реальным значением. Вот почему в отделе, посвященном личным формам глагола, приходится нарочито упомянуть о личных формах вспомогательного глагола *быть*: они исчезли именно в формах настоящего времени и повлекли за собой исчезновение форм настоящего времени глагола *быть* также в односказуемых предложениях, где он сохранил свое реальное значение. Таким образом, в предложениях исконно односказуемых и исконно двусказуемых со сказуемым, выраженным формой настоящего времени глагола *быть*, категории лица не находят себе морфологического выражения и обнаруживаются только синтактически, а именно посредством интонации и контекста, а также и при помощи личных местоимений 1-го и 2-го лица. Ср. односоставные предложения типа *виноват* (§ 71) и двусоставные типа *я доволен, отец нездоров* (§ 214), *мать больная* (§ 215), *пила деревянная* (§ 217). Родовые категории в двусказуемых предложениях находят себе выражение в формах имени существительного, прилагательного, причастия, стоящих в сказуемом: *я царица; ты прав, а я виновата*.

Исчезновение форм настоящего времени глагола *быть* повело за собой такие односказуемые предложения, где сказуемое выражено прошедшим временем на *-л* (некогда причастием) и причастием прошедш. страдат. на *-н*, *-т*. Таким образом, личные формы вспомогательного глагола в своей истории имели значение и в развитии категории времени.

Отдел III. Безличные формы глагола.

§ 535. Под безличными формами глагола разумеем не те формы, в которых нет морфологического обнаружения категории лица (к каковым относятся, например, инфинитив, глагольное междометие), но только те, в которых словесно обнаруживается безличность. Безличность же глагольной формы в русском языке обнаруживается морфологическим окончанием 3-го лица единств. числа при невозможности сочетать ее с каким бы то ни было подлежащим. Нам не приходится обсуждать здесь вопрос о происхождении безличных глаголов. Считаем однако необходимым заметить, что происхождение их путем эллипсиса не представляется доказанным, хотя и возможно, что эллиптическим путем с течением времени увеличилось их число; но эллипсис не мог быть началом рассматриваемой грамматической категории. Главным доказательством в пользу эллиптического происхождения безличных глаголов является наличность в них суффикса 3-го лица единств. числа; этот морфологический элемент как будто свидетельствует о происхождении безличных форм 3-го лица единств. из личной формы. Но такому предположению можно противопоставить другое объяснение, а именно вероятным представляется, что первоначально в индоевропейском праязыке безличные формы глагола являлись без указанного морфологического элемента и

представляли необосложненную суффиксом глагольную основу; но так же выражалось некогда и 3-е лицо личных глаголов, о чем можно заключать, во-первых, из таких славянских форм 3-го лица, как *несе*, *бере*, ⟨в разные эпохи в разных языках, между прочим, в современных диалектах русских⟩[1], во-вторых, из аналогии других языков, например финских (см. статью в FUF). Но с течением времени, и притом, вероятно, под влиянием наличности суффиксов в 1-м и 2-м лице, личный суффикс получила и форма 3-го лица единств.: bhere получило при себе bhereti. Это bhereti частично или окончательно вытеснило bhere, что повело к замене древней формы безличного глагола, например, vrse через vrseti. Ср. с этим появление в романских языках il pleut, итал. il piove на месте латинск. pluit под влиянием того, что scribit, dicit, legit и т. д. в предложениях двусоставных недостаточных систем заменялись через il écrit, il boit, il mange, и т. д. (что, вероятно, явилось в результате замены в односоставных предложениях scribo, bibo, vis и т. д. через j'écris, je bois, tu veux).

О значении безличной формы глагола мы говорили выше (§ 78), указывая на то, что выраженный такой формой главный член односоставных предложений вызывает представление о полном предложении, т. е. о сочетании психологического субъекта с психологическим предикатом. Это сочетание и нашло себе словесное выражение в безличной форме глагола; при этом психологическим субъектом является не та или иная субстанция, производящая, вызывающая признак, — такой субстанции нет и следа, — а самый этот признак; психологическим же предикатом является его наличность, его бытие, его наступление. Таким образом, в безличном глаголе активный (глагольный) признак мыслится без субъекта-производителя, и это зависит от того, что от представления о данном признаке зависит представление о другом признаке; ср. с этим отмеченную выше объективацию инфинитива; инфинитив вызывает представление о действующем лице; но только там, где он является в зависимом положении от представления о другом признаке, он имеет значение глагольного признака вне его сочетания с представлением о субъекте[2].

Как увидим ниже, в русском языке морфологически обнаруживается в числе других залогов залог безобъектный, т. е. такой, в самой форме которого содержится указание на то, что при нем не может мыслиться внешний объект; одинаковую форму имеют глаголы, по значению своему мыслимые с внутренним объектом, каковым является сам субъект, производитель-носитель действия; морфологическим признаком является окончание *-ся*. То же окончание служит и для образования некоторых безличных глаголов, выражая при этом полноту проявления данного глагольного признака. Таким образом, кроме вышеуказанного морфологического обнаружения безличных глаголов, они могут обнаружиться еще кроме того в окончании *-ся*, с которым соче-

[1] ⟨Восстановляется предположительно из сильно сокращенных слов.⟩
[2] ⟨На полях приписка:⟩ NB. Деепричастие от безличных. См. Синтаксис предложения, § 29.

тается особое сопутствующее представление о полноте проявления глагольного признака (об этой категории скажем ниже при рассмотрении категории залога).

Безличные глаголы русского языка по своему значению распадаются на три класса[1]. В таких безличных глаголах на *-ся*, которые обнаруживают полноту проявления глагольного признака, глагольный признак мыслится таким образом в субъекте; предикатом является признак проявления глагольного признака; что до субъекта-производителя глагольного признака, то он мыслится в зависимом положении, в качестве объекта. Это дает основание провести аналогию между такими безличными глаголами, как *мне не спится* и инфинитивами; *ходить*, *спать*, по крайней мере в односоставных предложениях в качестве главных членов, соответствуют также сочетанию глагольного признака с признаком наступления, окончания, вообще проявления, причем субъект — производитель-носитель действия-акта мыслится в зависимом положении, в качестве объекта. Из предыдущего следует, что безличные глаголы распадаются на четыре главных отдела: I. Названия явлений природы, где совсем отсутствует представление о субъекте-производителе действия; II. Названия внутренних физических переживаний организма, где представление о субъекте застилается представлением об организме субъекта (субъект в винит.); III. Названия внешних переживаний субъекта, где частью путем эллипсиса умолчано о производителе действия; IV. Названия внутренних волевых и нравственных переживаний субъекта, где представление о субъекте застилается представлением об его духовной личности (субъект в дательн.) Примеры.[2].

От безличных глаголов должна быть отделена безличная связка *есть*. Мы находим ее в древнем языке при наречиях, выражающих главный член односоставных предложений: *вѣдомо есть, бодрѣ есть, льзѣ есть, лапь есть* и т. д. Этой связкой как в настоящем времени, так и в других временах (прошедш. в древн. языке *бѣ, бысть*, будущ.— *будеть*) определяются не личные или безличные отношения, а только отношения во времени и наклонении (ср. *буди, было бы*). В современном русском языке *есть* опускается и в этих случаях. Такова же роль связок *есть, было, будет* и т. д. при инфинитиве. Можно предполагать, что исконно рядом с сочетаниями инфинитива, наречия с *есть* существовало и употребление инфинитива без *есть*, причем инфинитив, наречие без *есть* означали неопределенный момент, между тем как инфинитив с *есть* означал развитие действия, его проявление именно в настоящее время. Когда *есть* стало проникать в исконно бессвязочные предложения, ему открылся доступ и в такие предложения, которые раньше выражались одним инфинитивом или одним наречием: *вѣдомо есть, видѣти есть* стало означать не только настоящее время, но проявление, наличность признака вообще.

[1] ⟨Следовавшее далее перечисление трех классов зачеркнуто; см. след. примечание.⟩

[2] ⟨На полях приписка:⟩ Неверно. Гораздо больше.

Возможно, что эта безличная связка *есть, бысть, будеть* оказала сильное влияние на развитие безличных глаголов. В частности она употреблялась при наречиях количественных, как *много, мало, нѣколико* и т. п. для обозначения именно наличности в настоящем времени; эти наречия имели при себе родит. разделительный. Родит. разделительный проникал из таких предложений в предложения отрицательные с *нѣсть, не бысть, не будеть; мало есть молока, много бѣ хлѣба* вызывали *нѣсть молока, не бѣ хлѣба* — притом еще в общеславянском праязыке. Это имело последствием распространение подобной конструкции на всякие вообще предложения, где что-нибудь отрицалось: *не бысть грѣха, нѣсть спасения, не будеть милости;* причем, следовательно, таким путем в подобный оборот втянулся глагол *быть* уже не как вспомогательный глагол, а как глагол существования. Это повело к тому, что такая же конструкция распространилась и на другие глаголы существования: в современном русском языке родительный при *нехватает, не родится, не имеется, не случилось, не произошло, не встретилось, не возникло, не достанет, не прибудет, не выйдет.* Таким образом укрепилась безличная конструкция с родит. разделительным в отрицательных предложениях. И эти безличные глаголы составляют особый отдел среди безличных глаголов.

Наличность безличной связки при количественных наречиях в связи с некоторыми другими еще явлениями оказала влияние на развитие еще некоторых синтактических явлений. *Мало есть молока, много есть хлѣба* могли иметь двоякое значение: с одной стороны, ими утверждалась наличность выраженных наречиями отношений, а с другой, утверждалось существование малого количества молока и большого количества хлеба; это зависело от двоякого значения *есть, бѣ, будеть;* они могли быть связками, обнаруживающими категорию времени, они могли оставаться глаголами существования; в одном случае они были синтактически связками в односоставных предложениях, а в другом они были сказуемыми в предложениях двусоставных. Эта вторая их синтактическая функция имела последствием приобретение такими сочетаниями, как *мало молока, много хлѣба,* значения подлежащего, т. к. *есть, бѣ, будеть* вызывали представление о субъекте выражаемых ими признаков бытия, и выразителями субъекта были признаны указанные количественно-именные сочетания. С течением времени и притом возможно, что, в связи с такою новою синтактическою функцией количественно-именных сочетаний, к переходу в количественные наречия стали стремиться все вообще количественные определения, будь они выражены именами существительными или числительными с функцией прилагательных или с функцией существительных.

Это имело место уже в русском языке. Количественно-именными сочетаниями в русском языке являются, например, такие, как *два человека, три лошади, четыре коровы,* с одной стороны, *пять кувшинов, шесть селедок, сто яиц,* с другой. О таких сочетаниях говорено выше — § 44. При них глагол является в форме 3-го лица единств. числа, но я думаю, что во всех подобных предложениях,

т. е. в предложениях типа *много хлеба лежит на столе, на столе имеется два подсвечника, в углу валялось два куска мыла* — *лежит, имеется, валялось* нельзя понимать как формы безличного глагола, а только как сказуемые, т. е. признаю *много хлеба, два подсвечника, два куска* за подлежащие. Подтверждение такого взгляда вижу в возможности оборотов, как *на столе имеются два подсвечника, в углу валялись две тряпки, валялись два куска мыла;* если в этих предложениях неизбежно признание подлежащими *два подсвечника, две тряпки, два куска,* так как иначе мы не поймем множ. числа *имеются, валялись*, то и в предыдущих предложениях мы в праве признать их также подлежащими и объяснить различие в согласовании так, что слова со значением собирательности, совокупности допускают при себе сказуемое как в единств., так и во множ. числе.

Как мы видели, особенно распространенным типом безличных глаголов являются безличные глаголы существования, бытия: *было, стало, бывает, доходит, случается* и т. д. Думаю, что именно это обстоятельство вело к вытеснению безличными формами глагола соответствующих личных форм. Повидимому, именно это содействовало сохранению формы *есть* в односоставных предложениях, между тем как вообще *есть* исчезло. Ср. предложения типа *есть у нас от хозяина письмо*; что *есть* является безличным глаголом, видно в особенности на случае, где при *есть* множ. число: *есть люди, которые говорят.* Ср. с этим франц. il y avait un petit garçon. Сравнение это особенно полезно для определения синтактического строя соответствующих предложений; это предложения двусоставные, но не согласованные; в одном составе главным членом является безличный глагол, а в другом именит. падеж существительного. Примеры таких предложений — см. § 432.

Отдел IV. Причастие.

§ 536. Причастие это название глагольного признака, обо-сложненного представлением о пассивном признаке, т. е. представлением о свойстве или качестве; таким образом, причастие является глагольным прилагательным; это такая форма (часть речи), которая совмещает грамматические свойства глагола и прилагательного. В древнем языке причастие имело весьма широкое развитие. Оно образовывалось от глаголов действительного и страдательного залога; оно образовывалось от глагольной основы как настоящего, так и прошедшего времени; оно склонялось, как прилагательное, и образовывало как нечленные, так и членные формы; кроме причастий атрибутивных, древний язык имел причастия прошедшего времени на *-л*, получившие с течением времени только предикативный характер; впрочем, к предикативности стремились и другие атрибутивные причастия, что видно из соединения их с вспомогательным глаголом для образования сложных времен типа *бяху ловяще, бѣ бо имѣя, суть ожидающе.* С течением времени причастия сильно сократились в своем синтакти-

ческом употреблении. Оставляя пока в стороне литературный язык, где в этом именно отношении сказалось сильнейшее влияние церковнославянского языка, двойственная природа причастия расслоилась; одни причастия перешли в чисто предикативные слова, другие стали настоящими атрибутами, т. е. перешли в прилагательные. Во-первых, русский современный язык унаследовал предикативное употребление причастий на *-л*: благодаря опущению вспомогательных глаголов (*есмь* и т. д.) причастия эти стали означать формы прошедшего времени и вытеснили как древний аорист, так и давнопрошедшее. Во-вторых, причастие настоящего времени, сохранив значение второстепенного сказуемого, каковым оно является и в древнем языке, потеряло формы склонения (падежные и родовые) и превратилось таким образом в глагольное наречие. В-третьих, причастие прошедшего времени сохранилось в такой же функции, получив кроме того в областном языке значение и главного сказуемого в соединении со связкой (опущенной в настоящем времени). В-четвёртых, причастия настоящего и прошедшего времени в функции атрибутов частью исчезли совсем из употребления, а частью превратились в прилагательные: ср. такие причастия, как *горячий, сидячий, стоячий, летучий, пахучий, падучий, жгучий, тягучий, ползучий, висячий, колючий*. В-пятых, такую же функцию получили в народном языке заимствованные из литературного и церковного причастия на *-ающий, -еющий: богатеющий, важнеющий;* некоторые из них получили значение превосходной степени, несомненно, вследствие смешения с формами на *-айший, -ейший* (или обратно: *нижающий, богатеющий* вместо *богатейший, широчающий*). В-шестых, причастия страдат. настоящ. исчезли совсем (впрочем, *съедомо, любимый, родимый* со значением прилагат.). В-седьмых, причастия страд. прошедш. в нечленной форме имеют значение сказуемого, причем, как увидим, без связочного *есть* значение перфекта, а со связками *был* и *буду* значение прошедшего и будущего времени. В-восьмых, причастия страдат. прошедш. в членной форме в значительном числе случаев получили значение прилагательных (см. *валяный, битая посуда, колотая рана, пуганая ворона, строганые доски, воженый*), хотя возможно, что среди них и в народном языке есть слова со значением причастий.

Что до литературного языка, то он сохранил унаследованные от церковнославянского языка причастия действительные на *-ащий*, *-ущий* (звуковой облик доказывает их нерусское происхождение), *-вший*, *-ший*; также причастия страдательные на *-анный*, *-енный* (форма с двумя *н*, как видно из памятников, явилась на почве старославянского языка). Но под влиянием народной речи литературный язык в предикативной функции сохраняет только выделившиеся из причастий деепричастия. О синтактическом употреблении последних скажу ниже.

§ 537. Синтактическое употребление причастий представляется в литературном языке нижеследующим. Причастия н а с т о я щ. и п р о ш е д ш. д е й с т в и т. з а л о г а — это исключительно глагольные прилагательные, названия глагольных признаков с атрибутивным сопутствующим значением; они являются только в членной форме, что связано

именно с их атрибутивным значением. Причастие страдат. наст. времени употребляется сравнительно редко; оно известно в атрибутивном значении в функции определения, причем является при этом в членной форме; в предикативном значении причастие является лишь в нечленной форме, причем служит для образования настоящего времени страдат. залога (без посредства связки): *он любим*, *они всеми уважаемы, вы уважаемы;* впрочем, наст. время страдат. залога обычно образовывается при помощи возвратных форм, и этим объясняется редкость подобных указанным оборотов; для образования прошедшего и будущего причастие соединяется с вспомогательным глаголом *был, буду*; и эти образования весьма редки: *вы были любимы, ценимы*; причина та же — образование посредством возвратной формы[1]. Широкое, напротив, употребление имеет причастие страдат. прошедш.; в членной форме это определение, причем особенно обычно причастие образовывается от глаголов совершенного вида (причастия прошедш. страдат. от глагола несовершенного вида не удваивают, как кажется, *н* и близки по значению к прилагательным)[2]; в нечленной форме это сказуемое со значением без связки — перфекта страдат., а со связкой *был* и *будет* — прошедшего и будущего времени страдательного залога. В этой нечленной форме, так же как в прошедш. времени на *-л*, различаются число единств. и множ., но множ. имеет окончание *-ы*, не *-и*, что объясняется именно различием значения: *были, играли, видели* как формы активные, имеют окончание, свойственное лицам муж. рода (ср. выше § 511), между тем как *биты, привлечены, одеты*, как формы пассивные, чаще сочетаются с названиями предметов, чем лиц. Родовые различия.

Мне остается сказать еще несколько слов об отличии причастий в их атрибутивном употреблении от прилагательных. Причастие означает слово атрибутивно-предикативное, между тем как прилагательные членные означают исключительно атрибут.

Субстантивация. Адъективация.

Отдел V. Деепричастие.

§ 538. О происхождении деепричастий сказано выше; это потерявшие родовые, числовые и падежные окончания причастия наст. и прошедш. времени, причем они являются в форме или именит. единств. муж. рода (например, *любя, прибыв, спустя)*, или именит. множ. того же рода (*будучи, едучи, крадучись*), причем *-чи* вытеснило более древнее *-че*, повидимому, под влиянием господствующего в словах муж. рода окончания именит. множ. (ср. *были*). По значению и синтаксическому употреблению настоящие деепричастия должны быть отделены от тех деепричастий, которые превратились в наречия. На-

---

[1] 〈На обороте страницы:〉 *Отпускаемы, приготовляемы* предикативно, например, после: *могут быть.*

[2] 〈На обороте страницы:〉 От производных глаголов на *-ать* нет причастий на *-ный*; например, *направленный* от *направить*, *брошенный* от *бросить*.

стоящим **деепричастием** называем только такое деепричастие, которое употребляется в форме второстепенного или (диалектно) также и главного **сказуемого**. Второстепенное сказуемое находим в двусказуемых предложениях, причем указанная синтактическая функция деепричастий свидетельствуется, доказывается их прямою связью с подлежащим. На этом основывается грамматическое правило, по которому деепричастие может быть употреблено только тогда, когда в предложении имеется подлежащее. Примеры употребления деепричастия даны в § 285—288. Однако имеется немало примеров, где деепричастия входят в односоставные предложения, образуя вместе с ними в составе придаточного предложения предложение сложное. Ср. тип *сняв голову, по волосам не плачут*, где *сняв* относится к тому неопределенному лицу, которое является субъектом действия *плачут*; другие примеры см. § 116. Ср. *умывшись приходите к нам*, где деепричастие относится к определенному лицу множ. числа, ср. § 116. В областном языке деепричастие прошедшего времени выступает в функции главного сказуемого. Примеры см. § 243. Наконец, находим в областном языке деепричастие и в качестве главного члена односоставного предложения, причем, с одной стороны, являются обороты, где субъект действия, выраженного деепричастием, является в форме родит. падежа в сочетании с предлогом *у* (*у него за коньми ушедчи*), а с другой — деепричастие образуется от безличных глаголов (*он поехал рассветамши*).

Адвербиализацию деепричастий см. ниже — § 584.

Отдел VI. Глагольное междометие.

§ 539. Это такое название глагольного признака, которое в своей звуковой форме обнаруживает стремление говорящего воспроизвести в нем хотя бы условно звукоподражание, напоминающее или указывающее на быстроту, резкость произведенного действия. С глагольными междометиями нельзя смешивать простые междометия; глагольное междометие неизменно вызывает в нас представление о **прошедшем времени** и притом **совершенного вида**; вот почему его и должно отнести к глагольным формам. Но в них не обнаруживаются ни категория лица, ни категория числа; поэтому неизбежно их сочетание с личными местоимениями или названиями подлежащего 3-го лица. Возможно, что глагольное междометие и сложилось и образовалось под влиянием исчезнувших форм аориста, что, быть может, указывало бы на ту дифференциацию, которая установилась между формами прошедшего времени на *-лъ* и формами аориста. Форма многих аористических образований сходствует с глагольными междометиями (*стук, двиг, порх, толк, бух, чебурах*), а именно — сильного аориста; быть может, именно сильный аорист и получил значение мгновенного вида. Сигматический аорист 1-й напоминает такая форма, как *бац* — ср. 1-е лицо *басъ* от *боду*. Примеры для глагольных междометий см. § 241.

NB. Связь с императивом (*хлысть*).

1. КАТЕГОРИЯ ВИДА.

§ 540. Анализ глагольных форм со стороны их значения показывает, что со многими из них более или менее определенно связывается, как нечто сопутствующее, представление о том или ином развитии действия-состояния, о том или ином его ходе. Оценка развития и хода действия-состояния производится говорящим в зависимости от тех условий, в которых протекает действие-состояние: говорящий может иметь в виду или его продолжительное течение, или полноту его проявления в его начале или в его окончании, или вообще в результате, далее — моментальное проявление действия или ограничение действия известными промежутками времени, наконец, — определенность или неопределенность данного движения и др. Некоторые из таких видовых категорий нашли себе морфологическое выражение, другие определяются синтактически. Все эти категории соотносительны: возможность выразить полноту проявления действия в его начале или окончании предполагает возможность выразить и его обычное течение; возможность выразить определенность движения предполагает возможность выразить и его неопределенность. Как это особенно ясно из морфологических способов обнаружения видов, все они распадаются на два основных вида: вид несовершенный и вид совершенный. Несовершенный вид означает обычное, неквалифицированное действие-состояние; совершенный вид означает полноту проявления действия-состояния. Эти оба вида в отношении разных других оттенков можно назвать основными. Морфологические отличия между ними выражены наиболее резко [1].

§ 541. Несовершенный и совершенный вид. Морфологические отличия между обоими видами выяснены в учении о формах. Здесь я укажу лишь кратко, что наиболее существенным отличием совершенного вида от несовершенного является то, что совершенный вид представляет глагольную основу в сложении с предлогами, а несовершенный вне такого сложения (*есть*, но *поесть, заесть, съесть, надоесть; пить*, но *выпить, испить, попить*, *отпить, запить, распить*). Это основное и исконное отличие между обоими видами; очевидно, префикс, сочетаясь с глагольной основой, видоизменяет ее значение именно в смысле полноты проявления признака; но префиксы (так же, как предлоги в соединении с падежными формами существительного) вносят и реальное изменение в значение признака, в частности осложняя его локальными и другими обстоятельственными представлениями. Вследствие этого, например, *запить* отличается от *пить* не только тем, что означает полноту проявления признака *пить*, но также и тем, что означает — пить вслед за принятием другой пищи; *запить* означает таким образом полноту проявления не просто признака *пить*, а признака, обосложненного только что указанным представлением о наступлении признака *пить* за принятием другой пищи; для выражения такого представления, не свя-

[1] ⟨На обороте страницы:⟩ NB. Надо сказать о том, что при запрещении инфинитив только в несоверш. виде: *не бросать! не высовывать рук!*

занного с представлением о полноте проявления признака, т. е. для выражения его в несовершенном виде, язык прибегнул к новообразованию, а именно создал при *запи-* производную основу *запива-*. Подобные производные основы для выражения несовершенного вида возникают при всех основах совершенного вида, сложенных с такими префиксами, которые вносят изменение в реальное значение глагольной основы (некоторые префиксы не вносят в те или другие глаголы такого изменения). Таким образом, вторым основным отличием обоих видов является то, что глаголы, сложенные с предлогами и представляющие основу производную, имеют значение вида несовершенного.

Мы не можем здесь останавливаться на вопросе о происхождении рассматриваемых видовых отличий; весьма вероятно, что первоначально они возникали и не в связи с образованием сложных глаголов. Но с точки зрения славянских и русского языка в частности представляется возможным, что развившись именно в сложных глаголах (*есть — заесть — заедать*), такие видовые отличия переносились и в основы несложных глаголов, причем из существующих рядом двух основ основа непроизводная получала значение совершенного вида, а производная — вида несовершенного; ср. *бросить — бросать, хватить — хватать, ступить — ступать, дать — давать* и т. д. Развившись в этих рядах глаголов, сложных — с одной стороны, несложных — с другой, виды совершенный и несовершенный возникали и в некоторых таких глаголах, которые не имели средств развить их морфологически; имеются глаголы, основа которых имеет два значения — и совершенное и несовершенное: *женить, крестить*, а также новообразования на *-ировать*. Глаголы мгновенные на *-нуть*[1].

Кроме этих морфологических отличий, между основами совершенного и несовершенного вида имеются и другие. Так, глаголы соверш. вида для выражения будущего времени употребляют формы настоящего времени; настоящее время этих глаголов имеет непременно значение будущего времени, между тем глаголы несоверш. вида образуют будущее время описательно, посредством соединения *буду* с инфинитивом; такое сложное образование будущего в глаголах вида совершенного недопустимо. Далее, глаголы соверш. вида не образуют причастий настоящ. времени (в литературном языке), а соответствующие им деепричастия имеют значение прошедшего времени (*придя, отступя*), между тем как глаголы несоверш. вида образуют причастия и деепричастия настоящего времени (*дающий, зная, сознавая*). Причастия

---

[1] <На полях:> Многократные в соединении с предлогами не теряют несоверш. вида. <На обороте страницы:> Возможно и совершенное образование: с той или иной основой издавна соединялось представление о совершенном или несовершенном виде; в частности с основной на *-а* — несовершенного вида. Появление глаголов сложных соверш. вида произвело расслоение такого рода, что совершенного вида оказались вообще глаголы сложные или коррелятивные с производными на *-а*. Ср. соверш. вид в *лягу, сяду*. NB *Найти — находить*. Это надо сказать подробнее: о двух значениях, напр., слов *наношу, завожу*.

страдат. глаголов соверш. вида в нечленной форме образуют формы перфекта прошедшего и будущего времени страдат. залога *(это продано, дом снесен, обед будет дан)*, между тем как причастия страдат. несоверш. вида употребляются в такой функции крайне редко (ср. *вино пито*). Наконец, только глаголы соверш. вида (и, как увидим, определенно-моторные несоверш. вида) образуют 1-е лицо множ. числа повелит. наклонения: *купим, пойдем, побратаемся,* причем в отличие от глаголов определенно-моторных эти формы повелит. наклонения могут еще соединяться и с усилительной частицей *давай: давай купим.* Причастие страдат. настоящ. времени может быть образовано только от глаголов несоверш. вида: *любим, приготовляем, отпускаем.*

К различиям морфологическим присоединяются и р а з л и ч и я с и н т а к т и ч е с к и е. Во-первых, различное значение некоторых глагольных форм соверш. и несоверш. вида. Мы уже видели, что настоящее время соверш. вида имеет значение будущего времени; правда, в известных условиях такое же значение имеет настоящее время некоторых глаголов несоверш. вида (например, *иду, бегу*); но, во-первых, это их значение отличается тем, что оно не результативно, а выражает лишь готовность, во-вторых, обратно, настоящее время соверш. глаголов не имеет того значения настоящего времени, какое свойственно глаголам несоверш. вида, и означает преимущественно будущее время. Правда, при известных условиях настоящее время соверш. вида имеет значение не будущего времени, а настоящего времени, но настоящ. времени квалифицированного, а именно, во-первых, значение проявления полноты действия в настоящ. времени при отрицании; ср. *не скажу* (т. е. не могу сказать); *так и не узнаешь; в толк не возьму*; *не сумею вам сказать; у него не выпросишь льна; не пойму* (не могу понять); *не нарадуюсь.* Во-вторых, значение фреквентативное при рассказах о прошедшем времени, причем рядом употребляется и настоящее время глаголов несоверш.; так в особенности часто при наречии *бывало.* Примеры — § 61. В-третьих, в соединении с отрицанием повелит. наклонение от глаголов соверш. вида имеет значение предостережения: *не упади*, *не поскользнись* (впрочем: *не забудь*). В-четвертых, повелит. наклонение только в соверш. виде имеет значение прошедшего времени. Примеры — § 235[1].

§ 542. К р а т н ы й и н е к р а т н ы й п о д в и д ы н е с о в е р ш. в и д а. Значение кратного вида определяется представлением о раздробленности во времени действия, о его прерывности, между тем некратный вид означает действие непрерывное. Словесно различие между обоими видами обнаруживается тем, что глаголы кратного подвида в соединении с префиксом *по-* получают значение определенного подвида соверш. вида, а глаголы некратного подвида или неизвестны в таком соединении, или в таком соединении получают значение результативное. Ср., с одной стороны, кратные *играю, сижу, ем, плачу, болтаю, валяюсь, прыгаю, стараюсь, ворую*, с другой,

[1] ⟨На полях:⟩ Вневременные отношения: *как аукнешь, так и откликнется.*

плачу́, венчаю, селюсь, веселюсь, валюсь, имею, умею, отвечаю. Надо признаться, что отличия далеко не так определенны.

Моторно-кратный и моторно-некратный подвиды несоверш. вида. Различия кратного и некратного вида в глаголах, означающих движение, соотносительны (образуются от сходных по основам глаголов), выражены вполне определенно и обнаруживаются морфологически: во-первых, основа моторно-некратного вида сравнительно с основой моторно-кратного является непроизводной, необосложненной суффиксом: *веду, везу, несу, лезу, бегу, плыву, лечу, бреду* при *вожу, ношу, лажу, бегаю, плаваю, летаю, брожу;* также *иду* при *хожу;* во-вторых, при соединении с префиксами, вносящими изменение в реальное значение глаголов, моторно-кратная основа остается несоверш. вида, а моторно-некратная становится соверш. вида (сохранение моторно-кратных несоверш. вида объясняется, как мы видели, тем, что они получили значение производных основ при соответствующих основах сложных глаголов соверш. вида); в-третьих, тем, что 1-е лицо повелит. наклонения образуется только от моторно-некратных основ, ср. *идем, бежим, летим, лезем;* в-четвертых, тем, что будущее время от моторно-некратных основ обычно образуется при помощи префикса *по-*, между тем как от моторно-кратных основ оно образуется описательно при помощи *буду*; образования, как *буду лететь, буду бежать*, возможны только при определенном указании на момент или при дополнении: *буду лететь день и ночь*, *буду нести свой крест безропотно*, *я буду вести вас за руку.* В-пятых, весьма редко соединение моторно-некратных глаголов с отрицанием: настоящее время с отрицанием употребляется, кажется, только в значении будущего времени: *я не везу его сегодня, я не иду в заседание;* повелит. наклон. с отрицанием только тогда, если запрещение относится к определенному случаю, данному в наличности: *не беги так, не иди так скоро*, *не лети так скоро.* Отмечу еще, что в соединении с *по-* моторно-некратные глаголы не образуют определительного подвида соверш. вида, о котором скажу ниже.

Многократный подвид несоверш. вида. Сюда относятся глаголы, с которыми соединяется значение кратной повторяемости. Морфологически они обнаруживаются тем, что образуются при помощи суффикса *-ива, -ыва.* В несложных и сложных глаголах многократный вид соотносителен с некратным или кратным видом: *на́шиваем* при *носим, на́шивали* при *носили*, *захаживаю* при *захожу.* Употребление многократного вида весьма ограниченно. Преимущественно, как в древнем, так и в современном языке, при отрицании в соединении с прошедшим временем: *мы туда не хаживали; куда ворон костей не нашивал.* Однако также: *мы к нему частенько захаживаем; видывали мы эти виды*[1].

Определительный подвид несоверш. вида. Значение этого подвида — ограниченное проявление признака в наст. времени. Производные глаголы в сложении с префиксом *по-* имеют значение

---

[1] ⟨На полях:⟩ В соединении с префиксом не теряет своего несоверш. вида.

признака, ограниченного в своем проявлении, проявляющегося только отчасти, немного: *мы только посматриваем, мы только покручиваем свои усы, мы похаживаем и постукиваем каблучками*. Префикс *по-* для образования этого подвида входит в соединение только с производными основами на *-ива,* причем эта основа в некоторых случаях существует и вне сложения, а в других известна только в сложении: ср. *хаживаем* при *смотреть*.

§ 543. Однократный подвид соверш. вида. Значение этого подвида — однократное или мгновенное проявление признака. Морфологически он определяется тем, что производится от не сложенной с префиксом глагольной основы на *-ну* при том, однако, условии, если эта основа имеет при себе другую родственную — со значением несоверш. вида. На основании этого соверш. вида: *стукнуть, пугнуть, кинуть, тронуть, вильнуть, полоснуть, ругнуть, сунуть, крикнуть;* но *тонуть, тянуть, сохнуть, вянуть, льнуть, киснуть, пухнуть* и т. д. — вида несовершенного. Впрочем, все сложные глаголы на *-нуть* соверш. вида: *вздремнуть, струхнуть, соснуть*. Быть может, в некоторых глаголах недостаточно определенно различие между соверш. видом вообще и однократным в частности [1].

NB. К этому виду относятся также повелит. наклонение в значении прошедшего времени, а также глагольные междометия.

Определительный подвид соверш. вида. Значение этого подвида — ограниченное временем проявление признака в будущем времени; этот подвид, как мы видели, образуется при помощи соединения основы со значением кратным несоверш. вида с префиксом *по-*. Термином определительный заменяю предложенный Г. К. Ульяновым термин детерминативный.

Значения окончательное и начинательное основываются на значении соответствующих префиксов; так, начинательное значение образовывается префиксом *за-*, окончательное значение префиксом *от-*. Кажется, такое значение вносится префиксами только при соединении с кратными основами (ср. выше), ср. *заиграю, закричу, заплачу*. Может быть, на основании этого можно сказать по крайней мере о начинательном подвиде.

§ 544. Мне кажется, к видовым отличиям относятся также усилительные подвиды несоверш. и соверш. вида. Несоверш. вид посредством повторения слова: *он сидит себе и сидит: он кричит, кричит, а толку всё нет; он кричать-кричать*; также посредством соединения *дай, давай, айда, ну, и* с инфинитивом: *он и плясать, он и ну скакать, он ну просить, он и давай плясать*.

Соверш. вид, например, для будущего: *уж я его увезу да увезу, подвяжу да подвяжу*; далее соединение будущего с *дай, давай, ну-ка*: *дай посмотрю, давай выскочу, ну-ка скажу*.

Виды различаются как в личных формах глагола, так и в причастиях и деепричастиях (в них отсутствует соверш. вид настоящего

---

[1] ⟨На полях:⟩ NB. *ринуться, хлынуть*.

времени), а также в инфинитиве (ср., например, невозможность сочетать инфинитив соверш. вида с *буду* для образования будущего времени).

2. КАТЕГОРИЯ ЗАЛОГА (КАТЕГОРИЯ ОБЪЕКТА).

§ 545. Вы видели выше, что категория субъекта нашла себе выражение в личных окончаниях глагола. Категория объекта, т. е. отношение признака к объекту, обнаруживается морфологически в залоге. Для теоретического освещения вопроса интересно сослаться на то, что в некоторых языках категория объекта находит себе выражение, сходное с выражением субъекта, т. е. обнаруживается в присоединяемых к глагольным формам окончаниях, соответствующих названию объекта, каковым может быть 1-е лицо единств. числа, 2-е лицо единств. числа, 3-е лицо единств. числа и соответствующие лица множ. числа. Таковы языки венгерский, мордовский[1]. Но в других языках индоевропейских, славянских, русском категория залога находит себе гораздо более ограниченное выражение. В них формами залога выражается или только отношение субъекта к объекту действия, или же невозможность сочетать данный глагол с объектом; следовательно, категория залога выражается в личных формах глагола, в инфинитиве, насколько с ними связывается представление о субъекте, и также в причастиях действительного залога и в деепричастиях, насколько они выражают сочетание признака с его производителем. В названных языках, однако, исконно причастием выражалось также действие, определяющее не субъект производителя действия, а объект его носителя. Таким образом, в причастиях исконно различались залоги действительный — им определялся субъект, и страдательный — им определялся объект. Морфологически в индоевроп. праязыке действит. и страдат. залоги причастий обнаруживались различными суффиксами: страдат. залог в настоящ. времени суффиксом *-то-, -тепо-*, а в прошедшем времени суффиксом *-по-* или *-to-*. Русский язык через общеславянский праязык унаследовал эти образования страдат. залога; ср. русск. ***любим, воспитываемый, выстраданный, убитый, отодвинут, признан*** (см. выше § 528). К этим залоговым формам еще в балтийско-славянскую эпоху присоединились залоговые образования при посредстве сочетания с глагольными формами возвратного местоимения.

В русском языке это местоимение стало морфологической частицею, уже не отделимой (в противоположность древнерусск. и украинскому) от глагольной формы. Возвратное местоимение — это название субъекта; присоединенное к глагольной форме, оно является указанием на то, что действие, признак переходит на субъект, что субъект становится объектом. При этом представляются две резко ограниченные в своем основании возможности: во-первых, субъект, становясь объектом, продолжает, однако, оставаться субъ-

---

[1] 〈Далее следует:〉 (ср. статью в FUF), например. 〈Но соответствующую статью разыскать не удалось. — Примеры не указаны〉.

ектом, производителем данного действия; во-вторых, субъект, становясь объектом, перестает быть субъектом, каковым оказывается другое лицо или другой предмет. Кроме этих двух различных функций, из которых первая должна быть ниже более подробно расчленена, частица *-ся* получила еще третью функцию: она служит для той или иной квалификации данного признака в его отношении к субъекту действия.

Сообразно с сделанными выше указаниями и приняв во внимание еще некоторые другие морфологические способы обнаружения залога, мы различаем в русском языке следующие залоги.

Относительно залогов замечу еще следующее. Формы на *-ся* во всех случаях, кроме собственно-возвратного залога *(я моюсь)*, указывают на безобъективность глагола[1]. Различные оттенки возвратного залога только отчасти залоговые, например, косвенно-возвратн., в связи с чем стоит, вероятно, древнее *-си* вместо *-ся*. Другие оттенки в сущности не залоговые, а видовые. Это зависит, как кажется, от того, что *-ся*, внося значение безобъектности, ассоциировалось с представлением о пассивности признака, о меньшей его активности (ср. ниже).

Предлагаю деление: Собственно-возвратный. Обще-возвратный. Косвенно-возвратный. Косвенно-результативно-возвратный. Взаимно-возвратный. Страдательно-возвратный. Интенсивно-безобъектный. (Безлично-безобъектный): *мне не сидится, смеркается*. Лично-безобъектный: *собака кусается*.

Следовательно, возвратный распадается на: возвратный и безобъектный[2]

§ 546. Действительный залог. Значение этого залога — проявление признака безотносительно к его субъекту. Морфологически он определяется отсутствием окончания *-ся*. К действит. залогу принадлежат три группы глаголов: переходные с прямым дополнением (в винит. падеже), переходные с косвенным дополнением (в родит., дательн., творит.) и непереходные, не имеющие при себе дополнения в указанных падежах. Такое синтактическое употребление глаголов не развивает в них особенных значений; поэтому и имея в виду, что грамматические категории определяются как выражение сопутствующих значений, мы не можем говорить о переходном и непереходном залоге. Но эти группы глаголов различаются между собою частью и морфологически: прямо-переходные глаголы образуют причастия страдат. залога; в сочетании с *-ся* могут получать значение страдательное; косвенно-переходные глаголы не образуют причастий страдат. залога, но могут сочетаться с *-ся*, образуя косвенно-возвратный залог; непереходные глаголы не образуют причастий страдат. залога и не сочетаются вообще с *-ся*; впрочем, в областном языке они могут образовать причастия страдат. прош. времени для выражения главного члена безличного предложения со значением полноты проявления действия;

---

[1] ⟨Приписка карандашом:⟩? *боюсь чего-нибудь?*

[2] ⟨Далее следует:⟩ NB Замечание на стр. ⟨468⟩ о безобъектном.

сочетаясь же с *-ся*, они также и в литературном языке означают действие в полноте его проявления (см. ниже).

§ 547. Возвратный залог. Значение этого залога — наличность при данном глагольном признаке в качестве объекта самого субъекта. Это не исключает сочетания признака еще и с другим объектом. Но, как мы только что видели, объект может быть прямым или косвенным; кроме того, как мы это видели, рассматривая категорию лица, 1-е лицо может мыслиться не только отдельно, но и в составе группы однородных с ним лиц. Сообразно с этим возвратный залог распадается на следующие три разновидности: прямо-возвратный, косвенно-возвратный и взаимно-возвратный залог.

Собственно-возвратный залог означает, что действие глагольного признака имеет своим объектом физическую личность самого субъекта-производителя действия, следовательно, переходит на его внешность, на поверхность его тела и т. п. Синтактическими признаками, отличающими этот залог от других возвратных залогов, являются: во-первых, сочетание с субъектом, означающим лицо или вообще живое существо; во-вторых, наличность при них переходных глаголов без окончания *-ся*; в-третьих, возможность передачи их значения посредством сочетания этого переходного глагола с полной формой возвратного местоимения в винит. падеже; в-четвертых, отсутствие другого объекта, кроме, однако, выражаемого творит. падежом для означения орудия действия: *моюсь, купаюсь, раздеваюсь, белюсь, румянюсь, чешусь, обуваюсь, украшаюсь;* сюда же: *приготовляюсь, настраиваюсь, устраиваюсь, казнюсь, берегусь.* При сочетании с субъектом, выражающим не лицо, а предмет, эти глаголы имеют значение страдательное.

Обще-возвратный залог означает, что действие глагольного признака имеет своим объектом личность самого субъекта, причем, однако, субъект, оставаясь фактически производителем действия, не мыслится таковым; он только объект. Синтактические признаки: невозможность замены соответствующего глагола сочетанием глагола без *-ся* с винит. падежом возвратного местоимения. Относящиеся сюда глаголы распадаются на две группы, отличающиеся синтактически, причем их значения могут быть рассматриваемы как особые залоги. К первой группе относятся глаголы, означающие внешние, физические переживания субъекта, причем субъектом может быть и одушевленное и неодушевлённое существо: при них имеются вне сочетания с *-ся* глаголы переходные; когда субъектом является неодушевленный предмет, он может мыслиться объектом не только одного признака, но также сочетания признака с его производителем (выраженным творит. падежом), т. е. глагол может иметь значение не только возвратное, но и страдательное. Примеры для сочетания с одушевленным объектом: *возвращаюсь, убирайся, останавливаюсь, я прибавляюсь в весе, прогуливаюсь, катаюсь, бросаюсь, несусь, появляюсь, отличаюсь, оборачиваюсь, наклоняюсь, вырываюсь;* примеры для сочетания с неодушевленным объектом: *корабль несется, корки*

выбрасываются, ветка наклонилась, цветок распустился, восток озарился, ветка наклоняется ветром. Ко второй группе относятся глаголы, означающие внутренние, душевные переживания субъекта, причем субъектом может быть только одушевленное существо; при одних из них имеются вне сочетания с *-ся* глаголы переходные; при других таких глаголов нет вообще; не вижу основания отделять одни глаголы от других в их залоговом значении. Синтактическим отличием от предыдущей группы является невозможность для них означать страдат. залог. Примеры для глаголов на *-ся*, при которых известны глаголы без *-ся: радуюсь, сознаюсь, веселюсь, бьюсь, колочусь, тороплюсь, теряюсь, беспокоюсь.* Примеры для глаголов на *-ся,* при которых нет глаголов без *-ся: боюсь, стараюсь, опасаюсь, горжусь, улыбаюсь, усмехаюсь.*

Косвенно-возвратный залог означает, что действие глагольного признака, производителем которого мыслится нарочито сам субъект (одушевл.), имеет этого производителя также и косвенным своим объектом: прямой объект остается невыраженным, он не может быть выражен. Примеры: *посеюсь, попашусь, я отстроился,* диалектн. *стиралась, шилась* и т. д. *Покопаюсь, уберусь, постираюсь, уложусь.*

Косвенно-результативно-возвратный залог означает, что действие глагольного признака, производителем которого мыслится нарочито сам субъект, проявляется во всей своей полноте. Сюда относятся такие глаголы, которые проявляют полноту признака в тот или другой определенный момент: *распоясался, разгулялся, разбушуется, развоюются, насидимся, наемся, наловчусь, наговеемся, разнемогся, намучились, напляшешься;* следовательно, они производятся посредством префикса и окончания *-ся* от соответствующих переходных или непереходных глаголов. Замечательно, что они не имеют при себе глаголов несовершенного вида: это зависит от того, что префикс в них имеет формальное, а не реальное значение. Что до частицы *-ся*, то она показывает, что данное действие так или иначе подействовало на его производителя (или удовлетворив его, или, напротив, истощив).

Взаимно-возвратный залог означает, что действие глагольного признака, производителем которого мыслится нарочито сам субъект, имеет объектом связанные этим самым действием с субъектом объекты, почему действие переходит косвенно и на самый субъект. Сюда относятся такие слова, как: *бороться, сражаться, возиться, условиться, сговориться, согласиться* (мы согласились с братом, причём сговор обязал и брата и меня самого), *мы с ним сердечно простились; он мужественно боролся с врагами,* или *с неправдой* (в этой борьбе субъект испытывал на себе то или иное влияние со стороны вызвавших его на борьбу против врагов или со стороны неправды, хотя бы в форме оказываемого врагами и неправдой сопротивления). Синтактически взаимно-возвратный залог характеризуется сочетанием с предложным сочетанием *с* в сопровождении творит. падежа.

Пассивно-возвратный залог означает, что действие глагольного признака проявляется с такою интенсивностью, которая показывает его независимость от производителя действия. Здесь возможны два случая. Во-первых, при глагольном признаке мыслится фактический его производитель, но, как указано, не в качестве производителя, а объекта, испытывающего на себе действие признака: *мне хочется, не работается, не спится, не сидится, нездоровится, икается, мне сдается, мне кажется, думается*. Во-вторых, мысль о производителе исключена совсем: *стемнелось, смерклось*. В обоих случаях частица *-ся* означает интенсивность, а такое значение она получает благодаря именно отсутствию при признаке объекта[1].

Кратно-пассивно-возвратный залог означает, что действие глагольного признака проявляется кратно и притом с такою интенсивностью, которая или сосредоточивает особенное внимание на производителе признака, или даже характеризует его, служа его отличительной чертой. Первый случай видим, например, в *белеется парус, кто-то стучится, просится, звонится*, (может быть, *жалуется*), *балуется, плачется*. Второй случай в *собака кусается, лошадь лягается, корова бодается, Коля дерется, Коля дразнится, бросается бумажками*.

§ 548. Страдательно-возвратный залог. Скажу ниже о развитии страдательного залога вообще. Здесь замечу, что страдательно-возвратный залог является дальнейшим развитием тех значений, которые развиваются в страдат. залоге. Как мы видели, собственно-возвратный залог переходит неминуемо в страдательно-возвратный залог, как только подлежащим является не лицо, а неодушевленный предмет; равным образом, в страдательно-возвратный залог переходит и обще-возвратный залог, как только при данном глаголе название субъекта является в форме творит. падежа. Это зависит от того, что только одушевленное существо может быть одновременно и субъектом и объектом действия. Если же в сочетание с глаголом, могущим означать своей формой, что выражаемое им действие переходит на объект, входит название неодушевленного предмета, то оно удерживает или значение субъекта *(ветка наклонилась к земле)*, или значение объекта *(пятна не отмываются)*, причем появление при глаголе названия производителя действия в форме творит. падежа уже решительно превращает название неодушевленного предмета в объект *(ветка наклонилась ветром к земле, книга возвращается мною в исправности)*. Из сказанного видно, что страдательно-возвратный залог развивается, во-первых, из собственно-возвратного, когда глагол относится к неодушевленному предмету, во-вторых, из обще-возвратного, когда при глаголе имеется название производителя действия в творит. падеже. Следовательно, страдательно-возвратный залог развивается в этих случаях только при неодушевленном субъекте. Но есть глаголы, имеющие значение страдат. залога и при одушевлен-

---

[1] ⟨На полях:⟩ Надо объединить: пассивно-возвратный (собств., результативный, кратный).

ных предметах; сюда относятся, например, *обвиняюсь, штрафуюсь, обличаюсь, вызываюсь, называюсь* и т. д. — повидимому, те глаголы, которые своим производителем имеют неопределенный коллектив; в отношении к такому коллективу отдельная личность может стать объектом. Правда, возможны обороты, как *ты обвиняешься мною в том-то*, но, как кажется, это обороты позднейшие, производные; первоначальными же оборотами являются те, где при таком страдательном не указано название производителя, ибо, как мы знаем, неопределенный коллектив (неопредел. 3-е лицо множ.) не находит себе особого словесного выражения и как подлежащее. Таким образом, в составе страдательно-возвратных глаголов приведенные выше и им подобные занимают совершенно особенное место; их обособленность сказывается еще в том, что они тождественны с такими неопределенно-личными предложениями, как *меня обвиняют, меня обличают, вызывают, называют*[1].

§ 549. Страдательный залог. Мы рассмотрели выше условия образования страдат. залога в определенном частном случае; при этом выяснилось, что при сочетании (посредством признака) двух субстанций одушевленная имеет перевес над неодушевленной, почему становится к ней в отношение субъекта к объекту; при сочетании же двух одушевленных субстанций, из которых одна означает одно лицо, а другая совокупность лиц, первая становится объектом в отношении ко второй. Вместе с тем, однако, обнаруживается, что представление о субъекте и объекте не покрывается представлением о подлежащем и дополнении; оказывается, что в страдат. конструкции субъект-производитель выражается дополнением, а объект действия выражается подлежащим.

Скажу ввиду этого несколько слов вообще о развитии страдат. залога: субъект является господствующим представлением над предикатом, а предикат господствующим представлением над объектом; психологически эти взаимоотношения соответствуют и последовательности представлений; субъект предшествует предикату, а предикат предшествует объекту: agens-praedîkat-patiens. Правда, словесные формы позволяют видоизменять этот порядок без нарушения смысла, т. е., например, объект может предшествовать предикату, а за пре-

---

1 <В стороне приписка:> №. *Подсудимые отстраняются от участия в прениях,* — [это страдат.]; но *отстраняют себя.* <На полях:> Случай: *дети причесываются няней* [два одушевл.], но — *дети причесываются гребенкой* не страдат.

<На обороте страницы:> №. *Дома строятся каменные; кушанья съедались без остатка; правый берег отмывается постоянно; эти ростки заглушаются.*

Инфинитив, кажется, не образуется совсем.

Отец любим сыном, а не *любится.*

Иногда невозможно определить залог: *поезд останавливается*, но *поезд останавливается сигналом стрелочника, опытною рукою машиниста;* даже — *поезд останавливается по требованию пассажиров* — это страдат., если подразумевается дополнение в виде неопр. лица; это возвратн. при отсутствии такого представления.

дикатом может следовать субъект: *мальчика укусила собака*; или предикат может предшествовать и субъекту и объекту: *выстроил я дом; принесли дети корзину и поставили ее на пол;* но эта инверсия зависит от тех или иных переходящих психологических причин и не отражается на форме сочетающихся при этом слов. Та инверсия, благодаря которой возможен оборот *мальчика укусила собака*, может, однако, развернуться в особую психологическую картину, настолько устойчивую, что она находит себе особое выражение и в слове: patiens (мальчик), попадая на место субъекта коммуникации, видоизменяет этим самым психологическую природу предиката; сказуемое принимает страдат. залог, а agens (субъект), занявши место объекта (patiens), принимает форму косвенного дополнения: *мальчик укушен собакой*; *ветка наклоняется ветром.* Отсюда следует, что страдат. залог своей формой показывает, что сочетавшееся с ним название субстанции перестает быть производителем действия, agens, а превращается в его patiens; страдат. залог показывает, что его подлежащее соответствует психологическому объекту; в форме этого залога выражено, что соответствующий глаголу предикат не господствует над психологическим объектом, а, напротив, господствует над психологическим субъектом.

В русском языке страдат. залог в сказуемом выражается, во-первых, посредством причастия страдат. залога[1] в нечленной форме; во-вторых, посредством личных форм глагола возвратн. залога.

Страдат. залог находим не только в сказуемом, но также в предикативном атрибуте (причастии), а также в инфинитиве. Страдат. залог причастия показывает, что действие, выраженное причастием, не исходит от определяемого причастием представления (названия субстанции), а от другого представления (выраженного или невыраженного словесно), между тем как на определяемое представление переходит действие, выраженное причастием. Таким образом, источники образования страдат. залога в сказуемом, с одной стороны, в атрибуте, с другой, — различные; этим объясняется и различная морфологическая природа страдат. залога в спрягаемых формах глагола и в причастиях. Впрочем, между ними кое-что должно быть общее; это общее в том, что сказуемое в страдат. форме приближается по своей природе к определению; это следует из того, что оно может быть выражено страдат. причастием; не указывает ли это на природу и страдат.-возвратного залога; возвратный залог вообще не указывает ли на большую пассивность проявления признака, с одной стороны, его теснейшую связь с признаком (свойственность признаку), с другой? В русском языке, как и в других славянских языках, причастия прошедшего времени как действит., так и страдат. залога первоначально в соединении с вспомогательным глаголом, а потом и без такого соединения употребляются для выражения сказуемых форм. В частности причастия прошедш. страдат. залога на *-н* и *-т* без соединения

[1] ⟨Над строкой приписка:⟩ личн. формы глагола вспомогат.

с вспомогательным глаголом употребляются для выражения перфекта, а в соединении с *был* и *буду* для выражения прошедшего и будущего времени.

Что касается инфинитива, то он в действит. залоге так же, как и другие глагольные формы, включая и причастие, вызывает представление о производителе действия, с одной стороны, а для переходных глаголов об объекте действия — с другой: *косить траву рано*; *я давай косить траву, я хочу скосить траву*. В страдат. залоге инфинитив вызывает представление о том, что объектом его действия является та субстанция, которая при соответствующем переходном глаголе была бы его субъектом (производителем): *быть опозоренным тяжелее всего на свете*; *я хочу быть призван на действительную службу*. Инфинитив страдат. не может быть произведен посредством *-ся*, в противоположность страдат. залогу спрягаемых форм; это зависит от того, что *-ся* может окончательно парализовать для сочетавшегося с ним названия субстанции значение субъекта действия, производителя только при наличности такого подлежащего, которому это действие приписано быть не может; между тем при инфинитиве такого подлежащего вообще быть не может. Можно заключить отсюда, что первоначально страдат. залог был вообще производим при помощи причастия страдат.; но из сказуемых эти образования вытеснены образованиями на *-ся*.

Замечу, что при страдат. залоге причастия в сказуемом нет тех затруднений, как при формах на *-ся*: *поезд остановлен, был остановлен*. Отмечу ещё: *солдат ранен бомбой* — *солдата ранило бомбой*.

Деепричастие не употребляется в страдательном, кроме, однако: *будучи одетым, бывши предупрежденным* [*призываясь на военную службу, я должен выехать; обвиняясь в этом поступке, я скажу в свое оправдание* — сказать нельзя].

3. КАТЕГОРИЯ НАКЛОНЕНИЯ.

§ 550. Законченная мысль содержит в себе три психологических элемента: субъект, предикат и чувство связи между субъектом и предикатом. Субъект и предикат свое внутреннее содержание черпают в реальных переживаниях говорящего, данных в его опыте; чувство связи, природа, характер этого чувства имеет источником единственно волю говорящего, его эмоциональные побуждения. Природа этого чувства познается анализом словесной формы предложения; в составе предложения чувство связи может получить несколько различных словесных выражений; так, во-первых, оно может обнаружиться морфологически в форме глагольного сказуемого, посредством изменения его основы или окончаний; во-вторых, в особых служебных словах, сопровождающих сказуемое или главный член предложения; в-третьих, оно может обнаружиться в особенном порядке слов в предложении; в-четвертых, в особенной интонации сказуемого или главного члена односоставного предложения. Наклонением называется словесное выражение чувства связи между субъектом и предикатом. Ясно, что

приходится различать, с одной стороны, морфологические наклонения, а с другой, синтактические; морфологические — это те словесные способы, которыми выражается чувство связи между субъектом и предикатом в формах глагола; синтактические наклонения — это те словесные способы, которыми вообще может быть выражено такое чувство. Рассмотрю наклонения русского языка и их значение.

§ 551. Изъявительное наклонение. Говорящий посредством этого наклонения, во-первых, утверждает тождество субъекта с предикатом или, напротив, отрицает это тождество; во-вторых, утверждает наличность субъекта, его появление или проявление; в-третьих, устанавливает связь между субъектом и предикатом; в-четвертых, устанавливает отсутствие связи между субъектом и предикатом. Морфологически изъявительное наклонение выражается: во-первых, глагольными формами этого наклонения; во-вторых, глагольными формами вспомогательного глагола в предложениях, где сказуемое выражено существительным или прилагательным; в-третьих, формой инфинитива, где инфинитив выражает сказуемое; в-четвертых, повелит. наклонением для выражения прошедшего времени, причем оттенок внезапности и неожиданности; в-пятых, глагольным междометием; в-шестых, деепричастием.

Укажу здесь на другие синтактические способы выражения изъявительного наклонения: во-первых, в предложениях именных тождество или нетождество субъекта и предиката не находит себе особого морфологического выражения, если оно устанавливается в настоящем времени. Сюда относятся именные предложения типа: *бук дерево, Иванов мой двоюродный брат, эта женщина моя мать.* Но по аналогии утвердительных предложений между субъектом и предикатом в древности являлась форма 3-го лица единств. вспомогательного глагола *быть,* что теперь имеет место в некоторых книжных оборотах, например: *А есть А.* Во-вторых, изъявительная связь между субъектом и предикатом, если последний выражен не глаголом и если эта связь устанавливается в настоящем времени, также не находит себе словесного выражения (в прошедшем и будущем она выражается посредством вспомогательного глагола): *отец болен, город отсюда далеко.* В-третьих, во многих предложениях изъявительная связь между субъектом и предикатом остается невыраженной благодаря пропуску предиката: *он в дверь, она в другую; отец в городе.* В-четвертых, в односоставных предложениях, где главный член выражен существительным, наречием и инфинитивом (обозначающим и предикат и субъект), изъявительное наклонение также остается невыраженным в настоящем времени: *душно, вам сдавать, пожар, лошадь.*

Скажу несколько слов ещё об изъявит. наклонении для выражения отрицания связи между субъектом и предикатом. Есть языки, в которых глагольный предикат в отрицательных предложениях выражается иначе, чем в утвердительных; так, в английском языке глагольный предикат, не заключающий в себе вспомогат. глаголов to be или to have, при отрицании имеет при себе вспомогат. глагол do в настоящем и did в прошедш. времени; *вы работаете:* you work, *вы не рабо-*

таете: you do not work; *я слышал:* y heared, *я не слышал:* y did not hear; так же, например, в финском языке. В русском языке отрицательный оборот, можно сказать, совпал вообще с утвердительным; говоря *он не ходит,* я утверждаю, что *он не ходит* (и этим отрицаю, что *он ходит*). Быть может, в связи с этим стоит наше двойное отрицание при наличности в предложении отрицательных наречий: *он здесь никогда не бывает, он нигде меня не встречал, я нисколько этого не боюсь;* в немецк., английск., латинск. и в других языках глагол в таких случаях уже не имеет при себе отрицания. Замечу, что при именных сказуемых возможно двоякое понимание предложения — и в утвердительном, и в отрицательном смысле: *он не ловкий* и *он неловкий* (il n'est pas adroit и il est maladroit); *он мне не приятель* и *он мне неприятель;* это зависит прежде всего от утраты русским языком настоящего времени глагола *быть* и в положительной, и в отрицательной форме; в этой последней 3-е лицо единств. (*нѣ, нѣсть*) нашло себе заместителя в отрицании *не: он не хорош* восходит к *онъ нѣ хорошъ,* с одной стороны, а с другой — к *онъ есть нехорошъ.* Точно так же заместителем 3-го лица единств. *нѣ, нѣсть* в значении с у щ е с т в у е т, н а х о д и т с я является отрицание *не:* он не *в городе — он нѣ в городѣ.*

Утверждение и отрицание может быть изъявлено в особой категорической форме и с особенною резкостью; но этот привходящий элемент чувства не вносит нового значения в установленную говорящим связь; словесное выражение он находит только в усиленной интонации; различные оттенки ее, различные степени резкости и категоричности не создают определенного критерия для отделения простого изъявления от изъявления аффектированного. Впрочем, аффектированное изъявление может найти себе словесное выражение в различных союзах: *да придут же, да был же*; также *придут да придут, куплю да куплю.* Ср. в отделе о союзах. Равным образом не получает особого морфологического выражения восклицательное наклонение, при котором говорящий выражает свое утверждение или отрицание в такой форме, которая, отодвигая на задний план содержание сказанного, выдвигает вперед чувство, аффект говорящего. Впрочем, словесным отличием восклицат. наклонения от изъявительного является как особая интонация, так и особое синтактическое построение соответствующего предложения. Ввиду этого мы рассмотрим это наклонение в синтаксисе интонаций и в отделе, посвященном порядку слов в предложении. Вопросительное наклонение выражается в русском языке изъявительным, в противоположность, например, английскому, который и здесь употребляет те же описательные обороты, как в предложениях отрицательных. Словесное обнаружение вопросительного наклонения находим, во-первых, в инфинитиве, во-вторых, в вопросительных наречиях и союзах. Поэтому на этих обнаружениях вопросительного наклонения остановимся ниже при наречиях, союзах и в синтаксисе интонаций[1].

---

[1] <На полях:> NB. Изъявительное для выражения повеления: *пойдем.*

Изъявит. будущее в соединении с *дай, давай* означает побуждение, приглашение, совет сделать что-нибудь; *давай скажем, сходим, откажемся, дай посмотрю* (обращено к самому говорящему); *давайте проводим его, подождем, посмотрим.* Также посредством *-ка: посмотрю-ка, пойду-ка.*

§ 552. Повелительное наклонение. Говорящий посредством этого наклонения, устанавливая в своей мысли связь между личностью своего собеседника, или 3-м лицом, или группой лиц, в составе которых находится сам говорящий, и названием действия-состояния, требует, чтобы собеседник (2-е лицо) или данное 3-е лицо стал производителем, носителем этого действия-состояния, стал его субъектом. Иначе — говорящий, выдвигая название действия-состояния, ставит своему собеседнику или данному 3-му лицу обязанность стать его субъектом [1].

Морфологически повелит. наклонение выражается, во-первых, особыми глагольными формами повелит. наклонения, причем морфологически различаются только формы 2-го лица единств. и 2-го лица множ. Примеры — § 55. Замечу при этом, что форма 2-го лица единств. может употребляться и вместо формы 2-го лица множ. Примеры — § 233. Во-вторых, повелит. наклонение при субъекте, соответствующем 1-му лицу множ., выражается формами 1-го лица множ. изъявит. наклонения настоящего времени совершенного и моторно-некратного вида: *пойдем, идем, лезем,* а также 1-м лицом множ. будущего времени несовершенного вида: *будем молчать, будем возражать.* Примеры — § 55. В-третьих, повелит. наклонение при субъекте 2-го лица как определенного, так и неопределенного может быть выражено инфинитивом. Примеры — § 69. В-четвертых, таким глагольным образованием, как *пошел, пошли* (глагольн. формы прошедш. времени), причем в областном языке вместо *пошли* является новообразование *пшол-те.* В-пятых, описательными выражениями в составе *пусть (пускай)* в сочетании с формой настоящего времени несовершенного или совершенного вида, причем субъектом является 3-е лицо единств. или множ.: *пусть не таскается по дворам, пусть она скажет, пусть дадут ⟨(пельмени), пусть пробуют, попробуют⟩* [2] (тоже), *пусть не подумает, пусть они погуляют.*

Кроме глаголов, повелит. наклонение выражается другими частями речи при субъекте во 2-м лице единств: 1) наречием, когда оно является в качестве главного члена односоставного предложения и произнесено не с вопросительной интонацией: *скорей, живо, налево кругом; смирно, вон, вон отсюда;* 2) именем существит. в косвенных падежах: *за мной, чаю, воды;* 3) междометиями: *но! тпру! брысь (брысьте),* также заимствов.: *стоп! марш!*

Морфологически повелительным наклонением приказание может быть выражено с особою категоричностью посредством постановки

---

[1] ⟨На полях:⟩ Точно ли при 3-м единств. возможен императив? Не желательное ли это?

[2] ⟨Поставленное в угловые скобки написано неразборчиво.⟩

названия субъекта (местоимения 2-го лица) перед формой повелит. наклонения: *ты молчи, ты попроси его, вы скажите, вы уйдите*. Напротив, приказание смягчается: а) постановкой названия субъекта (местоимения 2-го лица) за формой повелит. наклонения: *дай ты мне покой, уходи ты отсюда, убирайтесь вы вон, помогите вы мне, пожалуйста;* б) частицей *-ка*, присоединенною ко 2-му лицу морфологического повелит. наклонения: *дай-ка, сходи-ка, кинь-ка ему кусочек, дайте-ка тетрадку, посмотрите-ка на него; пусть-ка сунется* (3-му лицу); 1-му лицу множ.: *идем-ка, дадим-ка;* эта же частица для той же цели может быть присоединена к некоторым наречиям и междометиям: *тпру-ка, на-ка, нате-ка*.

Особым оттенком повелит. наклонения является наклонение предостерегательное; оно обнаруживается морфологически, выражаясь, во-первых, посредством формы повелит. наклонения совершенного вида в соединении с отрицанием: *не скажите, не подумайте, не простудитесь, не потеряйте, вы не поскользнитесь;* во-вторых, посредством соединения *смотри, смотрите* с формой повелительного наклонения совершенного вида и несовершенного, сопровождаемою отрицанием: *смотри не ушибись, не упади, не признавайся, не отставай*. Таким образом, отрицание при повелительном соверш. вида вносит в значение его указанный оттенок; *не забудь* является не повелительной, а предостерегательной формой; ср. *не забывай;* тоже *не купи (имения, а купи приказчика)*, ср. *не покупай*.

О том, что повелит. наклонение означает желательное и условное, см. ниже.

§ 553. Морфологическому сослагательному наклонению, образующемуся из сочетания прошедшего на *-л* с *бы*, соответствуют следующие синтактические наклонения: желательное и условное.

Желательное наклонение. Посредством этого наклонения говорящий выражает свое пожелание о том, чтобы установилась связь данного действия-состояния с субъектом, каковым может быть и он сам и всякое другое лицо или предмет. Желательное наклонение выражается, во-первых, посредством морфологического сослагательного наклонения: *не видели бы этого мои глазоньки, не провалился бы я тут, ушел бы он во-время, повинился бы ты ему, не убежал бы он от вас, отпустили бы вы нас, сидел бы ты дома*. Также в безличных выражениях: *следовало бы предупредить ее;* такое сослагательное наклонение может сопровождаться союзом *хоть: хоть бы вы были дома;* также союзом *если* в соединении с предшествующим междометием *о: о если бы я мог ее увидеть, о если бы он оказался дома*. В предложениях цели с союзом *что* <*бы*>: *я хочу, чтобы вы меня поняли; повтори, чтобы ты потом не спутал приказания;* с *лишь: чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало; лишь бы случилось то, что он обещал;* с *как не: смотри, как бы я не оступился, как бы его не поймали; рано пташечка запела, как бы кошечка не съела*. Во-вторых, желательное наклонение выражается посредством инфинитива с частицей *бы: пойти бы нам, ему бы еще пожить*,

попроситься бы к нему, сказать бы ему; не попасть бы вам впросак; также в соединении с *если, как, как не, что: о если бы не родиться; как бы мне посмотреть на нее; что бы ему прийти; что бы ему оставить свой адрес; я сделаю все, чтобы научить вас порядку; я стремлюсь к тому, чтобы избежать сплетен; я ем, чтобы жить, а не живу, чтобы есть; я все замечаю, чтобы затем дать вам отчет*; *что́ бы вам прилечь, что́ бы вам признаться; как бы нам не пропасть; как бы нам улизнуть незаметно.* В-третьих, желательное наклонение выражается 2-м лицом повелит. в соединении с 3-м <и с 1-м>[1] лицом единств. или множ.: *помоги ему господь, чорт его побери, пропади он пропадом, будь я проклят, будь мы прокляты, провались он сквозь землю, помилуй его бог, сохрани его родительское благословение, огради его родительская молитва*[2].

§ 554. Условное наклонение. Говорящий посредством этого наклонения представляет устанавливаемую им связь между субъектом и предикатом в виде предположения, возможного, осуществимого или невозможного, неосуществимого. Морфологически условное наклонение выражается так же, как желательное; это свидетельствует об их родстве и об общем их происхождении; они могли бы быть объединены в представлении об ирреальном наклонении; различие условного наклонения от желательного в том, что в последнем выражается стремление говорящего видеть связь предиката с субъектом осуществленною, между тем как в условном наклонении такого стремления, активного проявления воли говорящего нет. В противоположность желательному, употребляющемуся в отдельных, самостоятельных предложениях, условное наклонение имеет место обычно только в соотносительных предложениях, следовательно, при условиях, создающих то или другое основание для предположения; действительно, обычно основание для предположения создается соотносительностью двух предложений; наступление возможности осуществить то или иное предположение ставится в зависимость от другой мысли; эта мысль выражается также в условной форме, причем условие вводится союзами *если, как (кабы);* таким образом, условное наклонение является и в обусловленном и в обусловливающем предложении.

Условное наклонение выражается, во-первых, сослагат. наклонением. В одних случаях выражается неосуществимое или только гадательное предположение для настоящего или будущего времени; *если бы он был здесь, он мог бы позабавить нас; кабы во рту росли бобы, был бы не рот, а огород; если бы он подкараулил их завтра в саду, им бы досталось от него;* в других случаях выражается неосуществленное в прошедшем условие: *если бы я узнал его, я бы ему поклонился; если бы вы приехали, мы были бы пресчастливы; если бы они ему помогли, он бы отблагодарил их.* Но обусловливающая мысль может быть выражена в условной форме в относительном

[1] <Дополнение о 1-м лице дано на основании примеров и приписки над строкой:> NB. С 1-м лицом.

[2] <Приписки со знаком вопроса:> *будь ты проклят, будьте вы прокляты, провалитесь вы сквозь землю.*

предложении, а обусловленное ею, на ней основывающееся предположение в изъявит. наклонении, которое вызывает при этом представление о необходимости наступления предусматриваемого последствия: *сколько бы его ни просили, он все равно откажет; кто бы его ни увидел, скажет, что он сумасшедший; что б ни случилось, во всем буду я виноват; что бы вы ни сделали, а ответчиком окажусь я; как бы он ни устал, а все-таки он пойдет с нами.* То же имеет место при соотносительности уступительного предложения с другим предложением: *хотя бы он хотел узнать, он все же ничего не узнает; хотя бы встретились препятствия, все-таки приезжайте.* В более редких случаях найдем условное наклонение в отдельных, не соотносительных предложениях, причем иногда основание может быть дано тем или другим наречием: *конечно, мы бы не спасовали; он во всяком случае предупредил бы нас; отец неизбежно узнал бы об этом; мы безусловно сказали бы правду.*

Во-вторых, условное наклонение выражается инфинитивом с частицей *бы;* здесь возможны три случая: инфинитив только в обусловливающем предложении: *если бы закрыть окно, было бы душно; если бы нам знать, где он, нам было бы легко оправдаться; если бы читать все дело, то не хватило бы и трех дней; если бы ему выскочить из этой петли, он в другую бы не попался;* инфинитив только в обусловленном предложении: *если бы вы не были знакомы со мною, вам бы этого дела не получить (вам бы столько не заработать);* инфинитив и в обусловливающем, и в обусловленном предложении: *кабы знать, где упасть, так бы рогожку постлать (постлал?);* в соотносительном предложении при изъявительном наклонении в главном: *сколько бы его ни бранить, он уже не переменится; как бы ни чистить это платье, его уж не вычистишь; что бы ни придумывать, горю не поможешь;* в уступит. предложении: *хотя бы голодать, но не идти на мир; хотя бы умереть, но честно стоять за родину* (и так в главном также инфинитив).

В-третьих, условное наклонение в обусловливающем предложении может быть выражено одной частицей *бы,* за пропуском соответствующего глагола существования, бытия: *если бы не отец, мы бы, конечно, заплутались; если бы не эта случайность, мы бы погибли.*

В-четвертых, условное наклонение может быть выражено в обусловливающем предложении 2-м лицом повелительного в соединении с подлежащим, поставленным за этой формой: *приди он сейчас, что́ бы было? откажись она от пенсии, ей нечем было бы жить; приходи он к нам часом раньше, дело могло бы устроиться; приезжай он вчера, все бы уладилось; отступись они от меня, мне бы пришлось положить оружие; отпусти я его, дело бы не выгорело.* В относительных предложениях повелит. наклонение может и не сопровождаться подлежащим; подлежащее может предшествовать повелительному наклонению: *как волка ни корми, он все в лес глядит* (ср. *как волка ни кормить); как ни старайся, из этой беды не выпутаешься; как ты ни хлопочи, а делу, видно, не поможешь;*

как она ни плачь, а толку от слез не будет; что ни говори, а ведь он прав. В уступительных предложениях: *хоть кол на его голове теши, он все свое;* таким образом, при таком повелительном и притом именно в относительных предложениях наличность подлежащего не обязательна || NB. В областном языке настоящее с *бы.*

§ 555. Недействительное наклонение. Говорящий, устанавливая связь субъекта с предикатом, посредством этого наклонения выражает, что связь эта не осуществилась, хотя и могла осуществиться. Недействительное наклонение выражается посредством присоединения к форме прошедшего времени частицы *было*, иногда в сопровождении союзов *чуть, едва: она было заснула; мальчик упал было; дети было расшалились, но их остановили; он чуть было не лопнул с досады; он едва было не ударил меня.* Отмечу областное *был* вместо *было.* В древнем языке недействительное наклонение выражалось, повидимому, такой сложной формой, как *сестра засънула была есть.*

Предположительное наклонение. Говорящий, устанавливая связь субъекта с предикатом, делает это не с полною уверенностью, а с оговоркой; это достигается наречиями: *кажется, вероятно, едва ли, чуть ли не, может быть* и т. п. при изъявительном наклонении. Морфологическое выражение находим, например, в употреблении *будет* вместо *есть: он будет дома; он, вероятно, будет дома; они будут где-нибудь далеко.* Областное *быват.*

Потенциальное наклонение. Говорящий устанавливает, что связь субъекта с предикатом осуществилась, несмотря на то, что она могла и не осуществиться. Встречается преимущественно в народном языке при помощи сочетания прошедшего времени *мог* с инфинитивом: *а он мог мне на это ответить, а он мог уйти оттуда и не расплатиться.* || Может быть потенциально: *не скажу, не вспомню* (с отрицанием?).

4. КАТЕГОРИЯ ВРЕМЕНИ.

§ 556. Морфологически в русском языке различаются четыре времени: настоящее, прошедшее, будущее и перфект. Анализ их значения указывает на тесную их связь с видовыми различиями. Настоящее время означает действие-состояние, осуществляющееся и продолжающееся теперь, в данную минуту: *он лежит, она плачет, дети резвятся.* Перфект означает действие-состояние осуществившееся, но продолжающееся в своем результате и теперь: *я осмеян, ты всеми брошен.* Прошедшее время означает действие-состояние, осуществлявшееся или осуществившееся раньше в прошедшем: *я бегал, спал, выспался, выучил урок, погулял.* Будущее время означает действие-состояние, которому предстоит осуществляться или осуществиться впоследствии, позже: *я буду одеваться, причешусь.* Как видно, прошедшее и будущее время означают действия-состояния, осуществившиеся или осуществлявшиеся, имеющие быть осуществленными или имеющие быть осуществляемыми, т. е. одни из соот-

ветствующих форм означают действия-состояния в их течении, другие — действия-состояния в их результате, уже полученном или имеющем получиться; что до настоящего времени, то оно мыслится только в своем течении, в процессе осуществления; напротив, перфект мыслится только в результате, в своем осуществлении. Морфологически эта связь времени с видом обнаруживается в образовании форм времени от основ различного вида, причем видовые отличия влияют на значение самих времен.

§ **557.** Настоящее время несовершенного вида означает: во-первых, действие-состояние, осуществляющееся в момент речи говорящего: *ношу, несу, играю, лежим;* во-вторых, действие-состояние, осуществляющееся в прошедшем, но современное тому главному моменту, который является исходным для речи говорящего: *я ему и говорю; он стучится, а ему не отворяют* (иногда с усилением, выраженным тем или иным способом: *я ему и говорю; он смотрит-смотрит*); такое настоящее нередко в связных исторических рассказах для большей изобразительности и живости, причем не требуется наличности прошедшего в главном моменте, к которому относится рассказ; в-третьих, действие-состояние, осуществляющееся вне временных условий, при всяких вообще условиях, обычно, постоянно: *птица летает, там щегольски одеваются, рожь у нас родится сам-шост;* в-четвертых, настоящее время некоторых глаголов означает действие, имеющее совершиться тотчас, в ближайшем будущем (моторно-некратный: *иду, еду*). [1]

Из предыдущего следует, что настоящее время выражается морфологически формами настоящего времени несовершенного вида. Но в русском языке есть и другие способы выразить это время. Во-первых, в именных предложениях, т. е. там, где сказуемое выражено существительным или прилагательным, как мы уже знаем, язык исконно обходился без глагольной связки, если в данном предложении утверждалась постоянная, вне условий времени, связь субъекта с предикатом: ср. предложения как: *что слаще меду? рак не рыба;* следовательно, в подобных предложениях именное, адъективное и наречное сказуемые сами по себе вызывают представление о вневременных отношениях. Во-вторых, по аналогии с этими предложениями утрачивалась глагольная связка настоящего времени, указывавшая, что связь субъекта с предикатом отождествляется именно в настоящем времени; таким образом, именное, адъективное и наречное сказуемые вызывают представление о настоящем времени. В-третьих, по аналогии с опущением 3-го лица *есть* в значении связки, опускалось и 3-е лицо *есть* в значении бывает, существует, случается, т. е. 3-е лицо глагола существования, бытия; вследствие этого наличное в предложении обстоятельство при подлежащем вызывает представление о настоящем времени: *отец в городе, мы в страхе, он наверху блаженства, он буфетчиком в хорошем ресторане, она теперь больна.*

О настоящем времени в причастиях и деепричастиях см. ниже.

---

[1]) ⟨На полях:⟩ В страдат. и страдат.-возвр.

§ 558. Настоящее время совершенного вида теряет вообще значение настоящего времени, получая значение будущего совершенного вида. Но, как указано выше, в известных случаях настоящее время совершенного вида не получает этого значения, а представляет другие значения, более близкие к значению настоящего времени. Во-первых, оно употребляется для выражения настоящего времени потенциального наклонения: *у него великим постом льда не выпросишь; вас и не узнаешь; тут долго не высидишь; не скажу вам теперь, что меня побудило тогда к такому поступку; не придумаю, не вспомню; не смогу, не сумею сказать.* Во-вторых, для обозначения результата действия вне отношения ко времени: *как аукнется, так и откликнется; любовь зла, полюбишь и козла.* В-третьих, для обозначения повторяемости действия в прошлом в его результате: *я начну говорить ему о долге, а он смеется мне в лицо* — в рассказе о прошедшем времени; в соединении с *бывало: бывало сядем с ним на этой скамеечке и любуемся окрестностями;* в-четвертых, для обозначения мгновенного действия, осуществившегося в прошедшем: *он как крикнет на меня, я и испугался; он как взглянет на меня.*

§ 559. Будущее время несовершенного вида означает действие, имеющее быть осуществляемым после того момента, к которому относится речь говорящего: *я буду вас учить уму-разуму; стол будет накрываться на шесть приборов.* Морфологически выражается сложной формой будущего времени, составленною из сочетания *буду* с инфинитивом глагола несовершенного вида [1]. Другим способом выражения будущего является сочетание с инфинитивом слов, как *стану, начну*; благодаря, однако, реальному значению этих глаголов получается представление не об одном действии, осуществляющемся в будущем, а о двух моментах: начале, приступе к действию и затем о течении этого действия. Кроме того, как мы видели, значение будущего времени без оттенка продолжительности получает при известных условиях и настоящее время глаголов моторно-некратных: *иду, еду, теперь лечу к нему;* наконец, при наличности временного указания такого рода, как *завтра, через день, скоро* и т. п., будущее время может обозначаться и другими глаголами, однако только некратными: *завтра мы его венчаем; завтра мы провожаем отца заграницу; завтра приезжает мама; завтра в суде говорит наш знакомый; завтра дает показания главный свидетель обвинения* [но *завтра плачет, приходит, приносит* невозможны].

Особо стоит образование *буду:* это единственная форма будущего времени, не тождественная с формой настоящего времени. Об употреблении *буду* для выражения настоящего времени предположительного наклонения сказано выше [2].

О будущем времени в причастиях и деепричастиях см. ниже.

---

[1] ⟨На полях:⟩ Страдат.: *Я буду любим.*
[2] ⟨Отдельно приписка:⟩ *Пятью пять будет двадцать пять.*

§ 560. Будущее время совершенного вида означает действие, имеющее осуществиться в результативной форме после того момента, к которому относится речь говорящего: *я скажу вам на это, я сейчас выйду, стол накроется.* Морфологически выражается в действительном залоге формами настоящего совершенного вида, а в страдательном сочетанием форм будущего времени вспомогательного глагола с причастием страдательного залога: *он будет наказан,* или формами настоящего совершенного вида страдательно-возвратного залога (преимущественно при субъекте неодушевленном).

Пропуск: *я вас, я тебя* следует при прямом дополнении, выраженном 2-м лицом.

§ 561. Прошедшее время несовершенного вида означает действие, осуществлявшееся до наступления того момента, к которому относится речь говорящего. Прошедшее время в различных языках требует большей морфологической изобразительности, чем настоящее время; это, как кажется, зависит от большего усилия, требующего от говорящего при изображении прошлых событий сравнительно с изображением настоящих, текущих, совершающихся в присутствии собеседника действий-состояний; ср., например, аугмент в индоевропейском праязыке; в русском языке эта изобразительность выражается особенно наглядно при прошедшем совершенном. Что до прошедшего несовершенного, то морфологически оно обнаруживается в формах соответствующего морфологического времени; формы эти по происхождению своему представляют сочетание причастия (несоверш. вида) с формами настоящего времени глагола *быть: шьлъ есмь, ходили суть;* следовательно, это по происхождению формы описательные, образованные при участии глагольных прилагательных; возможно, что такими новообразованиями достигалась бо́льшая изобразительность и живость, а также более тесная связь предиката с субъектом. Это новообразование возникло рядом со старой формой имперфекта типа *идѣаше, хожаахy* (откуда в древнерусском и *ходяахy, ходяхy*), а также со старой формой аориста *(иде, ходиша)*, очевидно, различаясь от них по своему значению и употреблению; но с течением времени имперфект и аорист были окончательно вытеснены указанными новообразованиями. Повидимому, вытеснение произошло на почве расчленения значений: аорист стал означать действие результативное, быть может, во многих случаях с специальным значением однократности; имперфект, благодаря своему морфологическому облику, сближавшему его с производными основами, стал означать прошедшее время многократного вида (его наследниками являются наши прошедшие многократного вида типа *кашивал, нашивал, давывал*); вследствие этого только для сложной формы прошедшего времени осталась возможность выражать прошедшее время несовершенного вида, что и повело к вытеснению как аориста, так и имперфекта. Примеры из современного языка — § 225[1].

---

[1] ⟨На полях⟩: страдат. залог.

§ 562. Прошедшее время совершенного вида означает действие, осуществившееся в результативной форме до момента, к которому относится речь говорящего; как указано, пользуется для своего обнаружения бо́льшим количеством изобразительных средств, чем прошедшее несовершенное. Частью это зависит от того, что оно унаследовало значение не только сложного прошедшего времени совершенного вида *(пришьлъ есмь)*, но также и аориста; последний вытеснен из употребления, но значение его сохранилось, хотя и в измененном сравнительно с древней эпохой виде. Древнейший аорист означал, как можно думать, прошедшее событие как факт, независимо от способа его проявления, т. е. независимо от видовых различий; но позже он получил значение результативного вида, что, как указано, содействовало развитию употребления сложной формы прошедшего и повело в конце концов к исчезновению самого аориста. Морфологически прошедшее совершенное в современном языке выражается, во-первых, формами прошедшего времени на *-л* от глаголов совершенного вида: *спросил, купил, принес;* во-вторых, некоторыми глагольными междометиями, как *стук, толк, шасть, порх, бац* с однократным значением; в-третьих, неспрягаемою формой 2-го лица единств. повелительного, при этом только в связном рассказе и с особым видовым значением (обозначает мгновенное или неожиданное проявление действия), сопровождаясь усилительным *и: брат и вскрикни от боли;* примеры — § 235; в-четвертых, сложным сочетанием, состоящим из глагольных наречий, как *и, ну, давай, дай*, в соединении с инфинитивом от глагольной основы несовершенного вида (глагольный признак изображается при этом в его начале): *они ну стучать, они давай его уговаривать, он и плясать;* значение таких глагольных наречий близко к значению *начал* или *стал*, но выражают его интенсивнее; в-пятых, формой инфинитива, произведенного от основы несовершенного вида: *они плясать, они его бранить, он бежать;* инфинитивные формы вызывают то самое представление, что в сочетании с наречиями, так что *плясать, бежать,* означают *начал, пустился бежать, плясать*. Прошедшее совершенное страдат. залога выражается посредством сочетания причастия страдат. с формами *был: он был убит; плакат был снят;* при субъекте, выраженном предметом неодушевленным, также формами страдательно-возвратного залога: *пятно отмылось, имение продалось с убытком, все окрасилось красным цветом,* что тождественно с *пятно было отмыто, имение было продано с убытком, все было окрашено;* впрочем, вообще такие обороты весьма редки.

Особо следует оговорить возможность пропуска прошедшего совершенного глаголов движения в совершенном виде; тогда как пропуск глаголов нахождения, существования, пребывания вызывает представление о настоящем времени, пропуск глаголов движения вызывает представление о прошедшем совершенного вида: *он за ним, он в город, он его по уху, она его за волосы;* следовательно, сочетание дополнения, вызываемого глаголами движения, с подлежащим вызывает представление о прошедшем совершенного вида.

Отмечу значение: *я пошел* в значении я сейчас пойду. *Пошел, пошли* имеет значение повелит. наклонения.

§ 563. Перфект означает действие, осуществившееся в результативной форме к настоящему моменту, осуществленное к моменту речи говорящего: *стол накрыт, письмо отослано.* Перфект выражается, во-первых, причастиями прошедшего времени страдат. на *-н, -т;* это образование восходит к древнему и первоначальному сочетанию причастия страдат. с настоящим временем глагола *быть*; глагольные же формы опущены, и в результате значение личных форм получило само причастие, представляющее и теперь родовые отличия.

§ 564. Как видно из предыдущего, категория времени сочетается прежде всего с представлением о предикате; мы знаем, что предикат выражается не только сказуемым в сочетании с подлежащим, но также и главным членом предложения, соответствующим сочетанию субъекта и предиката; представление о времени находит себе выражение не только в двучленных, но и в одночленных предложениях; только там, где связь предиката с субъектом рассматривается вне временных отношений, не требуется нарочитого обнаружения (настоящего) времени; подобные вневременные отношения имеют место только там, где предикат выражен атрибутивным именем или в суждении о тождестве названием субстанции; связь же субъекта с предикатом имеет место всегда только во времени. Отсюда следует, что и второстепенный предикат, находящий себе выражение во второстепенном сказуемом, точно так же может связываться с представлением о времени; как мы знаем, второстепенное сказуемое выражается или глагольной формой или названием пассивного признака (посредством имени существительного или прилагательного). Вполне естественно, что второстепенное сказуемое связывается с представлением о времени не самостоятельно, а посредством главного сказуемого; как мы знаем, главное сказуемое в двусказуемых предложениях выражается глаголом, а потому в них всегда ярко выражены условия времени. Как глагольное, так и неглагольное второстепенное сказуемое свое время выражает соотносительно с временем главного сказуемого. Поэтому здесь не может быть речи о настоящем, прошедшем, будущем времени, а только о действии-состоянии, одновременном с тем, которое выражено главным сказуемым, или о действии-состоянии преждевременном, предшествующем тому времени, которое выражено главным сказуемым.

Категория одновременности находит себе морфологическое выражение во второстепенном глагольном сказуемом в форме настоящего времени от глаголов несовершенного вида: *говоря это, он открыл книгу; говоря* относится к прошедшему времени, происходившему одновременно с действием, выраженным сказуемым *открыл; приходя к нам ежедневно, он передает нам все городские новости; идучи по набережной, я увидел такую картину; он учится играючи.* Второстепенное неглагольное сказуемое получает значение одновременности путем простого соотношения к главному; их одно-

временность не требует специального обозначения: *он пришел усталый; он сидит сердитый, он вернулся уже стариком* и т. п.; впрочем, в некоторых случаях возможно для этой цели употребление деепричастия *будучи: он вернулся уже будучи стариком:* это *будучи* — деепричастную связку — должно отличать от того *будучи*, которое означает глагольное деепричастие со значением находясь, пребывая, обретаясь *(будучи в городе, я заходил в несколько лавок)*.

Категория преждевременности выражается только результативно от глаголов совершенного вида. Одно из образований деепричастия на *-а*, как *отступя, положа, отнеся, помолясь* и т. д., весьма распространенное в старом языке, в современном все более уступает место образованиям на *-ив*, *-ивши*, *-ши* (формы на *-а* сохраняются преимущественно в наречных выражениях, как *спустя рукава*, *положа руку на сердце*). *Окинув взором комнату, я понял, как в ней должно быть душно*; *положившись на тебя*, *я упустил много своих выгод*. Таким образом, категория преждевременности ассоциируется с представлением о результативности, а категория одновременности с представлением о длительности. Насколько употребительны теперь деепричастия преждевременности от глаголов несовершенного вида, мне неясно (ср. *говоривши так, он имел в виду*).

При неглагольном второстепенном сказуемом *ставши, сделавшись: сделавшись богатым, он позабыл свои юные мечты.*

§ 565. Что до причастий, то в них выражается категория времени. Отличием их от других атрибутов, отличием глагольных прилагательных от других прилагательных является именно то, что их значение сопутствуется представлением о времени; это и делает их предикативными атрибутами; активный признак мыслится именно в условиях времени. Раньше было указано, что причастия являются уделом именно литературного языка, получившего их от языка церковнославянского, ибо в народном языке причастия не страдательного залога, утратив предикативность, перешли в прилагательные. В причастиях различаются времена настоящее и прошедшее. Настоящее время действит. залога: *дающий, получающий, покупающий;* страдает. залога: *покупаемый, отдаваемый, угрожаемый.* Прошедшее время действит. залога: *говоривший, ходивший, бывавший;* возвратного: *возвращавшийся, оступившаяся, отстранившаяся;* страдат. соверш.: *покинутый, растерзанный, выбитый, купленный*; страдат. прошедш. несоверш.: *писаный, нечесаный, немытый, ломаный.* Но, кажется, большею частью теряет значение предикативности и переходит в прилагательные. Будущее время в причастии выражается неописательно только в глаголе *быть: будущий*; ср. др.-русск. *прибудущий*, *приидущий.* Некоторые другие глаголы могут образовать причастие описательно при помощи *имеющий*; впрочем, *имеющий быть* отличается от *будущий* по значению; *имеющий совершиться, имеющий случиться, имеющий произойти, разразиться*, следовательно, как кажется, все глаголы бытия, существо-

вания. Другие описания не принадлежат к области синтаксиса, если в них сохраняется реальное значение обоих сочетавшихся глаголов, например: *желающие пойти, собирающиеся пойти.*

ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ.

§ 566. Прилагательное это та часть речи, которая включает в себе слова, определяющие существительные и являющиеся названиями свойств, качеств, отношений в их сочетании с названиями субстанций, причем под отношениями разумеются те, которые вытекают из существа, из природы самих субстанций. Морфологически прилагательные характеризуются изменением по родам, числам и падежам, как следствием их согласования с существительными, их грамматического уподобления им. Отсюда ясно, что указанные грамматические категории не сопутствуют сами по себе представлению о прилагательных; этому представлению сопутствует неизбежно представление о субстанции, определяемой, характеризуемой прилагательным. Подобно тому, как представление об инфинитиве (если, впрочем, оно не занимает место зависимого представления — дополнения) вызывает представление о субъекте-производителе активного признака, представление о прилагательном вызывает неизменно представление о субстанции как носительнице тех пассивных признаков, которые выражаются прилагательным. Из указанной морфологической особенности прилагательных вытекает прежде всего вопрос, можно ли признать прилагательными те неизменяемые слова, которые имеют одинаковое с прилагательными грамматическое значение; в частности, в русском языке сюда относятся такие слова, как *особь* и некоторые другие, далее сравнительные степени, например, в таких сочетаниях, как *я искал человека сильнее себя, ко мне подошла барышня еще красивее той,* наконец, некоторые заимствованные названия цветов, как *бордо (платье бордо).* Относительно первой и третьей группы не может быть, думаю, сомнения в том, что это прилагательные; несклоняемые прилагательные были известны и в древнерусском и в церковнославянском языке (*испльнь, свободь*); относительно же второй группы, т. е. сравнительной степени наречий, думаю, мы также должны признать содержащиеся в ней слова прилагательными, но прилагательными не по происхождению и не по грамматической природе, а по синтактическому употреблению; сравнительная степень может употребляться в атрибутивно-предикативном значении, как видно из приведенных примеров, но употребление в атрибутивном значении недопустимо; нельзя сказать: *еще сильнее ветер сломил дерево окончательно;* вместо этого мы скажем: *еще сильнейший ветер.* Следовательно, эти сравнительные степени наречий не прилагательные, а адъективированные наречия. Адъективация их так же, как в известных случаях положительной степени наречий *(ум хорошо, этот переулок недалеко),* зависит от того, что наречие может являться в той же функции, как прилагательное, а именно в функции предиката. На том же основании адъективируется

причастие, т. е. глагольное прилагательное со значением атрибутивно-предикативным; причастие, утрачивая свою предикативность, становится прилагательным, ср. *говорящие куклы, вертящиеся столы, угрожающие жесты;* таким же путем превратились в прилагательные собственно русские причастия: *гремячий, ползучий* и т. д.

Итак, рядом с собственными прилагательными являются адъективированные слова. К ним относятся также порядковые числительные; *первый, второй* и т. д. становятся прилагательными (по значению), как только ими определяется отношение, вытекающее из свойства определяемого лица или предмета: *первый ученик, сукно первый сорт,* (но *первый билет, второй билет, третий билет* содержат порядковые числительные). На этом же основании к прилагательным должны быть отнесены произведенные от некоторых наречий времени и места названия отношений: *здешний, вчерашний, всегдашний, последний, домашний,* ибо ими определяются субстанции или в их отношении к таким субстантивированным пред<ставле>ниям, как *здешнее место, вчерашний день, последнее место,* или в их свойстве: *всегдашний*[1].

Перехожу к вопросу о сопутствующих прилагательному представлениях и о грамматическом делении прилагательных.

Во-первых, как видно из уже сказанного, прилагательное является в предложении не только как атрибут, но также и как предикат, причем мы знаем из учения о предложении, что прилагательным выражается как главный член односоставного предложения, так в двусоставных предложениях не только главное сказуемое, но и второстепенное. В современном русском языке предикативная природа прилагательного нашла себе резкое словесное выражение, отделившее ее от атрибутивной природы: многие прилагательные являются в двух словесных формах, членной и нечленной *(добрый* и *добр);* нечленная форма, имеющая при себе членную, употребляется исключительно в предикативном значении. Во-вторых, многие прилагательные образуют степени сравнения: сравнительную степень в виде соответствующего наречия и превосходную степень, сохраняющую природу прилагательного.

§ 567. Нечленная <и членная> формы прилагательного. Членными формами прилагательного называются те образования, в состав которых входит постпозитивный член, по своей природе являющийся указательным местоимением. Эта постпозиция имела место, как можно думать, еще в эпоху балтийско-славянского единства; постпозицию указательного местоимения наблюдаем в современном русском областном языке, причем указательное местоимение с функцией, близкой или тождественной с членом, когда существительное сопровождается определением, присоединяется к

---

[1] <На обороте:> *Полон двор карет наехавши, полна горница гостей сидя.* Шейн, Русск. нар. п. 480. *К нам наехал полон двор гостей.* Ib. 501 (ср. Потебня, Из записок, I—II, 134).

этому определению: *мой-ет отец, добрую-ту женщину* и т. п. То же, очевидно, имело место в славяно-балтийском и общеславянском праязыке. Таким образом, членное прилагательное могло явиться только в определении и притом в атрибутивном, а не предикативном определении; атрибутивным определением называем такое определение, которое содержит названия свойства, качества, отношения, присущие самой природе лица или предмета; предикативным определением — такое определение, которое мыслится в сочетании с названием лица или предмета в условиях времени. Если такое определение относится к подлежащему, то оно, как обосложненное предикативным представлением, становится в отношении к подлежащему второстепенным сказуемым; если же такое определение относится к дополнению, то оно и определяется, как определение предикативное, как прилагательно-предикативное определение. Такое сказуемое остается второстепенным сказуемым до тех пор, пока при нем имеется другое глагольное сказуемое; оно переходит в главное сказуемое, когда глагол опущен или низведен в своем значении до связки, до вспомогательного глагола без реального значения: *отец вернулся нездоров;* ср. *отец нездоров, отец был нездоров;* в первом случае *нездоров* второстепенное сказуемое, а во втором и третьем это главное сказуемое. Предикативное определение, в противоположность атрибутивному определению, соединяется с дополнением (с существительным в дополнении) не прямо, а через посредство глагола, выражающего временные условия сочетания определения с определяемым представлением; таким глаголом может быть или глагол полного, реального значения: *видѣша и сѣдяща дряхла, видѣхомъ и ходяща весела и бодра:* в этом случае мы имеем дело со вторым предикативным определением, со второстепенным предикативным определением; или глагол может быть глаголом вспомогательным, связкой; в этом случае имеем дело с первым, или главным, предикативным определением: *и видѣша и дряхла суща, и видѣхомъ и млада бывша*; связка *суща* в настоящем времени может быть опущена: *и видѣша и дряхла.* Такое опущение было результатом вообще опущения связки настоящего времени, а это опущение явилось следствием наличности бессвязочных предложений, где сочетание подлежащего со сказуемым мыслилось вне временных отношений; но предикативное определение по своему существу предполагает связь определения с определяемым в условиях времени; поэтому приходится думать об опущении (давнем, исконном, вероятно возможном уже в индоевропейскую эпоху) причастия вспомогательного глагола.

После сказанного понятно, что постпозитивный член, присоединявшийся именно к атрибутивному определению, не мог попадать в прилагательное, когда последнее стояло в сказуемом, во второстепенном сказуемом или в предикативном определении. Так произошло распределение членных и нечленных форм прилагательного: членные являлись только в атрибутивном определении (хотя, как увидим, из атрибутивного определения не исключались и не-

членные формы прилагательного); нечленные господствовали безраздельно в сказуемом, второстепенном сказуемом и предикативном определении. Тем не менее вопрос об употреблении нечленных прилагательных остается сложным для древнего языка: точно ли нечленное прилагательное в определении является всегда указанием на то, что это определение предикативное? Как понять употребление нечленного прилагательного при подлежащем, например, в предложении *зълъ человѣкъ ни бога боиться, ни человѣка страшиться?* Я склонен думать, что действительно всякое определение, выраженное нечленным прилагательным в древнем языке, надо рассматривать как предикативное определение: *зълъ человѣкъ*, т. е. *зълъ сы человѣкъ* (будучи злым). Конечно, нельзя говорить в каждом случае об опущении причастия; опущение это, как указано, восходит к давней эпохе; совершенно так же нет оснований говорить об опущении *есть* в фразе *мама теперь больна*; но важно установить, что в языке сложилось представление о двух значениях определения — атрибутивном и предикативном.

NB. Вопрос о притяжательных. Может быть, название отношения. Кажется, причиной являлись окончания притяжательных прилагательных, а именно их окончания совпадают с указательными основами: *-ов* (ср. *ов-*), *-ин* (ср. *ин-*).

Возвращаясь к вопросу о членных и нечленных формах прилагательных, видим, что употребление их в древнем языке было синтактически разграничено. С течением времени, однако, в различных русских наречиях членные прилагательные получали все больший перевес над нечленными; этому содействовало, как кажется, влияние прилагательных-местоимений, морфологически близких членным[1] прилагательным, передавших им постепенно свои окончания; употребление этих прилагательных не было стеснено различением атрибутивных и предикативных условий. Так, в украинском и белорусском языке нечленные прилагательные почти окончательно вытеснены членными[2]. В русском языке произошло такое же явление, но нечленные[3] прилагательные сохранили свое место, сохраняя его и до сих пор в трех синтактических положениях: в главном члене односоставных определенно-личных предложений (*виноват, рады стараться*), в главном сказуемом (*мать нездорова*) и во второстепенном сказуемом (*портной вернулся пьян*). Из предикативного определения нечленные[4] прилагательные вытеснены окончательно, сохраняясь, впрочем, в определении не только предикативном, но и атрибутивном, выраженном притяжательными прилагательными. Примеры[5]. Но в областных говорах, в особенности же в песенном языке, не-

[1] ⟨В рукописи ошибочно:⟩ нечленным.

[2] ⟨Далее следует:⟩ украинцы говорят, например, ⟨но примеров нет⟩.

[3] ⟨В рукописи ошибочно:⟩ членные.

[4] ⟨В рукописи ошибочно:⟩ членные.

[5] ⟨На полях:⟩ Во второстепенном сказуемом чаще членные, чем нечленные, но при *стал* чаще нечленные. Причастие в сказуемом всегда в нечленной форме, но во второстепенном сказуемом в членной.

членные прилагательные употребляются и в атрибутивном определении. Примеры.

Относительно *у него рот полон зубов, у него полон рот зубов, полон двор гостей, полон дом родственников* замечу, что *полон* сказуемое. Впрочем, если это односоставное предложение, то *полон* определение. Повидимому, *полон рот* в значении много, *полон дом* тоже много. Может быть, это в связи с несклоняемым прилагательным* *полонь*.

В частности, отмечу полную утрату нечленных форм прилагательных в косвенных падежах множ. числа и в творит. единств.: *новых, новым, новыми; новым*. Можно думать, что сохранение нечленных форм вообще обязано влиянию имени существительного: *самовар готов, самовары готовы* представляют сказуемое в форме, вызванной влиянием формы подлежащего.

Обратно, и в литературном и в областном языке общее правило о сохранении в сказуемом нечленной формы нарушается. Повидимому, членные формы употребляются там, где дело идет о постоянном свойстве предмета или лица: *он надежный, веселый, он сильный, он слабомощный, кривой, косой, хромой, горбатый; он такой добрый, тарантас этот покойный*. Обратно, когда свойство непостоянно, когда оно мыслится во временных условиях, употребляются нечленные прилагательные: *он весел, будь добр, ты теперь покоен, он беспокоен, он нам нужен; он так добр*. Но в областном языке *самовар готовый*. Понятно, что те прилагательные, которые обозначают вообще постоянное свойство, вытекающее из самой природы предмета, могут употребляться только в членной форме; сюда относятся, например, относительные прилагательные, как *этот винт железный, вал земляной*.

§ 568. Степени сравнения. Прилагательные, означающие такое качество и свойство, которые представляют различные степени их развития, могут образовать две степени сравнения. Первая — сравнительная степень указывает на бо́льшую степень развития данного признака; вторая — превосходная является названием для высшей степени такого развития. Сравнительная степень является наречием, превосходная степень остается прилагательным. Сравнительная степень имеет место в сказуемом и второстепенном сказуемом, а также, повидимому, в предикативном определении: *мы знаем людей сильнее вас; мы увидели тогда картину лучше той*. В атрибутивном определении сравнительная степень не употребляется. Превосходная степень означает не всегда высшую степень, но нередко и сравнительную: *лучшие сорта папирос, беднейшая часть населения, сильнейший огонь мы заметили в заднем переулке;* но, например, *величайший, краснейший, редчайший, нижайший, высочайший* и т. д. — это все превосходные степени. №. *Самый*: *самый первый негодяй, самый редкий экземпляр, самое скучное занятие*[1].

---

[1] ⟨На полях:⟩ Сравнит. степень причастий страдат.

NB. *наи-* не книжно ли, не польское ли влияние?

Относительно того, что наречия сравнительные образовываются также от существительных, сказано при существительных.

§ 569. Уменьшительные формы прилагательных. Как указано при существительном, последние могут передавать свои уменьшительные и ласкательные суффиксы прилагательным; это такое же согласование, как согласование в роде, числе, падеже, например: *миленький сыночек, чистенькая тарелочка, красненький цветочек.* Неясно, можно ли употреблять прилагательное с таким суффиксом при существительном не уменьшительном и не ласкательном (ср. *веселенькая картина, веселенькая перспектива, маленькая женщина, рябенькая курица, уютненькая комната).* Но несомненно, что уменьшительные образования могут возникать и независимо от определяемых существительных: этим объясняется появление таких прилагательных в сказуемом и во второстепенном сказуемом: *она очень миленькая, он очень умненький* (может быть, здесь согласование с субъектом помимо подлежащего); *дом наш уютненький; мой кошелек маленький; маленький да удаленький; путь показался нам долгоньким.* Образование на *-атый* (сравнит. *-атее*) можно также отнести к тому же разряду, но они возникают независимо от формы существительного, означая сопутствующее представление, неполное проявление данного качества или свойства. *Лестница крутовата, ваши знания слабоваты, учитель он плоховатый; красноватые почки, рябоватый парень.*

§ 570. Деление имен прилагательных на грамматические классы. На основании выясненных выше морфологических особенностей в прилагательных могут быть различены следующие грамматические классы: 1) Прилагательные качественные, означающие такие качества, свойства, которые являются качествами-свойствами, мыслимыми в сочетании с названиями предметов-лиц в условиях времени и также в различных степенях развития; морфологически такие прилагательные обнаруживаются, во-первых, тем, что образуют нечленные формы при членных; во-вторых, тем, что образуют при себе наречия; в-третьих, тем, что образуют степени сравнения, а также уменьшительные формы. 2) Прилагательные относительные являются названиями свойств, характеризующих отношение одного предмета к другому: *речной, золотой, торговый, купеческий;* морфологически они определяются отрицательно: невозможностью образования нечленных форм, образования наречий, степеней сравнения и уменьшительных форм. 3) Прилагательные притяжательные на *-ов*, *-ин* являются названиями, показывающими принадлежность. Морфологически характеризуются невозможностью образовать членные формы (кроме творит. единств. и косвенных падежей множ.), невозможностью образовать наречия, степени сравнения и уменьшительные формы.

Адъективация.

МЕСТОИМЕНИЕ.

§ 571[1]. Местоимение это та часть речи, которая содержит названия личных, пространственных и количественных отношений говорящего лица или субъекта предложения к другим субстанциям и явлениям. Отношения эти, понятно, вытекают не из свойств или качеств данных субстанций или явлений, а из субъективного к ним отношения. Выражая местоимениями свое отношение к окружающему, говорящий пользуется ими и для того, чтобы высказать свое положительное или отрицательное отношение к этим отношениям в эмоциональной форме, а также побудить собеседника к ответам, выясняющим природу или реальное основание для таких отношений. Реальными же основаниями всех таких отношений являются, с одной стороны, субстанции (лица, предметы и мыслимые как субстанции явления), а с другой, качества-свойства этих субстанций. Сообразно с этим

---

[1] К § 571 и сл. Текст начала главы о местоимении в новой редакции таков:

III. Местоимение-существительное.

§ 523. Местоимение это та часть речи, которая содержит названия отношений говорящего лица или субъекта предложения к субстанциям, явлениям и их качествам-свойствам: отношения эти могут быть личные, пространственные, определительные, неопределенные, обобщающие. Отношения эти вытекают не из свойства или качества данных субстанций или явлений, а из субъективного к ним отношения, причем отношения эти выражаются или в утвердительной форме, когда говорящий имеет основание высказаться о них в положительной или отрицательной форме, или в форме вопросительной, когда говорящий побуждает собеседника к соответственным ответам. Реальными же основаниями для всех таких отношений являются, с одной стороны, субстанции (лица, предметы и мыслимые в качестве субстанций явления), а с другой, качества-свойства, причем последние могут мыслиться или в тесном сочетании с субстанцией, или отдельно, независимо от нее в сочетании с представлением о действии-состоянии. Сообразно с этим местоимения включают в себя: 1) название субстанций в их отношении к говорящему или субъекту предложения, 2) названия признаков субстанций, определяемых со стороны субъективных к ним отношений говорящего или субъекта предложения, 3) названия признаков, сочетавшихся с представлением о действии-состоянии. Первую группу названий назовем местоимениями-существительными, вторую—местоимениями-прилагательными, третью—местоимениями-наречиями. Здесь остановимся только на местоимениях-существительных.

§ 524. Местоимение-существительное, согласно предыдущему, распадается на местоимения утвердительные, отрицательные и вопросительные. Кроме того, эти местоимения могут относиться или к лицам (личные) или к предметам (предметные). Утвердительные местоимения могут вводить утверждение в определенной форме, в неопределенной и обобщающей. Таким образом, получаем нижеследующие классы, подлежащие отдельному нашему рассмотрению: Личные местоимения: *я, ты, он, кто-то, кто-нибудь, всяк, никто, кто?* и др. Предметные: *что-то, что-нибудь, ничто, что?* и др. Утвердительные определенные: *я, ты, он, оно*. Утвердительные неопределенные: *кто-то, что-то* и др. Утвердительные обобщающие: *всяк*. Отрицательные: *никто, ничто*. Вопросительные: *кто? что?* К этим классам относятся не только местоимения — субстантивные сами по себе, но также местоимения субстантивированные. К таковым относятся те местоимения-прилагательные, которые вне сочетания с существительным сами по себе вызывают представление о субстанции, например — *мой*.

местоимение включает в себе: 1) названия субстанций в их отношении к говорящему или к субъекту предложения, 2) названия пассивных признаков субстанций, определяемых со стороны личных, пространственных, количественных отношений к ним говорящего или субъекта предложения.

§ 572. Грамматические классы местоимений. Местоимения, таким образом, распадаются на два класса: местоимения-существительные и местоимения-прилагательные. Местоимения-существительные содержат: 1) Личные местоимения лиц определенных (*я, ты, он, мы, вы, они;* возвратное *себя*); названия лиц неопределенных (*кто-то, кто другой, кто иной, кое-кто, некто, кто-нибудь, кто-либо, всяк;* отрицат. *никто*); в вопросительной форме (*кто?*); 2) Предметные местоимения определенные (*он, они*), названия предметов неопределенных (*что-то, что другое, что иное, нечто, что-нибудь, что-либо;* отрицательное *ничто*); в вопросительной форме (*что?*).

Местоимения-прилагательные содержат: 1) Личные и предметные притяжательные, относящиеся к личным местоимениям-существительным (*мой, твой,* областн. *евоный, ейный, ихий, ихний; свой, свойский, наш, ваш*); относящиеся к личным неопределенным (*чей-то, чей-нибудь, чей-либо,* отрицательное *ничей,* вопросительное *чей?*); 2) Указательные: *тот, сей, этот, оный, такой, сякой, таковский;* эмоциональные *какой, экий, этакий;* вопросительные *каков, какой, который, кой;* 3) Определительные: *какой-то, какой-нибудь, кой-какой, другой, иной, некоторый, один, каждый, весь, всякий, всяческий, сам, самый;* отрицательные *никакой, ни который, ни один;* 4) Относительные: *кто, что, чей, какой, который, кой.* О каждом из этих классов скажу отдельно[1].

§ 573. Личные и предметные местоимения. Эти местоимения образуют как независимые формы в именит. падеже, так и зависимые в косвенных падежах; возвратное местоимение только в зависимых. Употребление косвенных падежей выяснено выше в учении о словосочетаниях. Деление на личные и предметные местоимения не соответствует вполне той грамматической категории одушевленности и неодушевленности, которую мы видели в именах существительных; это деление проводит резкое различие между лицами и не лицами; лица — это говорящий, его собеседник и все им подобные; к не лицам относятся и животные, и предметы, и явления. Это видно, например, из того, что, заметив животное, мы не спросим: *это кто?* а скорее *это что?* Впрочем, личные местоимения *он, она, они* соответствуют представлениям об одушевленности и неодушевленности, означая при этом не только лица, но и предметы. Как видно из склонения *он,* это местоимение заменило в именит. падеже ожидаемые формы *и, я, е,* но эти формы и в древнем языке не употреблялись в именит. падеже; таким образом, местоимение 3-го лица являлось исконно только в зависимых формах, заменяясь в именит. падеже указательным место-

---

[1] <На полях:> Может быть, перечни дать ниже при каждой группе.

имением субстантивным; относительно склонения этого местоимения важно отметить, что ни в единств. числе, ни во множ. в нем не обнаруживается в формах родит.-винит. тех отличий, которые характеризуют названия одушевленных и неодушевленных субстанций; в современном языке *его* означает и родит. и винит. пад., относясь также к неодушевленному предмету; это объясняется тем, что в склонении *он* наблюдалось исконно отличие между винит. пад. (*и*) и именит. (*он*), что и не требовало замены *и* через форму родит.; замена *и* через *его* в лицах повела поэтому к такой же замене в названиях предметов; и далее аналогия распространилась и на средн. род и на женский, где *её* означает также и родит. и винит. падеж [1].

В личных местоимениях определенных обнаруживаются категории лица, а в местоимении 3-го лица также числа и рода. Для первых двух лиц можно не говорить о категории числа, ибо *мы, вы* не являются множ. числом от *я, ты*, означая группы лиц, в составе которых находятся первое и второе лицо. Впрочем, относительно рода можно утверждать, что *я* и *ты* двоякого рода: мужеск. и женского; мужеск. *я* относится к говорящему лицу мужеского полу, женское — к говорящему лицу женского полу; это видно из явлений согласования; говорящий скажет *я болен, я был там, я приду сам* и т. д., говорящая — *я больна, я была там*; также обращаясь к собеседнику: *ты вернулся*, а к собеседнице — *ты вернулась*. В отношении не к единственному, а ко многим лицам в местоимениях *мы* и *вы* подобного родового различия нет; это зависит, конечно, от того, что *вы* и *мы* могут включать существа как муж., так и женск. рода. То же родовое безразличие и по той же причине распространяется и на местоимение 3-го лица множ. *они*, и, быть может, отсюда пошло исчезновение родовых различий во всех существительных множ. числа, о чем мы говорили выше. В местоимении 3-го лица морфологически обнаруживаются категории рода и числа. Что до рода, то он зависит от согласования с тем существительным, название которого заменяет это местоимение; мы видим здесь, следовательно, синтактическое явление, сходное с появлением родовых различий в прилагательных; впрочем, это относится к местоимению 3-го лица предметному, а личное местоимение 3-го лица сообразуется в своих родовых изменениях с реальным родом заменяемого им субъекта. Заметим, *он* для обозначения как мальчика, так и девочки в языке врачей, быть может, согласующих *он* с представлением о слове *ребенок*. В отношении числа к сказанному о неимении категории числа в личных местоимениях 1-го и 2-го лица надо сделать следующие дополнительные замечания: местоимение *ты* в языке образованных классов заменяется местоимением *вы* в обращении к лицам не особенно близким и равным по положению (ср. выше при глаголе — категорию 2-го лица квалифицированного); местоимение *ты* в сочувственных обращениях может

[1] ⟨В конце страницы, отдельно:⟩ Надо ли сказать о *кто* относительном здесь?

заменяться местоимением *мы* (ср. выше при глаголе категорию 2-го лица в сочувственном обращении); местоимение *я* может заменяться местоимением *мы* (ср. выше при глаголе — категорию 1-го лица единств. квалифицированного); местоимение *они* может заменять в языке народном местоимение *он* (ср. выше — категорию 3-го лица единств. квалифицированного). Отмечу: *мы с тобой*, т. е. *я* и *ты; мы с ним*, т. е. *я* и *он*, *мы с отцом* — *я* и *отец*, *мы с вами*, т. е. *я* и *вы* (вместо *ты*), *вы с отцом*, т. е. *вы (ты)* и *отец*[1].

Личные местоимения в противоположность названиям существительных не могут быть определены атрибутивно прилагательными, но они могут определяться определительными местоимениями: *я сам, я весь, мы все, ты весь, не такие мы, не таковский я, один ты;* также *весь я, сам я, все мы; никто другой, кто иной*. Исключение составляют *некто, кто-то, нечто, что-то; некто черный, кто-то низенький, нечто страшное, что-то глупое*. Понятно, что второстепенное сказуемое может быть выражено прилагательным: *готовый, я поднялся на лестницу; ты вошел одетый*.

Возвратное местоимение утратило свои энклитические формы *ся, си*, но они сохранились в окончаниях возвратных глаголов [также утрачены энклитические формы от *я, ты*; исключение составляют *те, ти*: *вот те Христос, вот те раз*]; возвратное местоимение относится не только к 3-му лицу единств. и множ. (как в латинск., греческ., немецк., франц. и др. языках), но также к 1-му и 2-му лицу единств. и множ., вообще к субъекту предложения; повидимому, сравнительно с употреблением только в отношении 3-го лица, это словоупотребление новое.

Все остальные субстантивные местоимения, — вопросительные, определенные и неопределенные, — образованы для лиц словом *кто* (осн. *ко*-), для предметов словом *что* (осн. *че*-) отдельно и в различных сложениях; в этих местоимениях не обнаруживается ни категория рода, ни категория числа; но *кто* так же, как *я, ты*, мыслится и как муж. и как женск. род.; например, *кто больна, была ли кто-нибудь из нас довольна своей судьбой, некто в белом подошла к моей кровати; никто из нас не успела с нею проститься*. Однако в противоположность *я, ты* — *кто* с муж. родом употребляется и в отношении к женскому полу: *кто из вас видел выставку шляп? кто приходил сюда из барышень? кто из дам обронил булавку?* Ср. *кто другой, никто другой*, а не *кто другая, никто другая*. Предметное *что* вызывает неизменно представление о средн. роде, к какому бы предмету или животному оно ни относилось: *дай почитать что-нибудь, что-то возится в комоде* (мышь или таракан).[2]

§ 574. Личные притяжательные. Древними образованиями являются притяжательные 1-го и 2-го лица, а также возвратное *свой*;

---

[1] ⟨Ниже, отдельно, приписка:⟩ Надо сказать о связи с наречиями количественных местоимений: *скольким, многим, довольно, мало*.

[2] ⟨На полях:⟩ NB. *Он* как лишнее в предложении. *Они* это не множественное от *он*, а обозначает несколько лиц.

свой относится к субъекту предложения, будь он выражен 1, 2 или 3-м лицом; при субъекте в 1-м и 2-м лице *свой* чередуется с *мой* и *твой: любишь ли ты твою мать* или *свою мать? как-то ты воспитываешь твоего сына? ты позабыл твои добрые привычки* (более обычно, однако, *свой*). *Свойский*, притяжательное 3-го лица, является новообразованием; в литературном языке оно неупотребительно; сравнительно чаще можно услышать *ихний* и *ихий* (*jйхой*); различение *евоный* и *ейный* указывают вместе с самой формой, что эти новообразования пошли от форм родит. падежа, которая и выполняет функцию притяжательного местоимения в литературном языке. Древней представляется и форма *чей*, как притяжательное к *кто*. Едва ли она может быть отнесена к *что*. Таким образом, притяжательные образуются только от личных местоимений, а не от предметных.

Субстантивация: *мой* (т. е. мой муж).

§ 575. Указательные местоимения. Указательные имеют два значения в двух группах: во-первых, ими определяется отношение лица или предмета к говорящему: *эта книга*, т. е. ближайшая ко мне; *та книга* — более отдаленная от меня; *к тому человеку; к одному происшествию,* — следовательно, к упомянутому, уже известному, но определяемому ссылкой, отождествляющей его с переживаемым представлением. Во-вторых, ими усиливается качество, выраженное существительным: *он такой умница* (по аналогии *такой умный*. вместо *так умный*), причем это находит себе и эмоциональное выражение; в вопросительном качество выясняется: *какой он из себя? какова она наружностью?*

По форме делятся на:[1] *тот, этот, сей* и на оканчивающиеся в этих падежах по склонению местоименному. *Сей* представляется устарелым; мы видим его в таких сложениях, как *сейчас*, *сию минуту*; *тот* (заменяет древнее *то* — вместо *тъ*, как *сесь* заменило древнее *се* из *сь*); *тот* и *этот* субстантивируются как только при них нет существительного; причем *тот*, *этот* означают лицо муж. полу, *та*, *эта* — женск. полу, а *то*, *это* — предмет, явление средн. рода; ср. субстантивацию указательного *он*, в результате которой *он* стало местоимением муж. рода. О *оно*, *то*, *это* замечу еще, что они, кроме значения местоимений средн. рода, получили значение указательных частиц или наречий. Ср. об этом в моих листках по предложению[2]. В учении о предложении указано, что *тот*, *этот* не могут субстантивироваться при наличии за ними существительного, почему они не могут стать подлежащими при сказуемых, выраженных существительными; они заменяются через *это: это мой брат, то моя сестра*. Литературное наречие не употребляет форм *энтот, эвтот*; вероятно, что *н* явилось в результате сокращения *на*, *в* — сокращения предлога *въ*, *с* — предлога *съ* в сочетаниях как *на энатом, в эвтом, с эстем*.

---

[1] <Далее зачеркнуто слово „нечленные“, а под ним приписка, в которой с трудом можно разобрать:> оканчиваю... падежах и вин.

[2] <См. § 79, 176; § 149 и сл.>.

Указательные *такой, этакий, экий* являются на место наречий в соединении с прилагательными для их определения; вместо *он так добр*, говорится и *такой добрый, какой добрый*, где повидимому *такой* заменило *так* под влиянием окончания *-ой* в *доброй*; *этакая она сердитая*, *экая она глупая*; только, следовательно, при членных прилагательных.

Сякой в выражении: *ах ты такой сякой, такая сякая.*

Такой, оный (*оный* устарело) и т. д. не субстантивируются[1].

Значение эмоционального *какой* близко к значению эмоционального *экий, этакий: какой дурак, экий дурак.*

Кой в редких выражениях: *на кой чорт? коего лешего?* Любопытно совпадение значений эмоционального и вопросительного в *какой*.

То же в других языках.

Который в вопросе в сопровождении с *из* с родит.: *который из вас?* причем *который* субстантивируется.

Которая книжка лучше? предполагает наличность двух-трех книг, из них делается выбор, между тем *какая книжка теперь особенно в моде?* — вопрос не сосредоточен на ограничении; следовательно: *который* ставит вопрос ограничительно, а *какой* не ограничительно.

Впрочем, *в котором году случилось то-то*, а не *в каком году; который* не определяет качества, а *какой* может определять и качество. *А вы в каком родились — високосном или нет?*

О переходе *тот* в член — см. ниже.

Сюда же *скольких, скольким.*

§ 576. Определительные местоимения служат для выражения определенного или неопределенного отношения говорящего к предмету, рассматриваемому в его отношениях к другим предметам; отношение говорящего определяется в положительной или отрицательной форме. В положительной форме говорящий может отождествить лицо или предмет с присвоенным им названием или уже выяснившимися его свойствами-качествами (*сам, самая*); может привести в связь то или иное явление с совокупностью данной личной или предмета, или с совокупностью лиц или предметов (*весь, все*); может распространить тот или другой признак на ряд сходных предметов или лиц (*всякий, каждый*); может, напротив, отделить тот или иной предмет от других сходных (*другой, иной, один, некоторый, друг друга, один другого*). В неопределенной форме те же отношения высказываются словами, как *какой-то, какой-нибудь, кой-какой*[2].

Сам в качестве определения не только существительного, но и местоимения личного: *сам отец, отец сам не знает; сам* нередко субстантивируется в значении определенного лица: *пришел сам, где сам?;* но в случаях, как *сам знаю, сами знаем*, видим только про-

---

[1] <На полях:> *Таковский* субстантивируется.

[2] <В рукописи далее:> в отриц... <многоточие в рукописи>.

пуск или невыраженность личного местоимения, вызванные наличностью данной глагольной формы. *Самый* почти тождественно в некоторых случаях с *сам: он самый*, но со значением определения при главном члене предложения; ср. *самая полночь, теперь самый жар; самый* употребляется для усиления превосходной степени: *самый лучший сорт* и т. д. (см. выше при превосходной степени).

Все, субстантивируясь, означает *все люди, товарищи, ученики, солдаты*, т. е. совокупность лиц. *Всякий* не субстантивируется; *каждый* может субстантивироваться.

Другой может субстантивироваться, оно заменило существительное *друг*, приняв окончание прилагательного; существительная форма осталась в *друг друга, друг дружку, друг дружке подсказывают*.

Один является числительным, но в качестве местоимения, т. е. не выражая числовых отношений, обозначает единичное лицо или предмет; субстантивируется: *одни;* также субстантивно в *один одного, один другого*.

Иной, иные может субстантивироваться.

Некоторый не субстантивируется, ср. *некто*.

Ни один субстантивируется.

Какой-то, какой-нибудь, кой-какой не субстантивируются, ибо соответствуют *кто-то:* впрочем, возможна субстантивация *какие-нибудь; придут какие-нибудь и скажут*.

Никаких в значении наречия.

Сюда же *нескольких, нескольким, много, мало, немало, сколько-то*.

§ 577. Относительные местоимения тождественны по образованию с вопросительными. Старое относительное *иже* утрачено в современном языке. Наибольшее распространение получило *который*, относящееся и к лицам и к предметам, а также *что*, которое распространилось из предметов на лица: *люди, что стояли на берегу, увидели, наконец, утопающих; кто* употребляется только после *всякий, все, каждый*, но зато имеет широкое распространение препозитивное в качестве подлежащего относительного предложения: *кто ни пройдет, засмеется; кто будет здесь, поймет, что мы испытали* (в этой форме *который* в современном языке редко); *кто палку взял, тот и капрал*. Так же употребляется *что: что ни поп, тот батька; что город, то норов*.

Кой встречается весьма редко и притом именно во множ. числе: *вы говорите о книгах, коих я не видел*.

Какой вносит оттенок качества: *здесь были фрукты, каких я и не видел; это человек, каких мало*.

Чей является со значением притяжательным: *пусть платит тот, чья собака*.

Относительные местоимения служат для определения посредством предложения названного предмета или лица, заменяя, следовательно, название этого определяемого слова в новом предложении.

Сюда же *скольких*.

§ 578. Развитие члена. Во многих языках из указательного местоимения развился член; член служит заместителем отсутствую-

щего при существительном определения и развился, конечно, на почве того, что существительные в значительном числе случаев сопровождаются в предложении местоименными определениями: ma vache, cette vache вызывали la vache вместо vache; οὗτος ἀνήρ, ἐμὸς ἀνήρ, ἀνήρ τις вызывали ὁ ἀνήρ. Следовательно, значение члена отрицательное. В некоторых языках член препозитивен, как в греческ., немецк., французском, в других постпозитивен, как в румынск., новоболгарском. В древнерусском языке и современных русских говорах имеются данные для утверждения, что и в русском языке в диалектах развивалась грамматическая категория члена и притом постпозитивного. Приведу несколько примеров из древнерусского памятника, представляющего, как кажется, наибольшее число случаев, где имеются ясные указания на член. Данные областного языка в значительной части спорные: во-первых, в них указательным *-т* сопровождается далеко не всякое существительное, а категория члена может считаться установленною только при этом именно условии; во-вторых, в значительном числе случаев указательное *-т* может быть понято как указание, ссылка на только что упомянутое существительное; в-третьих, рядом с употреблением *-т* при существительном нередко и употребление его при местоимении (*он-то*, *я-то*), а также глаголах (*они-то говорят-то*). Примеры.

Надо сказать о присоединении к определению: *мой-ет отец*. Надо сравнить это с общеславянск. или балт.-славянск. jis, присоединявшимся к прилагательному, и еще раз подчеркнуть, что это не член, а указательная частица.

Сопоставить с частицей *это*.

§ 579. Прономинализация — явление, известное во многих языках. Так, например, неопределенное местоимение франц. on, нем. man, англ. people развились из существительных homo, Mann. В русском языке подобный переход существительного в местоимение можно указать для слова *друг*; ср. *друг друга*, областное *ду-друга*; *друг*, ставши местоимением, приняло и соответствующее окончание: *другой*. Но сопоставить с таким явлением можно то ослабление реального значения, которое обнаруживается в словах, как *люди, человек*, например в оборотах, как *люди говорят; люди пашут; люди встают, а ты только спать идешь*,— где *люди* означает *другие, все;* ср. *куда люди, туда и мы; дядя Иван ни людям, ни нам*. Ср. *крещеные* в Петрозаводском и Повенецком уездах. То же относительно слов *человек, женщина*: *она женщина хорошая, человек он не плохой; слепой человек* в сравнении с *слепой; дежурная барышня* сравнительно с *дежурная*. Сюда же, вероятно, титулы, как *господин*, теперь *гражданин, товарищ*. В старом языке *староста, сударь;* отсюда *пожалуй-ста, да-су, да-с*. Впрочем, в этих случаях мы имеем дело уже с дальнейшим — с адвербиализацией. Обороты *да-с, пришел-с* сопоставьте с польск. pan, франц. monsieur, причем pan вытеснило форму ty в вежливых обращениях. Таково же *брат, братец* в постпозиции: *ну, брат, как дела* — *брат* заменяет звательный от *ты*.

ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ.

§ 580. Числительное содержит названия определенных количественных представлений, а также названия числовых отношений, вызываемых в говорящем или субъекте предложения. Таким образом, числительное по грамматической своей природе близко к местоимению, включающему в себе названия вообще для отношений говорящего или субъекта предложения к окружающим их предметам и лицам, но отличается от него тем, что содержит названия только определенных количественных отношений, между тем как местоимение включает названия всяких вообще отношений, а из количественных только неопределенных: *один, некоторые, одни, к нескольким*. Это в связи с рядом синтактических причин выделило числительное из состава местоимений. Местоимение, как мы видели, содержит в себе, с одной стороны, субстантивные слова (личные и предметные), а с другой, адъективные; те и другие слова склоняются,— первые сами по себе в зависимости от господствующего над ними представления, вторые вследствие согласования с определяемыми ими существительными. Числительное также содержит слова склоняемые, как имя существительное, с одной стороны, прилагательное — с другой, причем это обстоятельство не мешает быть и тем и другим числительным словами адъективными, т. е. заимствующими свои падежные окончания от определяемого ими имени; но числительные могут употребляться и вне сочетания с существительными, а самостоятельно; например, при счете *(один, два, три)*, при отвлеченных вычислениях *(два и два четыре)*; кроме того, числительными могут определяться те или иные моменты вне зависимости от определения таких моментов названием (*раз, два, три*). Все это повело к тому, что числительные сблизились с наречиями. Наконец, определенные количественные представления могут выражаться и существительными, как всякое вообще отвлеченное представление, составляющее самостоятельно объект и субъект мысли; некоторые из таких существительных нет основания относить к числительным, например, *десяток*, дрéвнее *сорочькъ*, западнорусское *копа*, так как они в синтактическом отношении ничем не отличаются от существительных; но другие существительные приходится признать числительными, как только они вызывают количественное представление не само по себе, а в сочетании с существительным: *пара рублей, десяток рублей, половина первого* представляются числительными. В состав числительных входят таким образом: 1) определенно-количественные местоимения; 2) определенно-количественные наречия; 3) определенно-количественные существительные. Рассмотрю сначала каждую из этих групп отдельно.

Определенно-количественные местоимения. Сюда относим все те числительные, которые, сочетаясь с существительными, заимствуют свою падежную форму от существительного; это, во-первых, косвенные падежи числительных, определяющих количество считаемых предметов (именит. и винит. падежи являются наречиями);

во-вторых, все формы числительных, определяющих считаемые предметы в их порядке (*первый*, *второй*).

Определенно-количественные наречия. Сюда относим, во-первых, все те числительные, которые в сочетании с существительными не заимствуют от них своей падежной формы: *три, четыре, четверо, пять, сто;* во-вторых, числительные вне сочетания с существительными; в-третьих, числительные, означающие то или иное количество моментов: *дважды, трижды, раз, пятью;* в-четвертых, числительные, определяющие количественное отношение между признаками или субстанциями, а не самые признаки или субстанции: *вдвое, вдвоем,* областн. *надвоём.*

Определенно-количественные существительные. Сюда относятся обозначающие определенное количество или определенную дробную часть существительные в сочетании с определяемыми ими существительными: *десяток, сотня, осьмушка, треть, четверть, половина.*

Вне этих трех разрядов находятся числительное *один*, которое заимствует от определяемого существительного падежные и родовые окончания вообще (не только в косвенных), числительные *два, две*, заимствующие родовые окончания в именит. и винит., *тысяча, пол*, представляющее эту форму в именит. и винит. падежах, *полу* в других косвенных падежах независимо от формы сочетавшихся с ним существительных. *Раз* является наречием как отдельно, так и в сочетании *два раза, три раза* в составе всего сочетания. Эти замечания касаются отношения числительного к другим частям речи и могут служить подтверждением необходимости рассматривать числительное, как отдельную часть речи. Синтактические явления при сочетании числительного с именами рассмотрены в Синтаксисе словосочетаний.

§ 581. По своему значению и синтактическому употреблению числительное распадается на следующие классы.

Количественные числительные означают названия количественных отношений как вообще, так и в их сочетании с считаемыми предметами. Названия количественных отношений вообще являются синтактически наречиями *(один, два, три, сто);* названия количественных отношений в сочетании с существительными являются в именит. и винит. падеже наречиями (начиная с *три* и кончая *девятьсот*), а в прочих падежах местоимениями-прилагательными (ср. *пять рублей, к пяти рублям, четыре девочки, от четырех девочек, сто волов, ста волам, со ста рублями); два, две*, по форме местоимения-прилагательные, являются синтактически наречиями при выше указанных условиях; *тысяча*, по форме существительное, является синтактически наречием в именит. и винит., прилагательным в прочих падежах; *один* по форме и в синтактическом употреблении прилагательное, наречие же только как название количества. К количественным числительным относятся, кроме того, слова *единица, десяток, сотня* в значении названий количества (в математике).

Собирательные числительные означают количественные отношения только в их сочетании со считаемыми предметами и притом, во-первых, в сочетании с существительными употребляются только во множ. числе (*двое ворот, к троим саням*); во-вторых — в сочетании с названиями лиц мужеск. полу (*двое солдат, троим мужчинам, нас было пятеро*). Так же как количественные, они в субъекте и прямом объекте употребляются как наречия, а в косвенном объекте как местоимения-прилагательные.

Порядковые числительные определяют предмет в отношении занимаемого им при счете места: *первый, сотый, тысячный*. Употребляются как прилагательные и притом только в членной форме. Сочетания *сам-друг, сам-третей, сам-четверт* и т. д. являются наречными сочетаниями: *она пришла сам-шост, пшеница родилась сам-пят. Полтора*.

Совокупительные числительные определяют числовую совокупность в отношении ее к совокупности предметов: *пара лошадей, пара сапог, сотня яиц, дюжина ложек, пяток, десяток, полсотни*. Отдельно от сочетания с существительными эти слова являются существительными.

Дробные числительные определяют части меньше единицы в сочетании с существительными, являясь в отдельном употреблении существительными: *прошло четверть часа, настало половина второго, будьте здесь к половине четвертого; треть, осьмушка*. Отмечу еще *пол-* в сложениях; в именит. и винит. *пол*, в других падежах *полу*: *полведра, пол-аршина, до полуаршина, с полугоря (и с полгоря); с несколькими полуаршинами. Полтора* означает $1^1/_2$; из *полвтора* с родительным, зависящим от следующего существительного; в древнем языке *полтретья, полчетверта* и т. д.

Наречные числительные определяют количественные отношения в сочетании с признаками, а также количественные отношения между признаками и сочетавшимися с ними субстанциями: *он ударил меня дважды, пять раз, два раза; трижды три девять; пятью пять; мы поехали вдвоем; мы сговорились вчетвером; это мы разделили на трое; платок был сложен вчетверо; здесь денег впятеро больше, чем надо*; областн. *живо два*; областн. *однова́*.

Субстантивация порядковых: *четверть второго; другое; пятое и десятое; другие, третьи*. Субстантивация собирательных: *четверо, двое*.

§ 582. Синтактическое употребление. Количественные и собирательные числительные, как наречия в сочетании их с существительными, соответствуют подлежащему или прямому объекту, в известных случаях главному члену предложения: *вошли четыре сестры, четверо братьев отказались, нас было четыре брата, я даю вам четыре рубля*. Это неделимые грамматические сочетания, как было развито раньше в Синтаксисе словосочетаний. В ответных предложениях, как: *сколько у вас карандашей? — Пять*, — это *пять* можно считать частью грамматического сочетания. Порядковые числительные являются определениями и сказуемыми. Наречные числи-

тельные и количественные числительные наречия в предложениях тождества могут быть подлежащими и сказуемыми: *два есть два, дважды два* (подлежащее) *четыре* (сказуемое), *пять и пять* (подлеж.) *десять* (сказуемое); также *сколько будет дважды два? дважды два составит четыре*; *пятью пять будет двадцать пять*. Вообще же наречные числительные являются обстоятельствами: *он вскрикнул дважды*

НАРЕЧИЕ.

§ 583[1]. Принимая во внимание, что качественные отношения вызывают представление о качествах-свойствах, можем определить н а р е ч и е как часть речи, которая заключает слова, обозначающие как представления о качествах-свойствах, так и представления об отношениях, мыслимых не атрибутивно, а обстоятельственно. Атрибут есть часть общего с определяемым им субъектом или объектом восприятия; атрибутивные отношения имеют место только при восприятиях; обстоятельство есть самостоятельное представление, поставленное в зависимость от представления о действии-состоянии или качестве-свойстве. Данное определение сближает наречия с прилагательными, поскольку и те и другие означают представления о качествах-свойствах, с местоимением, поскольку и наречие и местоимение означают представление об отношениях; но прилагательные и местоимения (а именно местоимения-прилагательные) сочетаются с представлениями о субстанции, наречия же сочетаются с представлениями о признаках. Отсюда следует еще, что наречие выражает те самые признаки, что прилагательное и местоимение-прилагательное, но отвлеченные от представлений о субстанции; результатом такого отвлечения может быть сочетание такого признака с другим признаком, но также и отвлеченное название признака. Подобное отвлечение мы видели уже при анализе числительного, где названия количественных отношений мы должны были признать наречиями: *пять, сто*. Таким образом, наречие может быть определено, во-первых, как отвлеченное название признака и отношения, во-вторых, как название признака и отношения в их сочетании с другими признаками. Отсюда тесная связь наречия с другими частями речи, переход их в наречия, их а д в е р б и а л и з а ц и я. Наречие, сочетавшись с субстанцией, становится названием пассивного признака или активного: *он сильнее меня, сильнее меня люди*. Нередко это ведет к адъективизации морфологической: *здешний, тогдашний, вчерашний, ономеднешний*.

NB. *Он не больно парень*[2].

---

[1] ⟨В начале § в скобках:⟩ [Это та часть речи, которая включает в себе слова, определяющие качественные, видовые, количественные, временные отношения, сочетающиеся с представлениями об активных признаках (выраженных глаголами) или пассивных признаках (выраженных как прилагательными, так и другими наречиями)].

[2] ⟨Ниже, отдельно, приписка:⟩ Надо сказать об уменьшительных: *скоре́нько, высоко́нько, умне́нько*.

§ **584.** Об адвербиализации свидетельствует морфологический состав наречий, в составе которых найдем существительные и притом не только в косвенных падежах, но и в именит. (*жаль, дома, вечером, наспех*), прилагательные (*живо, бойко*), глаголы (*бывало, мол, будет, знать, кажись, кажется*), деепричастия, местоимения (*много, сколько, что-то, оттого*). Процесс адвербиализации можно проследить и на сравнительном изучении наречий и других частей речи. Так, некоторые существительные означают не только субстанцию, но признак, мыслимый отдельно от субстанции в качестве субъекта или объекта; эти существительные, как только они не в субъекте и не в объекте, переходят в наречия качественные: *грех божиться, срам сказать, шутка сказать, подумать*; равным образом в наречные отношения переходят существительные, как *беда, страсть, страх;* сюда же относится переход существительных в количественные наречия: *людей полон двор, сила народу, раз.* Деепричастия означают второстепенные сказуемые, но как только утрачивается их предикативная связь с подлежащим, они становятся наречиями: *спустя рукава, молча, стоя, сидя, повеся нос, сломя голову; нельзя читать лежа; его любимое занятие — скакать сломя голову.* Адвербиализируется прилагательное, как только оно мыслится вне сочетания с предметом и не в качестве субъекта или объекта. Адвербиализируется причастие при тех же условиях: *угрожающе.* Адвербиализируется инфинитив, как только он не сочетается, как с сопутствующим, с представлением о субъекте, производителе действия: *он видать болен.* Адвербиализируется повелит. наклонение при отсутствии субъекта: *глядь, будто, мол.* Адвербиализируется настоящее время изъявительного при тех же условиях: *вишь, ишь.* Адвербиализируется местоимение: *много, мало, так.* Сравнит. степень[1].

§ **585.** Приняв во внимание, с одной стороны, выражение наречиями представлений о качествах-свойствах и об отношениях, а с другой, связь наречия с другими частями речи, мы распределяем наречия на следующие грамматические классы.

Наречия качественные означают название качества-свойства в сочетании с представлением о признаке. Морфологически они обнаруживаются производством от тех же основ, как существительное и прилагательное: *ты хорошо играешь; здесь холодно* (признак, оставшийся невыраженным: бытие, проявление); *стыд и срам* (тоже). Сравнит. степень.

Наречия места, которые делятся на конкретные, или именные, и на относительные, или местоименные; первые морфологически связаны с существительными или прилагательными, вторые с местоимениями. Примеры для именных наречий места: *вон, вне, вдоль, поперек, вниз, вёрхом, дома, наверху, вправо, влево, близ, домой, долой, в стороне, всторону, высоко, горой, кругом, вокруг.* Наре-

---

[1] ⟨На полях:⟩ Прилагательное относительное не образует наречия, ибо неотделимо от представления о субстанции.

чия места местоименные: *туда, тут, сюда, куда*[1], *откуда, там, здесь, где, везде, где-то, где-нибудь, куда-то, куда-нибудь, отсюда, оттуда, откуда-то.*

Наречия времени именные: *вчера, вечером, вечерком, зимой, исстари, издавна, летом, олонись, зимусь, поздно, рано, в сумерках, в сумерки, надолго, наскоро, скоро.* Наречия времени глагольные: *бывало, отродясь.* Наречия времени местоименные: *когда, тогда, никогда, некогда, когда-то, иногда, всегда.*

Наречия видовые именные: *силком, дуром, верхом, впотьмах, во снях, даром, обыденком, на-сносях, сразу, сполна, пополам, беда, страсть, жаль, страх (он страх этого не любит, страх богат), изредка, вчерне, наподобие, вчуже, скоро* (schnell), *мало, точно, подобно, высоко;* наречия видовые глагольные: *спустя рукава, молча, ползком, вишь, ишь, походя, броском, кидком, повеся нос;* наречия видовые местоименные: *как, так, этак, никак, сяк, всячески, как-нибудь, весьма, очень;* ср. еще словосочетания, как: *никоим образом, какими судьбами.*

Наречия количественные именные (нечисловые): *сила, полон двор, полон рот, полна голова, страсть (у него денег страсть),* иностр. *масса;* наречия количеств. местоименные: *много, сколько, столько, довольно, несколько, сколько-нибудь, сколько-то.*

Наречия бытия, состояния, глагольные: *глядь, поглядь, хроп* (междомет.), *небось, есть, чу* (глаг. междом.), *трах, нет, будет, будто, как-будто, должно быть, должно, вероятно, может быть, быват* (областн.); заимствов. *баста, шабаш;* именные: *напоследок, крышка;* местоименные: *авось.* Быть может, сюда же: *холодно, жарко, жалко, боязно, страшно, морозно* и т. д.

Отмечу неустойчивость между именными и местоименными наречиями; так, в местоименные перешли именные: *сильно* (-очень), *мало, чрезвычайно, необыкновенно*[2].

Синтактически в предложении наречие может быть обстоятельством, главным членом предложения, сказуемым. Наречие в качестве главного члена вызывает представление о бытии, состоянии: *скучно, беда;* или при особой интонации представление о действии, сочетавшемся модально (повелит. наклонение) с этим наречием: *скорей! направо! долой! вон!*

В приведенных выше наречиях много таких, которые состоят из двух слов: мы назовем их наречиями в том случае, когда они семасиологически не могут быть разложены, составляя одно грамматическое целое; *полна голова забот — полна голова* является наречием; *какими судьбами.*

§ 586. Надо сказать о количественных наречиях и их сочетании с родит. падежом в объекте и субъекте. Сочетаясь с на-

---

[1] <Сверху надписано:> вопрос.

[2] <Далее в скобках, со знаком вопроса:> [формальным отличием местоименных видовых наречий от именных является возможность сочетаться с прилагательным: *он сильно пьян, он слишком умён, он достаточно богат*].

званием субстанции, наречие, как мы знаем, становится прилагательным; вот почему *ко многим бедствиям, столькими несчастиями.* Но в старом языке наречие, сочетаясь с существительным (если не ассимилировалось ему), субстантивировалось; вследствие этого следующее существительное получало родит. падеж: *много дружины, въ многѣ дружины, къ многу дружины. Много дружины* сохранилось в именит. и винит. как неразложимое сочетание, причем *много* не является ни определением, ни субъектом в отношении *дружины; къ многу дружины* изменилось *ко многой дружине.*

Наречие переходит в предлог, сочетаясь с косвенным падежом существительного. Сочетаясь же с именит. падежом, оно сливается с ним в одно неразрывное целое, в котором существительное получает родит. падеж.

ПРЕДЛОГ.

§ 587. Предлог означает ту часть речи, которая включает в себя слова, служащие для выражения грамматических отношений между существительными, с одной стороны, другими существительными, прилагательными, глаголами, с другой. Предлоги выражаются словами, являющимися, как кажется, по происхождению наречиями; наречие, сочетавшись с именем, может адъективироваться (*он не больно парень,* т. е. *не больно хорош*), может вербализироваться *(он и баста, он и шабаш)*; но если не произошло ни адъективации, ни вербализации, наречие сливается с существительным в одно представление и притом зависимое. Наречие адъективируется или вербализируется в сочетании с самостоятельной формой существительного, с подлежащим, с именит. падежом; но когда существительное в зависимой форме, когда над ним господствует представление о другой субстанции или о признаке, адъективация и вербализация невозможны; происходит ассимиляция наречия существительному, причем сочетание наречия с существительным выражает в общем то же, что само существительное в его зависимой (падежной) форме. На место падежной формы является сочетание падежной формы с предлогом, причем это сочетание, благодаря вносимому в него предлогом значению, развивает, дополняет, усиливает то значение, которое принадлежало самой падежной форме; как сказано, в общем значение остается то же, и это стоит в зависимости именно от того, что не будь семасиологического сродства между данной падежной формой и данным наречием, между ними не могло бы произойти сближения, наречие не могло бы ассимилироваться существительному и стать при нем предлогом. Впрочем, такое происхождение предлогов может быть доказано только для одной части их, но на основании этих предлогов возможно предполагать такое же происхождение для остальных. В русском языке сюда относятся, например, *около, кругом, возле (он прошел возле), близ, подле, наверху* и т. д., т. е. для всех вообще наречий, сочетающихся с падежными формами имени и становящихся таким образом предлогами, надо принимать, что это предлоги. На основании сказанного, предлог распадается на следующие два

грамматические класса: 1) предлоги, не имеющие при себе однозвучных наречий; 2) предлоги, имеющие при себе однозвучные наречия. Дальнейшее деление предлогов сообразуется с падежами, с которыми они сочетаются, ибо именно значение этих падежей обусловливало употребление перед ними тех или других предлогов. Рассмотрение предлогов и их употребление относится, таким образом, к учению о падежах и входит в Учение о словосочетаниях.

ПРЕФИКСЫ.

§ 588. Префиксы означают ту часть речи, которая включает в себе слова, которые в сочетании с глаголами, прилагательными, наречиями дополняют пространственными, количественными, видовыми указаниями значение этих частей речи. Повидимому, грамматическая сущность значения префиксов раскрывается ссылкой на их происхождение: это наречия. Наречия, как мы знаем, сочетаются с названиями признаков, т. е. с глаголами, прилагательными, наречиями. Сочетание это может быть свободным и постоянным; постоянное ведет к срастанию наречия с глаголом. В этом сложении с глаголами возможны два случая, две возможности: 1) наречие сохраняет свое реальное значение и передает его глаголу, видоизменяя, таким образом, реальное значение глагола, образуя новый по своему значению глагол: *писать — приписать*; этот глагол получает совершенный вид; 2) наречия теряют свое реальное значение, но тем не менее их сочетание с глаголом видоизменяет видовое значение глагола, превращая его в глагол совершенного вида: *писать — написать*. Основанием для различения обоих видов префиксов служит следующее: глаголы соверш. вида, сложенные с префиксом, вносящим реальное изменение в значение глагола, образуют при себе сложные с этими же префиксами глаголы несоверш. вида: *приписать — приписывать*; между тем как глаголы совершенного вида, сложенные с префиксом, не вносящим реального изменения в значение глагола, не образуют при себе таких глаголов несовершенного вида. Префиксы реального и формального значения имеют значение не только пространственное, но также и видовое. Возможно, что именные пространственные наречия вносили реальное различие, а видовые наречия вносили только видовое различие. См. в видовых различиях глагола. Отмечу такие префиксы, как *тре-: треволнение, треклятый*.

Из префиксов, сочетающихся с прилагательными — *пре-: предобрый, премилый*, (церк.-слав.:) *прекрасный, пречистый, преславный*. С превосходной степенью: *наи-*. С наречием древн. *преизлиха*.

СОЮЗ.

§ 589. Это та часть речи, которая включает в себе слова, соединяющие или разъединяющие сочетавшиеся слова, словосочетания или предложения и определяющие эти сочетания со стороны тех или иных отношений, дающие смысл, раскрывающие значение этих соче-

таний. Следовательно, союз имеет значение не сам по себе, а как выразитель того или иного сочетания, как словесное обнаружение такого сочетания. Сочетания слов, словосочетаний или предложений образуются говорящими для обнаружения той или иной мысли, того или иного акта воли. Так, отдельные слова, сочетаясь между собой, обнаруживают между собой отношения атрибутивные, предикативные; но они могут быть копулятивными, не ставящими одно слово в зависимость от другого; мы видели уже способы выражения атрибутивной и предикативной связи; в числе их находится грамматическое согласование, порядок слов, интонация; копулятивная связь выражается также следованием одного слова за другим, соответствующей копулятивной паузой, но она может выражаться и союзами; к числу таких союзов могут принадлежать союзы соединительные: *и, да, не только — но и, также, так же как, как и, и — и, как — так и;* сравнительные: *как, точно, будто;* отрицательные: *не, ни — ни, ни — и не, ни — ни также, не — а, не — но;* разделительные: *ли — или;* уступительные: *хоть — хоть, будь то — будь то*[1].

Сочетания между словосочетаниями и предложениями могут выражаться такими же копулятивными союзами. Но кроме того, сочетания между предложениями, как между словесными обнаружениями мысли, могут выражать не только простое соединение, но также противоположение, условные и уступительные отношения, а также зависимость одного предложения от другого — зависимость относительную (причем одно предложение относится к другому предложению или содержащемуся в нем слову, словосочетанию, как определение относится к определяемому), зависимость временную, причинную, целевую. И эти взаимные отношения предложений могут быть выражены частью последовательностью между ними или их интонацией, частью модальными изменениями в форме сказуемых или главных членов, но в большинстве случаев они выражаются союзами.

Примеры для копулятивных союзов между предложениями. Примеры для противительных союзов. Примеры для условных. Примеры для уступительных. Для временных. Для причинных. Для целевых. Относительное *что*. Рассмотрение этих союзов показывает их разнообразное происхождение. Мы видим среди них немало наречий, например: *когда, в то время как, как, лишь* и т. д.; также глагольных междометий, например: *ну* (ср. украинск. *нумо*, русск. *ну-те, ну-ка*). Повидимому, наиболее тесна связь союза с наречием, откуда вероятность, что все вообще союзы восходят к наречиям; ср. существительное *раз*, изменившееся в наречие *раз* и затем в союз *раз*. Мы видели выше условия, при которых наречие переходит в предлог: это его сочетание с косвенными падежами существительного. Условием же перехода наречия в союз является потеря наречием его реального значения; наречия, как и местоимения в относительной функции, могут иметь служебную роль; *когда* temporale остается наречием, но

[1] ⟨Приписка:⟩ Вопросит.

когда conditionale уже союз *(когда так, я бросаю работу)*; *лишь* в значении *только* — наречие: *еще лишь слово!* но в *лишь только, лишь бы* это союз; *он так же богат, как* — *так* и *как* наречия, но в *отец, а также мать* это союз; *будто* в вопросе наречие, а в фразе *говорят, будто его здесь нет* это союз. Союз не имеет самостоятельного значения. Его определения должны быть таковы: *будто* — союз, означающий предположительное утверждение; *если* — союз, вводящий условие; *бы* — союз, означающий условие или вводящий пожелание; *хотя* — союз, вводящий уступку; *лишь только* — два наречия, но это союз, означающий одновременность одного события другому; *как* — наречие в вопросе, но *летит как стрела* — союз сравнения. Союзами признаем также вопросительные *ли, или, разве*. Союзы это также слова, как *ведь*, означающие причину, *же* — противоположение, *мол* — передачу собственных слов говорящего, сказанных им раньше; *гыт* — передачу слов третьего лица; *с* означает почтительность и вежливость; *бишь* — оговорку при припоминании. Союзами являются и *видите ли, так сказать* и т. п. выражения, означающие переход одной мысли к другой или просто средства возбудить внимание собеседника.

Таким образом, союзы по их употреблению могут быть разделены на следующие классы:

Союзы копулятивные, причем различаются союзы, соединяющие отдельные слова, и союзы, соединяющие предложения (соединительные, разделительные, противительные).

Союзы, показывающие зависимость одного предложения от другого (условные, уступительные, причинные, цели).

Союзы, обнаруживающие волю, настроение говорящего в пределах предложения *(ли, же, ведь)*.

Союзы, обнаруживающие ту или иную мысль, ту или иную цель говорящего *(гыт, мол, с)*.

Союз *бы* при глагольных формах.

ЧАСТИЦЫ.

§ 590. Это та часть речи, которая включает в себе слова, усиливающие или оттеняющие в том или ином отношении грамматические формы или предикат. Таким образом, они имеют формальное, служебное значение; такое значение имеет и союз *бы*, но он является самостоятельным выразителем наклонения, между тем как частицы только развивают значение формы. Различаются два класса: постпозитивные и препозитивные.

Постпозитивною является, например, *-ка (-тка)*, присоединяемая, во-первых, к будущему совершенного вида, во-вторых, к повелительному для того, чтобы выразить побуждение, в первом случае обращенное к самому говорящему: *пойду-ка, посмотрю-ка, скажу-ка*, во-втором — к собеседнику: *иди-ка, посмотри-ка, скажи-ка, скажите-ка, дайте-ка;* под влиянием повелит. наклонения также и при местоимениях: *ну-ка, на-ка, нате-ка (на-тка, ну-тка)*. Далее

такою частицей является *же*, усиливающее утверждение или требование при формах сказуемого: повелит. *иди же, дай же, брось же, несите же скорее; да придет же; да он же;* также при междометиях: *айда же, ну же.*

Препозитивными частицами являются: *ну* при инфинитиве и повелит. наклонении: например: *он ну бросать, ну плясать; ну скачи, ну скажите.* Далее формы повелит.: *дай, давай*: во-первых, при 1-м лице единств. будущего соверш. *дай пойду, дай скажу*; 1-м лице множ. для выражения повелительного *давай сходим, давай убежим, давай спросим его;* при инфинитиве: *он давай плакать, давай спорить.* Надо заметить, что в сочетании с инфинитивом эти частицы вносят и темпоральное значение, а именно прошедшего соверш.: *он давай скакать* означает: он начал скакать. Частица *и: он и плясать, и плясать.*

МЕЖДОМЕТИЕ.

§ 591. Это часть речи, включающая в себе слова, которые как в форме выкрика или звукоподражания, так и в форме, присвоенной другим частям речи, выражают, обнаруживают внутренние или внешние ощущения говорящего, а также его волеизъявления, не являясь, однако, их названиями. Из данного определения видно, что значение некоторых междометий роднит их с глаголами (которые в форме императива или желательного наклонения служат для волеизъявления); но различие между ними в том, что глагол обозначает действия-состояния в их процессах, причем волеизъявление является сопутствующим представлением, между тем как междометия в своей словесной форме не выражают представления о действии-состоянии вообще, вызывая представление только о действии, связанном с данным волеизъявлением и неотделимом от него. Итак, междометие означает, что мы испытываем известное ощущение или выражаем свою волю, но слово является при этом только сигналом для возникновения соответствующего представления, а не знаком его. Междометия можно таким образом определить как неполные слова, ибо слово это не только сигнал для представления, но и словесное его выражение; разницу между словом и междометием я сравнил бы с разницей между предложением *дай мне воды!* и предложением *воды!*; *воды*, как сигнал, вызывает то самое представление, которое обнаружилось в полной форме в предложении *дай (дайте) мне воды!*

По отношению к словам других частей речи междометия распадаются на три группы: 1) междометие, представляющееся говорящему выкриком или звукоподражанием по отсутствию связи его с звуковой формой других слов; впрочем, в составе этой группы могут быть и заимствованные слова, которые в соответствующем языке имеют и грамматическую форму и знаменательное значение: таковы, например, слова, как *эй, тьфу, тпру, цып-цып, иси* (заимств.), *тубо* (заимств.), *пст* (заимств.), *шт* (заимств.), *ша* (областн: молчать),

алло, стоп; 2) междометия, сближенные с повелит. формами глагола настолько, что к ним присоединяются личные окончания или форменные частицы, как то: *на!* ср. *нате, на-ка; ну,* ср. *нуте, ну-ка;* может быть, *тпру-ка; брысь,* ср. *брысьте; айда — айдате;* 3) слова знаменательные, обратившиеся в выкрики для выражения душевного состояния: *господи, о господи, батюшки мои, владычица, боже мой, боже.*

По их значению междометия можно разделить на три класса: во-первых, междометия, выражающие вообще возбуждение говорящего, а в частности и различные связанные с ним чувства; иногда эти различные значения отражаются в соответствующей интонации, а иногда о различном значении для говорящего того или другого междометия можем узнать только из тех условий, при которых вырвалось данное восклицание; ср. радостное *ах* в *ах, как приятно;* угнетенное: *ах, как страшно;* возмущенное: *ах, как глупо; ух* может означать чувство, вызванное падением самого говорящего или какого-либо предмета, но также и сильным ударом, воспринятым слухом; сюда же и такие восклицания, как указанные выше *о господи, господи,* которые могут быть произнесены и при испуге и при негодовании или возмущении. Во-вторых, междометия, выражающие определенные чувства; например, *да* для выражения согласия, *фу* для выражения отвращения, *ох* для выражения скорби, печали, *тьфу* для выражения гадливого чувства, побуждающего к отплевыванию, *чу* для обращения внимания собеседника на раздавшийся вдали шум или крик. В-третьих, междометия, выражающие волеизъявление, т. е. приказание, требование, побуждение, обращенное к собеседнику, или, что весьма обычно, к животному (и это последнее характерно для отличия междометия от слова): *на! эй! айда! пст! алло! стоп! тпру! но! брысь, кыш, тега-тега, иси, куш.*

Что до первого класса междометий, то ясно, что он не найдет себе соответствия в других частях речи; второй класс может выражать представления, находящие себе выражение и в наречиях[1]. Вместо *ох!* можно сказать *горе! беда!* Третий класс междометий выражает то же, что повелительное наклонение; *на* равносильно *возьми,* но *возьми* это глагол, а *на* междометие, так как *возьми* означает определенное представление, а *на* только вызывает его; родство по значению с повелительным наклонением объясняет сочетание таких междометий с глагольными окончаниями и частицами, о чем выше. Повелительное наклонение при наличности подлежащего, вы-

---

[1] ⟨Далее в скобках:⟩ [в частности *нет* (ср. междом. *да*) мы признаем наречием, а не междометием потому, что это слово выражает не только данное чувство, но и известное представление, ср. *нет* в значении безличного глагола: *его нет здесь, у меня нет хлеба*; равным образом *есть!* в морской службе означающее *да,* является наречием, а не междометием именно благодаря своей знаменательности; *баста* междометие, а *довольно* наречие] ⟨В конце страницы приписка:⟩ Едва ли *да* междометие; это наречие. Может быть, наречие: *тэк, тэк-с.*

раженного не личными местоимениями 2-го лица, может означать и прошедшее время; то же видим и в отношении междометия; *он: но, но — а лошадь его ни с места.* Родство с повелительным наклонением выражается еще и в том, что, например, междометие *ну* употребляется и как усилительная частица при глаголе, подобно повелительному *дай, дай-ка, да-ка, давай.*

О глагольных междометиях сказано выше. Собственно глагольные формы стали междометиями потому, что утратили связь с другими глагольными формами, что видно из невозможности изменять их так, как изменяются другие глагольные формы, т. е. спрягать их; *стук, толк* можно признать междометиями именно потому, что они приблизительно так же, как *на, нате,* выражают не процесс действия, а соединенный с аффектом отдельный момент действия.

II. ИЗ „ОЧЕРКА СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА“[1].

ГЛАВА XI.

СКЛОНЕНИЕ.

Склонением называется изменение слов по падежам. В русском языке известны следующие падежи: именительный, винительный, родительный, дательный, творительный и местный или предложный. Определение значения этих падежей, сложившихся исторически и притом в составе предложения, принадлежит синтаксису. Здесь отметим, что им. пад.— это та форма, которую в речи принимает грамматическое подлежащее, остальные падежи — это формы, которые принимают грамматические дополнения; эти остальные падежи называют в противоположность именительному косвенными падежами.

Вин. пад. в отношении к действию, выраженному глаголом, принимают те имена, на представления о которых это действие переходит непосредственно. Род. пад. имени означает, что представление, соответствующее имени, находится в пределах действия, выраженного глаголом, затрагиваясь им лишь отчасти. Дат. пад. имени означает, что на представление, соответствующее этому имени, направлено действие, что в интересах его оно совершается. Твор. пад. имени означает, что действие совершается при помощи представления об этом имени, что это представление — орудие действия. Местн. пад. в русском языке употребляется только после предлогов *в, на, при* и *об*, из которых первые три дают преимущественно указание на то, что действие совершается в пределах представления о получившем местный падеж имени.

Склоняемыми словами являются в русском языке: имя существительное, имя прилагательное, местоимение, числительное, а также глагольные образования, объединяемые понятием причастия. Склоняемые слова объединяются понятием имя.

Эти склоняемые имена изменяются еще по другим категориям, а именно по категориям числа и рода. Категория числа (а в русском языке различаются два числа: единственное и множественное) свойственна всем склоняемым именам (кроме, однако, числительных количественных); она наблюдается и в глаголе. Категория рода (в русском

[1] Используется 4-е издание „Очерка современного русского литературного языка“ (1941 г). Орфография и пунктуация за небольшим исключением остается без изменения.

языке различаются три рода: мужеский, женский и средний) свойственна именам прилагательным, местоимениям, числительным (в количественных — только числительным *один, два*), причастиям; та же категория наблюдается в некоторых глагольных формах, по происхождению формах именных (прилагательных, причастиях). Таким образом, склоняемые имена в отношении к категории рода распадаются на имена, не изменяющиеся по родам: это имя существительное, и имена, изменяющиеся по родам: это имя прилагательное, местоимение, числительные и причастия. Правда, в именах существительных находим имена мужеского, женского и среднего рода, но эти три ряда имен даны как готовые, определенные ряды: из них не может быть извлечена категория рода, так как, во-первых, сами существительные не изменяются по родам, во вторых, их род определяется в ряде случаев только синтактически (напр. *умная голова, городской голова*).

Указанное деление склоняемых имен на имена существительные и на остальные склоняемые имена устанавливается и синтактически: имена существительные это слова определяемые, а прилагательные, местоимения (кроме личных местоимений), числительные и причастия — имена определяющие (атрибутивные). Различия между определяющими словами, как и вообще значение частей речи, определяются синтактически. Морфологические различия (в строении основ и в падежных окончаниях) дают основания и при изложении морфологии рассматривать отдельно определяемые слова (имена существительные) и слова определяющие, а в этих словах — отдельно: прилагательные, местоимения, числительные и причастия.

ГЛАВА XII.

ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ.

1. Категория рода.

Как указано, в именах существительных различаются три рода, грамматически не соединимых по одному из своих признаков: имена мужеского, женского и среднего рода. Эти имена исконно различались по самым своим основам, т. е. по тем неизменным частям слова, к которым присоединяются падежные окончания: только основы на -ī и на -ā еще в индоевропейском праязыке обнимали не только слова женского рода, но также слова мужеского рода; впрочем, явный перевес в основах на -ā исконно принадлежал словам женского рода; мужеского рода были только те слова, которые обозначали лица мужеского полу; то же наблюдается в русском языке и теперь.

Я упомянул об основах и падежных окончаниях. Тесное слитие окончания основы с падежным окончанием (в частности конечной гласной основы и начальной гласной падежного окончания) произошло еще в индоевропейском праязыке. С течением времени, благодаря фонетическим изменениям, которым подвергались вообще конечные гласные основ, а также и те гласные, где слились окончания основы и падежное окончание, представление о первоначальной основе затем-

нялось все более, сменяясь в представлении говорящих представлениями о других, видоизмененных основах. Так, представление об основах мужеского рода на ŏ, в особенности после происшедшего уже на русской почве отпадения конечных -ъ в им. пад. (а -ъ из -os) и в вин. пад. (где -ъ из -om), сменилось представлением об основах на согласную; то же представление сменило также представление об основах мужеского рода на -ŭ, ибо и здесь произошло отпадение в им. пад. -ъ (из -ŭs), а в вин. пад. -ъ (из -ŭm). Научное определение основы в современных именах существительных невозможно; но так как разнообразие падежных окончаний в современном языке обусловлено, как и в старом, различием именных основ, то обозрение форм склонения должно основываться на различии этих основ по тому или иному их признаку. В настоящее время при обозрении наличных именных основ можно исходить из формы им. пад. ед. числа; окончание этого падежа, напр. в части имен женского рода и в именах среднего рода, не может быть признано падежным окончанием уже по тому самому, что язык наш имеет ряд имен мужеского и женского рода, где форма им. пад. ед. числа отличается от формы почти всех остальных падежей именно отсутствием окончания, представляясь, таким образом, тождественною с основой (напр. основы мужеского рода на твердую согласную: *стол*, *дом*, основы мужеского рода на мягкую согласную: *ключ*, *гост'*, основы женского рода на мягкую согласную: *кост')*.

Принимая во внимание исконное деление существительных на три рода, а также необходимость объединить некоторые группы существительных, в пределах каждого из трех родов, по общности падежных окончаний, я распределю обозрение склонения имен существительных по следующим отделам.

1. Имена мужеского рода: а) ед. число слов на твердую и мягкую согласную: *дом, нож, гость;* б) ед. число слова *путь;* в) мн. ч. слов на твердую согласную и на *-й* (i̯): *столы, воробьи*; г) мн. число слов на *ж, ш* и на мягкую согласную: *ножи, родители*; д) мн. число слов на твердую и мягкую согласную, оканчивающихся в им. мн. на *-ья*; е) мн. число слов, представляющих в ед. числе основу на *-ин*: *бояре*.

2. Имена женского рода: а) слова на *ж*, *ш* и на мягкую согласную; б) слова на *а* (женского и мужеского рода): *вода, буря, душа, куча, воевода, юноша*.

3. Имена среднего рода: а) слова на *о* (после мягких согласных и исконно мягких, но отвердевших,— *е*): *село, море, ложе*; б) слова на *а*: *имя, дитя*.

Исходя из того принципа, что образование форм склонения распределяется по им. пад. ед. числа, я рассматриваю склонение слов, представляющих две или несколько основ, в том отделе, куда относится соответствующий им. пад.: *мать* и *дочь* рассматриваются в склонении основ женского рода на мягкую согласную, но их особенность — появление основы *матер-*, *дочер-* оговаривается особо; *чудо, небо* относятся к словам среднего рода на *-о*, но особо оговаривается производство ими мн. числа от основ *небес-*, *чудес-*; мн. *дети* я укажу при *дитя*, хотя оно возводится к другой основе, чем *дитя, дитяти*;

мн. *жеребята*, *телята* укажу при склонении слов мужеского рода на твердую согласную, ибо им. ед. при них являются *жеребенок, теленок*; слово *господь* рассмотрю вместе с именами мужеского рода на мягкую согласную, несмотря на то, что в род. и других падежах является *господ-*.

Обзору склонения имен я должен предпослать несколько общих замечаний. Расположу их сначала по тем категориям, о которых я уже говорил: рода, числа, падежей.

Род имен существительных, как указано, познается синтактически. Но частью и окончание слова свидетельствует о принадлежности его к тому или другому роду. Так, все слова на твердую согласную — мужеского рода; из слов на твердую согласную к женскому роду могут принадлежать только слова на *ш*, *ж*. Женского рода все слова на *а*, кроме слов, обозначающих лица мужеского пола (*парнишка, мальчишка*). Среднего рода все слова на *о* (*е*), кроме слов, обозначающих существа мужеского полу, как, напр., имя *Михайло*, *Серко*, фамилия *Ткаченко, Манькó*, а также уничижительных на *-ишко*, *-енко*, произведенных от неодушевленных мужеского рода: *домишко, башмачишко, табачишко* (уничижительные от одушевленных оканчиваются на *-ишка: старичишка*), и увеличительных на *-ище* от одушевленных муж. рода: *мужичище*. Следовательно, только в словах на *ж*, *ш* и на мягкую согласную род не может быть определен окончанием; он определяется для одних падежей, в том числе для им., синтактически, а для других падежными окончаниями, ибо падежные окончания слов мужеского рода (в ед. числе) расходятся с окончаниями слов женского рода. Некоторые слова на *-а* могут быть мужеского и женского рода: *пьяница, ханжа*. Впервые при определении рода мы встречаемся с особой категорией, категорией одушевленных имен, и притом мужеского рода: только в эту категорию могут входить слова мужеского рода на *-а*; неодушевленные с этими окончаниями могут быть только женского рода.

2. Категория числа.

Категория числа входит в склонение существительных: вообще от каждого имени могут быть произведены формы как ед., так и мн. числа. Но некоторые имена по значению своему не могут употребляться во мн.; это, во-первых, названия стран света и местностей, как *север, юг. Китай, Саратов;* во-вторых, слова с отвлеченным значением, как *глубина, ширина, святость, чепуха, упорство, темнота, молодость, любовь, грусть;* в-третьих, слова, означающие действия: *бегство, служение, уженье, судоговорение, летание, стукотня, езда, молотьба, сев;* в-четвертых, слова со значением вещественным: *воск, мука, горох, лебеда, мак, серебро, ветчина, золото, молоко, медь;* в-пятых, названия некоторых народов (с собирательным значением): *Мордва, Литва, Русь*. Впрочем, многие из подобных слов допускают индивидуализацию, т. е. могут мыслиться не в сплошной неделимой массе, а выделенными в особые виды, входя-

щие в состав собирательного или вещественного понятия, напр. *сено* луговое и лесное, *масло* подсолнечное и льняное, *мясо* русское и черкасское; при такой индивидуализации возможно употребление этих слов во мн. ч.: *масла, мыла, мясá, сена, табакú, спирты* и т. д. Равным образом возможна индивидуализация отвлеченных понятий, и это ведет к производству от них мн. числа: *радости* означает радостные события, впечатления; *должности* — места, занятые должностными лицами; *добродетели* — качества добродетельного человека и т. д. Таким образом, мы, анализируя имена в отношении к категории числа, встречаемся с категориями отвлеченности и конкретности, вещественности, собирательности и единичности. Как увидим, эти категории связываются еще и с другими явлениями в склонении имен.

Напротив, ряд имен употребляется только во множественном числе; сюда принадлежат, напр., *сани, ножницы, щипцы, дрожжи, соты, гусли, духú, весы, икры, корчи, клещи, вини, крести, бубны, червы, ворота, дрова, чернила, сливки, крестины, святки, будни, каникулы,* также названия городов и сел: *Холмогоры, Боровичи, Яссы*. Род этих имен только в некоторых случаях может быть определен морфологически: так, слова с окончанием *-ы* могут быть признаны женского рода, если оканчиваются в род. мн. на согласную основы, мужеского, если оканчиваются на *-ов;* впрочем, этот критерий произвольный; выставляя его, не считаются с тем обстоятельством, что слова мужеского рода, употреблявшиеся преимущественно во мн. числе, как раз не имеют в род. мн. окончания *-ов: сапог, солдат, рекрут*. С полною достоверностью определяются только слова среднего рода, ибо окончание им. мн. *-а* свойственно только именам[1] среднего рода. Слово *ножницы* женского рода по своему суффиксу, неизвестному в мужеском роде. Слово *помои* представляется нам мужеского рода, благодаря род. *помоев,* но по происхождению своему это слово женского рода. Синтактическое определение рода подобных имен невозможно потому, что слова определяющие (прилагательные, местоимения) во мн. числе утратили различие в роде. Особую группу составляют слова, означающие парные предметы: *глаза, бока, рога, уши, плечи, ноздри, колени,* устарелое *очи*.

3. Категория падежей.

Падежей, как мы видели, в склоняемых словах различается шесть. Но в некоторых именах мужеского рода в книжной, а частью и народной речи сохранились старые формы звательного падежа: *боже, отче, владыко, Иисусе Христе, господи*.

Много известно существительных, которые употребляются только в одном или двух-трех падежах. Такие существительные должны быть признаны (иногда в соединении с предшествующими предлогами) наречиями, ибо они потеряли главное свойство существительных, как слов определяемых; ср. *верхóм* (существительное *верх* имеет твор. пад.

[1] Слово «именам» в рукописи, очевидно, по описке опущено. (Ред.)

верхом), *кругом, гуськом, наизволок* («*я пошел на изволок*» у Л. Толстого), *напоказ, наизнанку, навыворот, нараспашку, впотьмах, впопыхах, всухомятку, вприглядку, вприкуску, набекрень, без умолку*. Мы говорим *натощак* вместо диалектического *на тощах*, где форма местн. мн. от прилагательного. Слово *даром* мы рассматриваем как наречие, потому что при *даром* в известном его употреблении не может быть определения. Точно так же наречием является *до́ма, молчком*. В народном выражении *поделом* сохранилась старая форма дат. мн. При *силком* известно простонародное *силом*, ведущее к слову мужеского или среднего рода, ср. *силомъ*, в адвербиальном употреблении, в совр. болгарском (напр. Извѣстия на семинара по слав. филология при унив. въ София, кн. III. с. 248). Особо отмечу некоторые фамилии, по происхождению оказывающиеся формами род. ед. или род. мн.: *Дурново, Петровых;* эти имена не склоняются, но и не сознаются как формы род. падежа.

Прилагательные с полным окончанием (*-ый, -ая, -ое* и т. д.), получившие значение существительных (большею частью благодаря пропуску определяемого ими существительного), склоняются вообще как прилагательные: *гостиная, крёстная, крёстный, ломовой, прохожий, нищий, взрослый, худое, Бологое, Красный, Толстой, жаркое*. Поэтому склонение таких существительных должно быть рассмотрено в отделе, посвященном прилагательным. Но прилагательные с именными окончаниями [(*-ъ*), *-а, -о;* (*-ь*), *-я, -е*], получая значение существительных, переходят в склонение существительных: ср. *царевна, королева, Николаевна, спальня;* сюда же имена городов на *-ск: Смоленск, Витебск, Кузнецк;* далее имена на *-в*, утратившие связь с притяжательными: *Киев, Глухов, Чернигов;* имена на *-ь*, как *Ярославль, Переяславль, Епифань* (в *Игумен* видим отвердение *н* в конце слова, ср. *башен*, вм. *башень*); также названия рек: *Десна́, Шуя, Ельня*. Но многие прилагательные с именными окончаниями, ставши существительными, образуют некоторые падежи по склонению прилагательных — или точнее сохраняют вообще именное склонение прилагательных: сюда относятся фамилии на *-ов, -ин*, если эти имена употребляются и как прилагательные притяжательные: *Борисов, Царицын*. Склонение этих имен существительных должно быть поэтому рассмотрено в отделе прилагательных.

Здесь вернусь к некоторым грамматическим категориям в именах существительных, обнаруженным предшествующими указаниями.

4. Категория одушевленности и неодушевленности.

Выше было указано, что, кроме имен уничижительных и увеличительных, на *-о* (*-е*) могут оканчиваться только те слова мужеского рода, которые обозначают существа одушевленные: *подмастерье, Серко, Карько, Ткаченко*. Следовательно, категория слов одушевленных грамматическим образом отделяется от категории слов неодушевленных. Можно думать, что средний род потерял вообще возможность определять живые существа и что все слова среднего рода, означавшие

имена одушевленные, перешли в мужеский род; этим объясняется, быть может, и переход *теля, жеребя* в *теленок, жеребенок*. Только слово *дитя, дитятко* осталось среднего рода. Можем проследить указанную категорию и в других грамматических явлениях, а именно в склонении ед. и мн. числа слов мужеского рода и мн. числа слов женского рода. В мужеском роде вин. падежи ед. и мн. числа тождественны по форме с им. падежами только в словах, обозначающих нечто неодушевленное: *столы, дома, посты;* между тем в словах, обозначающих нечто одушевленное, вин. падежи ед. и мн. числа тождественны с род. падежами: я вижу *брата,* я согнал *голубей*. Исключений из этого общего правила вообще не имеется: *замуж* имеет наречное значение (ср. выше); наречными выражениями являются также и такие, как вышел в *люди,* отдан в *солдаты,* в *рекруты,* произведен в *офицеры, полковники,* пошел в *монахи* и т. п. Напротив, находим вин., сходный с род., от слов на *-атель, -итель,* как *числитель, знаменатель, множитель, делитель,* очевидно, под влиянием того, что вообще все слова на *-тель* означают имена лиц; говорят — поставить *идола*, сокрушить *идолов*, очевидно, вследствие представления об идоле как о живом существе.— В женском роде вин. ед. отличается в словах на *-а* от им.; по этой причине здесь не могло быть противоположения вин. пад. одушевленных и неодушевленных, подобного тому, что в мужеском роде; под этим влиянием не создалось такого противоположения и в словах женского рода на мягкую согласную, где вин. совпадает с именительным *(дочь, мать, свекровь)*.— Но вин. мн. женского рода совпадает во всех именах с им.; такого совпадения нет, однако, в именах одушевленных; в них вин. пад. заменяется родительным: *я прибил* ***собак,*** *я позвал* ***дочерей.***— В среднем роде совпадение винит. с им. замечается и в ед. и во мн. числе; словам среднего рода несвойственна замена вин. пад. род., ибо, кроме слова *дитя,* это все слова с неодушевленным значением (некоторые отвлеченные могут быть и конкретизированы); в силу этого вин. пад.— *дитя, дитятко, лицо, божество, превосходительство,* во мн.— *лица;* но вообще, как мы видели, почти все слова одушевленные среднего рода (кроме *дитя*) перешли в мужеский род. В словах мужеского рода на *-о, -е* вин. пад. ед. числа не может быть, в силу указанной причины, тождествен с им. пад.; он в одних случаях (когда слово на *-о* означает не личность) принимает окончание род. ед., напр. *запряги* ***Карькá,*** в других (когда слово на *-о* означает личность) принимает окончание, свойственное склонению слова на *-а:* *Ткаченку, Сидоренку, Михайлу;* это обстоятельство повело к тому, что имена лиц на *-о* вообще склоняются, как слова на *-а*. Слова, как *телята, поросята,* получают в вин. мн. окончание род. в силу того, что по роду своему они принадлежат к словам мужеского рода (ср. *теленок, поросенок*): *телят, поросят*. Категория одушевленности и неодушевленности, согласно сказанному, свойственна только именам существительным; прилагательные, получившие значение существительных, если эти существительные мужеского рода, имеют в вин. пад. форму род.: *позовите* ***городового.*** Прилагательные определяющие,

так же как атрибутивные местоимения и числительные, согласуются в падеже и в форме падежа; поэтому находим и здесь в мужеском роде при определении одушевленных в вин. пад. форму род. пад.: *я люблю своего* ***брата****, я видел многих высоких* ***людей;*** также в женском роде при вин. мн. одушевленных: *завел злых* ***собак****, купил молочных* ***коров***. Только неодушевленные мужеского рода могут иметь в род. ед. окончание *-у*; одушевленные не имеют этого окончания.

Особо стоят местоимения вопросительные, как употребляющиеся самостоятельно, а не атрибутивно: в них выражено различие одушевленных и неодушевленных: *кто? кого?* относится к одушевленным, *что? чего?* к неодушевленным. Личные местоимения 1-го и 2-го лица означают, конечно, исключительно одушевленные предметы (и именно лица); вследствие этого вин. и род. совпадают здесь в одной форме: *меня, тебя, нас, вас,* но местоимение 3-го лица заменяет не только личные имена, но также и названия предметов; в этом местоимении, однако, различение одушевленных и неодушевленных не удержалось; вин. пад. в одушевленных получил форму род., и эта форма заменила также форму вин. пад. неодушевленных: *я положил* ***его*** (камень), *я читал* ***ее*** (книгу), *я проезжал* ***его*** (село).

5. Категория лица и не лица.

По своему происхождению она древнее категории одушевленности и неодушевленности; это видно из того, что в словах на *-а* мужеского рода находим только имена лиц, а не животных (ср. позднейшее распространение мужеского рода на слово *собака* в украинск. и белорусск.); сопоставьте с этим и то, что в местоимениях личных и вопросительных категория лица имела исконно выражение. В современном языке категория лица имеет ограниченный круг распространения, расширившись (напр., в употреблении род. вместо вин.) в категорию одушевленности и неодушевленности. Тем не менее эта категория может быть определена и теперь; ср. только-что указанное обстоятельство — наличность в словах на *-а* только названий лиц мужеского рода: *воевода, тупица, умница, слуга, невежа, левша, заика, замарашка*. При этом, как мы видели, имена лиц среднего рода на *-о* переходят в своем склонении в склонение слов на *-а: Ткаченку*, от *Ткаченки* и т. д. Отметим, кроме того, замену окончания слов на *-ало*, означающих именно лиц, окончанием *-ала: обирала, объедала, оплетала, шагала, вышибала, подлипала*. Категорию лица находим еще в словах мужеского рода на согласную; так, словá на *-ин* в ед. числе, если это *-ин* не повторяется во мн., означают только лиц мужеского полу: *гражданин — граждане, болгарин — болгаре, хозяин — хозяева, шурин — шурья* и т. д. Еще резче выражается эта категория во мн. числе: окончания *-е, -а* (неударяемое), *-ва* свойственны только именам лиц мужеского полу: ср. *граждане, бояре, римляне, хозяева, бояра*; также окончание *-ья́* (с ударением на *-я*): *мужья, друзья, кумовья*; окончание *-и* при основе на твердую исконно согласную точно так же является только в именах лиц: *черти, соседи* (склоняются дальше

по аналогии слов, как *люди*: *чертей, соседям* и т. д.); напротив, окончание *-ья* без ударения известно почти только от неодушевленных (исключения — *братья, холопья*); и также только в неодушевленных является окончание *-ы* с ударением (при неударяемости падежных окончаний в единств. числе): *пары́, сады́, ряды́, шаги́, духи́* (но *ду́хи*); единственным исключением является нерусское слово *пан: паны́; шуты́* является при *шута́, шутóм.*

Категорию лица можно проследить еще в употреблении числительных *двое, трое, четверо:* они соединяются только с именами лиц: *двое мужей, трое друзей, четверо солдат,* также *двое детей;* имена женского рода, так же, как имена животных и неодушевленных, не могут иметь при себе таких числительных: *две женщины, два вола, три волка.*

6. Категория отвлеченности и конкретности.

Мы обнаружили эту категорию, определяя слова, не образующие мн. числа; только предметы, мыслимые как нечто конкретное, могут соединяться с представлением о числе и, следовательно, образовать мн. число; слова *красота, ясность, привлекательность* не могут соединяться с числительными; поэтому при них нет и множественного; но можно сказать «*Ты допустил две неосмотрительности*» в значении уже не отвлеченном, а в значении неосмотрительных поступков; поэтому возможно мн. число: *неосмотрительности.* Категория отвлеченности сказывается еще в нескольких грамматических явлениях. Так, они в противоположность конкретным охотно принимают в живом, разговорном языке окончание *-у* в род. мужеского рода, причем конкурирующее окончание *-а* в значительном числе случаев может быть отнесено насчет церковного, книжного влияния: *для виду, для запаху, для вкусу, со страху, сверху, снизу* (см. подробнее в отделе склонения слов мужеского рода). Те слова, при которых возможен счет *(два, три)*, гораздо реже получают окончание *-у.* Отмечу еще, что все слова мужеского рода с отвлеченным значением не имеют вообще ударения на окончаниях: *верх, задор, отпор* и т. п., напротив, все слова с ударением на окончаниях имеют конкретное значение: *табак, столб, поп, конец* (кроме слов на *-ёж*).

7. Категория единичности и множественности.

Некоторые понятия мыслятся нами только в ед. числе, не допуская множественного. Кроме рассмотренных отвлеченных и отмеченных ниже вещественных и собирательных, сюда относится ряд конкретных. Относительно состава конкретных слов, употребляющихся только в ед. числе, можно заметить, что он определяется прежде всего единичностью тех предметов или представлений, которые этими словами обозначаются; таковы, напр., имена собственные, означающие местности (города, реки), название стран света; сюда же относятся слова, представляющие во мн. числе другую основу или ассоциирующиеся

с другим словом: *человек — люди, цветок — цветы*; сюда же, наконец, относятся и такие слова, которые во мн. имеют другой оттенок значения; *хлеб* означает более широкое понятие, или, точнее, имеет несколько значений, между тем как мн. *хлеба́* ограниченнее в своем значении и не покрывает слова *хлеб* (нельзя сказать: *вынула **хлеба́** из печи*). Все эти слова мужеского рода объединяются в одной категории единичности, что можно заключить, напр., из того, что ни одно из них не может образовать род. пад. на *-у* в современном литер. языке: ср. *из **Рима**, из **Петербурга**, из **Кашина**, из **Пудожа*** и т. д.; также — *дайте **хлеба**; **с юга, с востока**.* Единичность в словах на *-ин* выражается этим суффиксом; во мн. находим основу без *-ин* (образования, как *воины, литвины, мордвины, русины*, принадлежат к книжным и искусственным). Замечательно соединение подобных образований на *-ин* с числительными *два, три, четыре*; также — *два **цветка**, два **человека**, три **человека*** (даже *сто **цветков**, пять, десять, сто **человек***). Ясно, что категория единичности не всегда исключает возможность мыслить те или другие единичные предметы в числе двух, трех и вообще многочисленных, но не допускает представления о них в неопределенном числе. Мы говорим: *пять **дворян**, сто **бояр***, не *дворянинов, бояринов*, в силу унаследованного издревле словоупотребления. Замечу, что слова на *-ин* рассмотрены уже выше: как указано, в них сказалась также категория лица. — Повторю еще раз, что категория единичности не исключает считаемости: можно сказать: *в России два **Кузнецка**, две **Десны**, два **Ростова**, две **Двины***, но мы не скажем: *Кузнецки, Двины.*

Слова, употребляющиеся только во мн. числе, pluralia tantum, особенно красноречиво доказывают наличность категории множественности-единичности. Оставляя в стороне названия городов, горных хребтов *(Карпаты)*, видим, что остальные слова обозначают: а) сложное или составное орудие или предмет: *сани, щипцы, дрожки, ворота, клещи, мехи́, гусли, счёты, весы*, б) части тела: *уста, икры*, в) карточные масти: *червы, вини*, г) разделения времени: *будни, святки, сумерки*, д) название праздников, обрядов, служб: *крестины, именины, похороны, мефимоны.* К словам этой категории отнесены те формы мн. числа, которые в ед. числе являются с другими оттенками и мало употребительны; напр., *плоды, святые дары, пески*, а также слова, как *люди* (при *человек*), *дети* (при *дитя*). Слова, употребляющиеся только во мн., могут подлежать счету; но, как увидим в обзоре числительных, слово *один* получает при этом форму мн. числа, а вместо *два, три, четыре, пять* и т. д. употребляются *двое, трое, четверо, пятеро* и т. д.: ***двое** ворот, **трое** щипцов, у меня сегодня **двое** крестин.*

8. Категория собирательности.

Не будем смешивать ее с категорией множественности; слова с множественным значением разложимы на составные единицы; напротив, слова с собирательным значением обозначают собрание лиц или

предметов, рассматриваемое как одно целое. Повидимому, в совр. русском языке эта категория имеет незначительное распространение сравнительно с древним: собирательные получили значение мн. числа; ср. *друзья, братья*, которые некогда были именами женского рода ед. числа; также *господа*, склонявшееся раньше — р. ед. *господы*, вин. *господу*, дат. *господѣ* и т. д. Равным образом *листья, зубья, гвоздья* — это по происхождению формы им. ед. ср. рода, причем *листья* (фонетически вместо *листье*) склонялось: род.— *листья*, дат.— *листью*, местн.— *о листьѣ*. В определении Востокова: *листы* означает предмет в отдельности, или единицы, а *листья* совокупность предметов, собрание единиц. Собирательное значение сохранили слова, как *Русь, Мордва, Литва*; также слова на *-ство: множество, большинство*; равным образом слова, как *толпа, народ, ряд*. Только некоторые из этих слов могут образовать мн. число.

9. Категория вещественности.

Сюда относятся: 1) слова, употребляющиеся только во множ. числе: *дрова, сливки, соты, дрожжи, отруби, чернила, опилки, духи́*, 2) слова, употребляющиеся только в ед. числе: *мука́, соль, мед, масло, сено, вино, молоко, горох* и т. д. Как указано, мн. число является для обозначения разных сортов этих веществ: *иностранные **вина**, конопляное и подсолнечное **масла***. Грамматически эта категория выражается в словах мужеского рода, употребляющихся в ед. числе: они образуют род. пад. на *-у: меду, воску, гороху, анису, изюму, винограду;* правда, и другие слова (напр., слова с отвлеченным значением) образуют род. с окончанием *-у*, но только вещественные могут иметь окончание *-у* под ударением: *табаку, коньяку, песку, нашатырю*.

10. Категория умалительности, уничижительности и увеличительности.

Мы видели уже при рассмотрении категории рода, что указанная категория определяется и фактами языка; существует именно связь между родом простого имени и произведенных от него слов с указанными значениями; связь эта нарушает ту зависимость рода от окончания, которую замечаем в языке (в силу этой зависимости, напр., иностранное *пальто* среднего рода). Так, мы знаем, что все неодушевленные на *-о* (*-е*) среднего рода; однако слова уменьшительные *башмачишко, домишко, голосишко* мужеского рода под влиянием *башмак, дом, голос*; также увеличительное — *попище*, уничижительное — *мужиченко*; слова *ручища, ножища*[1], *головища* женского рода под влиянием *рука, нога, голова*. Так, местн. ед. ***в уголку***, с таким окончанием, можно объяснить только влиянием со стороны ***в углу***.

---

[1] В рукописи: *ручищв, ножище*. (Р е д.)

11. Общие замечания об основах имен существительных.

Укажу на несколько явлений, общих основам разных склонений. Сюда относятся: 1) осложнение основы в некоторых падежных формах звуками *о, е*, 2) изменения конечных согласных основы, 3) подвижность ударения в некоторых основах.

Основой называется неизменная в склонении часть того или иного слова. Как указано, принимая во внимание данное определение, основы современных склоняемых слов не тождественны с древними основами. Все основы имен существительных в совр. языке являются основами, оканчивающимися на согласные: твердую или мягкую; как в тех, так и в других различаются основы мужеского, женского и среднего рода: *нос-, вод-а, княз'-, бур'-а, гнезд-о, мор'-е.*

1. Во многих словах основа является в двояком виде: простом, оканчивающемся на ту или иную группу согласных, и осложненном, где группа согласных подверглась вставке гласной *о* или *е*; по своему происхождению оба вида восходят к одному первоначальному со звуком *ъ* или *ь* между согласными; мы знаем, что *ъ* и *ь* при одних условиях, а именно, когда в следующем слоге находился *ъ* или *ь*, переходили в *о* и *е*, а при других, когда в следующем слоге находилась гласная полного образования, опускались; вследствие этого и в корнях слов и в суффиксах возникали двоякие формы, причем в одних формах являлись звуки *о, е*, а в других они исчезали; такие звуки *о, е* можно по примеру школьных грамматик определять как беглые. Формы с беглыми *о, е* находим в им. и вин. пад. ед. числа мужеского и женского рода, оканчивавшихся некогда на *ъ, ь*: *ден'* (ср. *дн'а*), *рож* (ср. *ржи*), *сон* (ср. *сна*), *каток* (ср. *катка*); далее в род. мн. всех трех родов, также оканчивавшихся на *ъ, ь*: *турок* (ср. *турки*), *царевен* (ср. *царевна*), *пис'ем* (ср. *письмо*); затем в твор. ед. женского рода, оканчивавшемся некогда на *ȉю*: *любов'jу* (ср. *любв-и*). Беглое *е* (откуда при известных условиях *о*) находим в сочетаниях *ai̯e, oi̯e* и т. д. в соответствии с *ai̯, oi̯*: *заi̯ом- (заi̯ма), шеi̯ек-* (при *шеi̯к-а*). В некоторых случаях беглость *о-е* не оправдывается этимологией, но явилась по аналогии случаев, где беглые *о, е* восходят к *ъ, ь*: *лёд* (ср. *л'ду*), *потолок (потолк-а), камен' (камн'-а)*, ср. в древнем языке леду, камене, в диалектах — *потолока*; иногда форма без беглой гласной переносится по аналогии в такие падежи, где беглая гласная требуется фонетикой: *причт — причта* (вместо *причет*), *Смоленск — Смоленска* (вместо *Смоленеск*). Напротив, по аналогии беглости *о, е*, восходящих к *ъ, ь*, в некоторых словах находим вставку *о, е* в группы согласных, этимологически не оправдываемую: *псалом (псалм-а), досок* (ср. *доск-а), замысел (замысл-а).* Наконец, видим, что есть слова, где *о, е* удерживаются во всех падежных формах, несмотря на то, что, по своему происхождению из *ъ, ь*, подлежали бы выпадению: *чеснок — чеснока, челнок — челнока, чернец — чернеца* (при древнем чьрнца), *мох — мохом* (но также *мху*), *кузнец — кузнеца, гордец — гордеца*; сохранение *о, е* во всех случаях вызвано стечением согласных. Благодаря выпадению *ъ, ь* в од-

них формах, сохранению их в других, видим такие дублеты, как *пришелец* — *пришел'ца* при *пришлец* — *пришлеца*. Ограничиваюсь этими немногими замечаниями о беглости *о, е* в основах имен существительных.

2. Согласные в конце основы подвергаются изменениям благодаря а) положению в конце слова, б) положению перед гласной переднего ряда. Положение в конце слова вызывает: а) переход звонких согласных в глухие: *рот* (род. *род-а*), *княс'* (*княз'-а*), *сапок* род. мн. и им. ед. (при *сапог-а*), *рош* (при *ржи*), *рып* (при *рыб-а*), *любоф'* (при *любв-и*); б) отвердение конечного *н'* в слоге неударяемом: *кухон* (при *кухн'а*), *башен* (при *башн'а*), *наковален;* в) диалектическое отвердение мягких губных: *кроф, любоф, голуп.*

Положение твердой согласной перед гласной переднего ряда или *i̯* вызывает: а) переход их перед *е* (из *ѣ*) в соответствующие мягкие: на *стол'е* (при *стол*), в *вод'е* (при *вод-а*); при этом задненёбные переходят в мягкие средненёбные: *кулак'-е, ног'-е, горох'-е* (при *кулак, ног-а, горох*); б) переход задненёбных в мягкие средненёбные перед окончанием *-ы*, которое изменяется под влиянием предшествующей согласной в *-и*: *рук'-и, яблок'-и, мух'-и*; в) переход задненёбных *к, г* в *ч, ж* в случаях, как: *суч-ја* (при *сук-*), *крючья, клочья, батожья*; ср. еще *ж* вм. *г* в *боже*; г) переход задненёбного *г* в *з* в слове *друз-іа* при *друг* (раньше переход *г* в *з*, *к* в *ц*, *х* в *с*, и притом именно перед *ѣ*, и перед *и* из *ѣ*, был общим законом, но позднее *з, ц, с* вытеснены этимологическими *к, г, х*: *руке* вместо *руцѣ*, *други мои, волки* вм. *друзи, волци*). В книжном языке: *в бозе почивший.*

3. В отношении к ударению именные основы делятся на две группы: а) основы с неподвижным ударением, б) основы с подвижным ударением. Различие этих двух категорий зависело от известных звуковых явлений, имевших место частью еще в общеслав. праязыке, а частью еще в более отдаленную эпоху славяно-балтийскую: здесь долгие гласные (ā, ī, ū, ē, ȳ) и дифтонги имели двоякого рода долготу; одну из них называем экспираторною (или вслед за Фортунатовым длительною), а другую музыкальною (прерывистою); экспираторная долгота перетягивала на себя ударение с соседнего, ближе к началу слова, слога (краткого или с долготою музыкальною), между тем как гласные с музыкальной долготой так же, как и краткие гласные, этим свойством не обладали; вследствие этого, если ударение исконно падало на предпоследний слог с краткой гласной или гласной долгой с долготою музыкальной, то оно переносилось на окончание, если окончание имело экспираторную долготу; напротив, оно оставалось на основе, если окончание имело краткую гласную или гласную с музыкальной долготой: vódā переходило поэтому в vodā́ (ибо ā имело экспираторную долготу, но vódǫ в вин. сохраняло старое место ударения (ибо ǫ имело музыкальную долготу); rógā в им.-вин. двойственного переходило в rogā́, а rógā в род. ед. сохраняло старое место ударения (ибо ā в им.-вин. двойственного имело экспираторную, а ā в род. музыкальную долготу). Вследствие той

же причины гласная основы с экспираторной долготой перетягивала **на** себя ударение с окончания, если гласная окончания была краткая или долгая с музыкальной долготой: sȳnъ̄ переходило в sȳ́nъ, но sȳnȳ́ с ȳ в окончании вин. мн. экспираторно-долгим сохраняло свое наконечное ударение. Позднейшие ассоциативные явления в сильной степени видоизменили и осложнили указанные две первопричины подвижности ударения в склоняемых основах; мы находим (частью еще в общеслав. праязыке) передвижение ударения и при таких условиях, которые не могут быть прямо возведены к этим первопричинам: ср., напр., чередование ударений в *сeлó*, *селá*, *селý* при им. мн. *сēла*, несмотря на то, что ā в sela *(сēла)* имело некогда экспираторную долготу, почему ему надлежало бы перетянуть на себя ударение с предшествующего слога. Ввиду того, что употребление тех или иных падежных окончаний (в особенности в словах мужеского рода) зависит от подвижности или неподвижности ударения основы, мне придется обращать ваше внимание на это свойство склоняемых основ и рассматривать состав слов с подвижным ударением при обзоре склонения по указанным выше отделам.

Ввиду выясненной причины подвижности ударения в некоторых словах нам понятно, какие именно слова исконно не допускали подвижности в ударении: это, во-первых, слова с экспираторной долготою в предпоследнем и притом ударяемом слоге, а также слова с краткою или музыкально-долгой гласной в предпоследнем слоге, когда ударение слова исконно падало на окончания: *клин, сила; поп— попá, тоскá.* Оставляя в стороне отношения, выясняющиеся для древнего языка, видим, что с точки зрения современного языка ударение неподвижно, когда оно в им. ед. женского рода на *-а* падает на первый слог двусложного слова: *липа, рыба, сила, тяжба, баба;* далее, когда оно в словах женского рода на *-а* и среднего рода падает в многосложном слове на предпоследний слог: *поляна, лопата, ворона, солома, колено, кобыла, копыто;* также в словах мужеского рода, когда оно в род. пад. падает на предпоследний слог многосложного исконно русского слова: *пророка, горóха, человéка*; далее в словах женского рода, когда ударение падает на начальный слог многосложного слова: *вы́ставка*; далее в словах женского рода на *-ость: мóлодость, старость, радость.* Определение того, какие слова с неподвижным ударением имеют его на основе и какие на окончаниях, заводит в вопросы, выходящие из пределов русского языка в его историческом развитии. Отмечу только, что все сложные с предлогами слова имеют ударение на основе (или на предлоге): *нарóд, порýка, рассада, размáх, нарост, посуда, и́згородь, зáговор, зáмок;* исключение составляют слова с подвижным *о*, *е*, как *замóк — замкá, посóл — послá, наём — наймá,* а также слова *похвалá, помелó* (это слово с подвижным ударением: *помéлья*). Все слова мужеского рода с ударением на окончаниях имеют конкретное (или вещественное) значение, кроме слов *грабёж, делёж, мятеж* и прочих на *-еж.*

12. Склонение единственного числа слов мужеского рода на твердую и мягкую согласную.

По происхождению своему объединяющиеся в одном общем склонении основы восходят: а) к старым основам на *-о*: *брат*, б) к основам на *-о* после согласной задненёбной, которой предшествовала гласная переднего ряда, изменившая задненёбную согласную в свистящую простую или аффрикату: *отец* (отьць из *otiko-s), *князь*, в) к основам на -jо: *край*, *муж*, г) к основам на -ŭ: *сын*, *дом*, д) к основам на -ĭ: *гост'*, *лебед'*.

Падежные окончания ед. числа частью восходят к старому склонению на -о, частью же к старому склонению на -ŭ (окончания основ на -jо исчезли: напр. *-и* в местн. ед., ср., впрочем, ниже). Окончания эти следующие. Род. пад.: *-а* (из основ на *-о*), *-у* (из основ на -ŭ). Дат. пад.: *-у* (из основ на -о). Твор. ед. *-ом* (из основ на -ŭ, причем замена более древнего окончания *-омь* через *-ъмь* произошла еще в общерусском праязыке). Местн. ед. *-е* (на месте *-ѣ* из основ на -о), *-у* (из основ на -ŭ). Об окончании на *-и (о Василии)* см. ниже. Вин. пад. сходствует с им., но, как мы знаем, в словах, означающих одушевленные предметы, с родительным.

Эти окончания, общие для всех слов мужеского рода (кроме слова *путь*), произносятся различно в зависимости от того, падает ли на них ударение или нет: род. -а, в неударяемом слоге *-ɑ*; дат. -û, в неударяемом слоге -u; твор. -om, в неударяемом слоге -ɑm после твердых согласных, -ɛm после мягких (на письме под ударением: *-ом, -ём, -ем*, в неударяемых слогах *-ом, -ем*); местн. -е, в неударяемом слоге -ɛ.

Из приведенных окончаний только окончание *-у* местн. ед. перетягивает на себя ударение в словах с ударением подвижным. Это обстоятельство приводит к определению следующего состава слов с подвижным ударением (все приведенные слова могут образовать или образуют всегда местн. ед. на *-у* с ударением на окончании, между тем во всех прочих падежах ударение падает на основу).

Указываю только те слова, которые в моем словоупотреблении имеют окончание *-у*.

гроб, дуб, зоб, шкап, дом, Дон, плен, быт, чан, бал, вал, мел, пыл, пол, бор, жар, пир, ветер, бред, вид, год, зад, лад, мед, пруд, род, ряд, сад, ход, чад, холод, перед, лет, мост, пот, свет, цвет, воз, глаз, таз, низ, вес, квас, лес, нос, бег, долг, круг, луг, мозг, снег, торг, шаг, берег, бок, век, крюк, сок, шелк, верх, дух, мех, пух, смех, бой, клей, край, пай, рай, строй, чай, хмель, хлев, остров, жир, сор, вечер, отпуск, смотр.

Кроме того видим перенос ударения на *-а* в род. ед. некоторых слов после числительных *два, три, четыре* и после слова *пол;* слова эти следующие: *шаг, раз, шар, час, ряд:* мы говорим *полчасá*, два *шагá*, два *часá*, также два *разá*, при два *рáза*, три *шарá* (более обычно, чем три *шáра*). Окончание *-а* в этих случаях по происхождению не окончание род. ед., а им.-вин. двойственного, кото-

рое систематически перетягивает на себя ударение в словах с подвижным ударением.

Многие слова колеблются в своем ударении: при род. *ша́ра* (*земного ша́ра*), *пло́да, пру́да, у́са, ба́са, та́за, ба́нта, кожу́ха, шу́та* (ср. в особенности *к шу́ту*), *жу́ка, со́кола* известно и *шара́, плода́, пруда́, уса́, баса́, таза́, банта́, кожуха́, шута́, жука́, сокола́* (я подчеркнул то ударение, которое свойственно моему словоупотреблению).

Как мы знаем, ряд основ мужеского рода является в двояком виде, с беглыми *о, е* и без этих гласных. Беглые гласные принимают ударение на себя, если оно вообще падает на окончания: *оте́ц — отца́, висо́к — виска́, костёр — костра́, наём — найма́.* Но в словах *у́зел, у́гол* ударение переносится не на беглые гласные, а на корень.

В связи с основами, имеющими беглые *о, е*, стоят и те основы, которые в им. пад. оканчиваются на *-ий.* В чисто русских словах это окончание неизвестно; вместо него является *-ей: жеребей — жеребья, улей — улья.* Но в церковных именах при русском окончании *-ей* является церковное *-ий: Василей, Юрей* при *Василий, Георгий*; в церковном окончании выдерживается *и* также и в остальных падежах: *Василия, Василию, Василием*; в местн. ед. находим *Василии* (при *Василье*). Итак, в именах собственных на *-ий* является окончание местн. ед. *-и*, неизвестное в русских словах.

Как указано, в род. и местн. ед. слова мужеского рода представляют по два окончания: одни из них *-а, -е* восходят к основам на -о, другие *-у, -у* к основам на *-й.* Остановлюсь на вопросе о распределении этих окончаний.

Родительный падеж. Окончание *-а* можно признать обычным и господствующим окончанием. В известном синтактическом употреблении формы род. пад., а именно после числительных *два, три, четыре*, современный литературный язык знает исключительно окончание *-а*: *два года, три дома, четыре рода.* Род. пад., как мы уже знаем, заменил здесь древнюю форму двойственного числа; это видно из ударения в таких случаях, как *два го́рода, два му́жа, три го́да* и т. д.; *го́рода, му́жа, го́да* по месту ударения формы род. пад., в им.-вин. двойственного ударение основ с подвижным ударением переносилось на окончание: *города́, мужа́, года́*; ср. сохранение старого ударения в случаях выше указанных, как *два шага́, два раза́, два часа́, два ряда́.* Совпадение окончания *-а* им.-вин. двойственного с *-а* род. ед. повело к употреблению род. пад. после числительных 2—4, а это закрепило окончание *-а* во всех словах, подлежащих счету. Напротив, слова, по значению своему не употреблявшиеся после числительных, укрепили за собой окончание *-у*. Слова эти двух категорий: 1) вещественные, 2) отвлеченные (см. ниже). Кроме того, исключительно *-а* имеют все слова, означающие живые существа, в том числе и имена собственные; нарицательные могут подойти под разряд слов, соединявшихся с числительными, но имена собственные требуют для своего *-а* другое объяснение. Дело

в том, что исконно (еще в общеслав. праязыке) слова, обозначавшие лица, получали в вин. пад. форму род. пад., но окончанием, общим для обоих падежей, было исключительно *-а*, ибо употребление формы род. пад. на *-у* в основах на *-й* для вин. пад. было совершенно неизвестно, напротив, и здесь являлась в вин. форма *сына* при род. *сыну*; вытеснение окончания *-а* в род. слов, обозначающих лица и живые существа, вообще через *-у* стало невозможно именно вследствие того, что то же окончание *-а* было окончанием вин. падежа. Итак, для окончания *-а* определяются следующие области нераздельного господства: 1) слова, обозначающие живые существа, 2) конкретные слова, подлежащие счету. Но относительно господства *-а* в этих последних словах должна быть сделана следующая оговорка: там, где форма род. пад. исконно совпадала с формой им.-вин. двойственного, вытеснение окончания род. *-а* окончанием *-у* было невозможно; напротив, там, где форма род. пад., отличаясь по ударению от формы им.-вин. двойственного, не совпадала с ней, вытеснение окончания *-а* окончанием *-у* стало явлением обычным; первый случай имел место в словах с неподвижным ударением: *клина* род. ед. и им. двойственного, второй — в словах с подвижным ударением: вместо *гóрода* род. ед. (при *городá* им.-вин. двойственного) могло явиться *городу*. Таким образом, область конкретных слов, где господствует безраздельно окончание *-а*, ограничиваем так: 2) конкретные слова, подлежащие счету, с ударением неподвижным. Это объясняет, почему в современном языке совершенно неизвестно окончание *-у* в словах с ударением на окончании, если слово не имеет значения вещественного (*табаку, песку* и т. п.); ср. *кустá, концá, крестá, холстá, сундукá, дворá, углá, бобá, топорá* и т. д.

Из предыдущих замечаний выясняется, что область распространения окончания *-у* ограничивается теми группами слов, куда *-у* могло проникать, не встречаясь с безраздельным господством *-а*, следовательно, теми группами, где форма род. пад. не была тождественна с другим падежом (вин. ед. в именах, означавших живые существа; им.-вин. двойственного в конкретных с ударением неподвижным). Сюда относятся исконно слова со значением вещественным и собирательным, не подлежавшим счету в составных своих частях: *народу, люду, товару, сору, бархату, перцу, супу, вóску, мёду, сáхару, сыру, гороху, чаю, клею, мелу, дёгтю, пескý, табакý, огню́, киселю́, миндалю́, фуражý, коньякý, мышьякý*, также *льну, льду* (вместо древнего *ледý*); далее слова со значением отвлеченным (и потому счету не подлежавшие): *вкусу, счету, запаху, цвету, доходу, расходу, страху, жару, ходу, холоду, вздору, без умолку, крику, до зарезу, весу, от роду, с размаху, спросу, духу, слуху, шуму, мору, толку, доверху, снизу*; наконец, слова со значением конкретным при условии подвижности их ударения (многие из приведенных форм на *-у* только в соединении с предлогом): *Дону, из лесу, из дому, дó дому, с часу, без году, с боку, и́з ряду, с возу, из носу, сряду, ни разу, сразу, ни шагу, с миру, с полу, от роду, с краю*; сюда же относится *и́зо рту*; в этом соединении форма род.,

потерявшая ударение, не совпадала с формой им.-вин. двойственного *рта*. Итак, определяются следующие группы с господствующим окончанием *-у*: 1) слова со значением вещественным, 2) слова со значением отвлеченным, 3) слова конкретные с подвижным ударением.

Однако полное господство *-у* видим только в первой группе. Но и здесь необходимы оговорки. Если счету подлежат сорта того вещества, которое обозначается одним из рассматриваемых слов, то употребляется форма на *-а*, как форма исключительно господствующая при счете: *два разных **таба́ка***. Слово *овёс* по причине неясной не образует ***овсу***, а также *овса* (влияние слов как *про́са, пшена́?*). Слово *хлеб* имеет *хлеба* потому, что означает не только вещественное понятие (*у нас нет **хлеба***), но и конкретное (*подали два **хлеба***). Ср. употребление *сыра* при счете: *два **сыра***. Также *народа*: *два **народа***. Вообще индивидуализация или конкретизация вещественных понятий ведет за собой появление окончания *-а*: *лес состоит из **ельника** и **березника**, очистить лес от **хвороста**, он вышел из простого **народа**, предание русского **народа*** (ср. Востоков). Сюда же такое словоупотребление: *свойство **сахара**, пряность **аниса, перца*** (но возможно и: *вкус **коньяку**, запах **табаку***).

Во второй и третьей группе окончание *-у* не только чередуется с окончанием *-а*, но и вытесняется им. Вытеснение *-у* во второй группе обязано двум причинам: во-первых, влиянию книжного языка, упорно державшегося старого окончания *-а*; ср. ***страха*** ради Иудейска, *блеска, срама, разврата, возврата* (а под этим влиянием: *доклада, отпуска, смеха* и т. д.). Во-вторых, еще тем, что окончание *-у* не вытесняло вообще окончания *-а* в форме, сопровождаемой определяющим словом: *для **виду***, но *для одного **вида***, *от **расходу***, но *от большого **расхода***; это обстоятельство вело к тому, что слова отвлеченные, более тесно определенные, так сказать, индивидуализированные, систематически стали удерживать *-а*: *этого **вида** я не забуду, от этого **вкуса**, зеленого **цвета**, от постоянного **расхода*** и т. д. Вытеснение *-у* в третьей группе обязано тем же двум причинам, но также еще и третьей, а именно употреблению формы на *-а* при счете: *два **носа́, ряда́, бока́, года́*** и т. д. вытеснены формами *два **но́са, ря́да, бо́ка, го́да*** и т. д.; эти формы содействовали утрате форм *но́су, ря́ду, бо́ку, го́ду* в родительном, и последние, как мы видели, сохранились отчасти только в положении после предлогов. В современном литер. языке нет ни одного слова с конкретным значением, которое не могло бы образовать формы род. пад. на *-а*; и, напротив, параллельные формы на *-у* все более утрачивают под собою почву.

Местный падеж. Употребление обоих окончаний *-е* и *-у* гораздо строже разграничено, чем употребление обоих окончений *-а* и *-у* в род. Обычным окончанием местн. ед. является *-е*; нет слова, которое бы не могло образовать в местн. пад. формы на *-е*. Но при этом форма местного падежа является в двояком виде в зависимости прежде всего от предшествующего ей предлога.

После предлогов *о (об), при* господствует, и притом исключительно, форма на *-е*: *об **угле**, при **саде**, о **береге**, о **верхе**, о **рте***,

о рае, при бое и т. д. Возможно, однако, что слово *полк* образует *полку* в соединении с предлогами *о, при.* После предлогов *в, на* в большей части слов держится окончание *-е.* Но в некоторых группах слов находим окончание *-у.* Это окончание имеет всегда на себе ударение, причем переносит его на себя, если другие окончания в склонении являются без ударения.

Окончание *-у* в местн. ед. находим: 1) во многих словах с подвижным ударением: *в гробу, в зобу, на дому, на Дону, в чану, на балу, на пиру, в ряду, на ходу, в цвету, на весу, на носу, на бою, в раю* и т. д. (все эти слова перечислены выше), 2) в некоторых словах односложных в местном падеже: *во рту́, на лбу, на льду, во мху, на дню,* 3) в следующих словах с неподвижным ударением на окончаниях: *в полку́, в посту́, в углу, на плоту́, в уголку* (возможны также, но моему словоупотреблению они чужды: *в песку, в узлу, в полону́,* ср. рядом *в песке, в узле*; слово *полон* вышло из употребления), 4) в наречных выражениях: *на яву, на скаку.*

Многие из этих слов образуют и формы на *-е.* Так, мне, напр., возможно сказать: *в дому* и *в доме, на балу* и *на бале, на холоду* и *на холоде, в цвету* и *в цвете* (только *в цвете лет*), *в глазу* и *ни в одном глазе, на весу* и *убавил в весе, в квасу* и *в квасе, в носу* и *в носе, в кругу* и *в круге моих знакомых, на веку* и *в I веке, на верху* и *на верхе дерева, на смеху* и *в его смехе, на острову* и *на острове, в жиру* и *в жире, в вечеру* и *на вечере, в отпуску* и *в отпуске, в чаю* и *в чае,* и др. Я говорю только *в по́гребе, в тереме,* хотя известны и формы *в погребу́, в терему́.* При этом бросается в глаза еще и следующее обстоятельство: определяемая форма местн. ед. чаще имеет окончание *-е,* чем неопределяемая; частью это видно из приведенных примеров, хотя необходимо заметить, что окончание *-у* известно и в определяемой форме: *в платяном шкапу, на моем веку, в высшем кругу, в великом посту.* Ср. еще *в моем доме, в деревянном гробе, на его глазе.*

Скажу несколько слов о происхождении чередования окончаний *-е* и *-у* в местн. падеже. В основах на -о было искони известно окончание *-ѣ,* переходившее в *-и* после мягких согласных в основах на-jo; в основах на -ŭ было окончание *-у.* Оба окончания имели некогда длительную долготу и потому перетягивали на себя ударение в словах с подвижным ударением: род. — *са́да,* местн. — **садѣ́*; род. — *до́му,* местн. — *дому́.* Но в основах на -о, а также, вероятно, и в основах на -ŭ, с течением времени, впрочем, еще в общеславянском праязыке, произошла оттяжка ударения в форме местн. ед. в словах с подвижным ударением; эти слова только в местн. ед. переносили ударение на окончание; влияние ударения других падежей имело последствием перенесение ударения на основу и в местном: *са́дѣ* вместо **садѣ́.* Но после предлогов *въ* и *на* сохранилось старое место ударения, вследствие, быть может, тесного соединения формы местн. ед. с этими предлогами; мы увидим, что такая же оттяжка ударения, вызванная такою же причиной (влиянием других падежей), замечается в местн. ед. слов женского рода на *-ь* (как *речь, часть*), причем ста-

рое место ударения сохранилось в формах, следующих за предлогами *в, на* (я говорю *о ночи, о речи, о крови,* но *в ночи, в речи, на крови*). Под влиянием основ на -й в основы на -о проникало окончание *-у* в местн. ед.; но сохранилось такое *-у* вообще только там, где форма местн. ед. отличалась от формы дат. ед. В древнем языке, напр., находим *на холму, во льну, в обыску, в Смоленску;* но в современном исчезли все те формы местн. падежа на *-у*, которые по звуку тождественны с дат. пад.; остатками старого словоупотребления оказываются приведенные выше односложные формы, а также местные падежи, как *в полку́, в посту́, на плоту́, в полону́; углу́* при им. *у́гол* предполагает существование ударения *у́гла, у́глу* в дат., а это узаконивает *углу́* в местном; *в уголку́* под влиянием *в углу́*. Впрочем, данные древнего языка свидетельствуют о том, что самое распространение окончания *-у* насчет *-е* задерживалось там, где форма местн. на *-у* совпала бы с формой дат. ед.; но зато в древнем языке имелись условия, благоприятствовавшие распространению *-у* вопреки указанным задерживающим началам, а именно окончание основы на задненёбную согласную; в совр. литер. языке это условие устранено совсем, и в полную силу вступили задерживающие начала.

Замечательно, что названия одушевленных предметов не знают совсем окончания *-у*. Это объясняется тем, что такие названия могли приходить в соединение с предлогами *в, на* только случайно, в единичных случаях; ср. *в во́роне, в во́лке, на во́ре, в бе́се* и т. д.

О некоторых особенностях отдельных слов. Слово *день* обычно склоняется так же, как рассматриваемые основы на твердую и мягкую согласную; но в литературную речь проникают и формы, образованные по другому склонению (ср. слово *путь*); так, находим *два́ **дни**, три́ **дни*** вместо *два **дня**, к Петрову́ **дни**, от Петрова́ **дни***. То же в склонении слова *рубль: два́, три́ **рубли***. — Слово *господь* имеет при себе зват. форму *господи;* все остальные падежи образуются от основы *го́спод-*: род. — *господа,* дат. — *господу* и т. д. — О том, что имена мужеского рода на *-ий*, как *Василий, Георгий*, образуют местн. ед. на *-ии*, см. выше. — О звательном ед. *боже, Христе, отче* см. выше. Слово *Христос* в других падежах имеет основу *Христ-*.

13. Склонение единственного числа слова *путь*.

Слово *путь* оказывается единственным из многочисленных слов мужеского рода с исконной основой на-*ĭ*, которое в ед. числе сохранило старые формы склонения; остальные слова перешли в склонение основ на -о, -jo (напр., *гость, лапоть*); некоторые слова сохранили свои формы склонения, но зато перешли в женский род (и образовали в твор. пад. форму на *-jу* вместо *-ем*); сюда относятся, напр., *печать, корь, гортань*. И слово *путь* в народном языке получает женский род.

Слово *пут'* склоняется так: род. — *пути́*, дат. — *пути́*, вин. — *пут'*, твор. — *путём*, местн. — *пути́*. Итак, ударение во всех падежах на окончании. — О формах *дни, рубли* сказано выше.

14. Склонение множественного числа слов мужеского рода на твердую согласную, кроме *ш, ж,* и на *-й* (окончание именительного множественного: *-ы, -ы́, -а́*).

Основы, получающие такое склонение, те же, что рассмотренные выше в склонении ед. числа; но из основ на-jo сюда относятся только те, которые в им. ед. оканчиваются на дифтонг с *-й* (*край, бой, воробей* и т. д.); старые основы на-ĭ исключаются отсюда совсем. Отличием рассматриваемого склонения от склонения основ на мягкую согласную является окончание род. мн.: здесь находим *-ов, -ев (-ъ)*, там *-ей*.

Падежные окончания мн. числа только отчасти восходят к старому склонению мн. ч. основ на -о, -jo; в им. мн. находим, кроме того, окончания, восходящие к двойственному числу мужеского рода, а также к им. ед. собирательных слов женского и среднего рода; в дат., твор., местн. находим окончания, заимствованные из основ женского рода на -а. Окончания эти следующие.

Им. мн.: *-ы, (-и), -а*. Род. мн.: *-ов* (*-ев*, т. е. jɑf в неударяемых слогах после гласных и мягких согласных), *(-ъ)*, точнее отсутствие всякого окончания. Дат. мн.: *-ам*. Твор. мн.: *-ами*. Местн. мн.: *-ах*. Вин. пад. мн. числа сходствует с им., но, как мы знаем, в словах, означающих одушевленные предметы, с родительным.

Эти окончания в зависимости от фонетических условий, как отчасти указано в скобках, получают различное произношение. Звуку *-ы* в им. после твердых согласных соответствует звук *-и* после *j (i̯)*: *столы*, но *боjи, чаjи, воробjи;* вместо *-ы* находим *-и* также после *к, г, х: волки, полки*. Звук *-а* известен только под ударением: *города́, краjа*. Окончание *-ов* произносится под ударением как -of, в неударяемых слогах как -ɑf, после *j* находим в ударяемых слогах также -of, а в неударяемых -ɑf: ƀojof, ƀratjɑf. Окончание *-ам* дат. мн. под ударением -am, в неударяемых слогах -ɑm. Окончание *-ами* твор. мн. под ударением -am̍i, в неударяемых слогах -ɑm̍i. Окончание *-ах* местн. мн. под ударением -ax, в неударяемых слогах -ɑx.

Во мн. числе резко различаются основы с неподвижным ударением (на корне или окончаниях) и основы с подвижным ударением. Эти последние могут иметь ударение на окончаниях или во всем склонении, противополагаясь ед. числу, где ударение на корне, или только на окончаниях род., дат., местн., между тем как им., вин. мн. имеют, как и формы ед. числа, ударение на корне. Таким образом, в словах с подвижным ударением различаются две группы: в первой ударение переносится на окончания им. мн. *-ы* и *-а*, во второй ударение не переносится на окончание им. мн. *-ы;* объединяются обе группы тем, что ударение переносится в той и другой на окончания, начиная с род. мн. Определение подвижных основ предлагается ниже при рассмотрении соответствующих окончаний им. мн. При этом оказывается необходимым различать следующие три окончания: *-ы (и)*, перетягивающее на себя ударение в словах с подвижным ударением, *-а*, всегда имеющее на себе ударение, *-ы*, не перетягивающее на себя ударения в словах с подвижным ударением.

Именительный падеж множественного числа на *-ы (и),* перетягивающее на себя ударение в словах с подвижным ударением. Это окончание надо признать господствующим; правда, его можно отличить от *-ы,* не перетягивающего на себя ударения, только в словах с подвижным ударением, но сопоставление слов, употребляющих то или другое окончание, доказывает, что первое из них (*ы,* перетягивающее ударение) свойственно преимущественно неодушевленным, между тем как второе (*ы,* не перетягивающее ударения) преимущественно одушевленным. Ввиду этого *-ы (-и)* в словах с неподвижным ударением одушевленных не отношу к рассматриваемому теперь окончанию. Это окончание по происхождению окончание вин. мн. числа; замена древнего окончания им. мн. *-и* окончанием вин. мн. *-ы* в словах, означающих неодушевленные предметы[1], принадлежит к одним из ранних явлений в области русского склонения; произошла эта замена под влиянием того, что падежи им. и вин. мн. совпадали в склонении основ женского и среднего рода, а также и того, что эти падежи совпали в одной общей для всех родов форме в словах определяющих (прилагательных, местоимениях и т. д.); кроме того особенное значение при замене окончания им. мн. окончанием вин. мн. имело и то обстоятельство, что в ед. числе слов мужеского рода, обозначающих одушевленные предметы, им. и вин. падежи имели одну общую форму *(воз — воз, дом — дом).* В словах с основой на *-ц,* а также с основой на *-й (-į)* находим окончание *-и* (которое после *ц* перешло в *ы*); это *-и* заменило окончание *-ѣ* под влиянием окончания *-ы* после твердых согласных. Примеры для окончания *-ы* в словах с неподвижным ударением: *столбы, посты, хвосты, плоды, дворы, суды, животы; доходы, размеры, заводы, товары, заносы, выступы, ножики; венцы, пай, лишай.*

Окончание вин. мн. *-ы* имело некогда экспираторную долготу; вследствие этого ударение слов с подвижным ударением переносилось на это окончание. Вот почему окончание им. мн. на *-ы (-и)* в словах с подвижным ударением имеет на себе ударение. Перечислю слова с подвижным ударением, имеющие окончание *-ы (-и);* это перечисление необходимо потому, что слова с подвижным ударением могут иметь еще и другое окончание *-а:*

балы́, боры́, бои́, валы́, верхи́, весы́, дары́, долги́, дубы́, духи́, жары́, жиры́, зады́, зобы́, квасы́, круги́, лады́, миры́, меды́, мозги́, мехи́, носы́, низы́, паны́, пуки́, пупы́, полы́, пары́, пуды́, переды́, раи́, рои́, ряды́, разы́, сады́, склады́, слои́, сыры́, торги́, фунты́, хлевы́, цветы́, часы́, чаны́, чины́, чаи́, шаги́, шелки́, шкапы́.

Итак, это все двусложные слова (трехсложно только *переды́,* но и оно исконно было двусложно: *перед* из **пердъ*). Повидимому, они могут быть распределены на три группы. К первой относим те, которые вообще не употреблялись при счете, не могли, следовательно, образовать двойственного числа и таким образом получить окончание *-а* (проникшее, как увидим, из формы им.-вин. двойственного числа).

[1] Слово «предметы», очевидно, по описке, в рукописи опущено. (Ред.)

Сюда относятся слова с вещественным значением: *меды, чаи, шелки, жиры, квасы, сыры;* далее слова, употребляющиеся только во мн. числе: *цветы* (ед. число — *цветок*), *весы* (*вес* в другом значении), *мозги* (*мозг* стоит отдельно), *переды* (ед. число *передок*), *зады* (ср. *на задах, твердить зады,* где *зад* не стоит в прямой связи с ед. числом *зад*), *верхи* (то же), *низы* (то же), *лады́, нелады, мехи́, склады́, кругú, духи́; жары* (в спец. значении, ср. ед. число *жара́*), *полы* (имеет то же значение, что ед. *пол:* ***полы** в этой комнате не годятся),* *торги́* (при счете не употребляется), *долги́* (то же). Сюда же относятся *часы́, разы́, шаги́, ряды́,* ибо *часа́, раза́, шага́, ряда́* не получили значения мн. числа, а употребляются только при числительных *два, три, четыре.* Слова *пуды, фунты* можно признать редко употребляющимися во мн. ч., ибо при счете употребляются или *пуд,* или *пу́да,* или *пуд, пудов* (после числительных). Ко второй категории относим книжные и новые слова, как *шкапы, балы, паны* (польск.), *раи, слои.* К третьей категории относятся: *сады, чины, миры, пиры, дары, валы, боры, станы, верхи, низы, зады* (последние три слова в других значениях, чем выше). В первых двух категориях появление *-ы* вместо ожидаемого *-а* понятно (ср. или их книжный характер, или отсутствие возможности сочетать их с числительными 2, 3, 4). В третьей категории *-ы* непонятно, если не предположим, что мы имеем здесь дело со старой формой двойственного числа от исконных основ на -й; *два* ***сады́****, три* ***сады́*** и т. д. укрепляло за *сады́* значение им. мн., как *два* ***года́****, три* ***года́*** вызывало в форме *года́* значение им. мн. — В некоторых словах замечается колебание: *возы́, воза́, хлевы́* и *хлева́* (у Востокова *хлева́,* но *хлевы́*).

Именительный падеж мн. числа на *-а*, имеющее на себе всегда ударение. Окончание *-а*, согласно только что сказанному, надо признать обычным и правильным окончанием им. мн. слов с подвижным ударением. Все слова с подвижным ударением должны образовать им. мн. на *-а*. По происхождению это окончание им.-вин. двойственного; оно исконно имело длительную долготу и, следовательно, перетягивало на себя ударение; из сочетаний с числительными *два* формы двойственного числа переносились и в положение после числительных *три, четыре: два* ***города́****,* ***топора́****, три* ***города́****, три* ***топора́***. Совпадение формы двойственного числа с формой род. ед. в части слов (в словах с неподвижным ударением), в связи с утратой самой категории двойственного числа, привело к синтактическому употреблению после числительных 2—4 формы род. пад. ед. числа: *два го́рода, топора́, три го́рода, топора́;* замена словоупотребления *два, три города́* словоупотреблением *два, три го́рода* привела к тому, что, во-первых, такие сочетания, как *два, три города́*, исчезли совсем, во-вторых, форма *города́* получила значение мн. числа. С предложенным объяснением согласно то, что слова с неподвижным ударением не могут образовать мн. на *-а* (ибо в них форма на *-а*, по происхождению форма двойственного числа, была по звуку [1] тождественна с формой род. пад.).

[1] Т. е. по месту ударяемости (при одинаковой флексии род. ед. и им.-вин. двойственного числа). (Ред.)

Слова, имеющие окончание *-á* в им. мн., распределяю по следующим трем группам:

1. Слова двусложные или трехсложные вследствие полногласия: *боров, берег (брег), бок, ворох, год, город, век, ветер, дом, желоб, глаз, короб, голос, край, луг, лес, мех, рог, снег, стог, терем, хлеб, цвет*. Быть может, сюда же *хлевá* (как у Востокова); также употребительны *разá, волосá, возá*.

2. Слова трехсложные и многосложные; в них ударение, вероятно, перенесено с предпоследнего слога, гласная которого (краткая или прерывисто-долгая) не могла удержать на себе ударения:

жернов, счет, погреб, откуп, óкорок, порог, пояс, вечер, повар, остров, пристав, потрох, ястреб, колокол, шелеп, образ. Востоков дает еще: *возрастá*.

3. Иноязычные слова, разновременно заимствованные и подчинившиеся аналогии указанных трехсложных слов; во всех этих словах ударение не на предпоследнем слоге:

парус, купол, сорт; корпус, шомпол, орден, ситец, паспорт, ордер; мастер, кучер, катер, кивер, вахтер, доктор, ректор, профессор и пр., *мичман, флагман*. Что до *офицерá*, то *офицéр* отступает от указанного правила об ударении; быть может, надо допустить в старшем языке *офи́цер*, как заимствованное из польского.

Совершенно отдельно стоит *рукавá*, так как *рукáв* имеет неподвижное ударение на окончаниях; здесь видим явный остаток двойственного числа (ср. украинск. *рукáва* с перенесенным ударением). Без сомнения, со значением двойственного числа употреблялись и слова *глазá, рогá, бокá* как означающие парные предметы.

Большая часть приведенных слов может образовать им. мн. на *-ы* (без ударения); вероятно, подобные формы представляют книжные образования: *стóги, снéги, вéхи, óбразы, гóды, жерновы, откупы, парусы, поясы;* это относится в особенности к иноземным, как *мастеры, профессоры, ордены*. Но особо должны быть оговорены: *рóги* (напр. охотничьи), *хлéбы* (с другим значением, чем *хлеба*); о них скажу ниже. — О некоторых параллельных образованиях на *-ы* ударяемое, как *цветы́, разы́, мехи́,* сказано выше.

Именительный падеж множественного числа на *-ы*, не перетягивающее на себя ударение в словах с подвижным ударением. Отличить окончание *-ы*, не перетягивающее на себя ударение, от *-ы*, перетягивающего ударение, можно, конечно, только в словах с подвижным ударением. Поэтому поговорим сначала о них, а затем перенесем полученный вывод и на слова с ударением неподвижным. Сначала укажу на те слова с им. мн. на *-ы*, которые с большею или меньшею вероятностью можно признать книжными, представляющими церковнославянское или искусственное ударение, а потому не подлежащими нашему рассмотрению.

Это

гробы (ср. *гробá*), *громы, долы, домы* (ср. *домá*), *дýбы, ви́ды, грáды, слóги, вéки* (ср. *века*), *сóки*, *снеги* (ср. *снега*), *стоги* (ср. *стога*), *цехи, годы* (ср. *годá*), *рóды, клýбы, сорты, вéтры*.

Остальные слова делятся на две группы:

1. Слова, означающие одушевленные предметы: *во́лки, бо́ги, бесы, тру́сы, мо́ты, плу́ты, воры, ду́хи.*

2. Слова: *волосы, зубы, ро́ги, 'хлебы, бо́ки (руки в бо́ки).*

Что до слов второй группы, то они имеют при себе и другие образования в им. мн.: *волоса* (и *волосья*), *зубья, рога, хлеба;* последние три слова отличаются по значению от *зубы* (*зубья* у пилы), *роги* (*рога* у коровы), *хлебы* (*хлеба* в поле); повидимому, множ. на *-ы* индивидуализирует их значение: *волоса, зубья, рога, хлеба* не означают нескольких волос, зубов, рогов, хлебов, а имеют или собирательное или парное значение. И это значение слов *зубы, роги* сближает их со значением множ. в словах одушевленных. Обращаясь к окончанию *-ы* в одушевленных, видим, что выводить его из вин. мн. невозможно; этому препятствует ударение; кроме того, при давнем стремлении давать в вин. мн. одушевленных форму род. мн., непонятно было бы, каким образом форма вин. мн., сравнительно редкая, могла вытеснить форму им. мн., тем более, что в ед. числе формы им. и вин. пад. отличались по форме. Ввиду этого принимаю, что *-ы* в *бесы, моты* и т. д. не есть окончание вин. мн. этих слов; *-ы* заменило окончание им. мн. *-и* под влиянием господствующего в других словах окончания *-ы* (по происхождению окончания вин. мн.); но при переносе этого окончания сохранилось древнее место ударения. Подтверждение такому объяснению, тому, что им. мн. слов, означающих одушевленные предметы, сохраняли окончание *-и* дольше, чем неодушевленных, вижу в том, что некоторые слова мужеского рода сохраняют окончание *-и* до сих пор (причем переходят в другое склонение): *черти, соседи.* Что до форм, как *зуби, волоси, рози* (отсюда *роги́*), *хлеби*, то, повидимому, эти формы в известную эпоху жизни русского языка сохраняли значение нескольких зубов, рогов, волос, хлебов, между тем как формы *зубы́, волосы́, хлебы́* (по происхождению формы вин. мн.) означали совокупность зубов, волос или получили значение собирательное (ср. замену их через собир. *зубья, волосья*), *рога* означало пару рогов; формы *зубы́, волосы́, хлебы́* сменились через *зубья, волоса* или *волосья, хлеба*, а *зуби, волоси, хлеби, рози* через *зубы, волосы, хлебы, роги* (ср. *духи, волки, воры* вм. *дуси, волци, вори*).

Из того обстоятельства что *-ы* в *бесы, трусы* и т. д. обнаруживает иное происхождение, чем *-ы* в окончании неодушевленных, можно заключить, что иное происхождение имело *-ы* и в одушевленных также с неподвижным ударением, т. е., что, напр., в *игумены, приказчики, греки, попы́, мужики́* — *-ы (-и)* заменило окончание им. мн. *-и.*

Родительный падеж множественного числа на *-ов* (*-ев*). Обычным окончанием род. мн. при им. мн. на *-ы* (*-и* после *к, г, х*), на *-а* является *-ов*: *возо́в, волков, городов*. Поэтому отношу к рассматриваемому склонению и такие слова, как *чаи, рои, края*; в род. они оканчиваются на *-ов: чаёв, роёв, краёв*. Во всех словах с подвижным ударением *-ов* имеет на себе ударение; мы находим ударяемое *-ов* не только при формах им. мн. на *-ы* (*-и*), *-а* ударяемое, но

также и при им. мн. на *-ы* (*-и*) неударяемое: *волков, бесов, трусо́в* (так у Востокова; я говорю *тру́сов*), *богов, хлебо́в, рого́в, зубо́в* и т. д. Причиной перенесения ударения на *-ов* было, как кажется, то обстоятельство, что *-ов* произносилось с долгим *о*, удлинившимся вследствие отпадения после *в* звука *ъ*: ср. указанный выше переход *ка́менье* в *каме́ние* в связи с удлинением *е*, вызванным выпадением звука *ь*.

Родительный падеж множественного числа без окончания. Такие формы встречаются вообще крайне редко и представляются архаизмами, остатками древней эпохи, когда именно такое образование род. мн. было обычным (древним окончанием род. мн. было *-ъ* в основах на *-о*, а окончание *-ов* свойственно основам на *-й* и из них уже на почве русского языка переносилось в основы на -о). При этом выясняются две группы слов с таким образованием род. мн.: 1) слова, часто употребляющиеся при счете и сохраняющие древнюю форму род. мн. после числительных *пять, шесть* и т. д., а также после слов, как *несколько, много*; сюда относятся *аршин, раз, человек*; многие употребляют в род. мн. также еще форму *пуд*; в старинном языке также *алтын* (слово, вышедшее из употребления); 2) многосложные слова, означающие одушевленные предметы, лица, как: *гренадер, драгун, кадет, солдат, турок*. Как указано выше, одушевленные сохраняли в им. мн. окончание *-и* дольше, чем неодушевленные. Быть может, окончание *-ов*, ассоциировавшееся именно с окончанием им. мн. *-ы*, не так легко проникало в слова с окончанием *-и* в им. мн. (понятно, что приведенные иностранные слова подчинились аналогии своих русских слов). Та же причина удерживала при им. мн. *во́лоси* (выше было указано, как долго держалась эта форма), род. мн. *воло́съ* (ударение *воло́съ* при *во́лоси* зависело от различного качества ударения на сочетания *ол*; *ол* имело ударение нисходящее, но в слоге перед выпавшими *ъ, ь* нисходящее ударение переходило в восходящее; ср. с этим выше: *чере́нья, чере́пья, коло́сья, поло́зья* при *че́рен, че́реп, ко́лос, по́лоз*). Та же причина могла удерживать форму *глаз* при предполагаемом *гла́зи* (на **гла́зи* указывают некоторые диалектические формы, как *глазёх, глазём, в глазях*), существовавшую при двойственном *глаза́*. Та же причина могла удерживать форму *сапог* при им. *сапози́* (откуда *сапоги́*), долго державшуюся при двойственном *сапога́* (ср. двойственное число от этого слова в еванг. тексте). Следовательно, та же причина может быть предположена и для *чулок* при им. **чулци* (откуда *чулки*); значение слова *чулок* позволяет допустить наличность формы двойственного **чулка* при более редком мн. **чулци*. Формы *во́лоси, *гла́зи, сапози, *чулци* держались, не заменяясь формами *волосы́, глазы́, сапогы́, чулкы́*, так как означали собрание нескольких предметов (выделенных из совокупности или из парности волос, глаз, сапог, чулок). Таким образом, значение им. мн. на *-и* в именах лиц (*соседи, черти*) и в таких словах, как *волоси, зуби*, объясняется представлением о собрании индивидуальных лиц или предметов и противополагается значению

мн. числа, поглощающего единицы: такое значение в словах со значением неодушевленных развивалось, повидимому, только там, где существовало от них мн. число со значением собирательным или парным.

Окончание дательного, творительного, местного множественного числа. Эти окончания *-ам, -ами, -ах* заимствованы из основ женского и мужеского рода на *-а*; они заменили старые окончания *-омъ, -ы, -ѣхъ*. По общему правилу ударение падает на эти окончания тогда, когда ударение падает на окончание род. мн. *-ов* (см. выше при род. мн.): *бога́м, хлеба́м, волка́м.*

Замечания о некоторых группах слов. Слова на *-ёнок* образуют им. мн. на *-ята*. Сюда относятся те слова, которые в древнем языке оканчивались в им. ед. на *-я* и представляли во всех других падежах основу на *-ят:* древние *теля, порося, жеребя, козля* и т. д. перешли в *телёнок, поросёнок, жеребёнок, козлёнок*; но эта новообразованная основа удерживается только в ед. числе, во мн. продолжала существовать старая основа, склонявшаяся в среднем роде: *поросята, ребята, козлята.* Понятно, что теперь и эти формы мн. числа под влиянием формы ед. числа перешли в мужеский род. Реже образования на *-енята*: *бесенята, чертенята.* Неправильная форма *бурята* вместо *буряты,* проникающая в газеты, обязана аналогии слов, как *ребята, котята.*

Замечания об отдельных словах. О формах *черти, соседи, холопи* сказано выше; о них скажем и ниже. Слово *друг* образует *друзья, кум — кумовья, сын — сыновья*; см. об этих образованиях ниже в 16-м отделе. — Там же см. образования им. мн. от *брат, холоп, сук, зуб.* — *Тетерев* образует *тетерева,* но в род. *тетеревей.*

15. Склонение множественного числа слов мужеского рода на мягкую согласную и на отвердевшие *ш, ж.*

Главным отличием этого склонения от склонения основ на твердую согласную является окончание род. мн. *-ей*, между тем как в тех основах находим *-ов.*

Сюда относятся слова, принадлежавшие исконно к основам на -ĭ и к основам на -jo. Падежные окончания им. мн. *-и*, род. мн. *-ей* восходят во всех этих основах к окончаниям -i, -ьi̯ основ на -ĭ; правда, им. мн. основ на -jo фонетически можно возвести и к старой форме им. мн. основ на -jo: *кони, ключи,* но не забудем, что *ключи* должно было бы вытесниться формой *ключѣ*, т. е. старой формой вин. мн.; если такого вытеснения не произошло, то, очевидно, под влиянием основ на -ĭ: *ключѣ* заменено через *ключи* под влиянием *пути, гвозди, ногти* и т. д.; или *ключѣ* не вытеснило *ключи,* так как окончание *-и* в *ключи* отождествлено было с окончанием *-и* (по происхождению вин. мн.) слов, как *пути, гвозди, ногти.* На тождество окончаний *-и* в *ключи* и *-и* в *пути* указывает и наличность

при *ключи* формы род. мн. *ключей*, явившейся вместо старой формы *ключь*. Так же точно им. мн. *черти, соседи, холопи* не вытеснено через *черты, соседы, холопы* под влиянием отождествления их окончания *-и* с окончанием *-и* в *гуси, люди, гости*; ср. новообразования *чертей, соседей, холопей*.

Итак, в рассматриваемом склонении обнаруживаются следующие окончания: им. мн. *-и* (*-ы*), *-а;* род. мн. *-ей;* дат. мн. *-ам;* твор. *-ами*; местн. *-ах*. Вин. пад. сходствует с именительным, но, как мы знаем, в словах, означающих одушевленные предметы, с родительным.

В отношении к ударению рассматриваемые формы мн. числа распадаются на группы: 1) неподвижные с ударением на окончании или корне при им. мн. на *-и*, 2) подвижные при им. мн. на *-и* или *-а*. Подвижность ударения второй группы выражается в том, что род., дат., твор. и местн. мн. переносят его на окончание, между тем как в им. оно падает на корень. Мы видели, что в основах на твердую согласную *-ы* обыкновенно перетягивает на себя ударение в словах с подвижным ударением; напротив, окончание *-и* в основах на мягкую согласную никогда ударения на себя не перетягивает; это свидетельствует о совершенно различном морфологическом происхождении окончаний *-ы* и *-и;* ошибочно было бы утверждать, что в *ключи* то же окончание, что в *топоры* и различающееся от него только вследствие положения после мягкой согласной. Замечательно, что слово *конь*, исконно с неподвижным ударением на окончании, переносит его в им. мн.: *кóни;* очевидно, здесь сказалось влияние слов, как *гости, гуси, лебеди* и т. д. В группе слов с неподвижным ударением большинство слов имеет ударение на окончании; исключение составляют некоторые слова на *-ич* (*Ивáновичи*, название местности *Боровичи*) и *-ищ*, как *товáрищ, государь, родители, камни*. Рассмотрю отдельно окончания и сделаю при этом еще несколько замечаний об ударении.

Именительный множественного на *-и*, никогда не переносящее на себя ударение. В словах с неподвижным ударением: *лучи́, мечи, бичи, богачи, клещи, плащи, ножи, чижи, ковши, торгаши, корабли́, кисели́, псари, алтари, богатыри, угри́, караси́, дожди́;* 2) *товарищи, госуда́ри, попóвичи*, сюда же *соседи, холопи*. В словах с подвижным ударением (ср. ниже при окончании род. мн.): *голуби, овощи* (но у Востокова *овощи́*, с неподвижным ударением), *гости, лебеди, люди,* сюда же *черти*. То обстоятельство, что слова на *-ь* не образуют им. мн. на *-а*, быть может, служит указанием на то, что в окончании *-и* частью сохранилось старое окончание им.-вин. двойственного от основ на -ĭ: *два, три караси́* вызывало сохранение формы *караси́* во мн., ибо рядом в течение долгого времени не существовало соединения *два, три карася́*. Под влиянием основ на -ĭ это окончание переносилось в основы на -jo. Ср. *два рубли* вместо *два рубля*.

Именительный множественного на *-а*, переносящее на себя ударение. Сюда относятся преимущественно слова заим-

ствованные, подчинившиеся аналогии слов с основой на твердую согласную. Это слова на *-тель* книжного, церковнославянского происхождения: *учителя, смотрителя;* слова на *-арь*, заимствованные с польского: *лекаря, писаря;* слова *тополь, якорь;* слова на *-ель: вексель, вензель, крендель, пéдель, дупель, штемпель, флигель;* слово *егерь*. Что до слова *сторожá*, то, повидимому, оно заменило старшее *сторóжа* под влиянием слов, как *мужья́, князья́*.

Родительный множественного числа. Окончание *-ей* в словах с неподвижным ударением: *путей, плащей, ключей, голышей, кораблей, госудáрей, родúтелей*. Окончание *-ей* в словах с подвижным ударением имеет ударение всегда на себе. Перечислю эти слова.

Им. пад. мн. числа на *-и* неударяемое: *голубь, гвоздь, гость, груздь, гусь, зять (?), зверь, лебедь, лапоть, коготь, кóзырь, корень, локоть, окунь, омуль, ноготь, перстень, соболь, тать, уголь, угорь, óвощ, муж, червь.* — Кроме *муж* и *овощ* — это все исконные основы на ĭ.

Причина переноса — образование сочетания *ы̑* с *-ь̑* сильным; ср. перенос ударения на -ov из ovъ.

Дательный, творительный, местный множественного числа. Окончания *-ам, -ами, -ах* всегда имеют на себе ударение в словах с подвижным ударением: *голубям, ногтями*. Ср. сказанное выше об ударении этих окончаний в основах на твердую согласную.

Замечания об отдельных словах. Слово *день* кроме *дней* образует форму род. мн. *дён*, редко употребляемую в литер. наречии: *полдни — полдён*.

Муж, зять, князь образуют *мужья, зятья, зятевья, князья; гвоздь — гвоздья,* см. об этих словах в следующем отделе.

16. Склонение множественного числа слов, оканчивающихся в именительном множественного на *-ья*.

Окончание *-ья* в имен. мн. двоякого происхождения. В словах, означающих одушевленные предметы, точнее лица, это окончание восходит к окончанию им. ед. женского рода собирательных; слово *братья* в старом языке склонялось в ед. числе: вин. — *братью*, род. — *братьѣ* и т. д.; ср. слово *братья* (монастырская *братья*) и в современном языке. Сюда относятся им. мн. *братья, холопья, мужья, друзья, князья, зятья, зятевья, сыновья, кумовья.* Совершенно ясно, что *друзья* заменило древнее *дружья,* известное в памятниках, под влиянием формы им. мн. *дру́зи;* также *князья* вместо *княжья* под влиянием *князи*. Поэтому можно думать, что *зятевья, сыновья, кумовья* заменили *зятья, *кумья, *сынья* под влиянием форм им. мн. *зятеве, сынове, кумове*. Таким образом, им. мн. на *-ья* имеют как слова с основой на твердую согласную (при них также *-овья*), так и с основой на мягкую согласную (при них также *-евья*). Слова с неподвижною по ударению основой не переносят ударения на *-ья*: *братья, холопья*; напротив, слова с подвижною по ударению основой переносят его на

окончание: *мужья, зятья, друзья, князья, сыновья, кумовья;* различие в ударении слов, как *братья* и *зятья*, восходит еще к той эпохе, когда эти слова означали им. пад. женского рода.

В словах, означающих неодушевленные предметы, *-ья* восходит к окончанию им. ед. собирательных среднего рода; окончание это звучало *-ье*, но неударяемое *-е* в конце слова фонетически перешло в *-а* (ср. *меня* вместо *мене*, переход *есме* в *есмя, татарове* в *татаровя*); слова, как *листье, гвоздье*, склонялись некогда в ед. числе: род. *листья*, дат. *листью;* но, когда им. *листье* перешло в *листья*, его окончание *-а* стало вызывать представление о мн. числе: ассоциации им. мн. *листья* с *лист* не препятствовал мужеский род этого последнего слова, ибо подобная ассоциация уже существовала в случаях, как *братья — брат*, *холопья — холоп.* Возможно, что *листья* сменялось и сменилось бы совсем через *листьи*, если бы не влияние слов, как *перья, деревья,* среднего рода. О существовании ед. числа *листье, гвоздье, каменье* и т. д. свидетельствуют не только памятники, но и современные северновеликорусские говоры (*лйстьё, гвоздьё*). Перечислю формы им. мн. на *-ья* от слов со значением неодушевленных:

1. Двусложные с неподвижным ударением в ед. и мн. числе (на корне или окончаниях): *кол, клок, крюк, лист, сук, гвоздь, стул, струп, брус, клин.*

Двусложные с подвижным ударением в ед. и мн. числе: *зуб, ком, луб, прут.*

2. Трехсложные, исконно двусложные, с подвижным ударением: *колос, полоз, череп, черен;* сюда же *у́голь.*

Трехсложные с неподвижным ударением: *волдырь, пузырь, пупырь, батог, кочан, камень.*

Трехсложные с подвижным ударением: *обод, корень, лоскут.*

Итак, приведенные формы образуются как от слов с основой на твердую согласную, так и от слов на мягкую согласную. Ударение никогда не падает на *-ья*, оно падает на слог перед *-ья*; поэтому в двусложных оно ложится на первый слог, а в трехсложных на предпоследний (но *уголья*); в словах, как *обо́дья, коренья, каменья*, явный перенос ударения на удлинившийся слог вследствие выпадения за ним в следующем слоге *ь*; слово *камень*, имеющее неподвижное ударение (ср. род. мн. *ка́мней*), все-таки представляет такой перенос; в слове *уголья* ударение падает не на последний слог потому, что *уголья* восходит к древнему *у́гльје;* в словах *коло́сья, чере́пья* имеем другое ударение, чем в *ко́лос, череп*, в зависимости от подобного же процесса, а именно наличности в следующем слоге ослабленного звука, ср. ударение род. мн. *воло́с* при род. ед. *во́лоса*. Только *-ья*: *стулья, колосья.* При *листья* находим *листы* в другом употреблении, с другим значением; *листы* при *листья* ср. *зубы, во́лосы* (следовательно, *-ы* заменило здесь *-и*, старое окончание им. мн.); при *крючья — крюки́*, при *гвоздья — гвозди*, при *уголья — у́гли*, при *коренья — корни* (в другом значении), при *клочья — клоки* (в другом значении), при *колья — колы* (в другом значении), при *зубья — зубы* (в другом значении)

и т. д. Востоков замечает: «когда говорят о предметах в отдельности, как об единицах, тогда употребляют правильное окончание: *стру́пы, батоги́, крю́ки, камни, корни;* когда же рассматривают предметы в совокупности, как собрание единиц, тогда употребляют окончание на *-ья: струпья, батожья, крючья, каменья, коренья*».

Склонение слов, оканчивающихся в им. мн. на *-ья*, распадается на две группы: в первую, обнимающую как исконные собирательные женского рода, так и собирательные среднего рода, входят все те слова, которые оканчиваются на неударяемое *-ья;* в род. пад. мн. они имеют *-ев: братья — братьев, сучья — сучьев, каменья—каменьев;* во вторую, обнимающую только собирательные женского рода, входят слова, которые оканчиваются на ударяемое *-ья;* в род. пад. мн. они имеют *-ей: мужья — мужей, друзья — друзей, сыновья — сыновей*. Таким образом, первая группа примыкает к словам с основой на твердую согласную, а вторая к основам на мягкую согласную. Повидимому, причина дифференциации следующая: при им. мн. на *-ья* (-jа) возникал род. мн. -jев потому, что такое окончание являлось и при форме им. мн. на *-ьи* (-ji): *краснобаи — краснобаев, горностаи— горностаев;* вообще окончание *-ей* не являлось после j; причиной этому было то, что в словах с основой на -ǐ не было таких, которые перед -ǐ имели j, следовательно, представляли р. мн. *-jей;* поэтому при *боjи, горностаjи* являлись формы *боjов, горностаjев*; и так же при им. мн. м. р. *братья* являлось *братьев*. Между тем в ряде слов на *-ья́* с новой формой им. мн. ассоциировалась форма род. мн. на *-ей*, которая принадлежала к старому склонению с им. мн. на *-и*: так, при *мужья́* род. мн. был *муже́й*, относящийся собственно к им. мн. *мужи* (и заменивший форму *мужь*, когда *мужи* ассоциировалось с *гости, тати*), при *друзья* род. мн. *друзей*, относящийся собственно к им. мн. *друзи* (ср. новообразование *чертей, холопей* при *черти, холопи*), при *зятья — зяте́й*, при *князья — князе́й;* под влиянием таких слов и новообразования *кумовья, сыновья, зятевья* получили при себе новообразованные формы род. мн. *сыновей, зятевей*; но также являются и формы на *-ёв: кумовьёв, зятьёв* (ср. ниже *шурьёв*). Что до прочих падежей мн. числа, то в основании их была положена основа им. мн.: поэтому *бра́тьям, сучьям, друзьями, сыновьях*.

17. Склонение множественного числа слов, представляющих в единственном числе основу на *-ин*.

В единственном числе слова на *-ин*, означающие лица мужеского пола, склоняются как все вообще основы мужеского рода на твердую согласную: *боярин, боярина* и т. д. Но во мн. числе окончание *-ин* откидывается, не является; причиною этого то, что суффикс *-ин* имел значение единичности, ср. *-ин* в *один, ин-* в *инок, иноходец*. Таким образом, для образования мн. числа служила сокращенная основа, основа на согласную. В древнем языке основы на согласную получали особые, свойственные именно им, окончания: им. мн. *-е*,

род. мн. -ъ; прочие падежи исконно образовывались или по основам на -і, или по основам на -о. Современный язык сохранил эти старые формы в значительной части относящихся сюда слов: *мещанин — мещане, мещан, мещанам, мещанами, мещанах* (последние формы по склонению на *-а*, вследствие общего перенесения окончаний основ на *-а* в основы на *-о*). При основах на *-итин* явились новообразованные формы мн. числа на *-итяне*, собственно образованные при формах ед. *-итянин: москвитин* и *москвитянин — москвитяне, тверитин* и *тверитянин — тверитяне*. Но в некоторых словах окончание *-е*, фонетически переходившее в *-а* (ср. сказанное выше относительно *листья, меня, есмя*), получало затем (перед этим *-а*) отвердевшую согласную под влиянием, конечно, твердости согласной во всех прочих падежах мн. числа; так, вместо *бояре, татаре, баре*, откуда *бояря, баря, татаря*, являлось произношение *бояра, бара, татара*. Окончание *-а* сменилось окончанием *-ы*, напр., в *болгары, татары*. В род. мн. не явилось новообразования на *-ов* по той общей причине, что *-ов* являлось только там, где форма род. мн. совпадала с формой им. ед. Приведу ряд относящихся сюда основ: основы на *-ан: мещане, дворяне, римляне, крестьяне, магометане, мусульмане, цыгане, египтяне;* основы на *-ар* с окончанием *-аре: бояре, татаре, болгаре* (форма устаревшая); с окончанием *-ара: татара, бояра, бара* (также малоупотребительные формы); с окончанием *-ары: татары, болгары*. Сюда же относятся им. мн. *хозяева* при *хозяин; хозяева* вместо **хозяевя*, а это из **хозяеве* с окончанием им. мн. *-еве* (ср. предположенное выше *зятеве*, вошедшее в состав *зятевья*).

Особую группу образуют те слова на *-ин*, которые во мн. числе представляли исконные слова собирательные. Прежде всего сюда относится *господин — господá, госпóд, господáм;* слово *господá* по происхождению собирательное женского рода (род. — *господы*, вин. — *господу*); склонение *господá, госпóд* явилось в связи с переходом других собирательных женского рода в формы мн. числа, ср. указанные выше: *мужья, зятья, сторожа;* форма род. мн. *господ*, не *господóв*, доказывает, что здесь не было влияния со стороны образований, как *городá — городóв; господ* не сменилось формой *господов* под влиянием слов как *бояр, мещан* и т. д.; *господ* так относится к *господин*, как *мещан* к *мещанин*. Также при *шурин* является *шурья*, также форма ед. числа с собирательным значением по своему происхождению (род. — *шурьи*, вин. — *шурью*); *шурья* имеет при себе род. мн. *шурьёв*, не *шурей;* очевидно, что здесь почему-то не сказалось влияние слов, как *друзья — друзей*. Слова *русин, литвин, мордвин* имеют при себе собирательные *Русь, Литва, Мордва*. Слова *сербин, турчин, немчин* (теперь уже устаревшие) имеют при себе мн. ч.: *сербы, турки, немцы*.

Некоторые книжные слова на *-ин* образуют им. мн. на *-ины: воины, властелúны*. Также искусственно: *русины*. — *Цыганы* ведет к им. ед. *цыган*, а *цыгане* относится к *цыганин;* равным образом *молокане* относится к *молоканин*, а при им. ед. *молокан* можно ждать *молоканы*.

18. Склонение слов женского рода на *ш*, *ж* и на мягкую согласную.

Относящиеся сюда основы восходят к исконным основам на -ĭ, а также к основам на согласную -r и к основам на -ū (-ъv). Звуки *ш* и *ж* твердые восходят к исконным мягким *ш* и *ж*. Падежные окончания восходят все к старому склонению. Окончания эти следующие: род. ед. -*и*, дат. -*и*, твор. -*ью*, местн. -*и*, вин. пад. совпадает с им.; им. мн. -*и*, род. мн. -*ей*, дат. мн. -*ам*, твор. -*ами* (реже -*ми*), местн. -*ах*, вин. мн. -*и*.

Основы на исконное -er отличаются тем, что основу -er представляют во всех падежах, кроме им. и вин., где является более краткая основа на предшествующую звукам er' согласную: *мат'*, *доч'*, род. *матери*, дат. *матери* и т. д. Основы женского рода на мягкую согласную могут иметь или неподвижное ударение (всегда на корне, не на окончаниях), или подвижное; к первым относятся, напр., *медь, нить, сладость, юность;* ко вторым, напр., *грязь, лошадь, кровь, мать.*

Замечания об отдельных падежах. В твор. пад. является окончание -*jу* из древнего -*ьjу*; в связи с выпадением *ь* стоит то, что основы, имеющие в слоге перед окончанием *ъ* (или *ь*), заменяют его через *о: вошь, вошью* (при *вши*), *церковь, церковью* (при *церкви*). Вместо -*jу* является -*ей*, заимствованное из склонения основ на -*а*, в словах *басней, песней,* следовательно, -*сней* вм. -*снjу;* но -*знjу* сохраняется, не заменяясь через -*зней*, напр., *жизнью, казнью* (произносится почти *жизню, казню* или *жизню, казню* с долгим *н*).

Окончание местн. ед. -*и* исконно отличалось от окончаний -*и* род. и дат. качеством долготы: в местн. ед. -*и* имело длительную долготу, а в род. и дат. прерывистую. Вследствие этого в словах с подвижным ударением оно переносилось на окончание местн. пад., оставаясь на основе в род. и дат. Как можно заключить из современного литер. языка, а также из того, что сказано было нами раньше об ударении местн. ед. муж. рода, в общеславянском праязыке ударение переносилось в местн. пад. с окончания на основу под влиянием ударения других падежей ед. числа; но перенесение это задерживалось при одном сопровождающем условии: когда форма местного падежа находилась в положении за предлогами *въ* и *на*, она удерживала старое ударение. Поэтому в современном русском языке старое наконечное ударение в словах с подвижным ударением является в местн. ед. только после предлогов *в* и *на*; те же слова после предлогов *при*, *о* имеют ударение на корне. Перечислю слова с перенесенным ударением в местн. ед. после предлогов *в* и *на: бровь, ветвь, горсть, грязь, глушь, грудь, десть, дробь, дверь, кровь, корь, кость, клеть, ночь, мель, ось, печь, пыль, плеть, речь, сеть, связь, тень, Тверь, шерсть, степь, цепь, часть.* Кроме того: *лошадь, площадь.* Кроме того — *взаперти́.*

Замечу при этом, что известно и произношение в *ре́чи*[1], в *ча́сти*[1] (но непременно в *части́*, когда *часть* употребляется вместо *участок*); *на ло́шади, на пло́щади* употребительнее, чем на *лошади́*[1], *площади́*[1]. Но только *в пыли́, в грязи́, на груди́, в крови́, в кори́, в глуши́, на мели́, в Твери́, в степи́* (рядом: *о пы́ли*[1], *о гря́зи*[1]). Что до предлога *при*, то в моем произношении и он может требовать после себя ударения, но в редких случаях: при *груди́*[1]; по Востокову *при* оказывает на форму местного падежа такое же влияние, что предлоги *в* и *на*. В моем произношении предлоги *в* и *на* часто не требуют за собой формы местного падежа с ударением на окончании, когда отделены от этой формы определяющим словом: *в моей* ***кро́зи***[1], *на слоновой* ***ко́сти***[1], *в мытой* ***ше́рсти***[1], *на железной* ***о́си***[1]; но — *в моей* ***груди***[1], *в этой* ***пыли, грязи***.—Слова *вервь, зыбь, жердь, масть, трость*, показанные Востоковым как переносящие ударение в местн. пад., в моем произношении его не переносят. Ясно, что в древности подобный перенос был обычнее, чем теперь: так, напр., ряд слов с подвижным ударением, доказанным для род. мн., не переносят ударения в местном ед.: *треть, соль, весть, сласть, вещь, власть, страсть, волость, новость, должность* и др., впрочем, часть случаев, где имеется перенос ударения в род. мн., обязана позднейшему перенесению; но такие слова, как *соль* или *волость*, исконно подвижны в отношении к ударению.

Окончанием род. мн. является *-ей*; только одно слово *саже́нь* имеет при *саженей́* также и форму *са́жен, са́жень*, вероятно, восходящую к основе на *-а*. Окончание *-ей* принимает на себя почти всегда ударение в силу, очевидно, отмеченного выше закона, по которому еще в общерусском праязыке перетягивали на себя ударение удлинившиеся вследствие отпадения за ними *ъ* и *ь* слоги: итак, *бровей, ветвей, грудей, частей* и также *солей, вестей, помочей, вещей, волостей, новостей, крепостей, мышей, сластей, кистей, смертей* и т. д., равным образом *матерей, дочерей, церквей*. Не переносят ударения лишь несколько слов, повидимому, редко употребляющихся во мн., как *жизнь, сладость, болесть, пажить, горесть, участь, нить, радость*. Слово *свекровь*, кажется, обычно не переносит ударения (*посте́лей* к *постеля, басней* к *басня*).

Окончания дат., тв., местн. на *-ам*, *-ами*, *-ах*[2] перетягивают на себя ударение, следуя при этом ударению род. мн.: *волостям, волостями, новостях*, но *горестям* и т. д. Некоторые слова сохранили старое окончание тв. мн. на *-ми* (из *-ьми*): *плетьми, лошадьми, дверьми, дочерьми; костьми* только в выражении: *лечь* ***костьми***.

Замечания об отдельных словах. Только во мн. числе употребляются: *гусли, дрожди, отруби, сани, сени*. Слово *церковь* сохраняет в дат., твор., местн. мн. древнюю параллельную основу

---

1 Ударение в рукописи не обозначено. (Ред.)

2 После «*ах*» в рукописи следовало «всегда», зачеркнутое карандашом. (Ред.)

церква-: *церквáм, церквáми, церквáх;* впрочем, известны и образования *церквям, церквях*. Востоков указывает на *свекровáм*, но обычно, кажется, *свекрóвям*. — Слово *щель* имеет во мн. не только *щели*, но и *щелья* (из старого собирательного *щелье*), но в других падежах, кажется, только *щелéй, щелям*. — Мн. *дети, детей* получило значение среднего рода под влиянием ед. *дитя́;* множ. *очи, очéй, ýши, ушéй* также под влиянием *око, ухо*. Множ. *слюни* является при ед. *слюнá*. Слово *сажéнь* имеет во множ. *сажéни*, а в род. мн. *сáжен-*

19. Склонение слов женского и мужеского рода на *-а*.

Относящиеся сюда основы восходят к исконным основам на -ā и -jā; слова, как *рана* и *баня* (в случаях, как *душа, кожа, девица*, отвердели согласные исконно мягкие *ш, ж, ц*), отличались раньше в склонении своими падежными окончаниями; но теперь они совпали в одном склонении, причем перевес получили окончания твердых основ. Впрочем, фонетические причины требуют замены некоторых звуков, известных только после твердых согласных, другими соответствующими звуками.

Окончания падежей следующие: род. ед. *-ы* (а после мягких согласных *-и*), дат. *-е* (из *ѣ*), вин. *-у*, местн. *-е* (из *ѣ*), твор. *-ой* (после мягких согласных *-o*i̯), а в неударяемых слогах *-а*i̯ (после мягких согласных -ɛi̯). Им. мн. *-ы* (а после мягких согласных *-и*), род. мн. не имеет окончания (старая форма оканчивалась на *ъ*), а в некоторых основах с мягкою согласною или с *ж, ш* перед окончаниями *-ей*, вин. мн. *-ы* (после мягких согласных *-и*), дат., твор., местн. *-ам, -ами, -ах*.

Обосложненный беглою гласною *о* или *е* вид основы является в форме род. множественного. Сюда относятся многие основы, которые перед окончаниями имеют две согласные, причем в части таких основ между согласными в древнем языке находились звуки *ъ* или *ь*. Так, находим род. мн. *княжóн, кóпен, сóсен* (др. соснъ), *царевен, гривен, тяжеб, судéб, свáдеб; спален, вечерен, сотен, песен, деревéнь, ѝгол, кýкол, мётел, сабель* (др. сабль), *земéль* (др. земль), *кровель* (др. кровль), *капель* (др. капль), *сестёр* (др. сестръ), *овец, денег, серёг, сёмог, розог* (др. розгъ), *досóк* (др. дъскъ), *ручек, ножек, кошек, нянек* и т. д. В соответствии с сочетанием i̯ + согласная находим i̯e: *бóен, саек, построек, коек, воен*. Повидимому, при *тяжеб, свадеб* обычны *тяжб, свадьб*.

Особо стоят слова на *ja* после согласной; в род. мн. перед окончанием -i̯ (окончанием основы теперешнего слова) является звук *е*: *сéмей, свинéй, сýдей*. Также *мóлней*, но обычное правописание требует *молний*. Впрочем, в им. пад. имеем не двусложное *молнi̯а*, а трехсложное *молния* в книжном произношении (?). Книжными являются и формы имен на *-ия*, как *Сóфия, Евгéния;* с ударением на *и*: *Марúя*.

Конечная согласная основы *н'* мягкое отвердевает в форме род. мн., напр., *кухон, барышен, башен*, но, как мы видели, только в неударяемом слоге; между тем в ударяемом *н'* мягкое сохраняется: *деревен', бан'*. Слово *петля* образует в род. не только *петель*, но и *петел*.

Слова на *-а* имеют исконно подвижные и неподвижные в отношении к ударению основы. Подвижность зависит от того, что некоторые из окончаний имели длительную долготу, перетягивавшую на себя ударение с предшествующей краткой или прерывисто-долгой гласной. Такими окончаниями были *-ā* им. ед., *-āmъ*, *āmî*, *āхъ* в дат., твор., местн., *-ѣ* в местном и отождествившем свое окончание с ним дат.; кроме того, перетягивали на себя ударение (под влиянием разных причин) окончания род. ед. *-у* и твор. ед. *-ojǫ* (откуда *oju*, *-oi̯*). Не переносят на себя ударение окончание *-о* (откуда *-и*) в вин. ед., окончания *-у* в им.-вин. мн. и *-ъ* в род. мн. Таким образом, в современном языке только формы вин. ед., им.-вин. мн. в словах с подвижным ударением сохраняют старое место ударения; что до род. мн., то его ударение по общему правилу стоит на старом месте только в словах двусложных, а в трехсложных оно переносится на предпоследний слог (см. ниже). При этих четырех падежных формах мы и приведем основы с подвижным ударением. Впрочем, влияние им.-вин. мн. числа сказалось и на ударении дат., твор., местн.: оно во многих словах переносится с окончания на основу.

Родительный падеж. Исконными окончаниями были *-ы* в положении после твердой согласной и *-ѣ* после мягкой; это последнее окончание уступило место окончанию *-и*, явившемуся в соответствии с *-ы* после твердой согласной. Чередование *бани — банѣ, души — душѣ,* явившееся следствием этого (и закончившееся вытеснением форм *банѣ, душѣ*), вызвало в свое время формы на *-ѣ* и в положении после твердой согласной: *у женѣ, от избѣ;* до сих пор формы на *-е* (из *ѣ*) держатся в говоре лиц, употребляющих литературное наречие: ср. *у Софье, у Лизе* (и у *Лизи*), *у Марье.*

Дательный падеж. Исконными окончаниями были *-ѣ* после твердой согласной и *-и* после мягкой; последнее окончание вытеснено. В именах женского рода на *-ия* так же, как в иностранных словах на *-ия,* держится окончание *-и: к Марии, администрации, агонии.*

Исконно *-ѣ* в дат. ед. не перетягивало на себя ударение, перетянуло оно его на себя под влиянием местного и родительного. Старое место ударения сохранилось в диалектическом, но не чуждом литературному языку произношении: *к сте́не, к зи́ме.*

Винительный падеж. Слова с подвижным ударением по общему правилу сохраняют ударение в форме вин. пад. на основе. При этом видим две группы слов: в первой не допускается ударения на окончании, во второй такое ударение допускается, причем вероятно думать, что перенос ударения на окончание явление новое, вызванное аналогией, влиянием других падежей.

1. *Зи́му, спи́ну, сте́ну, це́ну, го́ру, ко́су, по́ру, во́ду, сре́ду* (день недели), *ду́шу, но́гу, ру́ку, стро́ку, щёку, со́ху, зе́млю*[1], *до́ску,— го́лову, бо́рону, сто́рону, бо́роду, бо́розду, се́реду, же́лезу, по́лосу,— ско́вороду.*

[1] Ударение в рукописи не обозначено. (Ред.)

2. *Гу́бу, и́збу, сто́пу, зо́лу, по́лу, но́ру, о́су, ро́су, бло́ху, кро́ху, зо́рю, ре́ку, тра́ву, ко́зу, сви́нью, се́мью, о́вцу* (я говорю *ре́ку*, могу сказать: *и́збу, зо́лу*, бьют *зорю*, но в остальных случаях имею ударение на окончании).

Слова *нужда́, гряда́, кора́, скала́, смола́, руда́, семья́* известны мне только с ударением на *у* в винительном. Востоков указывает на *ну́жду, гря́ду* и т. д. *Весна* имеет *весну́*, но встречается и *в вёсну.*

Творительный падеж рядом со старым окончанием *-ою, -ею* получил еще в древнерусском языке *-ой, -ей*; в настоящее время эти новые окончания, явившиеся в силу стремления сделать форму твор. пад. равносложною с формами всех остальных падежей, окончательно вытеснили старые, оставшиеся только на письме. Понятно, что наше письменнсе *-ей* изображает ɛi̯, восходящее не к старому -ei̯ (-ei̯u), а к -ɑi̯ из старшего -oi̯ (-oi̯u); *бан'оi̯* (откуда *бан'ɛi̯*) вместо *банеi̯у*, ср. *душоi̯* вместо *душеjу, земл'оi̯* вместо *земл'еi̯у.*

Местный падеж представляет то же окончание, что дат. В словах на *-ия* держится и здесь в книжном языке окончание *-ии: в конференции, аудитории, в Софии.*

Именительный падеж множественного числа и тождественный с ним вин. пад. в основах на твердую согласную сохранили старое окончание *-ы*; ему соответствует окончание *-и* в основах на мягкую согласную: это *-и* заменило под влиянием *-ы* старое окончание *-ѣ*: *земли, души* вместо *землѣ, душѣ* (как звучали эти формы в древнерусском, что видно из памятников и из украинских форм *землі, душі*). Общим, как кажется, правилом можно признать, что окончание *-ы (-и)* в современном языке не имеет на себе ударения; поэтому мы не находим ударения на этом окончании не только в словах со старым подвижным ударением, но также и в тех словах, которые, судя по наконечному ударению вин. падежа, принадлежали к исконно неподвижным по ударению словам. Следовательно, не только в словах, перечисленных выше при вин. ед. числа, как, напр., *го́ры, зе́мли, ро́сы, сви́ньи, ну́жды, ска́лы* и т. д., но также: *лу́ны, у́зды*[1], *слёзы, пи́лы, ску́лы, све́чи, ско́бы, ды́ры, сто́пы, се́рьги, во́жжи, со́пли, но́здри, тю́рьмы*[1], *и́глы, слу́ги, сёстры, со́вы, ме́жи*[1] и т. д. Исключения из общего правила редки; можно указать на несколько слов, уже по самому своему значению чрезвычайно редко употребляющихся во мн. числе, как, напр., *судьбы́* (при *су́дьбы*), *толпы́, парчи́, четверни́, долбни́, клешни́*, далее слова мужеского рода *паши́, ханжи́.* Трехсложные и многосложные слова, переносящие ударение в вин. падеже ед. на первый слог, переносят его также и в им. мн.: *го́ловы, бо́роны, ско́вороды* и т. д.; сюда же употребляющееся только во мн.: *по́хороны* (ср. *похорона́м*). Остальные трехсложные имеют ударение на предпоследнем слоге: *высо́ты, сиро́ты* (но есть и *си́роты*), *тяго́ты, пасти́лы, длинно́ты, седи́ны, стреко́зы.*

Родительный множественного числа в нескольких словах на *-а* с предшествующею мягкою (или отвердевшею) соглас-

---

[1] Ударение в рукописи не обозначено. (Ред.)

ною получает окончание *-ей*. Сюда относятся, во-первых, слова с ударением на окончании, как-то: *свечá* (но и *свеч*), *заря́ (зарéй и зарь?)*, *стезя́*, *межá* (и *меж*), *паша, ханжа, вожжа, парча, клешня, долбня, четверня, ноздря, сопля́;* во-вторых, слова на неударяемое *-а*, которому предшествует группа согласных, как-то: *притча, толща, вéрша, векша, распря, букля, басня, песня, рохля, пéтля (пéтлей* и *пéтель)*, но *капель*; *туфля* образует: *туфлей* и *туфель*. Особо стоят слова, в именительном оканчивающиеся на неударяемое *-а*, а в род. мн. переносящие его на окончание *-ей*; сюда относятся: *тоня (тонéй* и *тонь)*, *дóля (долей* и *доль)*, вероятно, можно предполагать для более древнего языка *тоня́, доля́*; при *пéня* находим *пéней* (но это слово устарело). Слова мужеского рода, как *дядя, юноша, святоша, вельможа*, образуют *дядей, юношей, святошей, вельможей* едва ли не под влиянием слов мужеского рода на *-и, -ей*, как *гости, кони* (впрочем, чаще *вельмож*; также известно *святош*).

Слова на *-ья* имеют в род. мн. *-ей: бадей, свиней, гóстей*. Но слова на *-ия* получают в книжном языке *-ий: мумий, трагедий, келий, оргий*. Слова на *-я* после гласной оканчиваются на *-й: змей, верей, колей, стай*.

Как было указано выше, многие слова имеют в род. мн. беглые гласные *е, о*, отсутствующие в других падежах: *трубок, палок, досóк, рóзог, игор, игол, кукол, чýхон, гривен, поповен, сосен, сотен, княжóн, кóпен, боен, тюрем, тяжеб, свадеб* и т. д.

Как указано выше, слова, на *-ня* с предшествующею согласной имеют в род. мн. окончание *-н* твердое: *сотен, таможен, башен, кухон, барышен, вечерен, спален, боен, обеден, каменоломен*, но известно также произношение с мягким *н* (и мне оно не чуждо): *сотень, башень, вишень, барышень* (**baȓŝɛn̂'**), *сплетень, кухонь*, у Востокова: *каменоломень*. Но при ударении на окончании *-н'* сохраняется: *деревень*.

Относительно ударения род. мн. отметим общее стремление сохранять его на последнем слоге (если ударение в им. ед. на окончании *-а*): *голóв, хлопóт, полóс, сторóн, сирóт, высóт, борóзд, сковорóд*; во многих словах ударение падает при этом на беглую гласную: *овéц, досóк, земéль, судéб*, сюда же *свинéй, семéй* (также: *свúней, сéмей*), *ножóн, княжóн, серёг, сестёр*. Формы на *-ей* имеют ударение на этом окончании, когда в им. оно падает на *-я: ноздрéй, вожжéй, свечéй;* в словах *долéй, тонéй* видим перенос ударения, но, как указано, в древнем языке могло быть *доля́, тоня́*.

Но во многих случаях род. мн. получает ударение им. мн., и это, вероятно, объясняется позднейшим перенесением, зависевшим от того, что в двусложных словах односложная форма род. мн. естественно совпадала по ударению всегда с формой им. мн.: *тю́рем, úгол, úгор, сýдей, гóстей, свúней, сéмей, úкор, сúрот, úзоб* (и *изб*) и т. д. Слово *деревня* имеет в род. мн. *деревéнь* (едва ли не указывающее на параллельную форму *деревня́*). *Похороны — похорóн*.

Д а т е л ь н ы й, т в о р и т е л ь н ы й и м е с т н ы й п а д е ж и множ. ч. представляют старые окончания. В словах с подвижным ударением,

а также с ударением неподвижным на окончаниях, формы названных падежей должны иметь ударение на *а (ам, áми, ах): горáм, ногáми, сторонáх, полосáми, зимáм* и т. д. Но многие слова переносят ударение на тот слог, который имеет ударение в им. мн., очевидно, под влиянием ударения им. мн., что особенно ясно обнаруживается из того, что слова с исконно подвижным ударением, имевшие поэтому ударение в им. мн. не на окончании, сохраняют его в значительном числе слов в названных падежах, между тем как слова с исконно неподвижным ударением на окончаниях, переносившие его в им. мн. с окончания на корень по аналогии, весьма нередко представляют такой же перенос в названных падежах. Таким образом, в словах, переносящих ударение в дат., твор., местн. мн. с окончаний на корень, выясняются две группы: 1) слова, переносящие ударение также и в вин. ед., 2) переносящие ударение только в имен. мн.

К первой группе относятся: *земля, цена, изба, душа, оса, роса, стена, нужда, нора, средá* (день недели), *река, кроха, коза, свинья, семья, овца, спина, сковородá*. Впрочем, я знаю перенос только в *земля, душа, изба, нужда, среда, свинья, семья, овца,* употребляя, впрочем, формы с наконечным ударением после предлога *по* в случаях *по душáм, по средáм, по овцáм.*

Ко второй группе относятся: *вдовá, совá, трубá, женá, пчелá, струнá, скалá, нуждá, звездá, слугá, дугá*. Кроме того: *тюрьмá, иглá, игрá, судья́, избá, икрá, семья́,* переносящие ударение и в род. мн. (см. выше). Далее *сестрá, свинья́* при род. мн. *сестёр, свинéй.*

Как указано выше, перенос ударения в формах дат., твор., местн. вызван влиянием формы им. мн. Замечательно, что старое ударение сохраняется во многих словах исконно подвижных и имеющих ударение не на конце в вин. пад.; таковы: *рука, нога, вода, доска, блоха* и др. Кроме того, старое ударение является в словах, редко вообще употребляющихся во мн., как *луна, узда, скобá, стопа, весна, пилá.* Наконец, еще и в других словах: *слеза, свеча, вожжа, ноздря, сопля, дыра, скула, серьга*. Большинство слов, допускающих перенос ударения в указанных падежах, могут иметь ударение и на окончаниях: часто здесь сказывается книжное влияние; ср. в ***стéнах** замечены трещины,* но в ***стенáх** обители; что творится в их **дýшах**,* но *о **душáх** наших; пойди к **óвцам**, к **овцáм** стада Христóва* и т. п. Замечательно, что **plur. tantum** и употребляемые преимущественно во мн. сохраняют старое ударение: *похоронáм, ноздрям, вожжáм.*

Возможно, впрочем, что ударение *кóзам, слýгам* и т. п. заменило *козáм, слугáм* не под влиянием аналогии, а фонетически; ибо вследствие отпадения *ъ* на *а* получалось такое ударение (нисходящее), которое переносилось на предшествующий слог.

Некоторые слова женского рода на *-ня, -ля* имеют при себе параллельные образования на *н', л': басня* и *баснь* (поэтому и в род. мн. *басен* и *басней*), *песня* и *песнь* (род. мн. *песен* и *песней*), *туфля* и *туфель* (род. мн. *туфель* и *туфлей*), *постель* и редко *постеля* (род. мн. *постель* и *постелей*). При ед. *слюна* является во множ. *слю́ни,* род. мн. *слюнéй.* — При *дырá,* им. мн. *ды́ры* известна также форма *дырья*

по происхождению собирательное (род. мн. *дырьев*). Слово *дядя* под влиянием слов мужеского рода образует во множ. *дядья*, при котором в род. мн. *дядéй, дядьёв*. При им. ед. *курица* во мн. не только *курицы*, но и более обыкновенно *кýры*. При *девчонка* во мн. являются: *девчата* и *девчонята*.

20. Склонение слов на -*о*.

Склонение этих слов обнимает: 1) старые основы на -o, 2) старые основы на -jo, оканчивавшиеся в им. на -je (-е с предшествующею смягченною согласною), 3) старые основы на -os, -es, оканчивавшиеся в им. ед. исконно на -*о*. Что до основ на -jo, то они приняли во всех падежах окончания основ на -*о* на почве русского языка; и в им. пад. старое окончание -*е* сменилось окончанием -*о*; в неударяемых окончаниях это -*о*, как и всякое исконное -*о*, звучит редуцированно, как -*а*; на письме это -*а* по традиции изображается после мягких согласных, а также после отвердевших *ш, ж, ц*, буквой *е*: *сердце, ложе*; традиция до последнего времени поддерживала написания с *е* вместо *о* даже под ударением: *лице, яйце*; равным образом пишется до сих пор *е* (при *ё*) в положении после буквы *ь* для изображения звуков *jo*: *ружье* (и *ружьё*), *мытье* (и *мытьё*). Основы на -os, -es давно уже перешли в склонение основ на -o; *тела, слова, небу, чуду* являются уже в древнейших русских памятниках на месте *тѣлесе, словесе, небеси, чудеси*. Впрочем, во мн. числе под влиянием церковной речи держатся формы, как *чудеса, небеса, словеса* (только с особенным оттенком, о словах высокопарных), *телеса* (в значении тучного, жирного тела).

Слова на -*о* вообще все среднего рода. Мужеского — те слова, которые обозначают: 1) лица мужеского пола, 2) животные, 3) уменьшительные и увеличительные при словах мужеского рода. Ср. *Михайло, Короленко, объедало, подмастерье, жучкó, гнедкó, воронкó; домище, домишко, чиновничишко, воришко, плутишко, сынúшко*. Впрочем, уменьшительные и увеличительные на -*о* могут получать также и средний род: *этакое* **сапожúще**, *небольшое* **топорúшко**. Слова на -*о*, означающие лица мужеского пола, могут переходить в склонение слов на -*а*, заменяя -*о* через -*а* даже в им., или образуя только косвенные падежи по указанному склонению; первый случай видим, напр., в словах, как *верзила, меняла, Михайла*; второй случай имеет место, напр., в именах на -*енко*. Впрочем, правильнее признать, что этот второй случай вызван тем, что имена на -*енко* заимствованы в великорусском языке, а потому сохраняют искусственное свое произношение и нередко совсем не склоняются.

Окончания ед. числа, кроме формы им. пад., тождественны с окончаниями имен мужеского рода на согласную. В им. находим: -*о* (под ударением), -*а* (в неударяемом положении); возможно, что рядом с -*а* надо принимать окончание -ɛ в словах книжного происхождения на -*иɛ*: *знаниɛ, желаниɛ*. В род.: -*а* (под ударением), -*а* (в неударяемом положении). В дат.: -*и*. В вин. те же окончания, что в им.;

в одушевленных мужеского рода обязательно является окончание *-у*, заимствованное из слов женского рода. В твор.: *-ом* (под ударением), *-ам* (в неударяемом положении). В местн.: *-е* (под ударением), -ɛ (не под ударением), а также в словах книжных: *-и*.

Во мн. числе: *-а* (под ударением), *-а*, *-ы*, после мягких согласных *-и* (не под ударением), также *-ja*. В род. мн. является основа без окончания, весьма редко является при этом окончание *-of* (в неударяемом положении *-af*). В дат.: *-ам* (под ударением), *-ам* (в неударяемом положении). В вин. те же окончания, что в имен., но в словах одушевленных является окончание род. мн. В твор.: *-ами* (под ударением), *-ами* (в неударяемом положении). В местн.: *-ах* (под ударением), *-ах* (в неударяемом положении).

Обосложненная вставною гласною *о* или *е* основа является в форме род. пад., не принимающей согласно предыдущему окончания; стечение согласных устраняется вставкой названных гласных, этимологически восходящих, впрочем, в ряде случаев к гласным *ъ* и *ь*; ср. *о*, *е*, восходящие к *ъ*, *ь*, в случаях: *колéц, крылéц, сердец, полотенец, полотен, гумен, писем, брёвен, пятен, суден, окон, сукон, волокон, домишек; о, е* вставлены между согласной и конечными *р, л, н* в случаях, как: *рёбер* (при *рёбр*), *ядер* (и *ядр*), *вёдер, чисел, ремесел, кресел, вёсел, сёдел, зёрен.*

Слова на *-о* имеют или подвижное, или неподвижное ударение. Подвижное ударение находим: во-первых, почти во всех словах, имеющих ударение на окончании *-о* в им. ед. (во мн. ударение переносится на предшествующий слог): *колесó, волокнó, полотнó, ремеслó, кольцó, окнó, зернó, письмó, селó, клеймó, винó, ружьё, плечó, лицó, перó, звенó, крылó, гнездó, числó, жерлó, веслó, сукнó, пятнó, гумнó, бревнó, стеклó, бельмó, тенетó* (слова *житьё, нытьё* и т. п. неподвижны потому, что от них вообще не употребляется множ. число). В слове *лезвеё* ударение переносится не на предпоследний, а на третий от конца слог: *лéзвея*. Во-вторых, в ряде слов с ударением на начальном слоге, причем во мн. числе ударение переносится на окончания: *пúво, прáво, слóво, дéло, тéло, сéно, мы́ло, сúто, мáсло, лéто, пóле, сéрдце, стáдо, чрéво, нéбо (небесá), чу́до (чудесá), прóсо, вóйско, дéрево, зéркало*. При этом отметим: *дéрево* образует не только *деревá*, но и *дерéвья* с ударением на предпоследнем слоге; *óзеро* переносит во мн. ударение на предпоследний слог: *озёра, озёр; кру́жево* переносит ударение на последний слог во мн., но в род. мн. сохраняет его на начальном слоге: *кружевá, кружевáм,* но *кру́жев* (не *кружóв*).

Неподвижно ударение, во-первых, в словах с ударением на серединном слоге: *болóто, полéно, корыто, копыто, окóшко, полотенце, селúшко;* во-вторых, в словах на *-ье* и *-ие* неударяемые: *жалованье, знание, пение, прение;* в-третьих, в словах на *-ко: дрéвко, ушкó, очкó;* в-четвертых, в отдельных словах, как *лы́ко, жáло, я́блоко, сóлнце, прáвило, стойло* (но диалектически: *стоялá*).

Таким образом, видим, что мн. число в значительном количестве слов среднего рода отличается по ударению от ед. числа. В склоне-

ниях слов мужеского и женского рода на согласную, а также в склонении слов на *-а* подвижность ударения в склонении зависела, как мы видели, от того, что ударение (обычно предпоследнего слога) переносилось на окончание, если оно имело гласную с долготою длительною, оставалось на основе, если окончание имело гласную краткую или с долготою прерывистою. Впрочем, в склонении слов на *-а* мы видели перенос ударения с окончания им.-вин. мн. *-ы*, имевшего долготу прерывистую и потому не перетягивавшего на себя ударение с предшествующего слога: *жóны* вместо ожидаемого на основании *женá, женý — жены́*. В склонении слов на *-о* видим, с одной стороны, перенос ударения на окончание *-а: сенá, летá*, при *сéно, лéто;* с другой, перенос ударения с окончания *-а: сёла, чи́сла,* при *селó, числó*. Показания других индоевропейских языков заставляют признать за окончанием *-а* длительную долготу; следовательно, перенос ударения в словах, как *сéно, прóсо* (имевших в предпоследнем слоге гласную прерывисто-долгую или краткую), произошел по той же причине, что и в других случаях, когда длительная долгота окончания перетягивала на себя ударение предшествующего слога (ср. *водá,* при *вóду, вóды; рогá* им. двойственного при *рóга* род.). Поэтому причину оттяжки ударения с окончания им.-вин. мн. *-а* нельзя понять иначе, как результат влияния аналогии. Повидимому, слова среднего рода в им. ед. получили ударение на окончании *-о* под влиянием аналогии со стороны слов женского рода, имевших, как мы знаем, ударение на окончании *-а* (говорю о тех словах, предпоследний слог которых имел краткую или прерывисто-долгую гласную): *селó, перó*, вместо *сéло, пéро*, под влиянием *водá,ногá*; но эти слова женского рода в им.-вин. мн. имели ударение не на окончании, а на основе, что и повело к тому, что такое же ударение получило мн. число слов среднего рода. Влияние слов женского рода на слова среднего рода было тем естественнее, что первоначально им. мн. женского рода оканчивался на -ā (из индоевропейского -ās), т. е. так же, как им. мн. среднего рода: vodá — vóda вело за собой seló — séla (вместо более первоначального sélo — selá). Замечу еще, что исконное ударение на основе сохранили те слова среднего рода, которые редко или совсем не употреблялись во мн.; это доказывает, что самый перенос ударения на окончание в словах среднего рода стоял в зависимости от мн. числа; точнее от совокупного влияния ед. и мн. числа слов женского рода на склонение слов среднего рода; так, мы находим *прóсо, тесто, сено, пиво* (во мн. числе уже под влиянием аналогии являются как новообразования *просá, тестá, сенá*[1], *пивá*). Слова, как *дело, тело, слово*, сохранили ударение на корне потому, что множ. число при них образовывалось от другой основы: *делесá, словесá, телесá*.

Скажем несколько слов об отдельных падежных формах.

Отмечу сначала ряд слов, представляющих разные основы в ед. и мн. числе. Сюда относятся: во-первых, упомянутые уже выше *чудо*

[1] Ударение в рукописи не обозначено. (Ред.)

и *небо*, образующие заимствованные из книжного языка формы *чудеса* и *небеса*; во-вторых, *дéрево, звенó, крыло, колено, полено, перо, шило* образуют *дерéвья* (диалект. *деревá*), *звенья, крылья, коленья* (о дудчатых составах растения или орудия), *поленья, перья, шилья;* по происхождению своему это имена собирательные; раньше они звучали, например, *деревье, перье* и склонялись только в ед. числе: род. *деревья,* дат. *деревью* и т. д.; но фонетическое изменение конечного неударяемого *е* в *а* повело к произношению *дерéвья*; такие формы сближались с формами, как им. мн. *кушанья, платья, одонья, поместья*, и получали вследствие этого значение мн. числа: ср. аналогичный переход *листье, зубье, колье* и т. д. при *листъ, зубъ, колъ* в *листья, зубья, колья*. В-третьих, слово *ухо* образует во мн. *уши* (по происхождению форма двойственного числа); при устаревшем *око* является *очи*, употребляющееся в книжном и церковном языке; слово *колено* имеет при себе (в значении части тела) *колени* (по происхождению форма двойственного числа), но в род. мн. употребляется не только *коленей*, в дат. *коленям* и т. д., но также *колена, колен, коленам*,— последние формы значительно реже; слово *плечо* имеет при себе *плечи*, но в род. мн. *плеч* (форма, ведущая к им. мн. *плéча*). В-четвертых, при ед. *судно* во мн. является *суда*, род. *судóв* (что ведет к форме ед. числа мужеского рода *суд*).

Винительный единственного. Как указано, слова мужеского рода на *-о*, обозначающие всегда одушевленный предмет, получают в вин. ед. или окончание род ед. *-а* под влиянием слов мужеского рода на твердую согласную, где вин. ед. тождествен с род., напр.: *на этого **подмастéрья**, позвать сюда **подмастерья***, или окончание *-у*, заимствованное от мужеских слов на *-а: за **Михайлу**, за этого объедалу*. Впрочем, последняя замена стоит в связи с переходом слов на *-о* в склонение слов на *-а*.

Местный единственного. Слова на *-ье* имеют в местн. ед. два окончания: *-е* и *-и*: *на жалованье, в пенье, при рукобитье* и рядом *на жалованьи, в пеньи, при рукобитьи*. Представляется более обычным употребление *-и* именно в словах на *-анье, -енье*, причем возможно, что здесь сказалось влияние слов на *-ание, -ение*, правильно употребляющих в местном окончание *-и*. Мне лично свойственны формы, как — *на жалованьи, в селеньи, при катаньи*, но я говорю — *в пенье, при рукобитье*. Многие не различают звуков і и ε (из *е*, *ѣ*) в таком положении.

Именительный множественного. Отметим, во-первых, что все слова мужеского рода имеют окончание *-ы* (после мягких согласных *-и*): *подмастерьи, объедалы, сапожищи, домúшки*. Во-вторых, по общему вообще правилу все слова с неподвижным ударением (т. е. не оттягивающие его в форме им. мн. с окончания и не переносящие его, напротив, в этой форме на окончание) имеют в им. мн. окончания *-ы (-и)* вместо *-а*; поэтому от *дно — дны*, от *очкó — очкú, ушкó — ушкú, судно — судны, лыко — лыки, веко — веки, дрéвко — древки, яблоко — яблоки*; также *колéчки, сердечки, пёрушки, окошки, крылышки*; почти все приведенные примеры имеют перед окончанием

-о звук *к*. В этих словах укоренилось *-и* вследствие того, что предшествующая окончанию мягкая согласная препятствовала вытеснению этого окончания через *-а*, перед которым согласная была твердая. После других согласных окончание *-ы* (напр. *железы, жалы, солнцы, полотенцы* и др.) легко вытеснялось окончанием *-а* частью в живом произношении, частью только на письме: *болота, копыта, правила*; вытеснению способствовало то обстоятельство, что в род. мн. являются формы не на *-ов*, а формы без окончаний, устанавливающие связь соответствующих слов со словами среднего рода, как *мест, лет, гнёзд* и т. д. В им. мн. *-ья* решительно держится окончание *-а*, быть может, под влиянием того, что такое окончание известно и в мужеском роде, причем окончание *-а (деревья)* при *-ов (деревьев)* находило себе соответствие как в тождественных образованиях мужеского рода *(листья — листьев)*, так и вообще в том обстоятельстве, что, напр., при *городов, домов, лесов* и т. п. известны формы им. мн. *города, дома, леса*.

Родительный множественного. Обычны формы без окончания. Слова на *-ье* (т. е. -i̯ɛ и -i̯o) оканчиваются при этом на -i̯, а перед -i̯ является гласная *е* (ср. *е* в случаях, как *писем, ядер*, см. выше); так, находим при *ружьё — ру́жей, ко́пей*. Точно так же слова на *-ие* оканчиваются в род. мн. на *-ий: желаний, сидений, селений*. Некоторые слова на *-ье* имеют окончание *-ьев: кушаньев, вареньев, устьев, одоньев, платьев, поместьев;* это окончание перенесено, по-видимому, из таких случаев, как *деревья — деревьев, перья — перьев* и т. д.; здесь подобное склонение, как мы видели, возникло под влиянием мужеского рода, т. е. таких случаев, как *листья — листьев, колья — кольев*.— Окончание *-ов* проникло в некоторые слова среднего рода с постоянным окончанием *-и, -ы: днов, очков, ушков, яблоков* (но рядом и *яблок, очок;* также *суден, лык, окошек, древок, крылышек, колечек*). — Слова мужеского рода на *-о* по общему правилу получают окончание *-ов: подмастерьев, домишков, сынишков, людишков;* впрочем, слова на *-ище* едва ли не сохраняют свои старые формы: от этих *сапожищ*, от таких *каблучищ*.— Слова *море, поле* имеют в род. мн. *морей, полей*, очевидно, под влиянием склонения основ на ĭ; ср. твор. *польми* в старом языке, образованное от такой же основы.

21. Склонение слов среднего рода на *-а*.

Сюда относятся: 1. Слова на *-мя* с основой на *-мен*. 2. Слова на *-я* с основой на *-ят*.

1. Слова *имя, бремя, племя, семя, стремя, пламя, темя, знамя, вымя* образуют падежи ед. и мн. числа от основ *имен-, бремен-* и т. д. Слово *семя* в род. мн. представляет основу *семян-* (ср. основу *имян-* в *имянинник, племян-* в *племянник*); основа *семян-* заменила *семен*, под влиянием *семя*. Сюда же относится *письмена*, употребляющееся только во мн. числе.

Все эти основы представляют в склонении подвижное ударение, а именно оно переносится в формах мн. числа (впрочем, слова *темя*,

вымя и *пламя* мн. числа не образуют): в *имя, бремя, племя, семя, стремя* ударение переносится на окончания мн. числа (*имена́, семена́м, стремена́х);* в *знамя* ударение переносится на предпоследний слог (*знамя — знамёна*, ср. с *о́зеро — озёра*).

Окончания: им.-вин. ед.: *-я*, род.: *-и*, дат.: *-и*,твор.: *-ем*, местн.: *-и;* им. мн.: *-а*, род.: не имеет окончания, дат.: *-ам*, твор.: *-ами*, местн.: *-ах*.

Слово *дитя* образует падежи ед. числа от основы *дитят-*. Сюда же относятся формы мн. числа, как *телята, жеребята, поросята, медвежата, котята* и т. д. (при которых в ед. числе являются: *теленок, жеребенок* и т. д., образования, о которых мы говорили выше).

Ударение во всех этих основах неподвижное.

Окончания в склонении слова *дитя* те же, что в словах на *-мя*, но твор. ед. имеет женское окончание *-ей* вместо свойственного тем словам мужеского окончания *-ем:* им. -вин. *дитя*, род. *дитяти*, дат. *дитяти*, твор. *дитятей*, местн. *дитяти*.

Окончания в склонении *телята* и т. п. те же, что в словах *времена* и т. п. Им.-вин. мн. *телята*, род. *телят*, дат. *телятам*, твор. *телятами*, местн. *телятах*.— Слово *дитя* мн. число образует от основы женского рода на -ĭ: *дети, детéй, дéтям* (реже *детя́м*), *детьми́* (реже *детями*), *дéтях* (реже *детя́х*).

ГЛАВА XIII.

ИМЕННОЕ СКЛОНЕНИЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ.

Формы именного склонения прилагательных употребляются: 1) в притяжательных прилагательных на *-ов, -ин: Петров, отцов, дядин, сестрин, братнин,* 2) в прилагательных-сказуемых. Склоняются, изменяясь по падежам, только притяжательные; прилагательные-сказуемые изменяются только по родам и числам, образуя, впрочем, твор. падеж.

Об основах прилагательных притяжательных. Основы оканчиваются на *-ов*, когда прилагательное образовано от имени существительного, означающего лицо мужеского рода, оканчивающегося на твердую согласную, на мягкую согласную, на *-й*, на *-о*, *-е*: *царёв, Михайлов, Семенов, Андреев, Васильев, Пушкаренков, подмастерьев*. Они оканчиваются на *-ин*, когда образованы от имени, означающего лицо мужеского или женского рода на *-а: Данилин, Фомин, Михайлин, царицын, Софьин, кухаркин*. Впрочем, на *-нин* оканчиваются и некоторые прилагательные от основ мужеского рода на твердую и мягкую согласную: *братнин, мужнин*, заменившие более старые формы *братень, мужень*. Ср. при слове *господь* церковное образование *господень*. По происхождению своему к притяжательным относятся и фамилии на *-ов, -ин: Попов, Бубнов, Кормилицын, Никитин, Княжнин, Солнцев* (предполагает прозвание *Солнце*), *Волков* (от прозв. *Волк*) *Овцын, Свиньин*. Равным образом по происхождению своему сюда относятся имена городов, как *Борисов, Лихвин, Камышин, Ардатов, Кадников*.

Основы притяжательных имеют неподвижное ударение. Обыкновенно оно падает на коренной слог на основах на *-ин*, напр., *сéстрин, жéнин*; но фамильные имена на *-ин* имеют ударение на окончаниях, когда такое ударение падает на том имени, от которого они образованы: *Блохúн*, род. *Блохинá*, *Свиньинá*, (*Óвцын*, потому что *óвцу*). В именах на *-ов* ударение падает или на коренной слог, когда оно произведено от имени с таким ударением, или на суффикс *-ов*, когда произведено от имени с ударением на окончаниях (при этом ударение в прилагательных на *-ов* не переходит на окончания): *Семёнов, Гóрев, Мóрев, Вóлков; Петрóв, Попóв; Иванóв* предполагает *Ивáн — Иванá*. Только притяжательное *Петрóв* в выражениях *до Петровá дни, к Петровý дни* переносит ударение на окончания. Ср. сибирскую фамилию *Петровы́х*. Прилагательные притяжательные сохранили именные окончания только в им. и вин. падежах всех чисел и родов, а также в род. и дат. ед. мужеского рода. Поэтому им. *отцов, отцова, отцово, отцовы;* вин.—*отцов* или *отцова, отцову, отцово, отцовы;* род.— *отцова*, дат.— *отцову*. Все остальные падежи ед. и мн. числа заимствовали свои окончания у местоименного склонения прилагательных мужеского и среднего рода: твор. ед.— *с отцовым*, местн. *в отцовом;* женского рода: род.— *отцовой*, дат., местн.— *отцовой*, твор.— *отцовой (отцовою)*; во мн. числе: род.— *отцовых*, дат.— *отцовым*, твор.— *отцовыми*, местн.— *отцовых*. Притяжательные *божий, вражий* и др. склоняются, как и прочие прилагательные на *-ий*, сохраняя именные окончания только в им. и вин. всех родов и чисел: ср. ***божья воля, божью власть, милость***, но *из **божьего** храма*. Притяжательное *господень* сохраняет церковнославянское склонение, являясь, очевидно, книжным заимствованием: *о гробе **господне**, от руки **господни**;* но во мн. исключительно неименные образования. Кроме род. ***Петровá** дни*, дат. ***Петровý** дни* сохранился и местн. *о **Петровé** дни*.

Существительные, являющиеся по своему происхождению прилагательными притяжательными, а именно фамилии, склоняются так же, как эти прилагательные, с тем лишь отличием, что в местн. мужеского рода имеют окончание *-е: Попов*, род. *Попова*, дат. *Попову*, местн.— *в Попове;* им.— *Попова*, вин.— *Попову;* мн.: *Поповы;* в твор.—*Поповым;* в женском роде: род.— *Ивановой*, дат., твор., местн.— *Ивановой;* во мн. ч.: род., местн.— *Ивановых*, дат.— *Ивановым*, твор.—*Ивановыми*.

Названия городов, стоящие в сознании говорящих в прямой связи с тем или другим именем, склоняются так же, как фамилии: *Романов, Борисов, Юрьев, Царицын*, имеют именные окончания во всем склонении (ед. число), кроме, однако, твор. пад.: *с Романовым, с Царицыным*. Лишь только такая связь утрачена, именное окончание является и в твор. пад.: *под Кашином, с Киевом, с Ростовом, с Гдовом*. Понятно, что тут неизбежны колебания: *с Лихвином* и *с Лихвиным*. Имена городов на *-ск*, представляющиеся по происхождению краткой формой прилагательных, склоняются по именному склонению: *Петровск, Петровска, с Петровском, в Петровске* (в народном языке сохраняются и формы *с Петровским, в Петровском*).

Совершенно единично прилагательное *третей, третья*, представляющее краткую именную форму при полной местоименной *третий*. Употребляется в выражении *сам-третей, сама-третья*. Таковы же прилагательные: *друг (сам-друг), четвёрт, пят, шост, сём*.

Прилагательные-сказуемые отличаются от прилагательных, склоняющихся по местоименному склонению, тем, что представляют в мужеском роде основу, а в женском, среднем и во мн. числе основу, обосложненную соответствующими окончаниями *-а, -о, -ы*. Основа мужеского рода отличается в ряде слов от основ женского, среднего рода и мн. числа вставкой беглых гласных *о, е*, из которых часть соответствует исконным *ъ, ь*, а часть вставлена позже или по причинам фонетическим, или под влиянием аналогии. Ограничусь некоторыми примерами для *о, е* в основах мужеского рода, отсутствующих в основах женского, среднего рода и мн. числа; *о* восходит к *ъ*, напр., в *зол, ловок, крепок, низок; е* восходит к *ь*, напр., в *болен, славен, силен, горек*. Не восходят к *ъ, ь*, напр., *о, е* в сочетаниях *оло, ере: полон, долог, черен; е* в сочетаниях *ер, ел: остёр, тёпел; о* в сочетании *ов: резов*. В соответствии с дифтонгом *-ой-* находим в мужеском роде *-ое: спокоен*, а в книжном слове *достоин* сочетание *-ои-*.

Одни основы прилагательных-сказуемых и только что указанных прилагательных порядковых имеют ударение неподвижное на основе, напр., *рад, виноват, спокоен, краток, богат;* другие имеют неподвижное ударение на окончаниях (а в мужеском роде, понятно, на основе): *мал, бел, сер, мёртв, гол, синь, добр, остёр, хитёр, полон, умён, высок, грешен, горяч, силён, хорош, широк*,— напр., *мала, мало, малы*.

Третьи основы имеют подвижное ударение: в мужеском, среднем роде и во мн. числе ударение падает на основу, а в женском роде на окончание: *нов, прав, груб, глуп, слаб, мил, цел, хил, дик, горд, скор, спор, стар, строг, сыт, твёрд, свят, густ, прост, бос, кос, пуст, наг, туг, глух, плох, сух, крут, худ, прям, нем, туп, скуп, слеп, крив, жив, тих, тощ, чист, зрел, смел, спел, черств, пьян, дряхл, нагл, подл, тускл, бодр, быстр, мудр, храбр, ветх, велик, глубок, далёк, виден, крепок, долог, весел, дёшев, зёлен, голоден, холоден, молод, холост*.

В некоторых случаях видим колебание, а именно там, где ударение склоняемого прилагательного падает на основу: *пьяно, ново, старо, велико, глубоко, далеко, голодно, холодно*. Обратно: *сильно, высоко, широко, мало, полно*.

Причастия страдательные на *-н, -т* относятся сюда же. С неподвижным ударением: *брошен, отпущен, оставлен, расчищен, завален, задет, убит, обут, дан (дано), несён, повелено*.

С подвижным ударением: *привит, взят, начат, заперт, отперт, отпит, прожит, проклят, пролит; отдан, признан, продан*. Следовательно: *привито, привиты*, но *привита; отдано, отданы*, но *отдана*.

Как сказано, прилагательные-сказуемые изменяются только по родам. Но они образуют также твор. пад. в ед. на *-ым, -ой*, во мн.

на *-ыми:* быть ***сытым, проклятым;*** *он стал* ***весёлым,*** *она была всегда* ***весёлой,*** *он сделался* ***неподвижным,*** *они становились* ***нетерпимыми.*** В старинном языке держался едва ли не до последнего времени дат. на *-у: быть* ***бодру, любиму, весе́лу.***

Причастия прош. вр. на *-л* (получившие значение прош. вр.) изменяются также только по родам; во мн. числе они имеют окончание *-и: был, была́, бы́ло, бы́ли; берёг, берегла́, берегли́.*

ГЛАВА XIV.

МЕСТОИМЕНИЯ.

Склоняемые местоимения делятся на пять групп: 1) местоимения личные 1-го и 2-го лица и возвратное, 2) местоимения *кто, никто, некто; что, ничто, нечто,* 3) местоимение 3-го лица: *он,* 4) местоимения, не получающие в им. пад. мужеского рода особого окончания, 5) местоимения, получающие в им. пад. мужеского рода окончание *-ой.*

1. Местоимение 1-го лица: ед. числа *я,* вин. и род. *меня* (заменило более древнее мене), *мне, мной, мне;* мн. *мы,* вин. и род. *нас, нам, нами, нас.*

Местоимение 2-го лица: ед. числа *ты,* вин. и род. *тебя* (вместо тебе), *тебе, тобой, тебе;* мн. *вы,* вин. и род. *вас, вам, вами, вас.*

Форма *те* в *«я те дам»* заменила старшее *ти* под влиянием *тебе.*

Возвратное местоимение: вин. и род. *себя* (вместо себе), *себе, собой, себе.*

Форма *ся* находится только в соединении с глаголом; *ся* под ударением: *взялся́, дрался́, родился́; ся* неударяемое после согласных: *берёгся, бойся, назвался, нашёлся, отрёкся;* после гласных является *-с (сь): остаюсь, прячусь, родила́сь.*

Местоимения 1-го и 2-го лица изменяются по падежам и числам, не по родам, а возвратное местоимение только по падежам.

2. Вопросительное и относительное *кто* из древнего къ-то представляет в падежах основу *ко-.* Изменяется только по падежам; относится только к лицам, безразлично какого рода и числа. Склонение: *кто,* род. и вин. *кого* (произносится *ково*), *кому, кем* (заменило более древнее цѣмь из **кої мь* с обосложненною основой *кої̯-*), *ком.* Определительное *никто* склоняется так же. Определительное *некто* в формах склонения получает образования, стоящие в связи с формой им. *некой (некий)*; что до отрицательных *нѣ кого, нѣ кому, нѣ кѣм, нѣ о ком* (мы пишем *некого*[1] и т. д.), то при них не употребляется именительная форма.

Вопросительное и относительное *что* из древнего чь-то представляет в падежах основу *че-.* Изменяется только по падежам; относится только к предметам, безразлично какого рода и в каком числе.

---

[1] Т. е. такие написания (с *е,* не с *ѣ*) принадлежали уже старой орфографической системе, до ее реформы в 1918 г. (Ред.)

Склонение: *что*, род. и вин. *чего* (произн. *чево*), *чему*, *чем* (заменило более древнее чимь из **кеі̯мь* с обосложненною основою *кеі*-), *чём*. Определительное *ничто́* склоняется так же. Определительное *нечто* не склоняется; что до отрицательных *нѣ чего, нѣ чему, нѣ чѣм, нѣ о чём* (мы пишем *нечего*[1] и т. д.), то при них не употребляется именит. форма.

3. Местоимение 3-го лица представляет две основы: *он*- только в им. пад. всех трех родов и обоих чисел: *он, она, оно*, мн. для всех родов *они*: эта основа не проникла даже в вин. пад. среднего рода, который вообще и в именах и в местоимениях тождествен с имен. падежом. Вместо *они* употребляется также для всех родов форма *оне* (моему употреблению она чужда). Различие, рекомендуемое грамматиками: *они* для мужеского и среднего рода, *оне (онѣ)* для женского[2], искусственное и не оправдывается историей языка. Окончание *-е* в *оне* ср. в *те, все*. Прочие падежи образуются от основы *je-*, являющейся в твор. ед. и во множ. числе в виде *ји*- (из *jeі̯*-, представляющегося обосложнением основы *je*-); в мужеском и среднем роде: род. и вин. *его* (произн. *јево*), дат. *ему*, твор. *им* (произн. *јим*), предл. *о нём* (с вставным между основой и предлогом *н*); в женском роде основа *jeі̯*-: род. и вин. *её* (форма *ея́* книжная и употребляется вообще только на письме, вторгаясь, впрочем, и в живую речь под влиянием школьной грамматики[3]; *её* заменило древнее еѣ), дат. *ей*, твор. *ей (ею)*, предл. *о ней*; во мн. числе для всех родов[4]: род. и вин. *их* (произн. *јих*), дат. *им (јим)*, твор. *ими (јими)*, предл. *о них*. Формы с начальным *н* известны не только в предложном, но также во всех других падежах, как только они употребляются после предлогов: *с неё, от него, к нему, к ней, с ним, с нею, с них, к ним, с ними*.

4. Местоимения, изменяющиеся по родам и числам и не получающие особого окончания в мужеском роде, по значению своему распадаются на притяжательные, указательные, определительные, вопросительные.

Притяжательные. При *я* является *мой* с основой *мой*- (*моі̯*-): в женском роде *моя*, в среднем *моё*, во мн. *мои* для всех родов. Склоняется так: *мой*, род. и вин. *моего*, вин. *мой*, дат. *моему*, твор. *моим*, предл. о *моём*; *моя*, род. *моей*, вин. *мою*, дат. *моей*, твор. *моей* (*моею*), предл. о *моей*; *моё*, род. *моего*, вин. *моё*, дат. *моему*, твор. *моим*, предл. о *моём*; мн. *мои*, вин. и род. *моих*, вин. *мои*, дат. *моих*, твор. *моими*, предл. о *моих*. Так же склоняются *твой*, являющееся при *ты*, *свой* при возвратном *себя*. При *мы* притяжатель-

---

[1] Т. е. такие написания (с *е*, не с *ѣ*) принадлежали уже старой орфографической системе, до ее реформы в 1918 г. (Ред.)

[2] Имеются в виду написания названной формы по старой орфографии. Реформой орфографии 1918 г. узаконено одно написание *они* как для мужского и среднего, так и для женского рода. (Ред.)

[3] Реформою орфографии 1918 г. написание *ея* было упразднено и заменено отвечающим произношению вариантом *ее*. (Ред.)

[4] В рукописи, очевидно, по описке,— «чисел». (Ред.)

ное *наш, наше, наше*; склоняется, как *мой*, но ударение удерживаст на основе. При *вы* является *ваш*. При *их* находим *ихний*, не получившее полного права гражданства в литер. речи (еще менее употребительно в этой речи *и́хой*).

Указательные. *Тот, та, то*; форма им. мужеского рода представляет сложение старой формы тъ с основой *то-*; от этой основы образованы все остальные падежи; в твор. ед. мужеского рода и во всем множ. числе основа является в осложненном виде *те-* (из toi̯-); осложненная основа (toi̯-) является также в склонении женского рода, но сохраняется здесь как toi̯- в положении перед гласными окончаниями; в женском роде необосложненную основу представляет только вин. падеж: *ту*. Склонение: *тот*, род. и вин. *того*, вин. *тот*, дат. *тому*, твор. *тем*, предл. о *том*. Женск.: *та*, вин. *ту*, род. *той*, дат. *той*, твор. *той* (*тою*), предл. о *той*. Средн.: *то*, вин. *то*, род. *того* и т. д., как в мужеском. Мн. для всех родов: *те, тех, тем, теми, о тех*.

Указательное *тако́в* изменяется только по родам и числам: *тако́в, такова́, таково́, таковы́*; по падежам изменяется *таково́й, -а́я, -о́е*.

Указательное *этот* склоняется как *тот*, но ударение удерживает всегда на *э*; во мн. *эти, этих, этим, этими, этих*. *Сей* устарело; сохраняется в нескольких выражениях: *на сей раз, сию минуту, сегодня, от сих до сих*. В склонении различаются следующие образования: им.-вин. *сей, сия, сию, сиё, сии;* основа *се-* только в мужеском и среднем роде: *сего, сему, о сём;* основа *си-* (из *cei̯-*) в твор. ед. и во мн.: *сим, сих, сим, сими, сих;* основа *cei̯-* в женском роде: род. *сей*, дат. *сей*, твор. *сей* (*сею*), предл. *сей*.

Определительные. *Весь, вся, всё;* от основы vьs'ā- еще только в женском роде *всю* и мн. *вѣ* (по форме вин. мн.). Остальные падежи: от основы *вѣ-* (из vьsoi̯-); таковы твор. ед. *всем* и все косвенные падежи мн. числа: *всех, всем, всеми, всех;* от основы *всей-* (vьsei̯-) косвенные падежи женского рода: род. *всей*, дат. *всей*, твор. *всей* (*всею*), местн. *всей*; от основы *все-*: *всего, всему, о всём*.

Сам, сама́, само́; мн. *са́ми*; от основы *самā-* только вин. женского рода *саму́* (редко употреб.). От основы *само-*: род. *самого́*, дат. *самому*, предл. *о самом*; от основы *сами-*, заменившей *самѣ-* (из samoi̯-): твор. *сами́м*, род. мн. *сами́х*, дат. *сами́м*, твор. *сами́ми*, предл. *о сами́х*. От основы *самой-* (samoi̯-) с гласными окончаниями: род. и вин. *самоē* (вместо стар. самоѣ), вин. *само́ю*, дат. *само́й*, твор. *само́й* (*само́ю*), предл. *о самой*.

Некой сохраняет отчасти старое склонение: мужеский и средний род: *некоего, некоему, о некоем, но с некиим* вместо *с некоим*. В женском роде *некая* вместо старшего *некоя, некую* вместо *некою*; род. *некоей*, дат. *некоей*, твор. *некоей (некоею)*, предл. *о некоей;* также во мн.: *некие, некиих, некиим, некиими, о некиих*.

Несложное *кой* (на *кой* чорт) употребляется редко: *коего, коему, о коем*, твор. *с коим;* мн. *кои, коих* и пр. В женском роде ед. число не употребляется.

Чей, чия, чиё. В мужеском роде *чьегó, чьемý, чьим, о чьём.* В женском роде *чьей* и т. д. Во мн.: *чьи, чьих, чьим, чьими, о чьих.*

Каков, каковá, каковó, каковы́. По падежам не изменяется. Рядом склоняемое *каковóй.* Так же: *одинаков, одинакова, одинаково, одинаковы.*

Всяк употребляется только в им. ед. мужеского рода; *всяко* — это наречие (напр., *всяко бывает*).

5. Местоимения, склоняемые как прилагательные. В только что рассмотренной группе ударение переносится на окончания (кроме *кой, некой*); в этой же группе ударение на окончания не переносится. Одни из таких местоимений имеют ударение на окончании основы, другие на коренной ее части. К первым относятся: *такóй, какóй, таковóй, каковóй, другóй, никакóй, сякой* (употребляется только в им. мужеского рода).

Ко вторым: *каждый* (новообразование вместо къжьдо), *оный, который, никоторый, самый, некоторый, всякой* (пишется *всякий*), *одинаковый.*

ГЛАВА XV.

ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ.

Различаются два склонения. В первом окончаниями являются в им. падежах ед. числа: *-ой, -ая, -ое.* Во втором: *-ий, -ја, -је.* Об изменении этих окончаний им. падежа и о прочих окончаниях скажу ниже.

По происхождению своему местоименное склонение прилагательных (об именном мы говорили выше) есть сложное склонение. Некогда в сложном склонении склонялись обе части сложения: самое прилагательное по именному склонению и присоединенное к нему относительное местоимение (основа јо-). Но в большей части падежей старое склонение систематически вытеснено новыми формами, заимствованными из склонения местоимений. Старые формы сохранились в им. и вин. падежах ед. числа: *добрый* (из *добръ-јі*), *добрая* (*добра-ја*), *доброе* (*добро-је*); вин. женского рода *добрую* (*добру-ју*); им. мн. *добрые* (т. е. *добры-јѣ,* по форме вин. мн.). Об им. формах второго склонения (*лисий, лисья, лисье*) скажу ниже. Кроме того, старые формы сохранились (со стяжением двух гласных окончания первой части сложения и начала второй) в твор. ед.: *добрым* (вместо *добры-имь*, а это еще в общеславянскую эпоху вместо *добромь-имь*) и во мн. числе: *добрых* (вместо *добры-ихъ* из *добръ-ихъ*), *добрым* (из *добрыимъ,* вместо *добромъ-имъ*), *добрыми* (из *добрыими*), *добрых* (из *добрыихъ,* вместо *добрѣхъ-ихъ*). Остальные падежи представляют новообразования: род. *доброго* вместо *добраго* (а это из *добраего*), дат. *доброму* вместо *добруму* (а это из *добру-ему*), местн. *добром* вместо *добрѣмь* (а это из *добрѣемь*), род. женского *доброй* вместо *добрыѣ* (из более древнего *добрыеѣ*), дат. и местн. женского *доброй* вместо *добрѣи* (из более древнего *добрѣей*). Форма твор. пад. женского рода *доброю* (откуда позже *доброй*) может быть признана старой формой, ибо уже в старом языке *доброю-ею* заменено было

через *доброю*. На появление новых форм повлияло склонение местоимений, напр., *того, тому, самого, всего* и т. д.

Первое склонение. В состав его вошли: 1) основы на *-о*, склонявшиеся по сложному склонению, 2) основы на *-jo*, склонявшиеся по тому же склонению. Ударение может падать или на коренную часть основы: *стáрый, бéлый, крýглый, гóлый, весёлый, богáтый, сúльный*, или на окончание основы: *босóй, живóй, морскóй*.

Об окончаниях замечу следующее. Окончанием им. ед. является *-ой*, вытеснившее старое *-ый* фонетически как в ударяемом, так и в неударяемом слоге; современное правописание требует сохранения *-ый* в неударяемом положении и замены его через *-ой* в ударяемом; основанием для этого является историческая традиция, до сравнительно недавнего времени удерживавшая *-ый* также под ударением (*вторы́й, слепы́й*). В силу той же традиции, а частью и искусственного правила грамматики, после *к, г, х* пишется *и* вместо *о* в неударяемом положении: *пегий, строгий, крепкий, тугоухий;* между тем мы произносим здесь тот же звук, что в *добрый, старый*. Это не звук *ы*, а звук, изображавшийся нами в отделе фонетики через *ɑ*; он явился на месте *о* в результате его редукции в неударяемом положении. Из основ на твердую согласную *-ой* передалось и в основы на мягкую согласную: вместо *чужий, синий, горячий* явились *чужой, *синёй, *горячёй;* понятно, что в неударяемых слогах *о* редуцировалось и после мягкой согласной перешло в ɛ, откуда *i* или почти *i*; наше *синий, горячий* не тождественно поэтому с древнерусскими *синий, горячий*, а, как указано, ведет к формам *синёй, горячёй*. После отвердевших согласных вместо ɛ, *i* такого происхождения является *ы*: *свежый, пригожый, похожый*.

В род. ед. мужеского рода является под ударением *-óва*, в неударяемых слогах *-ава* (после твердых согласных) и *-ɛва* (после мягких): *худова, добрава, син'ɛва*. На письме *-ова* изображается через *-ого* (*худого*), а *-ава* и *-ɛва* через *-аго*, *-яго* (*добраго, синяго*)[1]. Написания *-аго*, господствовавшие лет двадцать пять тому назад и при ударении на предпоследнем слоге, объясняются книжною традицией, сохранившею церковнославянские написания; что до окончания *-го* вместо произносящегося *-ва*, то и здесь имеем дело с книжною традицией, поддерживавшеюся тем обстоятельством, что значительное число русских говоров (украинских, белорусских, южновеликорусских), между прочим и некоторые северновеликорусские говоры, удерживали в этом окончании старое γ, h; переход *-оγо* в *-ово* можно считать великорусским явлением по преимуществу.

В дат. пад. находим *-óму* под ударением, *-аму*, *-ɛму* в неударяемых слогах: *худóму, добраму, синɛму;* в местном *-óм* под ударением, *-ам, -ɛм* в неударяемых слогах: *худóм, добрам, син'ɛм;* в твор. *-ым* после твердых согласных, *-им* после мягких: *худы́м, дóбрым, сúним*.

---

[1] Имеются в виду соответственные написания по старой орфографии. (Р е д.)

В им. ед. женского рода под ударением *-áä* (пишется *-áя*), а в неударяемых слогах *-aä* после твердых согласных (пишется *-ая*), *-εä*, *-iä* после мягких согласных (пишется *-яя*): *худая, добрая, синяя.*

В вин. ед. женского рода под ударением -ŭi̯u (пишется *-у́ю*): *худу́ю;* что же касается неударямых слогов, то господствующим в московском произношении окончанием является -ai̯u (после твердых согласных), -εi̯u, ii̯u после мягких согласных, но известно также окончание -ui̯u (вместо чего после мягких согласных -ŭi̯u или почти ŭi̯u), на письме только *-ую*: *добрую, синюю.* Окончание -ai̯u, -εi̯u заменило -ui̯u на почве грамматической аналогии; *a*, ε проникло из прочих падежей ед. числа: род. *добрай*, дат., местн., твор. *добрай.* Это видно из древнего языка, представлявшего и на письме формы вин. ед., как милою, больною и т. п. Ближайшим образом влияние могло быть оказано формой род. падежа, которая совпадала с вин. в личных местоимениях женского рода: *её* при *ею*, передаваясь и в указательные и определительные: *тоё и тою, всеё* и *всею, самоё* и *самою.*

Форма род. ед. женского рода на *-ói̯* под ударением (пишется *ой*), *-ai̯* (после твердой согл.), *-εi̯* (после мягкой) в неударяемых слогах произошла из двух более древних форм *-yi̯* и *-oi̯*, которые в свою очередь заменили на почве грамматической аналогии *-yѣ*, *-oѣ*; а именно здесь сказалось влияние других падежей — дат. и твор., имевших более краткое окончание, чем род.; то же влияние еще раньше повело к переходу окончания твор. ед. *-oi̯u* в *-oi̯*. Окончание *-yѣ* это остаток сложного склонения прилагательных: *xudýѣ, s'íniѣ* (вместо *síńѣѣ* под влиянием грамматической аналогии); окончание *-oѣ* явилось под влиянием местоименного склонения *xúdoѣ, síneѣ*; ср. сказанное выше о замене окончаний сложного склонения окончаниями склонения местоименного.

Об окончании твор. женского рода -oi̯ (*-ai̯*, *-εi̯* и *-ii̯*) сказано выше; старые формы *-ói̯u*, *-ai̯u*, *-εi̯u* едва ли известны в живом употреблении. В дат. и местн. находим *-ói̯* при *-ai̯*, *-εi̯* и *-ii̯* в неударяемом положении.

Во множ. числе окончанием им. пад. является *-yi*, после мягких согласных *-ii*: xudyi, śińii; эти окончания восходят фонетически к *-yѣ*, *-iѣ*, так как *ѣ* в неударяемом положении может переходить в *i* (напр., *колѣни, двѣсти*); возможно, впрочем, что *-yi*, *-ii* заменили непосредственное *-yε*, *-iε*, причем ε на месте *ѣ* в неударяемом положении. На письме удерживается *-ые*, *-ие*, что́ указывает на старшие *-ыѣ*, *-иѣ*. Формы *-ыѣ*, *-иѣ* (вместо *-ѣѣ*) представляются по своему происхождению формами имен. и вин. мн. женского рода и формами вин. мн. мужеского рода; эта форма вытеснила как старое окончание имен. мн. м. рода *-ии* (худии, добрии), так и окончание им.-вин. мн. среднего рода -ꙗ (худаꙗ, добраꙗ); вытеснение всех форм одною общею стоит в связи с общим совпадением форм всех трех родов во мн. числе; ср. то же в местоимениях. В нескольких книжных выражениях удерживается окончание им.-вин. мн. *-ая*, напр., *во вся тяжкая.*

В род.-местн. общим окончанием для всех родов является *-ых*, после мягких согласных *-их*: *худых*, *синих*. В дат. мн. *-ым*, *-им*: *худым*, *синим*. В твор. мн. *-ыми*, *-ими*: *худыми*, *синими*.

Отмечу здесь ряд прилагательных, получивших значение существительных, но не утративших своего старого склонения: *Верный* (название города), *сотской* (пишется *сотский*), *прохожай* (пишется *прохожий*), *лешай* (пишется *леший*), *лесничей* (пишется *лесничий*); в женском роде *горничная, столовая, передняя, гостиная*; в среднем роде *жаркое, пирожное, мороженое, Бологое*.

Второе склонение обнимает старые основы на *ii̯o*; звук *i* был в общеславянском языке в таком положении полукратким, а потому подлежал в позднейшее время выпадению. Сложное склонение представляло первоначально такие окончания: им. ед. lišĭi̯iĭ, lišĭi̯ai̯a, lišĭi̯ei̯e, вин. женского lišii̯ui̯u; род. lišii̯aho (из lišĭi̯a-eho), lišĭi̯ѣѣ; дат. lišii̯umu, lišii̯iĭ; твор. lišii̯ii̯imь, lišii̯ei̯u; местн. lišii̯ii̯imь, lišiiĭ; им. мн. lišii̯ii̯i, lišii̯ѣi̯ѣ, lišii̯ai̯a; род. мн. lišĭi̯ii̯ixъ и т. д. В формах им. и вин. пад. ед. числа русский язык получил новообразования; вместо двух тождественных сочетаний i̯ai̯a, i̯ei̯e, i̯ii̯i, i̯ѣi̯ѣ явилось одно i̯a, i̯e, i̯i, i̯ѣ: *li*ši̯a, *li*ši̯e, *li*ši̯i, *li*ši̯ѣ; это вызвало новообразование и в им. ед. мужеского рода: вместо lišii̯iĭ здесь явилось lišiĭ. Также: *козий, медвежий, человечий, божий*, вместо *козьий, медвежьий, человечьий, божьий*. В остальных падежах видим те же окончания, что в первом склонении. Фонетически lišiĭ, откуда lišii̯, должно было измениться в lišei̯; наше lišii̯, вероятно, непосредственно заменяет lišei̯.

ГЛАВА XVI.

ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ.

Склонение числительных количественных должно быть рассматриваемо особо ввиду некоторых явлений, свойственных только этому склонению. Впрочем, мы видим здесь вообще смешение склонений, свойственных существительным и местоимениям. Одни числительные склоняются как существительные, другие склоняются как местоимения, образуя некоторые формы по именному склонению.

1. Как существительные, склоняются все вообще числительные, оканчивающиеся на мягкую согласную, как *пять, шесть, десять*, *одиннадцать, двадцать, тридцать* и т. д. Они склоняются только в ед. числе, как имена женского рода на мягкую согласную (напр., *кость*), отступая только тем, что здесь (исключая, впрочем, те, которые оканчиваются на *-надцать*) переносится ударение на окончание: *пять*, род., дат., местн. *пяти*, твор. *пятью́*, *тридцати́*, *тридцатью́*; между тем имена женского рода, как мы видели, переносят ударение на окончание только в местн. ед. после предлогов *на, в*. Старое ударение сохранилось в твор. пад., употребленном как наречие: *пятью-пять, во́семью-восемь*. В склонении *восемь* является вставная гласная в формах им. и твор : *восемь, восемью*.

В сложных *пятьдесят, шестьдесят, семьдесят, восемьдесят* склоняются обе части сложения: *пятидесяти, шестьюдесятью, семьюдесятью, восьмидесяти.* Впрочем, в твор. пад. известны и новообразования, как *пятидесятью, семидесятью.* Очевидно, в сознании говорящих утрачено представление о том, что *-десят* это форма род. мн.; но замечательно, что в им. пад. держится твердая согласная, причем, следовательно, старая форма род. мн. не отождествлена с им. ед. — В сложениях, как *пятьсот — девятьсот,* точно так же склоняются обе части; форма род. мн. *сот* держится только в им. пад. (и, конечно, также в род.).

Сорок склонялось некогда как существительное мужеского рода на *-о,* но теперь сохранилась только одна форма род. ед. *сорока́,* которая получила функции всех остальных падежей; мы говорим: *от **сорока** рублей, к **сорока** рублям, с **сорока** рублями, в **сорока** рублях,* равным образом — *по **сорока** рублей.*

Девяносто в нашем языке во всех падежах звучит одинаково; но в косвенных падежах наше d'ɛv́ênósta восходит, вероятно, к форме *девяноста,* ср. выше *сорока* и ниже *ста.*

Сто является формой им. и вин. пад., в других падежах — одна общая форма *ста,* заменившая древние *сту* (дат.), *сте* (местн.), *стом* (твор.); ср. *от **ста** рублей, к **ста** рублям, в **ста** рублях.* Дат. *сту,* напр. *по **сту** рублей,* моему словоупотреблению чуждо, я говорю *по **ста** рублей,* ср. *по **сорока*** (и *по **сто,*** ср. *по **сорок***).

В *пять сот, шесть сот* и т. д. сохраняется, впрочем, только в формах им. и вин., форма род. мн. от *сто.* В других падежах склоняются одновременно обе части сложения: *от пяти сот, к пяти стам, в пяти стах, пятью стами, о пяти стах.*

Тысяча склоняется как существительное женского рода: *тысячу, от тысячи, к тысяче, в тысяче*; но в твор. — *тысячью,* как от основы на -ĭ; ввиду этого возможно, что и в дат.-местн. существует форма *тысячи,* а не *тысяче.* Быть может, *тысячи* только в сложении с существительным: *о тысячи рублях, к тысячи рублям,* но об этой *тысяче,* к той *тысяче.*

Сто, двести, триста, пятьсот и т. д. *тысяч* в косвенных падежах склоняют все части сложения: *со ста тысячами, в ста тысячах, в трех стах тысячах, с тремя стами тысячами, о пяти стах тысячах, в четырех стах тысячах.* Возможно, впрочем, и сохранение *тысяч* род. мн. без изменения, напр., *в пяти стах тысяч* экземпляров, *на пяти стах тысяч* рублей; мне, однако, такое словоупотребление не свойственно.

Миллион склоняется как существительное мужеского рода.

Существительное *пол* можно рассматривать как числительное. Подобно числительным *сорок, сто* слово *пол* для всех косвенных падежей образует одну форму *полу́. Пол* употребляется в сложениях как с существительными, так и с числительными. В соединениях с существительными находим в им. пад. ед. числа и им. или *пол-* или *полу-: пол-* в редких случаях, как *полдень, полночь*; *полу-* в остальных: *полустанок, полушинок, полукруг, полуостров*; в косвенных

падежах и в тех и в других случаях только *полу-*; итак, с одной стороны: *к полудню, от полуночи, с полуднем,* с другой стороны: *на полуострове* и т. д. Кроме того, известны и такие соединения, где за *пол-* следует существительное в род. пад. ед. числа: *полгода, полминуты*; склоняются обе части таких сложений: *к полугодам, с полуминутами.* — *Полтора*, т. е. полъ тора, в женском роде *полторы* — образуют: *полу́тора* (так во всех косвенных падежах: *к полутора годам, в полутора верстах*); в старом языке было бы *к полутору году, в полуторе версте.*

В *полтора, полторы* видим во второй части сложения старые формы порядкового числительного *второй*, а именно формы именного склонения. Такое склонение имели некогда и другие порядковые; в современном языке они сохранились только в им. пад. ед. мужеского рода в соединении с предшествующим *сам-: сам-друг, сам-четверт, сам-шост* и т. д. Едва ли известны в обычном языке соответствующие формы женского рода: *она явилась сам-шост, пшеница уродилась сам-пят*, а не *сама-шеста, сама-пята.* При *третий* именной формой является *третей* в выражении *сам-третей.*

2. Числительные *один, два, оба, три, четыре* склоняются как местоимения. *Один* образует падежи как *тот*, но вместо *е* имеет в окончании основы в соответствующих падежах *и: одного, одному* — *одним, один, одних* и т. д. Что до форм *одне, однех,* которые школьная грамматика рекомендует как формы женского рода[1], то в живом языке они употребляются вместо *один, одних* без отношения к роду. В моем словоупотреблении *одне* является только при женском роде (непоследовательно) под влиянием школьной грамматики.

Два в мужеском и среднем роде, *две* в женском образуют остальные падежи от основы *дву-*, причем в твор. падеже имеется окончание *-мя,* отсутствующее у местоимений (диалектически известны: *имя, темя*): *двух, двум, двумя.*

Так же склоняется *три*, образующее падежи от основы *тре-: трёх, тремя. Четыре* образует падежи от старой основы на -ĭ, являющейся в закрытых слогах в виде *четыре-*, а в открытых в виде *четыр-: четырём, четырёх* при *четырьмя.*

Оба образует падежи от основы *обойи-; обо́их, обоим, обоими.* В женском роде *обе* — от основы *обейи-: обеих, обеим.*

Двое, трое, четверо, пятеро, шестеро, семеро и более редкие *во́сьмеро, девятеро, десятеро* склоняются только во множ.: *двойх, семерых, пятерым.* В твор. мн.: *двоими, троими (четверыми, пятерыми* и т. д. чужды моему словоупотреблению). *Двое, трое, четверо* и т. д. употребляются также в соединении с именами, знающими только мн. число: *двое ворот, к двоим воротам, двое саней, на двоих санях* (но также *к двум воротам, на двух санях, трем воротам).*

Порядковые числительные *первый, второй, третий, четвертый, сороковой* и т. д. склоняются как прилагательные.

---

[1] Реформою орфографии 1918 г. эти формы изъяты из практики письма. (Ред.)

ГЛАВА XVII.

СПРЯЖЕНИЕ.

В отделе, посвященном глаголу, необходимо рассмотреть, во-первых, глаголы в собственном смысле, во-вторых, спрягаемые имена прилагательные и причастия, в-третьих, склоняемые глагольные имена с атрибутивным значением (причастия), в-четвертых, несклоняемые глагольные имена с неатрибутивным значением (инфинитив), в-пятых, глагольные наречия (деепричастия). Все эти слова объединяются частью тем, что образуются посредством определенных окончаний от общей основы (глаголы, причастия спрягаемые и склоняемые, деепричастия, инфинитивы), частью тем, что изменяются по общим всем им категориям, чуждым другим частям речи (категории времени, залога и вида объединяют глаголы, причастия, деепричастия; категории залога и вида объединяют с указанными формами и инфинитив; категории лица и времени объединяют глаголы, спрягаемые имена прилагательные и причастия). Признав категорию лица наиболее характерною при определении глагола, ибо она неотъемлема от собственно глагольных (не именных) образований, мы называем изменение глагола по лицам спряжением. Сообразно с этим рассмотренные выше слова распадаются на две группы: а) слова спрягаемые (сюда относятся глаголы в собственном смысле, а также несклоняемые имена и причастия), б) слова неспрягаемые (инфинитив; причастия склоняемые и деепричастия). Сначала остановлюсь на спряжении, т. е. на изменении слов по категории лица; затем перейду к изменению спрягаемых слов по другим глагольным категориям; наконец, займусь неспрягаемыми глагольными словами.

В русском языке различаются, как это было видно и при обзоре местоимений, три лица: первое лицо, обозначающее лицо (или индивидуализированный предмет), ведущее речь от себя; второе — обозначающее лицо (или индивидуализированный предмет), к которому обращена речь; третье — обозначающее лицо или предмет, о котором идет речь. То обстоятельство, что речь может вестись не только одним лицом, но и несколькими, причем она может быть обращена не только к одному, но и к нескольким лицам, является основанием тому, что 1-е лицо определяется или как 1-е лицо ед. числа, или как 1-е лицо мн. числа, и так же определяются 2-е лицо ед. и 2-е лицо мн. числа. Лицо говорящее так же, как лицо, к которому обращена речь, может быть мужеского или женского рода; сообразно с этим 1-е лицо может быть 1-м лицом мужеского или женского рода, 2-е лицо 2-м лицом мужеского или женского рода. Равным образом предметом речи может быть не только один предмет, но и несколько предметов, поэтому при 3-м лице ед. числа является и 3-е лицо мн. числа. Предмет, о котором идет речь, может принадлежать к одному из трех родов: мужескому, женскому или среднему; сообразно с этим 3-е лицо ед. и мн. числа может быть 3-м лицом ед. числа мужеского рода, 3-м лицом ед. ч. женского рода, 3-м лицом ед. числа среднего рода, 3-м лицом мн. числа мужеского рода и т. д.

Теоретически возможны еще и другие определения для всех трех лиц; так, возможно определение лица еще и двойственным числом, а именно речь может вестись от имени двух лиц, может быть обращена к двум лицам и может идти о двух лицах или предметах; во всех этих случаях возникало бы представление о 1-м, 2-м, и 3-м лице двойственного числа. Но современному русскому языку чужда категория двойственного числа в именах; понятно, что ее нет (она не сохранилась) и в глаголах. Относительно различения рода (мужеского, женского и среднего) в лицах отметим, что категория рода возникла собственно в именах и притом путем грамматическим, формальным (а не реальным, ибо, напр., к мужескому и женскому роду принадлежат слова, которые обозначают такие предметы, которые по реальному своему значению не могут быть отнесены ни к тому, ни к другому роду). Вследствие этого проникновение родовых различий в категорию лица глаголов могло произойти только под влиянием имен; в русском языке это влияние сказалось только на спрягаемых именах и причастиях. Как мы знаем, русский язык во мн. числе частью утратил совсем (в именах атрибутивных), частью утрачивает постепенно (в именах существительных) различия родовые; вследствие этого и в спрягаемых именах родовые различия наблюдаются только в ед., но не во мн. числе.

Из сказанного ясно вытекает необходимость рассмотреть отдельно спряжение глагола от спряжения имен и причастий.

1. В спряжении (изменении по категории лица) глаголов различаются шесть лиц: три лица ед. числа и три лица мн. числа. Различия эти образуются особыми окончаниями. Окончаниями 1-го лица ед. числа являются *-у (несу, прошу, гор'у, играју)*, а в некоторых редких глаголах *-м (ем, дам)*. Окончанием 2-го лица ед. числа является *-шь (берёшь, ходишь, играјешь, ешь, дашь)*, а для повелительного наклонения *-и*, которое в неударяемом положении переходит в *-й* после гласной и вообще отпадает после согласной *(неси́, проси́, дай, устрой, вынь, брось, режь, ляг)*, сохраняясь, однако, после группы согласных: *почисти, отсохни, тресни*, а также в сложенных с *вы-*: *вынеси, вырази;* в глаголе *есть* окончанием 2-го лица и повел. накл. является *-ш (ешь)*. Окончанием 3-го лица ед. числа является *-т (плетёт, водит, сядет, даст, ест)* и архаическое *-т'* в *есть, бог* **весть.** Окончанием 1-го лица мн. числа служит *-м (гребём, носим, знаjем, едим, дадим, даjом*, повел. накл. *идём)*. Окончанием 2-го лица мн. является *-те (стережете, хвалите, даjоте, поспеjете;* повел. накл. *идите, хвалите, дайте, выньте, лягте)*. Окончанием 3-го лица мн. является *-т (несут, носят, горят, строят, спят, хотят, тревожат)*. Способы присоединения указанных окончаний в основном будут рассмотрены ниже при обзоре спряжения глагольных основ. Здесь отметим, что указанные окончания свойственны только настоящему и будущему времени, а также повелительному наклонению.

2. В спряжении имен прилагательных и причастий различаются десять лиц: семь для ед. числа и три для мн., причем в ед. числе три лица мужеского рода, три лица женского рода и одно (3-е) лицо

среднего рода. Различия между этими формами образуются посредством присоединения к прилагательным и причастным формам восьми местоименных форм (*я* для мужеского и женского, *ты* для мужеского и женского, *он, она, оно, мы, вы, они):* 1-е лицо мужеского *я весел, я был,* 1-е лицо женского рода *я рада, я ходила,* 2-е лицо мужеского *ты стар, ты носил,* 2-е лицо женского рода *ты молода, ты играла;* 3-е лицо мужеского *он прост, он собрал,* 3-е лицо женского *она бедна, она ушла,* 3-е лицо среднего *оно хорошо, оно упало,* 1-е лицо мн. *мы обижены, мы упали,* 2-е лицо мн. *вы виноваты, вы устали,* 3-е лицо мн. *они счастливы, они отказали.* Повторим сказанное выше при обзоре местоимений: *они* употребляется безразлично для мужеского и женского рода; вместо *они* известно также *оне* также для мужеского и женского рода; различение *они* и *оне* как формы мужеского и женского рода искусственно и не оправдывается ни историей, ни современным употреблением. Понятно, что вместо местоимения 3-го лица *он, она, оно, они* может быть употреблено имя существительное: *женщина вышла, дети веселы.*

Рассматриваемое спряжение распадается на два резко друг от друга отличных отдела. К первому принадлежит спряжение причастия на *-л: я был, ты крала, оно прошло* и т. д. Формы на *-л* в настоящее время утратили свое первоначальное причастное значение прош. вр. и употребляются только как спрягаемые формы прош. вр. Ко второму отделу принадлежит спряжение всех остальных причастий (на *-т, -м, -н),* а также и прилагательных. Формальным отличием спряжения второго отдела от первого является следующее: окончанием мн. числа в первом отделе служит *-и: были, ходили, ели, несли,* между тем как во втором отделе таким окончанием является *-ы: веселы, биты, любимы, брошены (-и* является только в простор.: *ради, виновати, квити).* Относящиеся ко второму отделу спрягаемые слова изменяются, в противоположность причастиям на *-л,* по временам; простое соединение их с указанными выше местоимениями, а также с существительными обозначает настоящее время: *я молода, женщина убита, солдат ранен;* но соединение их с формами прошедшего или будущего времени вспомогательных глаголов (о них скажем ниже) служит для выражения этих двух времен, напр., *я был весел, она была рада, мы будем довольны, они будут брошены, они бывали неисправны* и т. п. В подобных сложных образованиях вместо формы на согласную в мужеском роде, на *-а* в женском, на *-о* в среднем, на *-ы* во мн. числе употребляются не после вспомогательного глагола *был; буду* и формы на *-ым* в мужеском роде, *-ой* в женском, *-ым* в среднем *-ыми* во мн. числе; по происхождению своему это формы твор. пад.: *я стал веселым, она бывала веселой, небо стало пасмурным, он сделался серьезным.* Равным образом при помощи вспомогательных глаголов образуются этими спрягаемыми именами наклонения повелительное и сослагательное: *будь весела, было бы скучно.*

В целом ряде глаголов окончание 3-го лица ед. числа *-т* в настоящем и будущем времени не вносит в глагольную форму категории лица: эти глагольные формы хотя и говорят о том или другом дей-

ствии или состоянии, но не содержат указания на то, чтобы это действие или состояние производилось определенным субъектом. Ср. безличные глаголы, как *шумит, морозит, меня тошнит, чешется, думается*. Аналогично с этим окончание *-о* в форме прошедшего времени не вносит категории лица, напр., в формах, как *морозило, рассвело, чесалось, думалось*. И точно так же безлично употребляются именные формы (причастия и прилагательные) на *-о: здесь весело, мне тошно, ему больно*.

От этих безличных форм отличается употребление 3-го лица мн. глаголов и причастий на *-л* без определенно выраженного субъекта; при безличных глаголах субъект не только не выражен определенно, он даже не подразумевается, между тем при формах 3-го лица мн. (на *-ут, -ат* и *-ли)* субъект подразумевается и притом во мн. числе: *пишут, говорят, твердили, смеялись* (подразумевается: *люди*).

Форма повел. накл. на *-и* (или на согласную, за которой отпало *-и*), при употреблении с существительным или местоимением 3-го лица или местоимением 1-го лица, утрачивает значение 2-го лица и получает значение 3-го лица или 1-го лица условного наклонения: ***приди он** раньше, **знай я** это раньше, ничего бы не было; **скажи он** это, было бы все исполнено; **будь он** посмелее, его бы не тронули; **вспомни я** раньше об этом, все было бы хорошо; **будь я** там, этого бы не случилось; **будь мы** там.* Также реже при 1-м и 2-м лице мн.: ***будь мы, будь вы.*** Отмечу еще употребление формы повел. на *-и* в значении 3-го лица ед. повел. накл.: ***помилуй бог, помоги** ему **бог, провались он** на месте* (также и во мн. ***провались они** все*), ***пропадай** моя **головушка, сохрани** его **господь.***

1. Категория времени.

Глагол и прочие спрягаемые слова посредством тех или иных формальных средств образуют различные времена. Действие или состояние предмета представляется или продолжающимся в настоящем времени, или относящимся к прошедшему времени, или, наконец, относящимся к будущему времени. Наст. вр. глаголов определяется теми личными окончаниями, которые рассмотрены выше: *иду, хожу, просишь, видим, даёте, носят, ем, едим*. Наст. вр. прочих спрягаемых слов определяется отсутствием вспомогательного глагола при спрягаемом слове: *они веселы, он убит, он задушен, он тронут, она ранена, книга найдена* (наст. вр., состоящее из причастия совершенного вида, в противоположность другим формам наст. вр. можно определить как наст. вр. совершенного вида). Прош. вр. глаголов образуют формы спрягаемого причастия на *-л*: *он был, он убил, она пришла, она веселилась*. Прош. вр. прочих спрягаемых слов определяется наличностью при спрягаемом слове вспомогательных глаголов в прош. вр.: *она была рада, они были удивлены, они были тронуты*. (Прошедшее время от глаголов совершенного вида, а также от спрягаемых причастий совершенного вида можно определить как прош. вр. совершен-

ного вида.) Буд. вр. образуется от глаголов двояким способом: или оно по форме основы и по своим окончаниям тождественно с наст. вр. (будущее совершенного вида), напр., *съем, сыграет, набросит, залезет, заставим*; или оно представляет соединение инфинитива с вспомогательными глаголами *буду, стану* (будущее несовершенного вида): *буду играть, стану сказывать*, причем это образование возможно только от тех глаголов, основа которых не имеет значения совершенного вида (нельзя сказать *буду поиграть, будет сказать*). Буд. вр. прочих спрягаемых слов определяется наличностью при спрягаемом слове вспомогательных глаголов в буд. вр.: *я буду полезен, я буду избит, она станет сильной*. (Соединение с причастием совершенного вида образует будущее совершенное.)

Наст. вр. от глаголов совершенного вида имеет не только значение будущего совершенного, но также и наст. вр. при рассказе о часто повторяющихся событиях: *он встанет, оденется и выйдет в сад погулять, походит по дорожкам и вернется домой.*

Таким образом, если примем во внимание обнаруживающиеся видовые отношения, видим, что в нашем языке различаются следующие шесть времен: настоящее несовершенного и совершенного вида, прошедшее несовершенного и совершенного вида, будущее несовершенного и совершенного вида.

2. Категория наклонения.

Наклонениями называются те различия в глагольных формах, которыми обозначается отношение субъекта к действию или состоянию, выраженному глаголом; действие или состояние может представляться связанным с субъектом непосредственно, в этом случае глагольная спрягаемая форма определяется как изъяв. накл.; действие или состояние может представляться связанным с субъектом только при известном условии или определяться как нечто желаемое: сослаг. накл., наконец, действие или состояние связывается с субъектом только в акте воли говорящего лица: повел. накл. Выражения для сослаг. и повел. накл., равно как и для других наклонений (напр., условного, желательного), могут быть даны разнообразными синтактическими сочетаниями (напр.: *если он скажет, пошел бы ты, да будет, молчать* и т. п.), но в морфологии мы останавливаемся только на тех различиях, которые даны в самой грамматической форме. С этой точки зрения различаем в русском языке только три вышеназванные наклонения. Данное выше определение наклонения исключает возможность признать инфинитив наклонением хотя бы неопределенным: в нем не выражается отношения субъекта к действию или состоянию, выраженному глаголом; поэтому неопределенную форму, представляющуюся простым названием действия или состояния, удобнее назвать иностранным термином инфинитив.

Признаком изъяв. накл. являются наличность в глагольной и вообще спрягаемой форме возможности сочетаться с субъектом в каждом из шести лиц и отсутствие частицы *бы* за формами прошедшего

времени: *я иду, ты несёшь, они хотели, они дадут, они будут сидеть, она молода, она была больна.*

Признаком повелительного наклонения является отсутствие возможности сочетать глагольную форму с 1-м лицом ед. числа и 3-м лицом ед. и мн. числа; обычно она сочетается только со 2-м лицом ед. и мн. числа: *сядь, посиди, проси, будьте любезны, играйте, давайте;* в глаголах совершенного вида, а также определенно-моторных (см. ниже) форма повел. накл. может относиться и к 1-му лицу мн., выражаясь при этом формой 1-го лица мн. наст. вр., но не сочетаясь с местоимением 1-го лица мн.: *идём, бросим, несём, скажем.* Форма *пошол,* не сочетаемая с местоимением 2-го лица ед. или принимающая за собой это местоимение только постпозитивно (***пошёл ты*** *вон*), служит также для выражения повел. накл. Повел. накл. являются и частицы *на, нате.* Особою разновидностью повел. накл. является его предостерегательное значение. Оно образуется двояким способом: во-первых, из соединения отрицания *не* с повел. накл. глагола совершенного вида (который вообще с отрицанием не соединяется): *не потеряй, не усни, не урони, не убейся, не попадись, не упади, не укради, не убей* (из заповедей), *не уколись, не прозевай;* во-вторых, из соединения повел. *смотри, прошу, пожалуйста* с повел. накл. (несовершенного и совершенного вида), сопровождаемых отрицанием: *смотри не вырони, смотри не шали, не откажитесь, прошу вас, смотри не вынь* (несчастливого жребия), *смотри не проиграй, не рассердись пожалуйста.*

Сослаг. накл. (согласно предыдущему, имеющее значение условного и желательного накл.) определяется наличностью частицы *бы* при формах прош. вр. на *-л*: *я бы сел, она хотела бы, они бы вышли, она была бы добрее.* Впрочем, как мы видели, для выражения этого накл. (точнее накл. условного) употребляется и форма 2-го лица ед. повел. накл. в сочетании с 1-м и 3-м лицом ед. числа, реже мн. числа: ***приди он*** *раньше,* ***послушайся я*** *его совета,* ***догадайся я,*** *что это так.*

3. Категория вида.

Видами называются те различия в глагольных образованиях, которыми обозначаются различия в способе прохождения (течения, совершения, выполнения) действия или состояния, выраженного глагольной основой. Учение о значении видов принадлежит отделам грамматики, посвященным синтаксису и семасиологии. Но вопросы об образовании и форме видов рассматриваются в морфологии, причем значение видов затрагивается здесь постольку, поскольку обнаруживается связь между различными значениями и различными формами видов.

В русском глаголе различаются следующие два главные вида: вид несовершенный (имперфективный) и вид совершенный (перфективный). Несовершенный вид означает действие или состояние, длившееся в прошедшем или продолжающееся (не в своем результате, а в самом действии или состоянии) в настоящем или имеющее длиться в будущем:

смотрю, я ходил, буду читать, поговаривают, ты нёс, он бежит. Совершенный вид означает или законченность длительности действия (состояния): *посмотрю, похожу, посидит, побегал* (т. е. длительность была налицо, но говорящий говорит о ней, как о прекратившейся, законченной в прошедшем или будущем); или он обозначает результат действия (состояния) как нечто законченное в прошедшем, настоящем или будущем: *он прибежал, он принёс, он ранен, он наказан; она крикнет, он уйдет.*

В подавляющем большинстве случаев форма совершенного вида отличается от соответствующей формы несовершенного вида; в редких случаях формы совершенного и несовершенного вида совпадают в звуковом отношении. Во всех, однако, случаях формы обоих видов отличаются друг от друга в грамматическом употреблении, а именно: во-первых, форма, имеющая в глаголах несовершенного вида значение наст. вр., в глаголах совершенного вида получает значение буд. вр., напр.: *говорю, наговорю, несу, принесу, смеюсь засмеюсь;* ***доношу*** *начальству,* ***доношу*** *старое платье; она* ***телеграфирует*** *мне сегодня, она* ***телеграфирует*** *мне завтра.* Во-вторых, в глаголах несовершенного вида буд. вр. образуется посредством соединения вспомогательных глаголов *буду, стану* с инфинитивом; в глаголах совершенного вида такое соединение не допускается: *буду говорить, буду слушать;* следовательно, в соединении *буду телеграфировать* глагол несовершенного вида. В-третьих, от глаголов несовершенного вида образуются причастия настоящего времени: *играющий;* от глаголов совершенного вида не может быть образовано причастие на *-щий.* В-четвертых, от глаголов совершенного вида не употребительно причастие наст. страдательного залога, между тем его образуют глаголы несовершенного вида: *любимый, уважаемый, это не* ***произносимо****, он всеми* ***видим****.* В-пятых, повел. накл. совершенного вида по общему правилу не соединяется с отрицанием *не,* а если соединяется (иногда с *смотри, пожалуйста, прошу),* то имеет значение предостерегательное: *не промахнись, смотри не уступи, пожалуйста не отопрись.*

Перехожу к формальным отличиям совершенного вида от несовершенного. Как указано, в подавляющем числе случаев форма совершенного вида глагола отличается от соответствующей формы несовершенного вида. Отличие это выражается или 1) в обосложнении основы несовершенного вида предлогом *браню — побраню, выбраню,* или 2) в самом строении основы. Рассмотрю отдельно тот и другой способ образования совершенного вида.

1. По общему правилу глагол несовершенного вида, сочетаясь с предлогом, переходит в совершенный вид; предлог утрачивает при этом свое реальное значение и указывает только или наступление результата действия, выраженного глаголом, или его окончание, или полноту его проявления, или, наконец, прекращение длительности. Приведу ряд примеров с различными предлогами: *за: забарабанить, зарезать, застрелить, задрожать, задремать; воз: воспылать, вознегодовать; по: полететь, побежать, побрести, повалить, погнать;*

от: отсидеть, отстоять, отпеть; на: напáдать, накурить, написать, напутать; из: испачкать, испортить, истолочь, изжарить; вы: высечь, выкрасить, выругать; про: прогреметь, пробормотать, прождать, прозвучать, проездить; у: украсть; с: сделать, сыграть, снести, слетать, слукавить; раз: разбудить, разбогатеть, развеселить; о, об: остолбенеть, осиротеть; по: повенчать, построить, покраснеть. Для выражения прекращения длительности глагола употребляется предлог *по: поговорйть, поиграть, полечиться, походить, почесаться, поторопиться.*

2. Различие в основах, означающих совершенный и несовершенный вид, образуется разными способами и восходит к разным эпохам. Необходимо иметь в виду следующие четыре группы глаголов совершенного вида: а) несложенные с предлогами основы на согласную и на *-и*, имеющие при себе в несовершенном виде основы на *-а*; б) основы, несложенные с предлогами, при которых исчезли соответствующие основы несовершенного вида; в) несложенные с предлогами основы на *-ну*; г) сложенные с предлогами основы.

1) Число основ, несложенных с предлогами, оканчивающихся на согласную и на *-и* и имеющих значение совершенного вида, весьма ограниченно. Сюда относятся: *дам* (основа *дад-*) при основе *дава-* в несовершенном виде (но в наст. вр. основа *даjо-*), *паду* (основа инфинитива *пад-*) при основе *пáда-* в несовершенном виде (*падаю*); основы на *-и*: *благословлю* при *благословляю* в несовершенном виде, *брошу* при *бросаю* в несовершенном виде, *кончу* при *кончаю, лишу* при *лишаю, пленю* при *пленяю, прощу* при *прощаю, пущу* при *пускаю, рожу* при *рождаю, решу* при *решаю, ступлю* при *ступаю, хвачу* при *хватаю, явлю* при *являю.* Сюда же относится *куплю* при *покупаю* в несовершенном виде. Глагол *хватить* (ударить) не имеет при себе несовершенного вида, но ясна связь его с *хватать.*

2) При *сяду — сесть, лягу — лечь, стану — стать, дену — деть* не известны теперь соответствующие формы несовершенного вида (впрочем, известен инфинитив *девать*), но раньше при них существовали образования, как **сѣдать* (украинск. *сідати*), ** лѣгать, *ставать, * дѣваю.*

3) Несложенные с предлогами основы на *-ну* принадлежат все к совершенному виду, за исключением тех, которые обозначают не активное действие предмета, а пассивное его состояние (как *тонуть, виснуть, киснуть, пухнуть, мокнуть, сохнуть*), а также еще глагола *тянуть.* Соответствующие глаголы несовершенного вида производятся от основы на *-а.* Примеры для глаголов совершенного вида на *-ну*: *зевнуть, крикнуть, шагнуть, чихнуть, ахнуть, хлопнуть, топнуть, резнуть, кольнуть, толкануть, кашлянуть, бацнуть, вернуть, кинуть, минуть.*

4) Глаголы совершенного вида, сложенные с предлогами, сохранившими реальное свое значение, имеют при себе по общему правилу глаголы несовершенного вида, сложенные с теми же предлогами, но образованные от другой основы. При этом различаются две группы: а) основа несовершенного вида не является основой производной от

основы совершенного вида; б) основа несовершенного вида производная от основы совершенного вида.

а) Глаголы несовершенного вида со значением моторным производятся от родственной основы с неопределенно-моторным значением, когда совершенный вид (сложенный с предлогом) содержит основу с соответствующим определенно-моторным значением. Так, при *отнести* является *относить*, ср. *нести — носить;* так же: *завезти — завозить, донести — доносить, залететь — залетать, привести — приводить.* Сложенный с предлогом глагол *лезть*, напр., *залезть, вылезть,* рядом с *лазить — залазить, вылазить* может иметь и образование с производною основой: *залезать, вылезать.* Только с производною основою образует соверш. вид глаголов *плыть, ехать, бежать* соответствующие основы несоверш. вида: *приплыть — приплывать* (не * *приплавать*), *приехать — приезжать* (не * *приездить*), *набежать — набегáть* (не * *набéгать*).

б) Остальные глаголы совершенного вида образуют несовершенный вид от соответствующей производной основы. При этом известны производные основы на *-а*, производные основы на *-ja*, производные основы на *-ывать, -ивать.* Рассмотрю отдельно все эти производные основы.

Производную основу на *-а* (после гласных на *-ва*) находим от всех глаголов, оканчивающихся в инфинитиве на согласную и на гласную при односложности основы совершенного вида: *прода-ть — продавать; напеть — напевать, нажить — наживать, задуть — задувать, забить — забивать, покрыть — покрывать, обуть — обувать, сознать — сознавать;* также: *отпадать, оседать, отсекать, запасать.* При этом в древнейшем периоде краткие, исконно краткие, гласные в корне подвергались растяжению: *о* переходило в *а*, *е* в *ѣ*, *ъ* в *ы*, *ь* в *и*; в русском языке, в частности в великорусском, такие *а*, *ѣ* заменены были с течением времени под влиянием аналогиии через *о, е* (напр., *погребать* вместо *погрѣбать, налегать, помогать*), но *ы*, *и* на месте старых *ъ*, *ь* сохранились: *умирать* (ср. основу настоящего умьр- в *умру*), *простирать* (наст. прострь- в *простру*), *натирать* (наст. натьр- в *натру*), *считать* (наст. съчьт- в *сочту*), *начинать* (наст. начьн- в *начну*), *пожирать* (наст. пожьр- в *пожру*), *пробирать* (ср. бьр- в пробьрати). Производную основу на *-а* находим (с таким же растяжением исконно кратких гласных) и при глаголах с инфинитивом на *-нуть*: *увянуть — увядать, утонуть — утопать, заснуть — засыпать, закинуть — закидать, передвинуть — передвигать.* Производную основу на *-а* находим в редких случаях при основе наст. вр. на -ej и основе инфинитива на *-а*: *насыплю — насыпáть, обрежу — обрезáть.* Производная основа на *-а* является далее в соответствии с основой на *-и* в совершенном виде в том случае, если в соответствующих глаголах несложенных соверш. и несов. вида известны те же обе основы: *наступить — наступать* (ср. *ступить — ступать*), *запустить — запускать;* сюда же *закупить — закупать* (ср. *купить* совершенного вида, не имеющее, впрочем, при себе *купать*). Производная основа на *-а* является еще в нескольких случаях: *загораться, пригорать, закипать.*

Производную основу на *-ja* находим при основе на *-и* по общему правилу, однако только тогда, когда в основе настоящего времени ударение падает на это *и*: *обвини́шь — обвинять, уснащать, отвращать, наделять, уго́щать, объявлять, отличать, упрощать, устремля́ть, усыплять, укреплять;* также еще и там, где ударение в наст. вр. колеблется, но где в инфинитиве оно падает на *и*: *отуча́ть, умолять, провожать, погружать, выгружать, переменять.* В словах книжных, заимствованных из церковнославянского, образование на *-ja* при основе на *-и*, независимо от ударения основы настоящего и инфинитива, составляет общее правило: *украшать* при *укра́сить, управлять, наставлять, прославлять, приготовлять, отвечать, отправлять, замечать, отмечать.*

Производную основу на *-ыва* с ударением на корне находим в других неотмеченных выше глаголах в положении после твердой согласной. Так, при основе инфинитива на *-ну*: *заглядывать, притискивать* (здесь *и* вместо *ы* после *к*), *запихивать* (то же после *х*), *отстёгивать* (то же после *г*), *затрогивать, подуськивать, проскальзываю, улепётывать, отпрядывать.* При основе инфинитива на *-а* и *-о* с основой настоящего времени на *-je*: *заказывать, срезывать, слизывать, помазывать, отклёвывать, отплёвываться закалывать.* При основе инфинитива на *-а* с основой наст. вр. на *-aje*: *забрасываю, запугиваю, учитываю, отмежовываю, заламываю, упитывать, закусывать, закутывать, зарабатывать.*

Производную основу на *-ива* с ударением на корне находим в положении после мягкой согласной. При основе наст. вр. и инфинитива на *-и*, когда ударение в инфинитиве или наст. вр. (здесь кроме 1-го лица ед.) падает на корень: *расцвечивать, отпячивать, разукрашивать, подзадоривать, унавоживать, условливаться, замораживать, запрашивать, отваживаться, отплачивать, позванивать, отращивать, отсрочивать, замаливать, загораживать, отсвечивать, покучивать, отвинчивать, залечивать, охорашивать, вынашивать, высушивать, выменивать, выучивать, выколачивать, выпиливать, обнаруживать, отшучиваться, озадачивать, обнадёживать, удерживать, открещиваться, усваивать, удваивать.*

При основе наст. вр. на *-jaje*: *увенчивать, замешивать.* При основе наст. на *-и* и основе инфинитива на *-ѣ* (*-а*): *высиживать, полёживать, вылёживаться, просиживать* (несмотря на удар. *просиди́т*), *замалчивать, отстаивать.*

3. Некоторые сравнительно немногочисленные глаголы имеют одну общую форму как для совершенного, так и для несовершенного вида. Сюда относятся глаголы: *женю, крещу, казню, велю, дарую, образую, организую, телеграфирую* и, повидимому, *обещаю.* Глаголы *организую* и *телеграфирую* представляются новообразованиями; *обещаю, дарую, образую, крещу* несомненно слова книжные, заимствованные из церковнославянского; значение слова *женю* дает основание предположить, что и оно такого же происхождения; понятно, что и *казню, велю* можно признать церковнославянизмами. Следовательно, совмещение двух значений видовых имеет место а) в словах, заим-

ствованных из церковнославянского, б) в новообразованиях. Оба видовые значения перенесены из самого церковнославянского языка; здесь, в силу необходимости создавать неологизмы, а другой раз в силу невозможности прибегнуть к новообразованиям, в ряде случаев, как увидим, стирались первоначальные отношения между обоими видами. Быть может, сюда же должно отнести следующие глаголы, в настоящее время известные только со значением совершенного вида, но еще недавно употреблявшиеся и со значением несовершенного вида: *молвлю, раню*. Отдельно стоят русские по форме глаголы *ворочу́* и *полоню́*, известные только в совершенном виде, причем, однако, *ворочу́* употребляется в виде несовершенном, напр., в выражении *он рыло воро́тит*; эти глаголы, в особенности *полоню* (вместо *ворочу́* чаще *возвращу*, *верну*), представляются устаревшими.

Из предыдущего выясняется, что бо́льшая часть глаголов совершенного вида представляет сложение глагола с предлогом. Мы можем указать на сравнительно немного глаголов с основой на согласную и на *-и* в инфинитиве, имеющих значение совершенного вида; возможно, что такое значение они получили позже под влиянием того, что при них были однозначащие глаголы с основой на *-а*, которым было присвоено значение соответствующего несовершенного вида; при этом вероятно думать, что, напр., *явить* при *являть* получило значение совершенного вида вследствие именно того, что рядом с несовершенным *объявлять* (с производной основой) существовало *объявить;* ср. еще *ступить — ступаю* при *наступить — наступаю; купить* совершенного вида под влиянием *накупить — накупаю; родить — рождаю* под влиянием *зародить — зарождаю*. Как мы только что видели, число глаголов, несложенных с предлогами, где значение совершенного вида не связывается с только что указанными условиями, совершенно незначительно (*женю*, *раню* и т. п.). Итак, сложение с предлогом по общему правилу вызывает замену несовершенного вида глагола видом совершенным [1]: *видеть — увидеть, красть — накрасть, бросать — забросать* и т. д. Это общее положение нуждается, однако, в более подробном исследовании, ввиду того, что ряд глаголов, сложенных с предлогами, сохраняет свое первоначальное значение несоверш. вида. Сюда относятся следующие группы глаголов.

Во-первых, те глаголы, сложенные с предлогами и имеющие значение несоверш. вида, которые не имеют при себе простых беспредложных глаголов; эти глаголы рассмотрены выше, причем указано, что они образованы от производной основы при сложенных с теми же предлогами глаголах совершенного вида, образованных от основы непроизводной. Так, находим со значением несовершенного вида: *замечать, забавлять, украшать, угощать, укрощать, заворачивать, заколачивать, разламывать* при отсутствии простых беспредложных **мечать, *ворачивать, * ламывать;* ясно, что перед нами новообразования, явившиеся при глаголах совершенного вида: *заметить, добавить, заколотить* и т. п.

[1] В рукописи: «Замену совершенного вида глаголов видом несовершенным». (Ред.)

Во-вторых, группа глаголов с основой производной на *-а*, сохраняющих значение несовершенного вида в сложении с предлогами, несмотря на наличность при них простого, беспредложного глагола с тою же основой; сюда относятся: *бывать: забываю, отбываю, убываю, добываю* и др. (но в соединении с *по* совершенный вид: *побываю*); *давать: подаю, отдаю, продаю, раздаю* (но в соединении с *на* совершенный вид: *надаю*); *кидать: покидаю* (но в соединении с другими предлогами совершенный вид: *закидаю, накидаю, вы́кидаю*); *девать: одеваю, задеваю, продеваю* (но в соединении с *по: подеваю); пускать* и простор. *пущаю: отпускаю, выпускаю, попускаю, запускаю; рождать: порождать, зарождать; решать: отрешаю; ступать: заступать, отступаю, наступаю, приступаю, выступаю, поступаю; рыгать: изрыгаю, отрыгаю; являть: заявлять, объявлять, изъявляю*. Едва ли может подлежать сомнению, что несовершенный вид в глаголах этой группы сохранялся под влиянием глаголов первой группы; при всех этих глаголах имеются родственные образования совершенного вида в сложениях с теми же предлогами: *забыть, подам, покину, одену, отпущу, зародит, отрешит, наступлю, изрыгнет, изъявлю* и т. д. Глаголы *забывать, подавать, отрешать*, ассоциируясь с *забыть, подать, отрешить*, представлялись такими же производными, как, напр., *затевать* при *затеять, покрывать* при *покрыть, увядать* при *увянуть;* вследствие этого они и получили значение несовершенного вида. Ср., с одной стороны, несовершенный вид в сложениях, как *забываю, падаю, покидаю* при сложных *забуду, подам, покину;* а с другой, совершенный вид в сложениях *побываю, надаю, подеваю, накидаю* ввиду отсутствия сложных **надам*, **подену* и другого значения таких сложных, как *побуду, накину*.

В-третьих, группа глаголов, обозначающих движение, как *ходить, носить, водить, возить, летать*, в сложении с предлогами сохраняют несовершенный вид: *отношу, заношу, завожу, привожу, перелетаю* (но рядом с совершенным видом сложение, как *поношу ребенка по комнате, слетаю в город, схожу за ним*). Сохранение несовершенного вида вызвано здесь тем, что сложенные совершенного вида, как *отнести, завести, привезти, налететь*, получили при себе в качестве несовершенного вида образования, как *относить, заводить, привозить, налетать*,— и это ввиду существования при *нести, везти, вести, лететь* производных основ *носить, возить, водить, летать*. Появление совершенного вида в указанных выше *поносить, слетать, сходить* объясняется тем, что сложенные *понести, слететь, сойти* не ассоциировались с ними по значению. Поэтому ***заносить*** *платье* — совершенного вида (ибо нельзя ***занести*** *платье*), ***заводить*** *кого до усталости* — совершенного вида (ибо ***завести*** имеет другое значение). Сравнивая ударение глаголов *выноси́ть, выводи́ть, выходи́ть, вывози́ть* и глаголов *вы́носить, вы́ходить, вы́возить*, видим, что в несовершенном виде оно непервоначально, ибо по общему закону оно переносится на предлог *вы;* следовательно, это ударение явилось под влиянием производных с ударением на примете *-а;* отсюда видно, что не только *выходить* и т. д., но и *доходить, заводить, привозить*

со значением несовершенного вида надо рассматривать как новообразование.

В-четвертых, ряд глаголов, сложенных с предлогами, сохраняющих несовершенный вид, оказываются заимствованными из церковнославянского языка, где, как указано, были нарушены первоначальные условия различения видов вследствие неологизмов, новых искусственных образований, нарождавшихся при переводе на славянский язык греческих текстов. Ср. с этим аналогичное явление в русском языке, где глагол *выглядеть*, образованный по образцу немецкого языка, сохраняет значение несовершенного вида. Церковнославянские глаголы этого рода или имеют при себе простые беспредложные, или известны только в сложении с предлогами. К первым относятся, например: *предвидеть, провидеть, подлежать, надлежит, принадлежать, прилежать, содержать, отстоять, состоять, предстоять, настоит* нужда, *сожалеть, поносить* (бранить), *предчувствовать, сочувствовать, наследовать, преследовать, разуметь, прообразует*. Ко вторым относятся, напр:. *зависеть, изволить, заимствовать, завидовать, обожать, обуревать, ожидать, опасаться, осязает, поборать, угрожать, поблажать, подобать, подозревать, подражать, подразумевать, отрицать, порицать, созерцать, увещевать, управлять, упражнять, изобиловать, повиноваться, приветствовать, приличествовать* и др.

Сказанное убеждает нас в том, что первоначально все сложенные с предлогами глаголы получали значение совершенного вида. Несовершенный вид в таких глаголах вызывался или необходимостью иметь новообразование несовершенного вида при соответствующем глаголе совершенного вида, или исскуственным подражанием другим языкам — греческому (в церковнославянском), немецкому (глагол *выглядеть* в русском).

Совершенно ясно, что указанное происхождение совершенного вида — путем сложения глагола с предлогом — ведет к следующему положению: совершенный вид образовался не самостоятельно, а путем противоположения сложенного с предлогом глагола простому, беспредложному. Когда в ряде случаев (как *несу — занесу, прошу — попрошу, курю — накурю* и т. п.) возникло соотношение несовершенного вида с совершенным, такое же соотношение переносилось и в другие случаи. А именно, во-первых, сложенные с предлогами глаголы совершенного вида стали нуждаться в соответствующих, содержащих те же предлоги (с определенным реальным значением), глаголах несовершенного вида; для образования их, как мы видели, прибегли к производным основам (*занесу — заношу, упрошу — упрашиваю, закурю — закуриваю*); во-вторых, видовые отношения переносились и в глаголы простые, беспредложные, причем, под влиянием аналогии сложенных с предлогами, несовершенный вид получали из сходных по значению чередующихся между собою основ основы на *-а*, а значение совершенного вида основы на согласную или на *-и* в инфинитиве (так явились: *явить — являю, ступить — ступаю*). Отмечу, напр., что еще недавно *кончиться* употреблялось в несовершенном виде; теперь это только совершенный вид под влиянием глагола *кончаться*.

Также глагол *решить* употреблялся в несовершенном виде. В церковнославянском языке и в образовавшемся под его влиянием книжном русском языке два видовые значения стали различаться и в некоторых единичных глагольных основах (*крещу — крещу, дарую — дарую*).

Из предыдущего следует, что значение совершенного и несовершенного вида соотносительное. Вследствие этого при данном глаголе совершенного вида существует обыкновенно соответствующий глагол несовершенного вида; глагол несовершенного вида обыкновенно имеет при себе соответствующий глагол совершенного вида. Однако из обоих этих положений имеются исключения.

При некоторых глаголах совершенного вида неизвестны соответствующие образования несовершенного вида[1]. Мы видели такие глаголы среди беспредложных. Сюда относятся: *купить* (несовершенный вид при нем *покупать*), *хватить* (в значении ударить), *сесть* (несовершенный вид *садиться*), *лечь* (несовершенный вид *ложиться*), *стать* (в значении сделаться, несовершенный вид *становиться*), *вернуть* (несовершенный вид *возвращать*), *бацнуть, ринуться, хлынуть, грянуть*; далее сюда же относятся теперь: *полонить, воротить, молвить, ранить* (см. выше). Среди глаголов, сложенных с предлогами, не образуют совершенного вида ряд глаголов на *-ся*, по значению своему ассоциирующиеся непосредственно с простыми, беспредложными, так как предлоги в этих глаголах не сохранили своего реального значения (а мы знаем, что новообразования несовершенного вида возникают только при тех сложенных с предлогами глаголах, в которых предлоги сохранили свое реальное значение); так, находим совершенный вид *насидеться, насмотреться, наглядеться, накричаться, наспаться, наволноваться, належаться, докричаться, расплакаться, разговориться, разнежиться, разъехаться* (в значении распасться), *разоспаться, развеселиться;* они относятся к несовершенным: *сидеть, спать, веселиться*. Кроме того, находим: *уснуть, укусить* (при *спать, кусать*), *уронить* (при *ронять*), *положить* (при *класть*).

Укажу теперь на такие глаголы несовершенного вида, которые не образуют при себе вид совершенный. Сюда относятся, во-первых, некоторые несложные глаголы, как *удить, силиться (усилиться?), значить*, книжный глагол *долженствовать*. Во-вторых, ряд сложенных глаголов церковнославянского происхождения: *обожать, полагать, обуревать, ожидать, поблажать* и т. д. (см. перечень таких глаголов выше). В-третьих, глагол *перекоряться*. В-четвертых, несколько глаголов на *-ивать*, как *заискивать, отсвечивать, отцвечивать, ухаживать, охорашиваться*. В-пятых, глаголы, обозначающие действие, сопровождающее другое действие: *приплясываю, подпеваю, припеваючи, присвистывать*. В-шестых, глаголы, обозначающие действие, «сообщающееся разным предметам и простирающееся по пространству» (определение Востокова): *разговариваю, разгуливаю, распеваю, расхаживать*.

---

[1] В рукописи: «Образования совершенного вида». (Ред.)

4. Категория залога.

Формами залога называются те различные произведенные от одного и того же глагола образования, в которых обозначаются различного рода отношения действия или состояния, выраженного глаголом, к его субъекту. Таким образом, под понятие залога подходят те формы, которые может принять тот или иной глагол для выражения указанных отношений. Определение залогов составляет предмет морфологии постольку, поскольку при этом выясняются те формальные средства, к которым для указанной цели прибегает язык.

В русском языке существуют два формальные способа для выражения различий в отношениях действия или состояния, выраженного глаголом, к его субъекту: 1) в причастиях искони различались причастия, произведенные от глаголов, обозначающих действие или состояние, проистекающее от самого субъекта (*уважающий, убежавший, принесший, зеленеющий*), и причастия, произведенные от глаголов, обозначающих действие, переходящее с другого (психологического) субъекта на субъект предиката (*уважаемый, принесенный*); первые из этих причастий принадлежат к действительному залогу, а вторые к страдательному; благодаря употреблению спрягаемых форм причастий страдательного залога для выражения форм времени и наклонения частью в соединении с вспомогательным глаголом, частью самостоятельно, в нашем языке могут быть образованы, напр., от глаголов *уважать, принести*, формы страдательного залога: *я уважаем, я был уважаем, он принесен, был, будет принесен, будь уважаем, был бы принесен, быть уважаемым, принесенным*; они противополагаются формам: я *уважаю, уважал, принес, принесу, уважай* и т. д., которые, таким образом, относятся к действительному залогу; 2) к разным глаголам, выражающим как действия, так и состояния, может присоединиться в русском языке частица *-ся* (по происхождению и по первоначальному значению это возвратное местоимение 3-го лица); прибавление этой частицы вносит различия в основное значение глагола, и большая часть этих различий суть различия залоговые, ибо ими вносится изменение в значение той связи между предикатом и субъектом, которая дана в основном глаголе. В противоположность основным глаголам без *-ся*, относящимся к действительному залогу, глаголы на *-ся* можно определить, как глаголы недействительного залога; но, имея в виду, что одни из них имеют значение страдательного залога, а другие такого значения не имеют, мы эти последние обозначим общим термином — глаголы среднего залога.

Итак, различаем в русском языке следующие залоги:

1. Действительный, обозначающий действие или состояние, проистекающее от самого субъекта, производимое или осуществляемое им: *нести, ходить, глохнуть, богатеть*. Формально этот залог отличается от среднего отсутствием окончания *-ся* в произведенных от соответствующего глагола формах.

2. Страдательный, обозначающий действие, переходящее на субъект предиката с другого (психологического) субъекта. К страдательному

залогу принадлежат причастия наст. вр. на *-м* (*-мый*) и прошедшего времени на *-н* (*-ный*) и *-т* (*-тый*). Спрягаемые формы образуются: а) спрягаемыми формами указанных причастий, причем отчасти при помощи вспомогательных глаголов могут быть выражены все те глагольные категории, которые выражаются и действительным залогом: *я любим, ты разорён, он будет убит, они были бы позваны, будь любим* (повел. накл. вообще редко в подобных образованиях); б) посредством присоединения частицы *-ся* к формам глаголов с переходным значением; наст. вр.: *эта песня* ***распевается*** *нами;* прош. вр.: *книги мною не* ***продавались*** *и не* ***покупались,*** *комната* ***отпиралась*** *подобранным ключом;* сослаг. накл.: *такие продукты* ***вывозились бы*** *на рынок, если бы...;* буд. вр.: *этот человек* ***будет*** *вами* ***цениться;*** причастие: ***предполагающаяся*** *нами постройка*, ***привозившиеся*** *окрестными торговцами товары;* повел. накл. таким способом не образуется; это зависит от того, что вообще формы на *-ся* употребляются только в 3-м лице ед. и мн.; для выражения 1-го и 2-го лица прибегают к первому способу образования страдательного залога. От глаголов совершенного вида может быть образовано вообще только буд. вр., но ни прош. вр. (нельзя сказать: *эти дети полюбились нами*, а в выражении «*полюбились нам*» *полюбились* не страдательный, а средний залог), ни также причастие наст. и прош. вр.: *скатерть зальется чернилами* (но не *залилась чернилами*, а только *была залита чернилами* и не *зальющаяся* или *залившаяся чернилами*).

3. Средний залог, обозначающий, что действие или состояние, выраженное глаголом действительного залога, подверглось тому или иному изменению в отношении его к субъекту, причем это изменение внесено в него частицей *-ся: моется*, *чешется*, *она оделась*, *они бранятся*, *ссорились*, *он учится*, *интересуется*, *снег белеется*, *он плакался*, *стучался*. На значениях, вносимых в действие или состояние глагола, мы остановимся ниже.

Частица *-ся* способствовала сохранению в глаголах среднего залога некоторых форм, исчезнувших в глаголах действительного залога; так, в глаголах на *-ить* деепричастие совершенного вида на *-я* исчезает, но в глаголах на *-иться* сохраняется *-ясь (простив его проступок;* но — *простясь с ним).*

В некоторых случаях средний залог не может быть образован одной частицей *-ся*, а только одновременною приставкою предлога. Сюда относятся глаголы, как *выспаться*, *наговориться*, *расплакаться*, *насидеться* и т. п., обозначающие полноту действия и вызванную ею удовлетворенность субъекта.

Не все глаголы на *-ся* принадлежат к глаголам среднего залога, при многих из них нет соответствующих глаголов действительного залога, причем, следовательно, частица *-ся* не отделима от этих глаголов: *бояться*, *смеяться*, *побираться*, *толпиться*, *осунуться*, *расстаться*, *разъесться*, *належаться*, *напиться*, *дозваться*. В этих глаголах, таким образом, нет формы залога. Отсюда следует, что русские глаголы распадаются на два класса: 1) глаголы, обозначающие зало-

говые различия, 2) глаголы, такого различия не обозначающие; в этом последнем классе одни имеют ту же форму, что глаголы действительного залога, но не могут соединяться с частицей *-ся: идти, долженствовать, телеграфировать, возненавидеть, вознегодовать;* а другие ту же форму, что глаголы среднего залога, но не могут быть отделены от частицы *-ся: бояться, взгромоздиться*. Эти последние глаголы можно обозначить термином отложительные.

5. Прочие значения глагольных основ.

В предыдущих отделах мы имели дело с двумя категориями значений глагольных основ: видовыми и залоговыми. Кроме этих значений, необходимо иметь в виду еще некоторые другие грамматические значения, частью совершенно независимые от рассмотренных, частью однородные с ними. Остановлюсь на некоторых из них.

1. Глаголы могут иметь или переходное значение, или непереходное. Переходными глаголами называются те, которые выражают действие, переходящее с субъекта действия на объект: *он* ***ест*** *грушу, она* ***рвала*** *цветы, они* ***принесли*** *письма*. Непереходными называются остальные глаголы. Переходные глаголы это те, которые могут иметь за собой прямое дополнение в вин. пад. Грамматически переходные глаголы отличаются от непереходных тем, что могут образовывать причастия страдательного залога, а соединяясь с *-ся* давать формы страдательного залога: книга *читается, читана*. Глаголы переходные все принадлежат действительному залогу; между тем непереходные могут быть как стоящими вне залога, так действительного залога и среднего *(ходить, торговаться);* следовательно, глаголы на *-ся* не могут иметь переходного значения, а только непереходное.

2. Глаголы несовершенного вида обозначают вообще действие или состояние, продолжающееся в настоящем или продолжавшееся в прошедшем. Течение такого действия может быть различное. Оно может быть непрерывным, не разлагающимся на отдельные моменты: *говорю, веселюсь, завидую, плету, тону, сижу, просматриваю, съедаю* и т. п.; это значение назовем д л и т е л ь н ы м. Течение действия может быть непрерывным, но при этом указывающим на отдельные неопределенные моменты: *он* ***носит*** *ребенка взад и вперед, он ежедневно* ***носит*** *нам булки, он* ***ходит*** *по комнате, птица* ***летает*** (т. е. имеет свойство летать, или летает в определенном пространстве, но не в определенном направлении; *он уж* ***ходит*** — означает, что он может ходить и двигаться в разных направлениях; *он* ***ходит*** *по комнате* — означает, что двигается по комнате в разных направлениях, быть может, временами и останавливаясь и прерывая движение; *он* ***ездит*** *по этой дороге*, не теперь, не сейчас, а в разное время).

Такое значение, свойственное глаголам движения *(гонять, летать, бегать, ползать, лазить, плавать, ездить, ходить, водить, косить, возить, бродить, катать, таскать)*, назовем н е о п р е д е л е н н о-м о т о р н ы м. Ему противополагается такое значение тех же глаголов движения, которым обозначается, что оно протекает в том или ином

определенном направлении и притом в определенный, данный момент; *он **несет** мне письмо*, *он **вез*** (т. е. в то время он вез) *всю сумму денег*, *он **ехал*** (т. е. именно тогда) *не один* (он *ездил* не один, но в этот раз *ехал* без обычного своего проводника). Значение глаголов *лететь, плыть*, *ехать*, *бежать*, *гнать*, *брести*, *катить*, *тащить*, *идти*, *нести*, *вести*, *везти* назовем определенно-моторным. Заметим, что определенные глаголы движения соотносительны с неопределенными: определенность их значения зависит от наличности при них глаголов со значением неопределенным. Эта соотносительность особенно ярко обнаруживается из того, что некоторые сложенные с предлогами определенные глаголы (получающие при этом значение совершенного вида) образуют при себе соответствующие глаголы несовершенного вида от основы неопределенных глаголов: *довезти — довозить*, *приходить — придти*, *улететь — улетать* (но *ехать* образует несовершенный вид от производной основы *-езжать*, *бежать* от производной основы *-бегáть, ползти* от *-ползáть*, *лезть* от *-лезáть, плыть* от производной основы *-плывать*). Это обстоятельство, как мы уже видели, было причиной того, что соединение неопределенно-моторных с предлогами не изменяет их несовершенного вида в совершенный; основы неопределенно-моторные заменили ожидаемые по общему правилу основы производные. В связи с этим отметим, что соединение их с такими предлогами, с которыми не сочетаются определенно-моторные основы, влечет за собой переход их несовершенного вида в вид совершенный; напр., предлог *по* в соединении с определенно-моторными означает начало действия, выраженного несложенным глаголом: *понести — нести;* между тем тот же предлог в соединении с неопределенно-моторными означает прекращение непрерывного действия, прекращение длительности глаголов: ***поношу*** *ребенка* — ***ношу*** *ребенка;* вследствие этого *понести* и *поносить* не соотносительны между собой; *понести* — совершенный вид при *нести*, а *поносить* — совершенный вид при *носить*. Равным образом предлог *за* в *заездить, забегать, завозить, заводить, заплавать* не сохранил того реального значения, которое имеется, напр., в *заехать, забежать, завезти, завести;* вследствие этого они, будучи совершенного вида, ассоциируются с *ездить, бегать, возить, водить, плавать*, как с глаголами несовершенного вида, между тем как *заехать, забежать* вызывают при себе новообразования *заезжать, забегать*, а *завезти*, *завести* — *завозить, заводить*, в значении несовершенного вида. Отмечу еще одно формальное отличие определенно-моторных как от неопределенно-моторных, так и вообще от длительных: они для обозначения 1-го лица мн. повел. накл. могут употребляться (так же, как глаголы совершенного вида) в форме 1-го лица наст. вр. изъяв. накл.: *несём, едем, идём*. Кроме того, 1-е лицо ед. числа этих глаголов может получить значение будущего времени: *иду, еду, лечу, бегу, несу*.

Глаголы, обозначающие действие или состояние, повторяющееся в настоящем или повторявшееся не раз в прошедшем, определяем в их значении как глаголы многократные: *он к нам **хаживает**,*

владыка ***говаривал,*** *что...*, *я его не* ***видывал,*** *мы здесь отроду не* ***кашивали,*** *он* ***видывал*** *и не такие виды.* Все такие глаголы производятся от производных основ на *-ива, -ыва, -ва,* реже *-ja, -a,* возникающих при основах длительных или неопределенно-моторных: *петь — певать, ходить — хаживать, гостить — гащивать, стоять — стаивать, платить — плачивать, кутить — кучивать, пить — пивать, ездить — езжать, есть — едать.* Ввиду этого ясно, что многократные вообще представляют несложенную с предлогами основу, ибо сложенные с предлогами основы вообще имеют значение длительно-производное; впрочем, от сложенных с предлогами глаголов неопределенно-моторных может быть также произведен соответствующий многократный глагол: *заходить — захаживать, заносить — занашивать (он частенько* ***занашивает*** *к нам письма;* в выражении «*он* ***занашивает*** *свое платье*» глагол имеет значение длительно-производное, ибо при этом имеется в совершенном виде *он* ***заносит*** *свое платье*). Вообще же многократные основы, соединяясь с предлогами, получают значение длительно-комитативных: *певать — припевать,* длительно-дистрибутивных: *говаривать — разговаривать,* длительно-прерывистых: *хаживать — похаживать,* или вообще длительно-производных: *певать — напевать, распевать; кашивать — накашивать; шучивать — вышучивать.* Впрочем, здесь, как и в случаях *принести — приносить,* имеем, собственно, дело не со сложением многократных основ с предлогами, а с совпадением новых производных основ с старыми производными основами, бывшими известными вне сложений. Многократные глаголы имеют чрезвычайно ограниченное употребление; в современном языке они известны почти только в прош. вр.; исключение составляет глагол *хаживаю, захаживаю,* повел. *захаживайте,* инфинитив *захаживать;* не употребляется также причастие наст. вр. и деепричастие.

Глаголы несовершенного вида, произведенные от соответствующих глаголов совершенного вида, сложенных с предлогами, имеют значение длительное; ассоциация их с глаголами совершенного вида вносит, однако, известный оттенок в их значение (значение интенсивной длительности): *наливать, накашивать, направлять, закусывать.* Определяем эти глаголы как длительно-производные. Глаголы, означающие действие, сопровождающее другое действие, сложенные с предлогами *при* и *под*, но не имеющие при себе соответствующего совершенного вида, определяем как глаголы длительно-комитативные: *приплясывать, припеваючи, присвистываючи.* Глаголы, сложенные с предлогом *раз* и обозначающие действие, «сообщающееся разным предметам и простирающееся по пространству» (Востоков), но не имеющие при себе соответствующего совершенного вида, определяем как глаголы длительно-дистрибутивные: *разговариваю, расхаживаю, распеваю.*

Глаголы, обозначающие действие или состояние «учащаемое или перемежающееся» (Востоков) и сложенные с предлогом *по*, определяем как глаголы длительно-прерывистые (Фортунатов: прерывисто-кратные): *посиживаю, они подумывают, он побаливает, покашливает, понашивает.*

Отмечу, что между определенно-моторными и неопределенно-моторными существует отношение, сходное с тем, которое имеется между длительными и многократными. Так, после отрицания *не* определенно-моторные глаголы заменяются неопределенно-моторными; мы говорим: *я не носил, я не ходил сегодня в школу* (между тем: *я иду сегодня в школу,* а не *хожу*); равным образом после отрицания особенно часта замена длительных многократными: *я не кашивал, не видывал* вместо *я никогда не косил, никогда не видел.*

3. Глаголы совершенного вида представляют два основных значения: а) результативное: его имеют почти все глаголы совершенного вида, б) детерминативное (термин Ульянова): оно принадлежит сложениям глаголов длительных с предлогом *по: посидеть, понянчить;* детерминативное значение ограничивает или прекращает длительное значение, данное в простом глаголе. В результативных глаголах выделяются следующие две группы: группа результативных, имеющих при себе соответствующий глагол в несовершенном виде, как *ступить — ступаю, принести — приносить, выхвалить — выхвалять;* группа результативных (а именно сложенных с предлогами), имеющих при себе в несовершенном виде другой глагол (несложенный с предлогами). Этот вид результативных *понести — нести, закричать — кричать* представляется более первоначальным, чем второй вид; мы назовем его поэтому, вслед за Ульяновым и Фортунатовым, результативным 1-го вида; результативность вносится, очевидно, предлогом, вошедшим в сложение, причем предлог не вносит в глагол нового реального значения, указывая только на начало, конец или полноту его проявления; так, начало указывается предлогами *за, по: заговорить* (т. е. начать говорить; рядом *заговорить* кого-нибудь представляет результативный 2-го вида, ср. *заговаривать*), *понести, закричать, забить* (тревогу), *полететь;* конец действия — предлогом *от: оттанцовать, отсидеть, отстоять* (но *отстоять* известно и как результативный 2-го вида, ср. *отстаивать*); полноту проявления действия вносят, напр., предлоги *на, с, про, вы, из, раз: нападать, покормить, написать, сделать, снести, съездить, слетать, сварить, сконфузить, прогреметь, проездить* (весь день), *прослабить, прозвучать, высечь, выругать, выкупать, испачкать, испугать, испортить, исковеркать, истолочь, разбудить, разбогатеть, разгромить, развеселить.* Результативные 2-го вида, как указано, отличаются от результативных 1-го вида тем, что имеют при себе соответствующий глагол несовершенного вида, тождественный с ними по значению: *ступить — ступаю, залить — заливаю;* предлоги в сложенных глаголах этого вида вносят в значение глагола особый реальный оттенок, и потому, не ассоциируясь с простым, беспредложным глаголом, образуют при себе соответствующий глагол в несовершенном виде: *просить — выпросить — выпрашивать; лить — вылить — выливать; лить — полить* (цветы) — *поливать* (цветы).

К результативным значениям относится и то значение, которое определяется, как однократное или моментальное: оно указывает на то, что результат совершился или совершится в один из момен-

тов того действия, которое выражается соответствующим длительным глаголом несовершенного вида. Сюда относятся глаголы *бросить, хватить* (ср. *бросать, хватать*), а также большая часть глаголов на *-нуть*, напр., *крикнуть, дрогнуть, ахнуть*. Это все несложенные с предлогами глаголы. В сложении с предлогом они удерживают свое однократное значение: *вздрогнуть, вскрикнуть*.

Относительно детерминативных надо заметить, что они образуются в результате соединения *по* с глаголами длительного значения. В соединении *по* с определенно-моторными не получается детерминативных: *понести* значит начать нести. Детерминативные в противоположность результативным не вносят в повел. накл. с отрицанием предостерегательного значения: *смотри не донеси, смотри не повенчай*, но нельзя сказать: *смотри не поиграй, не полечи, не помолись*.

4. Различение реальных значений глагола, связанных с его переходностью и непереходностью, не находит себе формального выражения ни в словообразовании, ни в грамматических формах. Впрочем, как указано выше, переходные глаголы, требующие за собой вин. пад. объекта, не могут оканчиваться на *-ся* и в противоположность другим глаголам образуют формы причастий страдательного залога. Замечу еще, что переходные глаголы не имеются в том классе глаголов, которые оканчиваются в основе инфинитива на *-е(-ѣ)*, а в основе наст. вр. на *-eje*; равным образом нет переходных глаголов и в том классе глаголов, которые в основе инфинитива оканчиваются на *-ну*, а прош. вр. образуют от основы на согласную, предшествующую этому *-ну*. Оба эти класса содержат глаголы, обозначающие подвижное состояние предмета: *богатеть, толстеть, краснеть, желтеть* и т. д., т. е. становиться богатым, толстым, красным; сюда же такие глаголы, как *дорожать, крепчать, мельчать*, где *а* вместо *ѣ* после смягченной согласной; *глохнуть (глох), пухнуть (пух), гаснуть (гас), чахнуть (чах), стынул (стыл)*. Такие глаголы мы будем называть глаголами подвижного состояния.

5. Средним залогом, как указано выше, обозначаем ту форму глаголов, которая содержит частицу *-ся*, видоизменившую значение соответствующего простого глагола, образованного без этой частицы; простому глаголу присвоивается таким образом особое залоговое значение действительное. Глаголы среднего залога распадаются на несколько классов по своему формальному значению, причем классы эти частью отражают различия, замечаемые в глаголах действительного залога. Основное различие между глаголами среднего залога зависит от того, произведены ли они от переходных или от непереходных глаголов. Присоединяясь к глаголу переходному, частица *-ся* видоизменяет основное свойство такого глагола, способность переносить его действие на объект; но результаты такого видоизменения могут быть весьма разнообразны; вместе с тем они сводятся к тому, что переходное значение заменяется непереходным, или, пользуясь употребительным в данном случае термином, в о з в р а т н ы м. Присоединяясь к глаголам непереходным, частица *-ся* усиливает значение этого

глагола: мы определим его термином **усилительно-определительное** значение.

Возвратное значение глаголов среднего залога распадается на следующие оттенки: а) возвратно-непереходное значение, когда действие субъекта только обнаруживается, но не переходит ни на объект, ни на субъект: *собака* ***кусается*** (ср. *собака* ***кусает*** *прохожих*), *крапива* ***жжется*** (ср. *крапива* ***жжет*** *мне руки*), *бык* ***бодается,*** *народ* ***строится,*** *ты понапрасну* ***тратишься,*** *она целый день* ***убирается,*** *он* ***просится*** *в город, он* ***бранится,*** *он* ***обещается*** *придти;* б) возвратно-переходное значение, когда действие субъекта переходит на него же, захватывая или часть его (напр., внешность), или его всего, выдвигая его, выставляя его определенным образом: *он моется, я чешусь, ты купаешься, она одевается, завивается, румянится,— он защищается, бросается, кидается, крадется, лошадь плетется, упирается, он носится с мыслью, превозносится, он собирается, готовится, направляется, берется, забывается, занимается, присоединяется, твое отсутствие кидается в глаза.* Глаголы возвратно-переходного значения в ряде случаев совпадают по форме с глаголами страдательного залога: ср. *он моется* и *шерсть моется, он готовится* и *урок готовится, я направляюсь* и *выстрел направляется;* но в форме прош. вр. совершенного вида совпадения нет; ср. возвратно-переходные: *она оделась, вымылась, бросилась;* страдательные: *она была одета, была вымыта, была брошена;* в) возвратно-взаимное, когда действие двух или нескольких субъектов переходит взаимно с одного на другой или когда действие субъекта и объекта взаимно переносится друг на друга: *они познакомились, он встретился с ним, он виделся с ними, они бранились, ссорились, торговались.* Формально глаголы с этим значением отличаются от глаголов возвратно-переходных тем, что по форме не совпадают с страдательным залогом на *-ся;* г) возвратно-общее, когда действие предмета видоизменяет внутреннее состояние субъекта: *радоваться, печалиться, горячиться, веселиться, влюбиться, сердиться, учиться, заботиться, беситься, томиться, хвалиться, обидеться, баловаться, интересоваться, любоваться, решаться, томиться.* Формально и эти глаголы отличаются от возвратно-переходных тем, что не совпадают по форме со страдательным залогом на *-ся.*

Усилительно-определительное значение глаголов среднего залога развивает из себя следующие два оттенка: а) усилительное, когда действие субъекта совершается в его интересах: *плакаться, хвастаться, стучаться, звониться;* б) определительное, когда состояние субъекта ограничивается одним определенным моментом или определенными условиями: *снег белеется, что-то чернеется, вишня краснеется на дереве* (ср. *белеет парус:* продолжительное время, уже давно; *вишня краснеет* — в значении становится красною); сюда же *загораться, загореться.* Как указано выше, глаголы с этим значением производятся от глаголов непереходных, и в этом их отличие от глаголов возвратных, которые все произведены от глаголов переходных.

6. Отложительными глаголами, как указано, называем все те глаголы на *-ся*, которые не имеют при себе простых глаголов и в которых, следовательно, частица *-ся* не вносит значения залога. По значению своему отложительные глаголы близко совпадают с глаголами среднего залога, причем и здесь наблюдаются те самые оттенки, которые мы только что рассмотрели. Так, отложительные *мчаться, побираться, толпиться, осунуться, взгромоздиться* имеют значение, совпадающее со значением возвратно-переходным; *бояться, улыбаться, поститься, чваниться, каяться, надеяться* ср. со значением возвратно-общим; *бороться, расходиться, расстаться* ср. со значением возвратно-взаимным. Сходство значений отложительных глаголов и глаголов среднего залога зависело во многих случаях от перехода глаголов среднего залога в отложительные благодаря утрате соответствующего глагола действительного залога. — Особенный класс отложительных глаголов составляют те сложенные с предлогами глаголы, которые имеют при себе простые беспредложные глаголы не на *-ся*. Глаголы эти можно было бы отнести к глаголам среднего залога только в том случае, если бы при них являлись простые сложенные с предлогами. Значение их по сравнению с наличными простыми глаголами усилительно-определительное, причем, следовательно, такое значение вносится, во-первых, частицей *-ся*, во-вторых, предлогом; так, при *пить, кричать, звать, ждать, будить* и т. д. находим *напиться, накричаться, докричаться, дозваться, дождаться, добудиться;* при *плакать, говорить, спать* и др.: *расплакаться, разговориться, разоспаться;* при *есть, сидеть, лежать: насидеться, разъесться, належаться*. При *плыть* находим *расплыться* и далее несовершенный вид *расплываться*, при *бежать* — *разбежаться* и далее несовершенный вид *разбегаться*. Оставляя в стороне последние глаголы, видим, что в приведенных выше (как *добудиться* и т. д.) одновременно внесены две категории: категория вида (совершенного) и залога (среднего).

7. Частица *-ся*, присоединяясь к глаголам переходным, делает их, как мы видели, или безобъектными (непереходными), или превращает в объект самый субъект действия. Замечательно, что та же частица, присоединяясь к форме 3-го лица ед. числа глаголов действительного залога, превращает их в глаголы бессубъективные, безличные. Можно при этом различать следующие два случая: в одном из них частица *-ся* присоединяется к глаголам, имеющим в действительном залоге переходное значение; в этом случае безличный глагол нетрудно было вывести из страдательного залога, причем безличною формой становится 3-е лицо ед. числа страдательного залога, за опущением грамматического субъекта: *думается, предполагается, здесь упоминалось;* возможно, однако, что безличность вызывалась просто самой частицей *-ся:* ***естся*** *сытно,* ***торгуется*** *хорошо, как здесь* ***говорится,*** *ему не* ***терпится,*** *ему* ***неймется,*** *не* ***работается***. В другом случае частица *-ся* присоединяется к глаголам, имеющим в действительном залоге непереходное значение; здесь исключена возможность какого-либо иного объяснения кроме того, что

бессубъектность внесена частицей *-ся: ему сладко* ***спится,*** *не* ***сидится, икается, хочется,*** *хорошо* ***живется,*** *ей не* ***можется,*** *ему не* ***приходится,*** *не* ***пришлось,*** *ему* ***достанется.*** Замечательно, что исконно бессубъектные глаголы являются в действ. залоге (*морозит, гремит, меня тошнит*); но новые бессубъектные, при которых известны исконно личные глаголы, образуются посредством *-ся*. Таким образом, в языке выработалась категория личности и безличности: личный глагол может быть превращен формальным способом в безличный. Все эти бессубъектные глаголы относятся к среднему залогу.

6. Неспрягаемые глагольные формы.

Сюда относятся: инфинитив, причастия и деепричастия.

1. Инфинитив по своему происхождению представляется именною глагольною формой. В русском языке инфинитив заменил и достигательное наклонение, оканчивавшееся в общеславянском праязыке на *-тъ* и употреблявшееся в древнерусском языке. Окончаниями инфинитива являются *-ти* и *-т'; -т'* заменило более древнее *-ти* с *и* полукратким в неударяемом положении. Вследствие этого в современном языке *-ти* является только тогда, когда ударение падает на *и: нести́, пасти́, трясти́, сойти́*, но *дать, взять, играть, ходить*. Рядом с окончанием *-ти* иногда от тех же глаголов употребляется и *-т'*: ср. *отнести* и *отнест', понести* и *понест'*. Впрочем, последние формы мало употребительны в литер. языке. В *вынести, вымести, выйти, вытрясти, вывести* сохраняется конечное *и* неударяемое под влиянием несложных: *нести, мести* и т. д. В основах на согласную вместо *-ти*, *-т'* является *-ч'*, когда основа оканчивается на задненёбную согласную: *сечь, мочь, стричь, течь, лечь, жечь*. Основа *греб-* оканчивается в инфинитиве на *-сти: грести*. Зубные *д, т* переходят перед *-ти, -т'* в *с*: *вести, мести, красть*.

Инфинитив весьма редко встречается от глаголов многократных; *хаживать, захаживать* представляются исключениями.— Как указано, инфинитив может при особенно сильном на нем ударении получать значение повел. накл., но далеко не от всех глаголов, ср. *молчать, сидеть, лежать, замолчать, перестать, встать, отвечать*.— Широкое употребление имеет инфинитив в сложной форме буд. вр., причем, однако, как мы знаем, в этой форме известен инфинитив только от глаголов несовершенного вида: *я буду лежать, говорить, разговаривать, захаживать, хаживать*.

2. Причастия настоящего времени нестрадательного залога принадлежат все к неспрягаемым глагольным формам; но они изменяются по родам и по падежам (склоняются). По происхождению своему, как видно из звукового состава их суффикса, все эти причастия не русские, они заимствованы в русский язык из церковнославянского. Суффиксом является звук *щ* (*-ащ-* и *-ущ-*). Причастия употребляются только в формах сложного, местоименного склонения. Глаголы среднего залога, а также отложительные глаголы, образуют также это причастие. Примеры: *несущий, горящий, пылаю-*

щий, отказывающийся, веселящийся, едущий, борющийся, носящий, и т. д. Замечательно, что *-ся* никогда не заменяется в причастии через *-сʼ* (в неударяемом положении). Не образуют причастия на *-ущ-, -ащ-* глаголы совершенного вида; *последующий* явилось под влиянием *следующий*. Не образуют его также многократные глаголы, за исключением *хаживающий, захаживающий*. Склонение причастий наст. вр. рассмотрено выше в отделе, посвященном сложному склонению.— Как увидим, именные формы причастий наст. вр. получили значение деепричастия.

От причастий на *-ущ-, -ащ-*, церковнославянских по своему происхождению, должны быть отделены прилагательные на *-уч,- -ач-;* по происхождению своему это русские причастные образования: *живучий, могучий, тягучий, висячий, горячий, сидячий, лежачий, стоячий,* ср. еще прилагательные на *-уч-* от глагольных основ, которые по правилу должны были бы образовать прилагательные на *-ач-* или *-ающ-: вонючий, линючий, горючий, трескучий, плакучий.* Такие прилагательные известны и в краткой форме: *горяч, живуча.*

Причастия прошедшего времени нестрадательного залога образуются от основы инфинитива; к окончанию его на согласную присоединяется *-ш-*, а к окончанию на гласную *-вш-*. Так, с одной стороны: *несший, ведший, увезший, несшийся, нашедший* (основу *шед-*, неизвестную теперь в инфинитиве, ср. в прош. вр.: *шел, шла*); с другой стороны: *бывший, говорившееся, тонувший, говоривший, давший, проклявший, резавший*. Некоторые основы на зубную согласную (по правилу выпавшую перед *л* в прош. вр.) образуют причастие прош. вр. не на *-ш-*, а на *-вш-*, напр., *севший, съевший, укравший, павший* (*падший* употребляется уже как прилагательное), *кравший*. Ввиду очевидного церковнославянского происхождения причастий наст. вр. на *-ущ-, -ащ-* можно думать, что такого же происхождения и причастие прош. вр. Это причастие не образуется вообще от глаголов многократных, за исключением *хаживавший, захаживавший*. Краткие (именные) формы этих причастий употребляются, как увидим, в значении деепричастия.

Причастия настоящего времени страдательного залога образуются от основы наст. вр. посредством суффикса *-м-*: *ведомый, несомый, творимый, уважаемый, направляемый, видимый.* Повидимому, все такие причастия церковнославянского происхождения; этим объясняется их редкость. Чаще всего они образуются от основ на *-а*. Ср. ряд прилагательных на *-мый*, образованных от глагольных основ, по происхождению своему причастий: *зависимый, непроходимый, недостижимый, неуловимый, неукротимый* (и т. п. сложенные с *не-*), *терпимый, любимый*. Краткие формы таких причастий (а также прилагательных) спрягаются, соединяясь с личными местоимениями и вспомогательными глаголами: *он* **направляем**, *он* **был видим** *всеми* и т. д. В соединении с *быть* в старом языке употреблялась форма дат. пад. с именным окончанием *-у* (для выражения инфинитива страд. залога): *быть любиму, уважаему.* Теперь такая форма окончательно вытеснена и из литературного

языка.— Понятно, что причастие на *-мый (-м)* образуется только от основ несовершенного вида, так как основы совершенного вида утратили значение наст. времени.

Причастия прошедшего времени страдательного залога по общему правилу образуются от основы инфинитива; суффиксами являются *-н-* и *-т-*; суффикс *-н-* присоединяется к основе инфинитива при помощи соединительной гласной *е*, когда основа оканчивается на согласную или на *-i* (*i̯*). Суффикс *-н-* употребляется для образования причастий, во-первых, от основ на согласную: *погребен, занесен, запряжен, острижен, прочтен;* во-вторых, от основ производных на *-i* (*i̯*): *прославлен, учен, говорен, удалён;* в-третьих, от основ на *-а: дан, продан, узнан, воспитан, отрезан, выстрадан, убран, замаран, вымазан;* в-четвертых, от основ на *-е (ѣ)*: *виден, удержан*. Суффикс *-т-* употребляется для образования причастий от основ на гласную *-у (-ну), -о*, а также односложных на *-и, -у, -ы, -е (-ѣ)*, и еще *-а* (восходящее к малому юсу): *пролит, обут, прикрыт, отпет, одет, проклят, снят, взят, приколот, смолот, тронут, кинут, двинут, сунут;* наконец, от основы на *-ер: припертый, простёртый*. Повидимому, и эти причастия церковнославянского происхождения (в их полной, склоняемой форме); это видно, во-первых, из общих соображений о том, что русский язык утратил склоняемые причастия (ср. выше), во-вторых, из того, что причастия на *-н* образуют полную форму свою по церковнославянскому образцу (позднейшего времени) с удвоением *н: отрезанный, убранный, данный* и т. д., в-третьих, из того, что формы на *-ный*, с одним *-н*, имеют в русском языке значение прилагательных: *варёный, печёный, солёный, мочёный, плетёный, калёный*. Таким образом, выясняется, что все причастные формы на *-ный* должны писаться с двумя *н* (***читанные** им книги, **подмоченная** репутация*), а прилагательные на *-ный* с одним *н* (*раненые* как прилагательное с одним *н*, а ***раненные** злодеем прохожие* — с двумя).

Причастия прош. времени страд. залога образуются преимущественно от основ совершенного вида, но известны также и от основ вида несовершенного: *битый* (также в значении прилагательного), *краденный* (и *краденый* прилагательное), *читанный, невиданное зрелище, неслыханное злодеяние*. Производные основы несовершенного вида, являющиеся при основах вида совершенного, не могут образовать такого причастия: не **бросанный*, а только *брошенный* (однако от совершенного вида: *разбросанный*), не **покупанный*, а только *купленный*, не **нахоженный*, а только *найденный*, не **отвечанный*, а только *отвеченный*, и т. д. По той же причине не **бранный*, а *взятый*, не **кладенный*, а только *положенный*.— Глаголы многократные могут образовать это причастие в соединении с отрицанием: не *слыхивано*, не *видывано* (только в краткой форме).— Как мы знаем, краткие (именные) формы причастия на *-н-, -т-* спрягаются, соединяясь с личными местоимениями и с вспомогательным глаголом: *я одет, мы тронуты, они ранены, она брошена* и т. д. Форма дат. пад. на *-у* от такой краткой формы, употреблявшаяся в соединении с инфинити-

вом *быть*, теперь исчезла из литер. языка: *быть брошену, одету, помилованну* — формы устаревшие.

Итак, общим для причастий явлением в русском языке был переход их в прилагательные в полной (сложной) форме; ввиду этого книжный язык сохранил с значением причастий соответствующие церковнославянские образования.

3. Деепричастие несовершенного вида по происхождению своему представляет краткие формы причастия настоящего времени, потерявшие свою связь как с родом, так и с числом и падежом; одно из окончаний деепричастия *-а* (после *j* и мягких согласных) представляет старое окончание им. ед. мужеского рода: *идя, ходя, делая;* другое *-учи* представляет старое окончание им. мн. мужеского рода (*-учи* при *и* вместо *-уче*): *идучи*. Господствующим в литер. языке окончанием является *-а*. Оно присоединяется к основе наст. вр.; таким образом, деепричастие образуется только от основ несовершенного вида. Впрочем, обычно деепричастие образуется только от тех основ наст. вр., которые звуковой стороной своей не отличаются существенно от основы инфинитива: *ведя, неся, плетясь, кроя, дуя, плывя, видя, нося, водя, таща, учась, играя, страдая.* Но основы наст. вр. на *-je-*, имеющие при себе основу инфинитива на *-а*, деепричастие не образуют; таковы глаголы *пишу, режу, мажу, вяжу, лижу, пашу* и т. д.; равным образом не образуют деепричастий глаголы *беру, тру, мру, жну, кляну, мну, кую, плюю,* так как в инфинитиве являются основы, отличные от основы наст. вр.: *брать, тереть, мереть, жать, клять, мять, ковать, плевать.* Впрочем, неодносложные основы на *-уje-* при инфинитиве на *-ова-* образуют деепричастие: *торгуя, волнуясь, горюя, милуя.* Основы на задненёбную согласную не образуют вообще деепричастия; таковы, напр., глаголы *стригу, могу, секу, влеку.* Глагол *могу* образует причастие несовершенного вида (?) *могши* (но *могши* имеет значение прош. вр.).

Деепричастия на *-учи* представляются с точки зрения современного литер. языка устаревшими; держится форма *идучи*, реже — форма *живучи; припеваючи, играючи, крадучись* употребляются только в определенных выражениях.

Деепричастия несовершенного вида образуются только от основ несовершенного вида. Утратив значение наст. вр., они сохранили однако временное значение. Это видно из того, что большая часть их может быть заменена описательными выражениями с *в то время как* с последующими формами наст. или прош. вр. Но некоторые деепричастия, теряя временное значение, становятся простыми наречиями; ср. отмеченные выше *играючи* (учиться), *жить припеваючи;* также *лёжа, сидя, стоя* (но те же деепричастия могут сохранять и свое временное значение), *судя* (напр., *судя по всему*), *не взирая, находя, полагая* и т. д.

Деепричастие совершенного вида образуется трояким способом: 1) от основы совершенного вида, оканчивающейся в инфинитиве на согласную, посредством окончания *-а* со смягчением предшествующей согласной, напр.: *пройдя, пронеся, прочтя, отвезя;*

2) от основы совершенного вида, оканчивающейся в инфинитиве на гласную, посредством окончания *-в: открыв, дав, узнав, поговорив, улетев, поспев, толкнув, двинув;* 3) от основы совершенного вида, оканчивающейся в инфинитиве на согласную посредством окончания *-ши: промокши, нанесши;* от основы на гласную посредством *-вши: давши, купивши.* От этого основного правила видим следующие отступления: 1) некоторые основы на согласную *д* (опускаемую перед окончанием прош. вр. *-л*) образуют деепричастие на *-в* и *-вши* с опущением этой согласной: *украв, упав, упавши;* 2) глаголы на *-иться* могут иметь окончание *-ась: устремясь, простясь, перекрестясь;* 3) глаголы на *-уться, -оться, -аться, -еться, (-ѣться), -иться* оканчиваются обыкновенно на *-увшись, -овшись, -авшись, -евшись (ѣвшись), -ившись: уткнувшись, проснувшись, отколовшись, поднявшись, заперевшись, видевшись, устремившись, простившись;* 4) основы инфинитива на задненёбную не образуют деепричастия на *-а,* а только на *-ши: высекши, остригши, не смогши;* 5) основы на *-ну,* означающие подвижное состояние, рядом с окончанием *-нув* могут образовать деепричастие на согласную *-ши: оглохнув* и *оглохши, поникнув* и *поникши, вымокнув* и *вымокши, высохнув* и *высохши;* 6) глаголы с основой на согласную перед окончанием *-ся* образуют деепричастие на *-ась,* если деепричастие простого глагола оканчивается на *-а*: *пронесясь, пройдясь;* и на *-шись,* если простой глагол оканчивает его на *-ши: остригшись, отрекшись.*

Кроме того, замечу, что в языке старинном при *-в* было известно *-вши,* но в настоящее время это окончание, восходящее к форме им. мн. причастия прош. вр. (*видевши* вместо видѣвъше), вообще вытесняется. Сохранение *-вшись* при *-в* ср. с сохранением *-ась* при *-ив,* о чем выше.

Некоторые деепричастия совершенного вида в наречных выражениях, где они потеряли значение временное, сохраняют старое окончание *-а* от основ на *и;* напр., ***спустя** рукава, **сломя** голову, **сложа** руки, **положа** руку на сердце, **отступя** на шаг, **свеся** ноги, **заломя** шапку;* также от основ на *-ну: **разиня** рот, **высуня** язык.* Сюда же деепричастие ***походя** (учиться, делать что-нибудь **походя**).*

7. Обзор глагольных основ.

Различные формы одного и того же глагола могут быть образованы или от одной основы, или от двух разных основ: от одной основы, основы наст. вр., образуются наст. вр. или буд. совершенное (с повел. накл., причастием наст. вр. нестрад. залога, причастием наст. страд. залога и деепричастием несовершенного вида), от другой основы, основы инфинитива, образуется инфинитив (с прошедшим временем, причастием прошедшего времени на *-вший,* причастием страд. прош. на *-н, -т,* деепричастием на *-в, -вши*). Распределение глаголов по основам представляет известные трудности ввиду несоответствия, замечаемого в спряжении многих из них между основами наст. вр. и инфинитива. Считаю наиболее удобным распределять

в русском языке глаголы по основам наст. вр., так как это время представляет вследствие изменения по лицам и числам наибольшее количество разнообразных форм; кроме того, практически удобно различать три главных вида основы наст. вр., из которых первый оканчивается на *е — о (ведёт, плачет)*, второй на *-и (точит, сидит)*, третий на согласную *(дад-ут, ед-ят)*. Основа наст. вр. на *-е* может образовать следующие разновидности: 1) основа на *е — о* с предшествующею окончанию основы исконно твердою согласною, ставшею впоследствии мягкою и частью позже отвердевшею, напр.: *веду — ведёт, плюну — плюнет, могу — может;* 2) основа на *е — о* с предшествующею мягкою согласною, частью позже отвердевшею: *мелю — мелет, колю — колет, плачу — плачет, пашу — пашет;* 3) основа на *е — о* с предшествующим *j (i̯): вьёт, кроет, плюёт, знает, сеет, богатеет, читает, празднует*. Сообразно с этим и комбинируя еще различия в соответствующих основах инфинитива, делю наши глаголы на следующие классы и образцы.

П е р в ы й к л а с с. Основа настоящего времени на *е — о.*

Разряд А: окончанию основы предшествует исконно твердая согласная.

1-й образец, основа наст. вр. с предшествующею окончанию основы согласною, основа инфинитива на согласную: *веду — ведёшь,* инфинитив *вести* (из **вед-ти*).

2-й образец, основа наст. вр. с предшествующею окончанию основы носовою согласною, основа инфинитива на гласную *а* из носового *е,* восходящего к *ен, ем: жну — жнёшь,* инфинитив *жать* (из **жен-ти*).

3-й образец, основа наст. вр. с предшествующею окончанию основы согласною *в,* основа инфинитива на гласную *ы, и: живу — живёшь*, инфинитив *жить, плыву — плывёшь,* инф. *плыть.*

4-й образец, основа наст. вр. с предшествующею окончанию основы согласною *н,* основа инфинитива на *-ну: двину — двинешь,* инфинитив *двинуть.*

5-й образец, основа наст. вр. с предшествующею окончанию основы согласною *н,* основа инфинитива на гласную *а, е* (*ѣ*): *надену — наденет,* инфинитив *надеть, стану — станет,* инф. *стать.*

6-й образец, основа наст. вр. с предшествующею окончанию основы согласною, основа инфинитива на гласную *а*: *беру — берёшь,* инфинитив *брать, лгу — лжешь,* инф. *лгать.*

Разряд Б: окончанию основы предшествует исконно мягкая согласная.

7-й образец, основа наст. вр. с предшествующею исконно мягкою согласною, основа инфинитива на *оро, оло: борюсь — борешься,* инфинитив *бороться, мелю — мелешь,* инфинитив *молоть.*

8-й образец, основа наст. вр. с предшествующею исконно мягкою согласною (теперь частью отвердевшею), основа инфинитива на *а* с предшествующею исконно твердою согласною: *плачу — плачет,* инфинитив *плакать, пашу — пашешь,* инф. *пахать, стелю — стелешь,* инфинитив *стлать, режу — режет,* инф. *резать.*

Разряд В: окончанию основы предшествует *i̯ (j)*.

9-й образец, основа наст. вр. односложна или двусложна, основа инфинитива на гласную односложна: *крою — кроет*, инфинитив *крыть*, *мою — моешь*, инфинитив *мыть*, *лью — льёшь*, инф. *лить*, *пою — поешь*, инф. *петь*, *знаю — знаешь*, инф. *знать*.

10-й образец, основа наст. вр. на *-aje* или *-аваје*, основа инфинитива на *-ава: даю — даёшь*, инфинитив *давать*, *сознаю — сознаёшь*, инфинитив *сознавать*.

11-й образец, основа наст. вр. двусложна, основа инфинитива двусложна и оканчивается на *ја: чаю — чаешь*, инфинитив *чаять*, *сею — сеешь*, инфинитив *сеять*, *лаю — лаешь*, инф. *лаять*.

12-й образец, основа наст. вр. на *-еје*, осн. инфинитива на *е: богатею — богатеет*, инфинитив *богатеть*, *спею — спеет*, инф. *спеть*.

13-й образец, основа наст. вр. на *-аје*, основа инфинитива на *а: читаю — читает*, инфинитив *читать*, *стращаю — стращает*, инф. *стращать*.

14-й образец, основа наст. вр. *-ује* многосложна, основа инфинитива на *-ова*, *-ева: зимую — зимует*, инфинитив *зимовать*, *горюю — горюет*, инфинитив *горевать*.

15-й образец, основа наст. вр. двусложна и оканчивается на *-ује*, основа инфинитива на *-ова: плюю — плюёт*, инфинитив *плевать*, *жую — жуёт*, инфинитив *жевать*.

Второй класс. Основа наст. вр. на *-и (j)*.

16-й образец, основа инфинитива на *-е*, а после *j, ж, ч, ш, щ* на *-а: горю — горишь*, инфинитив *гореть*, *стучу — стучит*, инф. *стучать*, *боюсь — боишься*, инф. *бояться*.

17-й образец, основа инфинитива на *-и: хожу — ходишь*, инфинитив *ходить*.

Третий класс. Основа наст. вр. оканчивается на согласную.

18-й образец, основы *дад-*, *ед-;* глагол *есмь*.

Четвертый класс. Основы неправильные и недостаточные.

19-й образец, глаголы *идти*, *ехать*, *обретать*, *реветь*, *сшибить*, *ошибиться*.

20-й образец, глаголы *гнать*, *спать*.

21-й образец, глаголы *хотеть*, *бежать*, *чтить*.

Перехожу к обзору спряжения глагольных основ, располагая их по указанным образцам. В русском языке различаются три спряжения, соответствующие трем отмеченным классам глаголов: в первом спряжении соединительными гласными между корнем глагола и личными окончаниями наст. вр. (точнее: окончаниями основы) являются *е* и *о; е* во 2-м и 3-м лице ед. числа, 1-м и 2-м лице мн., *о* в 1-м лице ед. и 3-м лице мн., причем *о* перед первоначальными окончаниями *-он* и *-нть* изменилось в носовое *о*, откуда *у*. Во втором спряжении соединительною гласною между корнем глагола и личными окончаниями наст. вр. (точнее: окончанием основы) является *и*, причем, однако, в 1-м лице ед. числа *и* перед первоначальным окончанием *-он* исчезло совсем, а в 3-м лице мн. окончанием является теперь *-ат* из более древнего *-ęть*. В третьем спряжении личные окончания приставлены

непосредственно к основам на согласную (поскольку, однако, первоначальные формы не заменены новообразованиями). Сообразно с этим распределяем наши образцы по трем спряжениям, а после обзора их даем обзор неправильных глаголов.

8. Первое спряжение: 3-е лицо единственного и множественного — *ет* — *ут*.

1-й образец. Перед *-ет* — *-ут* является исконно твердая согласная; основа инфинитива оканчивается на согласную. Пример: *несёт* — *несут*, инфинитив *нес-ти*.

Основа наст. вр. Согласные задненёбные перед *е* переходят в шипящие: *стережёшь, жжёшь, бережёт, можем, напряжёшь, увлечёшь, течёт, сечём, печёте, печётесь, ляжете, толчёте* и т. д. Вместо *жжёшь* употребительно и *жгёшь.* — В повел. накл. окончания *-и, -ите* только под ударением, а в неударяемом положении находим мягкую согласную во 2-м ед., мягкую согласную с последующим *-те* во 2-м мн.: *неси, пеки, секи, толките, жгите*, но *сядь, сядьте, лезь;* от *лягу* — *ляг, лягте* с твердыми *г;* но неударяемое *и* сохраняется в *вынеси, выпеки, выжги.* Повелительное от *могу* не употребительно; не *моги*, не *могите* — только в просторечии. — Деепричастие несовершенного вида на *-а* со смягчением предшествующей согласной: *неся, ведя, ростя, грызя, гребя;* окончание *-учи* только в *крадучись;* после согласных задненёбных окончание *-а* в деепричастии неизвестно; неупотребительно также деепричастие от *мру, пру, тру*, что зависит от особого вида основы инфинитива при этих глаголах. — Причастие наст. нестрадательное на *-ущий*: *несущий, пекущийся* и т. д.

Ударение во всех формах, образованных от основы наст. вр., падает на окончание основы, следовательно, в наст. вр. на *е* (которое переходит при этом в *о*) и *у*, в повелительном на *и*, в деепричастии на *а*, в причастии наст. вр. на *у*: *несёт, несу́, неси́, неси́те, неся́, несу́щий.* Только в *лезу, сяду, лягу* ударение сохраняется всегда на корне. При *краду, крадй* и т. д. является в деепричастии с другим ударением: *кра́дучись. Могу́, могу́щий*, но — *мо́жешь, мо́гут* и т. д. Но приставка *вы-* перетягивает ударение на себя: *вынесу.*

От основы инфинитива образованы формы инфинитива: с окончанием *-ти́*, напр.: *нести, вести, везти, грести, плести, скрести, пасти, расти* (собств. *рости́*), *брести, блюсти, трясти, присбрести, спасти, ползти* (рядом менее употребительны в сложных *привесть*); с окончанием *-т’*: *грызть, лезть, сесть, красть, счесть, пасть, прясть;* с окончанием *-ч’* (восходящим к *кт, гт*): *мочь, стричь, беречь, волочь, толочь, лечь, отречься, сечь, запрячь* (произносится *запреч’*); основы на *-ер, -ол* изменяют *-ер, -ол* в форме инфинитива в *-ере, -оло: мереть, отпереть, простереть, толочь.* Основы на губную оканчиваются в инфинитиве на *-сти: гребу* — *грести* (из *гребс-ти*), *скребу* — *скрести* (из *скребс-ти*); *с* представляется вставкой.

Далее от основы инфинитива произведены: прошедшее время на *-л;* зубные *т, д* выпадают перед *-л: клал, вёл, упала, плели, росла;*

в форме мужеского рода *-л* сохраняется только после гласных: *прочёл, крал, набрел, вымел;* после согласных *-л* отпадает: *жёг* (из *жегл*), *сгрёб, грыз, сек, берёг, мог, умер, припер, простёр, рос,* (из *ростл*) и т. д. Основа *толк-* (инфинитив *толочь* можно объяснить из *толчи*, как результат так называемого второго полногласия) образует в мужеском роде *толок* (а рядом: *толкла, толкли*). От той же основы произведены: причастие страдательное на *-ен*: *плетён, выметен, острижен, украден, натолчён, приобретён;* от основ на *-р* производится то же причастие с суффиксом *-т*: *приперт, простёрт, натёрт*. Далее от основы инфинитива произведено причастие прош. вр. нестрадательное на *-вший* после гласных и *-ший* после согласных: *укравший, севший, напавший, стершийся, могшие, умершие, лёгшие, росшие*. Затем деепричастие совершенного вида, которое после гласных по общему правилу оканчивается на *-в* (следовательно, в основах на выпавшие *д, т,* а также в основах на *-ере*): *украв, напав, присев, умерев, простерев, приперев*, реже на *-вши: укравши*, но правильно на *-вшись: усевшись, оперевшись, заперевшись* (рядом *запершись*, форма более простонародная); после согласных находим вообще окончание *-ши, -шись: остригшись, обжегшись, проползши, стёрши, опершись, подпершись, помогши, отвлёкши, отрёкшись, вылезши, напрягши*. Реже окончание *-а* в деепричастии совершенного вида; оно также производится от основы инфинитива: *приобретя, везя, занеся, наскребя, прочтя, зачтя,*

Ударение основы инфинитива. Одни глаголы имеют ударение всегда на коренной гласной основы: *сесть, грызть, пасть, стричь, прясть, красть, класть, тереть, простереть, сечь;* поэтому *сели, грызла, остри́жен, клала, крала, укра́ден, пряла, пала, натёрла, простёрла, секла*. Другие глаголы имеют ударение вообще всегда на окончаниях: *брели́, росла́, плетён, метено́, могло, береглю́сь, приволокли́*. В инфинитиве от глаголов с основой на задненёбную согласную является окончание *-ч'*, а не *-чи́*: *влечь, волочь, толочь, течь, напрячь, запрячь, жечь, мочь, стеречь, беречь*. В деепричастии ударение не переходит на окончание *-ши: отползши, привлёкши*. Глаголы *переть, мереть* точно так же в форме инфинитива не переносят ударение на окончание (*-т'*, не *-ти́*); в прош. вр. и в причастии страдательном глаголов *мереть, переть* ударение переносится на окончание в женском роде: *заперла́, умерла́, заперта́, приперта́;* в мужеском, среднем роде ед. и во мн. числе ударение остается на корне: *мёрли*, а в сложенных с предлогами оно переносится на предлог: *за́пер, о́тперли, за́мерли, у́мерли, за́перт, о́тперт, ро́сперт*. Глаголы на *-ся* следуют ударению простых: *секлись, грызся, натёрлась, оселась;* в прош. вр. в мужеском роде ударение переносится на *-ся* после предшествующих *л, р: завелся́, блюлся́, обрелся́, приплелся́, заперся́, оперся́* (но конечно: *натёрся, простёрся*, ибо в этих глаголах ударение неподвижно); ср. рядом: *берёгся, остерёгся, запрёгся, увлёкся* (редко: *отрекся́*). В противоположность глаголам без *-ся*, глаголы на *-ся* переносят ударение на *шись* после *р* в случаях, как *запершись, отпершись, подпершись* (формы преимущественнно просторечные).

По значению своему большая часть относящихся сюда основ несовершенного вида; совершенного вида глаголы *сяду — сесть, лягу — лечь, паду — пасть*, а также все сложные с предлогами: *приобресть, украсть, загрызть, спасти, припереть, увлечь, натолочь*. К определенно-моторным относятся: *везу, несу, веду, ползу, лезу, бреду*. Большая часть глаголов этого образца переходные; непереходны: *ползу, лезу, бреду, лягу, сяду, росту, могу, паду*. Глагол *пещись — пекусь* из церковнославянского языка.

Не во всех глаголах замечается полное звуковое соответствие между основами наст. вр. и инфинитива; так, благодаря носовому инфиксу, при *сесть, лечь* находим *сяду, лягу* (из sędǫ. lęgǫ); при основе с коренным *ь* (впоследствии выпавшим) перед *р* в наст. вр. находим основу с *-ер* в инфинитиве: *умру, простру, натру, запру* при *умереть, простереть, натереть, запереть;* относительно *толку — толочь* выше указана возможность объяснять *толочь* как второе полногласие вместо *толчь — толчи* (ср. *толкла*). В *жгу — жечь* видим в инфинитиве основу *жег-*, а в наст. вр. *жьг-*; но при *жег-* в инфинитиве было известно и *жьг-* (*жгли*, а в *жёг* из *жегл* гласная восходит к *ь*); в *зачесть — зачту* видим в инфинитиве обычную замену *ь* через *е* (восходит к *зачьсть*).

2-й образец. Перед *-ет — -ут* являются носовые *н, м;* основа инфинитива оканчивается на *а* (из носового *е*).

Сюда относятся сложные с **иму — *ять*, далее: *жму — жать, жну — жать, мну — мять, кляну — клясть, распну — распять, начну — начать*. Относительно этих глаголов заметим: в сложных с **иму* звук *и* сохраняется после *н* с предшествующей согласной: *подниму, сниму, отниму;* после предлогов, содержащих гласную, *и* переходит в *й*, выпадая в положении за предлогом *при: найму, пойму, дойму, займу, приму;* после согласных находим *-му* со смягчением предшествующего звука (из *-ьму*): *возьму;* после предлога *вы-* вместо *-му* является *-ну* под влиянием глаголов на *-ну, -нуть*. В инфинитиве видим *-нять* после всех вообще предлогов, *кроме вз-: снять, поднять, принять, донять*, но *взять;* вместо *вынять — вынуть* под влиянием указанной аналогии. Форма *кляну* заменила более древнее *клену* (из кльнѫ), а вместо инфинитива *клять* под влиянием аналогии явилось *клясть*.

От основы наст. вр., кроме форм этого времени, находим: повел. накл. *кляни, жни, жмите;* причастия наст. вр. *мнущий, жмущий, клянущий, жнущий*. Деепричастие: только *кляня*. — Ударение форм наст. вр. всегда на окончании основы.

От основы инфинитива произведены формы прош. вр. *жал, клял, начал, распял, мял*. Деепричастия совершенного вида: *начав, зажав, смяв, заняв, прокляв, распяв; начавшись, смявшись, занявшись, прижавшись*. Причастия страдательные на *-т: начат, снят, зажат, распят, помят*. — Ударение основы инфинитива в одних глаголах с неподвижным ударением: *нажал, пожал, смяла, замят, примята*. В других глаголах ударение подвижное: в женском роде прош. вр. и причастии страдательного залога оно переносится на окончание: *на-*

чала, сняла, кляла, взята, начата, проклята (исключение только: *ра́спяла, ра́спята*); в мужеском роде, среднем роде и мн. в прош. вр. и причастии страдательном ударение в несложенных с предлогами и двусложных формах на коренной гласной: *кляли, сняло, взяли,* а в сложенных с предлогами на предлогах: *прокляли, распял, подняли, начат, на́чато, на́чаты.* В сложенных с *-ся* ударение в глаголах с ударением подвижным переносится в мужеском роде на *-ся,* а в среднем роде и во мн. ч. на окончание: *взялся, взяло́сь, взяли́сь, начало́сь, сняли́сь, поднялся́.*

Относящиеся сюда глаголы, несложенные с предлогами, все несовершенного вида, а сложенные с предлогами совершенного.

3-й образец. Перед *-ет — -ут* является согласная *в;* основа инфинитива оканчивается на гласную *ы* или *и.*

Сюда относятся *живу, плыву, слыву.*

От основы наст. вр., кроме форм этого времени, повел. накл.: *живи, плывите;* причастие наст. вр.: *живущий, плывущий, слывущий;* деепричастие: *живя, плывя, слывя,* и также еще *жи́вучи.* Ударение форм наст. вр. всегда на окончании основы, кроме только что указанного деепричастия.

От основы инфинитива образуются: прош. вр. *жил, плыли, слыла́;* причастие прош. вр. *живший, слывший;* деепричастие совершенного вида: *нажив, прожив, прослыв;* причастие страдательное: *за́жито, про́жито.* Ударение этих основ подвижное: в женском роде оно падает на окончание: *жила́, плыла́, слыла́, прожита́;* в других формах прош. вр. и причастии страдательном ударение на корне, а в сложенных с предлогами на предлоге: *жили, прожили, за́плыли, про́жито,* но *прослы́л.* В глаголах на *-ся* ударение переносится в мужеском роде прош. вр. на *-ся: нажился́,* а в прочих формах на окончание: *нажили́сь, сплыло́сь.*

Рассмотренные глаголы несовершенного вида; *плыть* с определенно-моторным значением.

4-й образец. Перед *-ет — -ут* согласная *н;* основа инфинитива оканчивается на *-ну.*

От основы наст. вр., кроме форм этого времени, а также будущего совершенного *(тону, кину, верну, уснём),* образуются формы повел. накл.: *кинь, тронь, двинь, тяни́, тони́, верни́; -и* неударяемое после двух согласных: *сохни, зябни, крикни.* Причастие наст. вр.: *тянущийся, сохнущие, гнущийся.* Деепричастие на *-а* совсем неизвестно.

Ударение основы настоящего времени может лежать или неподвижно, на корне: *ки́ну, сту́кну, привы́кну,* на окончании: *зевнёт, ущипну́, толкнёт, качнём;* или подвижно, падая на окончания *-у* в 1-м лице ед., *-и* в повел. накл., *-ущий* в причастии, но переносясь на корень при других окончаниях: *тону, тянущийся, тони, тоните, тяните,* но *то́нет, тя́нут, взгля́нет.* Подвижных по ударению основ очень немного.

От основы инфинитива производятся: прош. вр.: *тяну́л, верну́л, отпря́нул, тро́нул, отве́ргнул;* причастие прош. вр.: *тронувший, тянувшийся, вернувший, кинувший;* деепричастие *потяну́в, ки́нув,*

столкну́в, почерпну́в; деепричастие *кинувшись;* причастие страдательное: *подтя́нут, перевёрнут, покинут.* Ударение этой основы лежит неподвижно или на корне, или на *-ну;* только в причастии на *-т* оно переносится всегда на корень: *тянул, натя́нут, натя́нута, повёрнуты.* Односложные переносят при этом ударение на предлог: *подо́гнут, за́мкнут, взо́ткнут.*

Особая группа глаголов, отличающаяся от прочих и по своему значению, образует прош. вр. (обязательно), а также причастие прош. вр. и деепричастие совершенного вида (с колебаниями) не от основы инфинитива на *-ну,* а от основы на согласную, предшествующую в инфинитиве окончанию *-нуть.* Так, в прошедшем от *чахну — чахнуть* находим *чах;* также *оглох, озяб, прилип, высох, повис, прокис, протух;* от основы на зубную: *завял.* Причастие прош.: *оглохший, озябший, высохший, прокисший.* Деепричастие: *заглохши, оглохши* и *оглохнув, прокиснув.*

Отдельно стоят *отвергнуть,* которое образует *отверг* и *отвергнул, подверг* и *подвергнул, подвергшийся* и *подвергнувшийся.* Также *достигнуть* при *достичь,* ср. *достиг, достигший.*

Глагол *вынуть — выну,* как мы видели, восходит к более древним формам: *вынять, выму.*

Среди глаголов этого образца значительная часть совершенного вида: сюда относятся, во-первых, все сложенные с предлогами; во-вторых, несложенные с однократным значением, как *крикнуть, топнуть, плюнуть, копнуть, вильнуть, ка́нуть* и т. д.; в-третьих: *верну́ть, минуть, вынуть.* Несовершенного вида та особая группа, о которой сказано выше, имеющая особое значение глаголов подвижного состояния: *глохнуть, виснуть, дрогнуть* (рядом *дрогнуть* совершенного вида с неоднократным значением), *мёрзнуть* и т. д.; также еще глаголы: *гнуть, тянуть, тонуть, дрыхнуть.*

5-й образец. Перед *-ет — -ут* согласная *н;* основа инфинитива оканчивается на гласные *а, е (ѣ), ы.*

Сюда относятся немногочисленные глаголы, как *стану — стать, дену — деть, стыну — стыть, застряну — застрять.*

От основы наст. вр. с неподвижным ударением на корне: *надену, остыну, надень, стань;* причастие наст.: *стынущий.*

От основы инфинитива с неподвижным ударением на корне: *одел, стал, остыл, застрял* (мы ожидали бы *застряп,* от *стряпать*). Деепричастие: *устав, надев, застряв.* Причастие прош.: *надевший, застрявший, остывший.*

Глаголы *стать, деть* совершенного вида; *стыть* несовершенного. Сложные — все совершенного вида.

6-й образец. Перед *-ет — -ут* являются исконно твердые согласные; инфинитив содержит производную основу на *а.*

Сюда относится ряд корней, содержавших исконно звуки *ъ, ь: тку — ткать, лгу — лгать, рву — рвать, вру — врать, жду — ждать, жру — жрать.* Иногда такому корню в инфинитиве соответствует корень с *о, е* в наст.: *зову — звать, беру — брать, деру — драть.* Единичны: *стону — стонать, ору — орать.*

Перед окончанием *е* в основе настоящего задненёбные переходят в шипящие: *лжёшь, тчёшь* (но и *ткёшь*).

От основы наст.: *врёт, ври, ждите*. Деепричастие: *зовя*. Причастие наст.: *дерущий, берущий, зовущий* и т. д. В основе настоящего ударение всегда на окончании. Только при *стону, стони* является *стóнешь, стóнет* и даже *стóнущий*.

От основы инфинитива: прошедшее *лгал, звал;* причастие прош. страдательное на *н: пóзван, прúврано, прúбран*. Деепричастие соверш. *солгав, набрав, призвав, соткáв*.— В *стонать, орать* ударение неподвижно; во всех остальных оно подвижно: в простых ударение переносится на окончание женского рода *-а: звалá, званá;* в сложенных с *-ся* ударение в прош. вр. переносится на окончание: *звался́, брался́, бралúсь, бралóсь;* в сложенных с предлогами глаголах не на *-ся* ударение (кроме формы женского рода) переносится на предлог: *сóткан, пóзван, прúзваны, нáбраны, обóдран, пóжран, взóрван, прóждан;* в глаголах на *-ся* ударение остается на окончании: *назвался́, дождался́, собралúсь, продралóсь;* но *взорвáлся, порвáлся, залгáлись*.

В деепричастии ударение всегда на корне.

Относящиеся сюда глаголы все несовершенного вида; они совершенного вида в сложениях с предлогами.

7-й образец. Перед *-ет* — *-ут* исконно мягкая согласная; в инфинитиве основа оканчивается на *оро, оло*.

Сюда относятся: *мелю* — *молоть, колю* — *колоть, порю* — *пороть, борюсь* — *бороться, полю* — *полоть*.

От основы настоящего: *колет, порют, боремся, борись*. Причастие наст.: *кóлющий, мéлющий*. Деепричастия на *-а* неупотребительны; малоупотребительно: *мéлючи*. В основе наст. вр. ударение подвижно, переносясь на окончание в 1-м лице ед. наст. вр. и в повел. накл.: *мелю́, мелú, мелúте*, но *мéлет, мéлют, мéлющий*.

От основы инфинитива образуются: прош. *колóл, молóл;* причастие прош. *боровшийся, коловший;* деепричастие соверш. *наколов, смóлов;* причастие страдательное на *-т: смóлот, прикóлот*. Ударение основы инфинитива неподвижно на корне, но в причастии страдательном вместо *олó* находим *óло* в *смóлот, кóлот*.

Относящиеся сюда глаголы все несовершенного вида: они совершенного вида в сложениях с предлогами.

8-й образец. Перед *-ет* — *-ут* исконно мягкие согласные; производная основа инфинитива оканчивается на *а*.

Относящиеся сюда глаголы довольно многочисленны. Согласная перед окончанием представляется в наст. вр. в смягченном виде: вместо *г, к, х* являются *ж, ч, ш: плачу* — *плакать, пашу* — *пахать;* вместо *с, з* — *ш, ж: мажу* — *мазать, лижу* — *лизать, чешу* — *чесать;* вместо *т* в исконно русских словах — *ч*, а в заимствованных из церковнославянского *щ: мечу, топчу, шепчу, скрежещу, ропщу, клевещу, трепещу;* вместо *д* в русских словах *ж*, в церковнославянских *жд: гложу* — *глодать, стражду* — *страдать, созижду* — *созидать;* вместо *ст* — *щ: свищу* — *свистать;* вместо *ск* — *щ: ищу* — *искать;* вместо *зг* —

жж (пишется *зж*): *брызжу — брызгать;* вместо *п, б, в, м — пл, бл, вл, мл: дремлю — дремать, колеблю — колебать, сыплю — сыпать; р, л, н* переходят в мягкие *р, л, н: глаголю — глаголать.*

Вместо ожидаемого *ржу — рзать* находим *ржу — ржать;* аналогично вместо *жажду — жадать* находим *жажду — жаждать;* вместо *слю — слать* является *шлю — слать.* Единично *стелю — стлать.*

От основы наст.: *плачет, плачь, чеши, чешите* (от *жажду, стражду, зижду* повелительное не употребляется); причастие наст. *плачущий, пашущий, страждущий, ищущий.* Деепричастие на *-а: плача, дрёмля, колебля, скрежеща, клевеща;* но вообще они мало употребительны (не говорят: *чеша, мажа, ропща, пишá, пашá, режа* и т. п.). Вместо *сыплю — сыплешь* весьма обычно *сыплю — сыпишь.*— Ударение основы настоящего может быть неподвижно на корне: *áлчу, пояшу, колéблю, глагóлю;* в некоторых основах оно подвижно, переносясь на окончание в 1-м лице ед. и в повел. накл.: *клевещý, ищý, ропщý, дремлю́, пишý, паши́, топчи́те, лижи́те.*

От основы инфинитива образуются: прош. вр. *лизáл, плáкал;* причастие прош. *плакавшие;* деепричастие соверш. *заплáкав, смáзав, задремáв;* причастие страдательное на *-н: нарезан, оклеветан, обглодан.* Ударение в одних основах лежит неподвижно на корне: *поясать, кли́кать, мáзать,* в других на *-а* в окончании основы, причем, однако, в причастии страдательном оно переносится на корень: *оты́скан, обглóдан, оклевéтан.* Основы *стла-* и *сла-* переносят ударение на предлог: *пóслан, разóстлан.*

При *поколебать* причастие страдательное *поколéблен* (указывающее на **поколеби́ть*). При *двигать* причастие наст. страдательное *дви́жемый,* но рядом *недвижи́м.*

Все относящиеся сюда несложенные глаголы несовершенного вида, а сложенные с предлогом совершенного.

9-й образец. Перед *-ет — -ут* является *i̯ (j),* причем основа наст. вр. односложна или двусложна; основа инфинитива односложна и оканчивается на гласную.

Коренная гласная в основе наст. вр. и инфинитива одна и та же по происхождению, но в основе наст. многие из этих гласных под влиянием особого своего положения подверглись изменениям. Так, гласная *е* (*ѣ*, по происхождению дифтонг oi̯) в основе *пе- (петь)* является в основе наст. вр. в виде *oi̯: пою́.* К более поздним изменениям относится выпадение гласной *и* в этой основе: *пью, шью, вью, лью, бью* (но в *гнию и* сохранилось в связи с наличностью перед ним двух согласных; в *почию́* сохранение обязано церковнославянскому происхождению; в *брию,* откуда *брею,* сохранение обязано той же причине, что в *гнию*). Еще позже произошло изменение *ы* в основе настоящего в *о: крою, мою, рою, вою, ною;* аналогично изменение *и* в *е* в *брею.* Без изменения сохранились гласные *а (знаю,) у (дую, обую), е (ѣ)* из *ē (грею, спею).*

Основа наст. вр.: *бью, бьёт, крóю, гнию́, пою́;* повел. всегда на *-й, -йте: пойте, грейте, дуйте, знай;* на месте *ы,* понятно, *о: крой, мойте;* на месте *и — е* не только в *брей, брейте,* но также в *лей, шей, вей,*

бейте и т. д. (*гнию* не образует повел. накл., при *почию* является *почий*). Причастие наст. вр.: *бьющий, гниющий, поющий*. Деепричастие только не от глаголов, выпускающих *и* в основе наст.: *поя́, ро́я, бре́я, гния́, ду́я* (но не *лья, вья, бья* и т. п.).— Ударение форм, образованных от основы наст., обычно на корне; на окончании только в *пою́* и в глаголах с коренным *-и*, как *гнию́, гнию́т, вьёт* (исключается глагол *бре́ю*, а также книжное *почию*).

Основа инфинитива образует прош. вр.: *бри́ла, крыла, пела, била;* причастие прош. вр.: *бивший, почивший;* деепричастие совершенного вида: *накрыв, пролив, запев, прибив;* причастие страдательное от основы на *-а* оканчивается на *-н: знан, узнан;* от всех прочих на *-т: пропет, накрыт, сбрит, про́лит*. Ударение основы инфинитива в одних глаголах неподвижно: *бить, шить, крыть, рыть, обуть, петь, брить;* в других оно подвижно: сюда относятся только глаголы *пить, вить, лить* — в них ударение в прош. вр. переносится на *-а* в женском роде: *пила́, вила́, лила́;* в сложенных с предлогами так же: *пролила́, свила́, запила́*, причем в других формах прош. вр. ударение переносится на предлог: *про́лил, за́пили, за́вили*. В этих глаголах на *-ся*, сложенных с предлогом, ударение вообще переносится на окончания: *развился́, впила́сь, залили́сь, полился́*. Те же глаголы имеют такое же, как в прош. вр., колебание в причастии страдательном прош. вр.: *развита́*, но *ра́звит, пролита́, про́литы, о́тпито, о́блит* и т. д. В причастии страдательном от *знать* в сложенных с предлогами ударение в формах мужеского рода и мн. числа переносится на предлог: *у́знан, при́знаны, опо́знан*.

Относящиеся сюда глаголы несовершенного вида, но в сложении с предлогами они вида совершенного: *обую, почию, узна́ю, пропою́, зашью́*.

10-й образец. Перед *-ет* — *-ут* в наст. вр. является *aj*, в повелительном наклонении, деепричастии и причастии наст. страд. сохраняется основа на *-аваjе*; инфинитив представляет двусложную основу на *-ава*.

Сюда относятся: *сознаю́, признаю́, узнаю́, настаю́, достаю́, даю́*.

В наст. вр.: *даю, даёт, настаю́т;* причастие наст. вр.: *дающий, достающий, сознающий;* в повел.: *признавай, доставай, давай;* деепричастие: *признавая, доставая, давая;* причастие наст. страдательное: *даваемый, сознаваемый*. Ударение в основе наст. вр. на окончании; в основе повел. и деепричастия на слоге *-ва*.

Основа инфинитива имеет ударение на слоге *-ва* и притом неподвижное: *давал, дававший*.

Относящиеся сюда глаголы несовершенного вида; они представляются производными при соответствующих глаголах совершенного вида *(сознать, достать, дать)*, причем в наст. вр. отступают от обычного вида производных; в виду этого *даю́, сознаю́* и т. д. можно признать позднейшими новообразованиями вместо *дава́ю, сознава́ю, достава́ю*. Что до сложных с *даю́*, то они остаются несовершенного вида, ибо, напр., *задаю́* такое же производное несовершенного вида при *зада́ть*, как *даю́* при *да́ть*. Повидимому, *давай, давая* извлечено из глаголов, сложенных с предлогами.

11-й образец. Перед *-ет — -ут* в настоящем является *i̯(j)*, причем основа настоящего двусложна; двусложна также основа инфинитива, оканчивающаяся притом на *ja*.

Сюда относятся: *лаять, чаять; чуять; сеять, веять, блёять* (и *блеять*).

Основа наст. вр.: *лает, чаю, чуют;* повел.: *сей, вейте;* деепричастие: *сея*. Ударение основы обычно на корне, но только при *блёю* известно *блею*.

Основа инфинитива: *чуял, сеял, посеяв, чаявшие*. Ударение обычно на корне, только при *блёять* известно и *блеять*.

Сюда же относится многосложная основа *лелеять*.

Сюда же относится *вопиять;* основа наст. вр. *вопиje-*: *вопиют* (глагол этот церковнославянский и известен только в книжной речи).

12-й образец. Перед *-ет — -ут* в настоящем является *ej*, причем основа настоящего многосложна; основа инфинитива также неодносложна.

Сюда относятся глаголы со значением подвижного состояния: *богатею, стареюсь, краснею* и т. п., также *болею*. Ударение основы наст. вр. и инфинитива неподвижно и обычно лежит на *е*. Все эти глаголы несовершенного вида; совершенный вид они получают только в сложениях с предлогами: *устарею, состареюсь; забере́менею*.

При *стареюсь, состареюсь* употребляется с другим ударением: *ста́реюсь, соста́реюсь*.

13-й образец. Перед *-ет — -ут* является окончание производной основы *aj*; основа инфинитива на *а*.

Сюда относятся две группы глаголов: а) глаголы несложенные несовершенного вида и соответствующие сложенные совершенного вида; б) глаголы сложенные с предлогами несовершенного вида. В первой группе основа может иметь ударение на корне или на примете *а*: *слу́шаю, пры́гаю, ло́паюсь, ду́маю, ку́паю, па́даю, запры́гаю, меряю, отмеряю, воро́чаю, ку́шаю; чита́ю, игра́ю, ступа́ю, сажа́ю, стара́юсь, пострада́ю;* во второй группе ударение падает всегда на примету *а*: *отпада́ю, отмеря́ю, отвлека́ю, отсыла́ю, отставля́ю, покупа́ю, полага́ю, отреша́юсь*. В этой второй группе сравнительно небольшое число глаголов известно с тою же основой без сложения (следовательно, с основой, относящеюся к первой группе), напр., *объявляю — являю, отрешаю — решаю, наступа́ю — ступаю, отпускаю — пускаю, зарождаю — рождаю* (при всех этих глаголах несложенных несовершенного вида известны глаголы на *-ить* совершенного вида: *явить, решить, ступить, пустить, родить*); большая же часть таких глаголов не имеет при себе соответствующих глаголов несложенных.

Основа настоящего: *па́даю, па́дай, па́дающий, па́дая*. Ударение неподвижное или на корне или на примете *а*: *па́даю, гада́ю*.

Основа инфинитива: *падать, па́дал, па́давший, выпада́л, выпада́вший, прочита́в;* причастие страдательное: *читан, взволно́ван*. Ударение неподвижное или на корне или на примете *а*: *па́дал, гада́л, гада́ла, погада́в*. Но в причастии прош. страдательном ударение

переносится с *а* (*-ан, -ана, -ано, -аны*) на предшествующий слог: *чи́тана, воспи́таны, зако́паны, отга́дан, освиі́стан, зама́ран, пове́нчан, взволно́ван, отпи́хан, замо́тан, отпу́ган* и т. д. Понятно, что такое причастие образуется только в первой группе и совсем неизвестно от глаголов второй группы.

О видовых значениях глаголов этого образца сказано выше.

К этому же образцу относятся производные основы на *-ываю, -ывать, -иваю, -ивать*, которые являются в простых глаголах: *хаживаю, сиживаю* (с многократным значением) и в сложенных: *попиливаю, навёртываю, угадываю.*

14-й образец. Перед *-ет — -ут* является окончание производной основы *уj*; основа инфинитива оканчивается на *-ова, -ева.*

Большая часть относящихся сюда глаголов представляет многосложные основы; двусложная стала такова благодаря выпадению *ь* в глаголе: *днюю — дневать.* Обычно перед *-у* в наст., *-ова* в инфинитиве согласная тверда, но в некоторых глаголах видим мягкую согласную, причем *-ова* переходит в *-ева*: *днюю, горюю — горевать, ночую — ночевать.*

От основы наст. вр. производятся формы: *зиму́ю, советует, пра́зднуют;* повел.: *горюй, советуй, зимуйте;* причастие наст.: *чувствующий;* деепричастие: *празднуя, зиму́я.* Ударение основы наст. вр. неподвижное на корне или на примете *у*: *сове́тую, пра́здную, избалу́ю, зиму́ю, образу́ю.*

От основы инфинитива: прош. *зимова́л, горева́ла*; причастие прош. вр. *советовавший, почивавший*; деепричастие соверш. *почувствовав, отпраздновав.* Ударение неподвижное или на корне или на слоге *ва*: *поименова́л, зимова́ла* и т. д. Но в причастии страд. на *-ан* ударение со слога *ва* переносится на предшествующий: *поимено́ван, избало́ван, налино́вана.*

По общему правилу глаголы несложенные несовершенного вида, а сложенные совершенного: *зимую, зазимую.* Но некоторые несложенные употребляются в значении несовершенного и совершенного вида; сюда относятся, во-первых, русские глаголы: *ночу́ю, мину́ю, зиму́ю* (?), во-вторых, иностранные по происхождению своему глаголы, как *телеграфи́рую, аранжиру́ю, ассигну́ю, абониру́юсь, аресту́ю.* Церковнославянские сложенные с предлогами глаголы, как *образу́ю*, употребляются и в совершенном и в несовершенном виде. Простой церковнославянский *дару́ю* совершенного вида, сложенный *обнаро́дую* также совершенного вида; *прообразу́ю* несовершенного вида.

15-й образец. Перед *-ет — -ут* в двусложной основе является *уj*; основа инфинитива оканчивается на *-ова*, *-ева.*

Сюда относятся: *кую, сую, жую, клюю, плюю.* Отличием от предыдущего образца является двусложность основы настоящего и инфинитива, а также ударение на окончании основы в настоящем.

От основы настоящего: *кую́*, *куй*, *кую́щий, жующий, плюю́щийся;* деепричастие: *жуя́, плюя́* (но *куя* не употребительно). Основа инфинитива: *клевал, жевал, плевавший, жёванный.* Ударение

в основе инфинитива неподвижно на *ва*, но в причастии страдательном прош. оно переносится на предшествующий слог: *кóван, заплёван; разжёвано.*

9. Второе спряжение: 3-е лицо единственного и множественного — *ит* — *ат*.

16-й образец. В наст. вр. *-ит* — *-ат*; в инфинитиве основа оканчивается на *е (ѣ)*, которое после исконно мягких согласных *(j; ж; ч, ш, щ)* переходит в *а*.

Таким образом, благодаря звуковому изменению *ѣ* в *а* в основе инфинитива глаголы этого образца распадаются на две группы глаголов: на *-еть* и на *-ать*; к первой относятся, напр.: *сидеть, висеть, видеть;* ко второй — *лежать, дрожать, держать, пищать, слышать* и т. д. Обе группы отличаются и в наст. вр.; в первой перед *и; а* исконно твёрдые согласные, во второй исконно мягкие, восходящие к смягчившимся *г, к; х. Кишеть* заменило ожидаемое *кишать.*

Основа наст. вр. В 1-м лице ед. числа согласные перед *i̯* (*j*) основы смягчились и перешли при этом: *п, б, м; в; ф* в *пл, бл, мл (терплю, скорблю, шумлю), д, т* в *ж, ч (гляжу; сижу; верчу; лечу), с* в *ш (вишу).* В некоторых глаголах такого смягчения нет: при *бдеть* не является *бжу*. Формы наст. вр.: *вижу, видят; дрожу, дрожит;* причастие наст.: *сидящий; лежащий; кишащий, вертящийся, терпящий;* деепричастие: *сидя*[1], *лёжа, боясь, стоя; терпя́, глядя;* причастие наст. страдательное: *держимый, терпимый, слышимый*. Повел. накл. *сиди, лежи, терпи, вели, держи, дрожите;* от *видеть* повел. не употребительно; от *слышать* употребляется *слышь* в выражении *слышь ты*; от *бояться* — *бойся*, от *стоять* — *стой*. Ударение основы наст. вр. или неподвижно: а) на корне: *ви́дя, ви́димый, слы́ша, ви́дящий*, б) на окончании: *бои́тся, боя́сь, вися́, вися́т, вишу́, стучи́т, дрожа́т, велишь, велят, веля, кипя́т, ворчи́т, киша́т, киша́щий, торча́т, торчи́шь, торча́, пища́т, пища́, скрипя́; скрипи́т.* Или оно подвижно, причем в одних глаголах подвижность ударения замечается в наст. вр., а именно в 1-м лице ударение падает на окончание, а в остальных лицах оно ложится на корне: *смотрю́ — смо́тришь; терплю́ — тéрпишь, держу — дéржит; верчу́ — вéртит* (в деепричастии: *смотря́, терпя́, держа́, вертя́*); в некоторых же глаголах перенос ударения замечается только в деепричастии, где оно ложится на корне: *си́дя, лёжа, сто́я, гля́дя* (при *глядя́*).

От основы инфинитива: *видеть, видел, увидев, смотревшие, насмотревшись, стуча́л, стуча́ла, державшийся;* причастие прош. страдательное: *виденный, слышанный, дéржанный, рассмотренный, повелено́, умолчано.* Глагол *вертеть* образует *вéрчен*, как бы от основы

---

[1] В рукописи: *сижа* (очевидно, по описке; ср. ниже, в конце данного абзаца, форму *си́дя*). (Р е д.)

верти-; от *сидеть* в известных выражениях употребляется *сйжено; насиженное гнездо,* от основы *сиди-*. Ударение основы инфинитива неподвижное или на корне, или на примете *а, е: вйдеть, слышать, держать, мчать, смотрéть, сидéть, сидéл, сидéла, висéл, висéла*. В причастии страдательном ударение переносится с *а* на предшествующий слог: *дéржан;* от *повелеть* в причастии страдательном находим с наконечным ударением: *повеленó,* а от *велеть: вéлено*. О причастиях *вéрчен, сйжен,* образованных не от основы инфинитива, сказано выше. Отметим ударение *завйсеть* при *висéть*.

От глагола *видеть* известна еще форма *вишь* (*ишь*) в выражениях *вишь ты, вишь как, вишь оно* и т. п.; *вишь* восходит к первоначальному *вижь* 2-го лица повелительного при существовавшем некогда *вимь (подобно как при дамь существовало дажь).

Глагол *обидеть,* сложенный от *видеть* с предлогом *об;* причастие страдательное *обижен,* ср. указанное выше *верчен*.

При *стоя́ть* явилось *стóить* с другим значением; возможно, что новообразование это исходило из форм наст. вр. *стою́, стóишь, стóит, стóят;* отсюда 1-е лицо ед. *стóю* и затем неизбежное новообразование *стоить*. О глаголе *бежать* см. образец 21-й. Быть может, *знáчить* заменило *значáть* так же, как *стóить* заменило *стоя́ть*.

Большая часть относящихся сюда глаголов в несложенном виде представляет вид несовершенный, а в сложениях с предлогами вид совершенный. Однако совершенный вид имеет глагол *велеть,* употребляющийся и в несовершенном виде (*я этого ему не **велю**, хозяин не **велит**;* но — *я **велю** принести, **вéлено** не пускать*). Замечательно, что *зависеть* имеет несовершенный вид; также *ненавидеть;* вероятно, оба глагола книжные, церковнославянские.

17-й образец. В наст. вр. *-ит — -ат;* основа инфинитива оканчивается на *и*.

Звук *и* переходит в *j* и влияет таким образом на смягчение согласной в двух формах в спряжении глаголов на *-ить:* в первом лице ед. ч. наст. вр. перед окончанием *-у* (из *ǫ*) и в причастии прош. страдательном перед суффиксом *-ен;* напротив, перед *-е* во 2-м лице ед. и мн., 1-м лице мн. и в 3-м лице мн. наст. вр. *и* не переходит в *j*; *ие, иǫ* (откуда *иę*) сливаются в *и, ę* (отсюда в русском языке *а*); итак, *носи-ǫ* дало *ношǫ, носи-ен — ношен,* а *носиеши, носиеть, носиемъ, носиете — носиши, носить, носимъ, носите; носи-ǫть* дало *носиęть* и далее носѧть (по-русски *нос'ать*). Мне неясна причина такого различия: возможно, что оно зависело в некоторых глаголах от различия в ударении и отсюда переносилось в другие глаголы: в *учу́, учён* ударение падало на *ǫ, е,* между тем как в *у́чишь, у́чат* оно падало (как и теперь) на предшествующий окончанию основы слог. Смягчаясь перед *j* из *i,* согласные подвергались таким изменениям: *п, б, м, в* (*ф*) переходили в *пл, бл, мл, вл* (*фл*), напр., *куплю, влюблён, сломлен, резвлюсь, славлю* (*потрафлю*); только в глаголах церковного происхождения находим в причастии страдательном сохранение *в, м* перед *-ен: затмен, благословен;* в позднейшем по времени появления глаголе *клеймить* находим также *клеймённый* и даже

клеймю (?); *с; з* переходят в *ш; ж: вожу, ношу; поражу, прошу; д, т* в русских глаголах переходят в *ж; ч: рожу, хожу, сужу; шучу; колочу, сколочен; огорожен; д; т* в глаголах и формах церковнославянского происхождения переходят в *жд, щ: осуждён; предупреждён* (но *предупрежу* под русским влиянием), *освящу; упрощу, рождён, прекращу; запрещён, прекращён, огражден, вознаграждён, просвещён* и т. д.; *ст* переходят в *щ: прощён; перемещён; пущу; зд* в *жж* (пишется *зж, жд*): *езжу; заезжен; пригвождён, нагромождён.* Что до задненёбных, то они изменяются в соответствующие щипящие во всех формах от обеих основ в положении именно перед звуком *и: лечу, лечить, тужить, порóчат, перечишь* и т. д.

От основы наст. находим: *хорóнят, молóтишь, прошý;* в повел. наклонении *и* под ударением: *хорони́, учи́те, носи, вози́те, предупреди,* реже в неударяемом положении после двух согласных: *чисти, кончи* (но понятно, систематически в сложенных с *вы́-: вы́проси, вы́учи* и даже *вы́броси, вы́краси,* однако *вы́ставь*); *и,* не имеющее на себе ударения, отпадает, оставляя след на мягкости предшествующей согласной: *славь, прославьте, брось, не чванься, покрась* (от *укрáсить* едва ли употребляется повел. наклонение), *упрочь, поставь.* После гласных *и* обычно заменяется через *й: устрóй, успокóй, удвóй, присвойте;* но под ударением находим *и́: утай, скрой, скройте* (но *заклéй*). Причастие наст. вр.: *говорящий, носящий, стáвящий* и т. д. Деепричастие: *нося́, любя́, судя́, ценя, куря* и т. д., *носясь, переносясь.* От глаголов совершенного вида образуется деепричастие совершенное на *-ясь: перекрестясь, устремясь, простя́сь, пленясь, лишáсь;* деепричастия совершенного вида на *-я* вышли из употребления, сохранившись только в некоторых наречных выражениях (*положа, потупя, сломя, спустя* и т. д.).

Ударение основы наст. вр. может быть неподвижным: а) на корне напр.: *мóлвлю, стáвлю, прослáвлю, брóшу, трáчу, покрáшу, кóнчу, си́литься,* б) на окончаниях: *грубя́т, резви́тся, черни́т, весели́т, сочиня́ть, дари́м, прости́м, морю́, поразя́т, огради́м, моря́т, тужи́т, роди́ть, лишáт, храня́т, решáт, грешáт.* Оно бывает и подвижным, а именно падает на окончания в 1-м лице ед. наст. вр., а также в деепричастии и причастии, и еще в повел. накл. — переносится на предшествующий слог во 2-м и в 3-м лице ед. и мн., а также в 1-м лице мн.; итак, *хожý, ходя́, ходя́щий; ходи́,* но *хóдишь, хóдят;* сюда же: *ношý, учý, хороню́, брожý, курю́, чиню́, лечý, служý, поручýсь, тащý, ворочý, пущý, заявлю́, куплю́, наступлю́, потружýсь, положý, загорожý, прошý, кучý, хвачý, колочý, молочý, тороплю́, варю́, укорочý, заплачý* и т. д. Группа глаголов с подвижным ударением многочисленнее группы глаголов с неподвижным ударением на окончании и, быть может, первоначальнее ее; в глаголах *платить, садить* при переносе на него ударения звук *а* заменяется через *о; заплóтит, пасóдим* (в простор. и областном языке это явление еще более распространено: *падóрим,* вместо литер. *подари́м, навóрим,* вместо *навáрим*).

От основы инфинитива образуются: прош. вр. *носи́л, носи́ла;* причастие прош.: *носивший, учи́вший;* деепричастие совершенного вида: *поносив, подарив, научившись, окрасившись, сохранившись, накури́вшись, набро́сившись.* Причастие страдательное прош.: *но́шенный, захвачен, заморо́жен, застрелен, прощён, учинено, ку́плено, обесчёщен.* Ударение в формах, произведенных от основы инфинитива (кроме, однако, причастия страдательного), неподвижное или на корне, или на примете *и: сла́вил, сла́вила, просла́вив, просла́вившие; учил, учи́ла, научи́в;* только при *роди́л, роди́ли, роди́ло,* находим *родила́,* (и также: *родился́, родили́сь, родило́сь*). В причастии страдательном ударение или переносится на предшествующий суффиксу *-ен-* слог: *поно́шен, похоро́нен, заме́чен, нау́чен, запу́щен, зая́влен, ку́плен, загоро́жен, запро́шен, прихва́чен, поколо́чен, обмоло́чен, зава́рен, укоро́чен, зада́влен, зава́лен, заплачен* (произносится *заплочен*), *поса́жен* (произносится *посожен*), *пору́чен, сло́млен, надло́млен;* в женском роде то же ударение: *запу́щена, зая́влена, запро́шена, заколо́чена, укоро́чена* и т. д. Или же ударение причастия падает на *е* в мужеском роде, переносясь на окончания в женском, среднем роде и во мн. числе: *влюблён, влюблены́, похоронён, похоронена́, прощена́, научён, научена́, лишён, лишено́, рождён, рождены́, осуждён, осуждена́, освящён, освящена́* и т. д. Неясно, как, по какому основанию распределяются глаголы в обеих указанных группах.

Относящиеся к настоящему образцу глаголы по общему правилу вне сложения с предлогами имеют вид несовершенный, а в сложении с предлогами совершенный. Но при этом оказываются и исключения. Во-первых, ряд глаголов, несложенных с предлогами, имеют вид только совершенный, или, сохраняя вид несовершенный, могут иметь значение и совершенного вида; к глаголам, имеющим только совершенный вид, относятся: *решу, лишу, ступлю, явлю, куплю, брошу, кончу, прощу, хва́тит* (напр.: *по́ лбу, до весны*), *пущу, пленю;* к глаголам, употребляющимся и в совершенном и в несовершенном виде, принадлежат: *воро́тит* (*он* ***воро́тит*** *деньги,* но — *он рыло* ***воро́тит***), *роди́т, женит, роди́тся, женится, мо́лвит* и, кажется, *кре́стит.* Во-вторых, некоторые глаголы, сложенные с предлогами, сохраняют вид несовершенный: сюда относятся сложенные с предлогами глаголы моторно-неопределенного значения, как *относить, выносить, заводить, выводить, привози́ть, вывози́ть, зала́зить, выла́зить.*

10. Третье спряжение: 1-е лицо единственного числа на *-м.*

18-й образец. Основа наст. вр. оканчивается на согласную. Сюда относятся: *дам — дать* (основа наст. *дад-,* основа инфинитива *да-*): *дам, дашь* (вместо исконного *даси* из *дад-си*), *даст* (из *дас-ть*), *дади́м, дади́те* (основа *дади-* извлечена из повел. накл., которое, как увидим, производится теперь от основы *да-*), *даду́т* (вместо ожидаемого *дадят,* из дадать). — В повел. накл.: *дай, дайте* (ср. *не дай бог, подай;* от *даю́* имеем *давай*). — От основы инфинитива: *дал, дала́, да́ло, да́ли, про́дал;* причастие страдательное: *дан, дана́, дано́,*

даны́; ро́здано, про́дано; деепричастие совершенного вида: *зада́в;* причастие прош. вр.: *отда́вший, да́вший.* Подвижность ударения основы инфинитива выражается в том, что в прош. вр. и причастии страдательном оно переносится в несложенных на окончание, а в сложенных переносится на предлог в мужеском, среднем и во мн. числе, оставаясь на окончании в женском роде; в глаголах на *-ся* ударение в прош. вр. переносится на окончание: *дался́, удался́, удало́сь, задали́сь.*

Ем — есть (основа настоящего *ед-,* основа инфинитива также *ед-*): *ем, ешь* (вместо исконного **ѣси** из *ѣд-си*), *ест* (из *ѣс-ть*), *еди́м, еди́те* (основа *еди-* извлечена из повел. накл.), *едят.* — В повел. накл.: *ешь, ешьте* (вместо *ежь, ежьте*). От основы инфинитива: прошедшее: *ел, ела, ело, ели, съел, поели, наелся,* причастие прош.: *евший;* деепричастие: *поев, заев;* причастие страдательное: *съеден, изъедена.* — Ударение в наст. вр. на окончаниях; основа инфинитива имеет неподвижное ударение на корне.

Есмь — быть. Формы наст. вр. вышли из употребления. Сохранились только формы 3-го лица ед. и мн. в весьма редких, впрочем, выражениях, напр.: *а **есть** а,* также в значении — имеется: *там всё **есть,** у нас **есть** все, что вам нужно;* 3-е лицо мн. *суть* изредка употребляется и в значении 3-го ед.: *это не **суть** важно.* Повел. накл. образуется от основы *буд-: будь, будьте, забудь.* Деепричастие: *бу́дучи.* От основы *буд-* образуется также и *буду, будешь* и т. д., в значении будущего времени: *забуду, побуду, добуду.* Причастие буд. вр.: *будущий.* — Основа инфинитива *бы-;* от нее, кроме инфинитива, произведены: *был, была́, бы́ло, бы́ли, забы́л, вы́был;* причастие прош.: *бывший;* деепричастие: *быв, забыв, забы́вшись.* — Ударение основы инфинитива подвижное: в прош. вр. оно ложится на окончании в женском роде: *была́,* сохраняясь в других формах на корне: *бы́ло, бы́ли;* в сложенных с предлогами такой же перенос в женском роде: *добыла́, прибыла́, отбыла́, пробыла́;* в прочих формах ударение переносится на предлоги: *до́был, при́были, о́тбыл, про́были;* но в *забы́л* ударение неподвижно: *забы́ла, забы́лся.*

11. Неправильные глаголы.

Некоторые отступления от обычных отношений нам пришлось отметить уже выше. Здесь мы рассмотрим преимущественно те глаголы, которые образуют основы наст. вр. и инфинитива от разных вообще несочетающихся основ, а также и те, которые в пределах наст. вр. представляют формы, образованные от разных основ.

19-й образец. Относим сюда те глаголы, которые в наст. вр. изменяются по первому спряжению.

Глагол *иду́ — идёт, идут;* ту же основу находим в повел. *иди́, иди́те,* в причастии наст. вр. *идущий,* в деепричастии *идя, и́дучи.* После предлогов *иду* изменяется в *йду: найду, зайду, уйду, пойду, сойду, выйду, отойду;* после *и й* отпадает: *приду́;* в этих сложениях

деепричастие на *-а: найдя, выйдя, придя, сойдя́сь.* — Основа инфинитива *и-: итй,* однако, заменилась формой *идти,* этимологически восходящей к *ид-ти,* причем *ид-* из основы наст. вр., ср. *найти, вы́йти;* отметим в сложных причастиях страд. *на́йден, про́йдено.* — От этой основы не могут быть произведены те формы, которые обычно восходят к основе инфинитива; эти формы производятся от основы шьд- (*шед-* в одном положении, *ш-* в другом); ср. *шёл, шла, шло, шли, пошёл, вышел;* причастие прош.: *шедший, вышедший, нашéдшие;* деепричастие: *ушедши* (диалектическое произношение: *ушодши*), *нашедши, вышедши.* — Глагол *идти* имеет значение определенно-моторное.

Глагол *еду, едет, едут;* формы повел. от этой основы не образуются (в противоположность областному языку) и заменяются формами *поезжай, поезжайте* (от вообще не употребительной основы *поезжа-*); прич. наст.: *едущий;* деепричастие *едя* не употребительно, выходит из употребления также *едучи.* — Основа инфинитива *еха-*: прошедшее *ехал, ехала;* причастие прош.: *ехавший;* деепричастие: *съехав, съехавшись, въехав.* — Глагол *ехать* имеет значение определенно-моторное.

Глагол *обрящу, обрящется* (*обрести, обрестись*) церковнославянского происхождения, что ясно из звука *щ* в наст. вр. Сходствуя по образованию основы настоящего и инфинитива с глаголами 8-го образца, приведенный глагол представляет в этих основах два разных вида корня (ср. *сяду — сесть*). Глагол этот совершенного вида.

Глагол *реву — ревёт, реву́т;* повел. *реви́;* причастие: *ревущий;* деепричастие не употребительно. Инфинитив от основы *реве-;* отсюда же *ревел, ревела, ревевшие, заревев.*

Глагол *сшибу, ошибусь — сшибёт, ошибутся;* повелительное: *ошибись.* Основа инфинитива *ошиби-*, от нее образован инфинитив *ошибиться*, *сшибить*, а также деепричастие *ошибившись;* причастие прош.: *ошибившиеся;* от этой же основы причастие прош. страд.: *сши́блен, заши́блен.* Рядом основа *ошиб-*: от нее произведены прош. вр. *ошибся, сшиб, ошиблась, сшибли, ушибся.*

20-й образец. Относим сюда глаголы, изменяющиеся в наст. времени по второму спряжению.

Глагол *гоню́, го́нит, го́нят;* повел. *гони́, загони́те, прогони́те;* причастие наст.: *гонящий, гоня́щийся;* деепричастие *гоня́.* Основа инфинитива *гна-* (из *гъна-*): прош. *гнал, гнала́, гна́ло, гна́ли, гнался́, гнало́сь, гнали́сь;* причастие прош.: *гнавший, прогна́вший;* деепричастие: *прогнав, нагнав, погнавшись;* причастие страдательное: *про́гнан, загнана́, за́гнаны.* Эта основа с подвижным ударением, как видно из приведенных форм; но в прош. вр. ударение не переносится на предлог (*прогна́л, прогнала́, прогна́ли, загна́ли, погнался́*); в причастии страдательном ударение в формах не женского рода на предлоге (*ото́гнан, ото́гнаны*, но *отогнана́*). Значение *гоню, гнать* определенно-мото́рное.

Глагол *сплю, спиш, спят;* повел. *спи, спи́те;* причастие наст.: *спящий.* Основа инфинитива: *спа-*: прош. *спал, спала́, спа́ли;* причастие прош.: *спавший*, деепричастие: *поспа́в, вы́спавшись;* причастие

страдательное: *за́спанный*. Эта основа имеет подвижное ударение: оно переносится на окончание женского рода *-ла́*, также на *-ся́*, *-ла́сь*, *-ло́сь*, *-ли́сь* в прош.; на предлог в других формах: *проспала́*, *проспался́*, *проспала́сь, проспали́сь;* но *про́спал*, *про́спали;* а также в причастии страдательном *за́спанный*.

21-й образец. Сюда относим глаголы, представляющие в наст. вр. две основы: одну, изменяющуюся по первому, другую — по второму спряжению.

Глагол *хочу, хочешь, хочет* с основой *хоче-* в ед. числе, *хотим*, *хотите, хотят* — от основы *хоти-* во мн. числе; повел. не употребляется, заменяясь формой *захоти́;* старая форма *хочи́* исчезла (2-е лицо наст. *хошь* едва ли не вместо *хочи́*, *хочь*, проникших в наст. вр.). Причастие наст. вр. *хотящий*. Деепричастие: *хотя* (употребляется как союз).

Основа инфинитива *хоте-*: *хотел*, *хотела; хотевший; захотев*.

Глагол *бегу́*, 3-е л. мн. *бегу́т;* остальные формы наст. вр. от основы *бежи-*: *бежишь*, *бежи́т*, *бежи́м*, *бежи́те;* повел. накл. от основы 1-го лица и 3-го лица мн.: *беги* (вместо первоначального *бези*), *беги́те;* причастие наст.: *бегу́щий;* едва ли употребительно деепричастие *бежа́*.

Основа инфинитива *бежа-*: *бежа́л, бежа́ла; бежа́вший: забежа́в*. Значение *бегу, бежать* определенно-моторное.

Глагол *чту*, 3-е лицо мн. *чтут;* остальные формы наст. вр. от основы *чти-: чтишь, чтит, чтим, чтите;* причастие наст.: *чтущий*. Основа инфинитива *чти-: чтил, чти́ла, чтивший*. Рядом основа *чт-* (из *чьт-*): причастие страдательное *почтён*. В сложенном *почтить* в наст. вр. *почту,* а во всех остальных лицах основа *почти-: почтишь, почтят*. (Рядом известен другой глагол *почесть: почту*, *почтёт*, *почту́т;* прошедшее *почла* и т. д.)

ПРИЛОЖЕНИЕ

I. ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ.

(ИЗ „ОЧЕРКА СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА".)

Заманчивою представлялась бы возможность определить в церковнославянских элементах, сохранившихся в нашем литературном языке, те разные слои, которые, казалось бы, они должны обнаруживать. Из предыдущего видно, что южнославянское влияние возобновилось на Руси в конце XIV в., захватывая и XV в.; оно шло не только посредством выходцев из Болгарии и Сербии, занявших на Руси видное положение в качестве церковных и литературных деятелей, но и путем влияния Афона, где русские люди встречались с южными славянами, где переписывались русскими монахами и богомольцами сербские и болгарские церковнославянские памятники. Таким образом, в церковнославянских элементах нашего литературного языка надо различать по крайней мере два слоя: древнейший, основной, восходящий к XI в., и позднейший, проникавший к нам не раньше конца XIV в. Разумеется, более детальное исследование могло бы обнаружить еще несколько промежуточных и последующих наслоений, ибо болгарские рукописи притекали к нам и в XII и в XIII в., отражая на себе различные школы письма и языка, возникавшие и в Восточной и в Западной Болгарии, а связь русской письменности с южнославянской не прекращалась и в XVI и в XVII столетии, но пока мы имеем слишком мало подготовительных работ, для того чтобы разобраться во всех этих наслоениях. Скажу больше: я не сумел бы даже разграничить оба указанные выше слоя и не нахожу под руками данных для определения того, какие церковнославянизмы надо признать древнейшими, какие новейшими. Впрочем, некоторые соображения могут быть высказаны на основании наблюдений над памятниками.

Мы знаем, например, что церковнославянское жд очень рано уступило место русскому произношению с *ж*, и это в противоположность устойчивому сохранению церковнославянского щ, сравнительно редко уступавшего свое место русскому *ч*. Имеем возможность указать на несколько памятников XII в., где жд систематически заменяется через ж. Напр. в стихирарях XII в., писанных в Новгороде, можно указать такие, которые почти систематически заменяют жд через ж и лишь редко имеют ч вм. церковного щ. Очевидно, *ж* проникло в церковнославянский язык на Руси так же, как в него проникло произношение

у и *а* вместо юсов: юсы были чужды русскому произношению, и так же чуждо было сочетание *жд:* его избегли, произнося вместо него *ж;* гораздо реже и единичнее оно произносилось как русское сочетание *ждж* с диалектическими его изменениями[1]. Между тем в современном литературном языке *жд* в качестве церковнославянизма держится чрезвычайно устойчиво, захватывая обширные категории грамматических образований и господствуя во многих словах (см. ниже). Ввиду этого позволительно отнести произношение с *жд* на счет позднейшего церковнославянского слоя. Сходные соображения, но с меньшею определенностью, могут быть высказаны и по отношению к некоторым другим категориям церковнославянских элементов (напр., к категории, обнаруживающей звук *о* на месте подлежавшего выпадению ъ). Тем не менее, я не решаюсь разграничить в дальнейшем изложении древнейший и новейший слои церковнославянских элементов.

Определить все эти элементы дело слсжное и едва ли достижимое иначе, как путем тщательного исследования истории церковнославянского языка в русских памятниках. Но некоторые элементы выделяются без труда как противоречащие звуковым особенностям русского языка; выделение их весьма поучительно, ибо оно обнаруживает на неопровержимых данных тот густой слой церковнославянских элементов, который сохранился в нашем литературном языке до сих пор, несмотря на всю его демократизацию и многовековое влияние на него языка русского. Установлю теперь несколько категорий бесспорных церковнославянских элементов.

1. Сочетания *ор, ер, ол, ел*[2].

Сочетания *ор, ер, ол, ел* общеславянского праязыка изменились в общерусском праязыке в сочетания *оро, ере, оло, еле* (но после *ж, ш, ч* на месте *ел* не *оло*, а *ело,* точнее *ӧло*); в древнеболгарском те же сочетания изменились в ра, рѣ, ла, лѣ (но после ж, ш, ч на месте ел диалектически при лѣ также ла). Если поэтому мы вместо ожидаемых русских сочетаний *оро, ере, оло* (*ело*) или рядом с ними найдем в тех или иных словах сочетания *ра, рѣ* (*ре*), *ла, лѣ* (*ле*), то с уверенностью признаем такие слова остатками церковнославянского основания нашего литературного языка, церковнославянизмами. Не трудно привести десятки подобных слов: их много среди существительных и среди глаголов и даже среди неизменяемых частей речи; с представлениями об этих словах частью связываются понятия, чуждые житейской обыденности; это или книжные понятия, или церковные, или отвлеченные; ясно, что отсутствие соответствующего русского народного слова было причиной сохранения в нашем языке всех этих слов; иногда соответствующее русское слово налицó, но значение его иное (большею частью оно более реально, чем книжное, церковнославянское слово), и это служило основанием к сохранению чужеземного собрата. В ни-

[1] На это указывают написания, как прежде в южнорусских памятниках.
[2] Обозначения подразделений данной главы отсутствуют в рукописи. (Ред.)

жеследующем списке приведена значительнейшая часть слов, церковнославянское происхождение которых доказывается отмеченным фонетическим признаком. Располагаю эти слова по извлекаемым из них корням и указываю соответствующие русские образования.

благ — (русск. **болог-**: ср. название местности *Бологое*): *благой*, *блаженство*, *блажить*, *поблажка*, *ублажать* и др. (диалект. *благо* в значении «плохо», вероятно, также церковного происхождения; для переноса значения ср. *блажить*, *блажной*);

бран — (русск. **борон-**: *оборона*, *оборонять*): *брань*, *бранить*, *возбранять*;

бразд — (русск. **борозд-**: *борозда*): *бразды* правления;

брег — (русск. **берег-**: *берег*, *бережистый*): *безбрежный*;

брег — (русск. **берег-**: *берегу*, *бережливый*): *пренебрегать*, *небрежный*;

брем — (русск. **берем-**: *беремя*, *беременный*): *бремя*, *обременять*;

влаг — (русск. **волог-**): *влага*, *влажный*;

влад — (русск. **волод-**: древнее володѣть, *волость*): *владыка*, *владеть*, *владать*, *совладать*, *власть*, *властный*, *область*, *властвовать*;

влак — (русск. **волок-**: *оболочка*, обл. *оболоко*): *облако*, *влачить*;

влас — (русск. **волос-**: *волос*, *волосяной*): *власяница*;

влек — (русск. **волок-**: *волоку*, *проволочка*): *облекать*, *развлекать*, *увлекать*;

враг — (русск. **ворог-**: *ворог*, *ворожить*, ворождоу, Ипат. 1336): *враг*, *вражеский*, *вражда*;

врат — (русск. **ворот-**: *ворота*): *врата* царские (в церкви), *привратник*;

врат — (русск. **ворот-**: *приворот*, *переворот*, *ворочать*): *превратный*, *совратить*, *отвратить*, *возврат*, *разврат* и т. д.;

врач — (ц.-слав. врачь);

вред — (русск. **веред-**: *веред*): *вред*, *вредный*, *повреждать*;

врем — (русск. **верем-**: древнерусск. веремѧ): *время*, *временный*, *повременить*;

глав — (русск. **голов-**: *голова*, *заголовок*, *головной*): *глава* в книге, *глава* предприятия; *главенство*, *заглавие*, *главный*;

град — (русск. **город-**: *город*, *городской*, *горожане*): *градоначальник*, *градоправитель*, *гражданин*, *ограда*, *ограждать*, *преграда*, *награда*;

глас — (русск. **голос-**: *голос*, *голосистый*, *голосовой*, *безголосный*): *возглас*, *гласный*, *согласие*, *огласить*, *приглашать*;

драг — (русск. **дорог-**: *дорогой*): *драгоценный*;

древ — (русск. **дерев-**: *дерево*, *деревянный*, *подерёвно*): *древесный*, *древонасаждение*;

жреб — (русск. **жереб-**: *жеребей*, *жеребьёвка*): *жребий*;

здрав — (русск. **здоров-**: *здоров* из съдоровъ): *здравый* (из съдравъи), *здравие*, *здравствовать*, *здравствуй*;

злат — (русск. **золот-**: *золото*): *златоструй*, *златокованный*, *златолюбие*;

зрак — (русск. **зорок-:** *близорукий* вместо близозорокий, древнее прозорочьныи): *зрачок, призрак, прозрачный, невзрачный;*

крат — *многократно, кратный;*

крат — (русск. **корот-:** *короткий, коротать, укоротить*): *краткий, сокращать, кратчайший, прекратить;*

мраз — (русск. **мороз-:** *изморозь, мороз*): *мразь;*

млад — (русск. **молод-:** *молодой, молодец*): *младенец;*

мрак — (русск. **морок-:** *обморок, морочить*): *мрак, омрачать;*

млек — (русск. **молок-:** *молоко, молочный*): *млечный* путь, *млекопитающие;*

нрав — (русск. **норов-:** *норов, норовить, приноровляться*): *нрав, нравственный, нравиться;*

пращ — (русск. **порочь-:** *пóроки*): *праща;*

плен — (русск. **полон-:** *полон, заполонить*): *плен, пленить;*

празд — (русск. **порозд-:** *порожний* из ***пороздьний**): *праздный, праздник, празднество, упражнять;*

плам — (русск. **полом-:** *поломя, полымя*): *пламя, пламенный, воспламенить;*

прах — (русск. **порох-:** *порох, порошинка*): в пух и *прах, прах* родителей, идет *прахом;*

пре — (русск. **пере-:** *перестать, перенять, пересилить*): *предать, преемник, преступить, преступник, превращать, определять, преображаться, пренебрегать, превозносить, престол, претерпеть, преграда;* сюда же *пре-* как частица усиления: *прекрасный, прелестный, пренеприятный, превыше* (в русском языке церковное прѣ- заменялось через при-, как видно из некоторых памятников XI—XII вв., позднее диалектически на северо-западе и в Пскове через про-: прольстиша; ср. Каринский, Язык Пскова, стр. 136);

пред — (русск. **перед-:** *перед, передок, передний,* древнее переже): *пред, предок, прежде,* диалект. и простонар. *преже, допреж; предводитель, председатель, предназначать, преддверие, предвкушать, предзнаменование, предопределение, представление, предотвратить, предупреждать;*

прек — (русск. **перек-:** *поперек, перечить*): *прекословие, прекосердие, вопреки;*

прет — *запрет, запрещать;*

смрад — (русск. **смород-:** др. смородъ): *смрад;*

срам — (русск. **сором-:** др. соромъ, соромяжливыи): *срам, срамить;*

сред — (русск. **серед-:** *середа, середина, серёдка*): *среда, средний, средостение;*

слад — (русск. **солод.:** *солодкий* корень, *солод*): *сладкий, сладость, сласть;*

стран — (русск. **сторон-:** *сторонá, сторонний*): *странá, странный, страница;*

страж — (русск. **сторож-:** *сторож, сторожить*): *стража, стражник;*

треб — (русск. **тереб-:** др. перстеребяють): *треба, потреба, непотребный, требовать, употребить;*

трезв — (русск. **терезв-, тверез-:** ср. терезвн (Вопр. Кирика): *трезвый;*
хлад — (русск. **холод-:** *холод, холодный*): *охладить, прохлада;*
храбр — (русск. **хоробр:-** диалект. и др. *хоробрый*): *храбрый;*
хран — (русск. **хорон-:** *хоронить, похороны*): *охрана, сохранный, сохранять;*
член — (русск. *челон-: др. челонъ): *член, расчленить, членный;*
чред — (русск. черед-: *черед, очередь*): *учреждать, учреждение;*
чрев — (русск. черев-: *черёва*): *чревоугодник, чревовещатель;*
чрез — (русск. через-: *через*): *чрез, чрезмерно, чрезвычайно;*
шлем — (русск. шелом-: др. шеломъ): *шлем.*

В этот список не включены слова, не употребительные теперь в разговорной речи, но едва ли чуждые ей в XVIII в., как, напр., *хлад, брег, чрево, страж, град, глас, злато, зрак, млад, мраз, древо* и т. п.

Значительное число приведенных выше слов потеряло книжный характер и охотно употребляется в просторечии, напр.: *здравствуй, нрав* и *ндрав, мразь, время, вред, брань, враг, срам* и *страм, сладкий;* не говорю уже о тех словах, которые выражают понятия, ставшие достоянием просторечия в силу культурных условий, как *страница, глава, треба, член, праздник, среда, здравие, гласный, владыка* и т. п.

Отмечу употребление церковнославянских слов в сложениях, как *млекопитающие, древонасаждение, чревоугодник, драгоценный, средостение, златолюбие;* такие сложения возникали в книжном языке по образцу древнего церковного языка, сковавшего ряд сложений под влиянием греческого.

Сочетаниям с *е* в приведенных словах соответствуют в древнеболгарском сочетания с ѣ: врѣмѧ, врѣдъ, прѣжде, прѣдъ, чрѣзъ, срѣда, шлѣмъ, члѣнъ и т. д. Как указано выше, болгарское ѣ (= *ä*) в южнорусском церковнославянском произношении передавалось не через ѣ (ибо *ѣ* в русских словах произносилось как *ie*), а через е. Замечательно, что наше правописание сохранило *е*, восходящее в этих словах к памятникам XI—XII вв. (ср. в них, например, написания среда, времѧ, млеко, влекоу, шлемъ и т. п.).

Исключение составляет слово *плѣнъ*[1]. Не указывает ли это на то, что *плѣнъ* не принадлежит к древним заимствованиям, что оно вошло в русский язык в позднейшую эпоху (XIV—XV вв.)?

2. Сочетания *ра, ла* в начале слова.

Сочетания общеславянского праязыка *ор, ол* в начале слова при одних условиях перешли в *ро, ло* в общерусском праязыке, в ro, ło в западнославянских языках, в ra, ła в южнославянских, следовательно,

[1] Это слово до реформы орфографии 1918 г., действительно, писалось с ятем в корне, в то время как в аналогичной группе прочих древнеболгаризмов обычно были написания с *е* (*время, древо, прежде, влеку* и под.). (Ред.)

и в древнеболгарском языке (при других условиях во всех славянских языках находим ra, la, получившиеся, очевидно, еще в общеславянскую эпоху). Итак, в ряде слов русским сочетаниям *ро, ло* в начале слова соответствуют церковнославянские ра, ла. Слова нашего литературного языка, имеющие *ра, ла* в начале вместо ожидаемых и известных в русском, частью только диалектически, *ро, ло*, должны быть признаны остатками церковнославянского языка:

раб, раба, работать (ср. древнерусск. робa, севернорусск. *робота, роботать*, украинское *робити*),

расту, возраст, растение, растительность (ср. русск. *рост, рос, вырос, поросль*),

раз-, рас-, напр. в *ра́зум, распятие, расчища́ть, разубеждать, распределять, развлекать, разврат, разбранить, расчленить, разглашать, расторгать, растерзать* и т. п. (ср. русск. *роз-, рос-*: *ро́звязь, ро́спись, ро́звальни, ро́счерк*, украин. *розрива́ти, ро́зум, розсо́ха, розчиняти, розщо́т*, севернорусск. *розбить, рознять*), *разный, разница, разноречие, разномыслие* (ср. русск. *ро́зно, ро́зница, рознь, по́рознь*),

ладия (в книжном выражении: утлая *ладия*, также фигура в шахматной игре (*ладья*) (ср. древнерусск. лодья, совр. *лодка*).

Конечно, *а* в письменном *расту* можно объяснить и следствием аканья, ср. при этом *рос*, но вероятнее, что здесь сохранилось старое правописание, свидетельствующее о старом (церковнославянском) произношении.

3. Группа *жд* вместо *ж*.

Общеславянское сочетание dj еще в общеславянском языке подверглось изменению благодаря ассимиляции d следующему j: из dj получилось ǯ́ǯ́ (ǯ́ означает мягкий звук *дж*): отсюда в общерусском праязыке ž́ (*ж* мягкое), в западнославянских языках *z* и *dz*, в древнеболгарском жд. Общерусскому праязыку сочетание *жд* не было совсем известно; в позднейшем языке *жд* является в результате изменения группы *жьд* вследствие выпадения в ней *ь*, ср. совр. *ждать* из жьдати, древнерусск. кождо из къжьдо. Почти все слова, где в современном литературном языке является сочетание *жд*, могут быть признаны остатками церковнославянского языка; при многих из них имеются исконно русские слова с звуком *ж*. Эти церковнославянские слова и образования распадаются на две группы:

а) группа отдельных слов, б) образования многокр. вида глаголов на *-ать* и причастия страд. залога на *-ен*, при них существительные отглагольные на *-ение*.

Из отдельных слов отметим:

вождь (кор. *вод-*: *водить*, древнерусск. вожь), *жажда, жажду* (кор. *жад-*: *жадный*, древнерусск. жажа), *невежда* (кор. *вед-*, ср. совр. *невежа*), *между* предл. (кор. *мед-*, древнерусск. межю, межи, ср. *межа, межеумок, смежный*), *междометие* (т. е. interjectio), *одежда* (кор. *дед-*, древнее и совр. *одежа, одёжа*), *надежда* (кор.

дед-, ср. *надёжный*, имя *Надёжка*, *обнадёжить*), *рождество* (кор. *род-*, ср. др. и совр. *рожество*, *рожественский*), *тождество* (ср. древнеболг. тождє: *тоже*, ср. совр., едва ли, впрочем, не искусственное, *тожество*), *нужда* (кор. *нуд-*, ср. *нудить*, др. и совр. *нужа*, *нужный*), *гражданин* (кор. *град-*, русск. *город-*, ср. совр. *горожанин*), *прежде* (кор. *пред-*, русск. *перед-*, ср. древн. и совр. *преже* и *переже*), *стражду* (кор. *страд-*: *страдать*), *чуждый* (кор. *чуд-*, ср. *чужой*, *чужестранный*).

Глагольные формы и отглагольные существительные. Формы на *-ать*, 1-е лицо ед. *-аю*: *убеждать*, *побеждать*, *угождать*, *награждать*, *повреждать*, *учреждать*, *охлаждать*, *услаждать*, *порождать*, *утруждать*, *понуждать*, *прохлаждаться*, *ограждать*, *предупреждать*, *побуждать*, *рождать*, *препровождать*, *сопровождать*, *рассуждать*.

Формы причастий на *-ен*: *принужден*, *побужден*, *награжден*, *поврежден* и т. д.

Отглагольные существительные на *-ение*: *рождение*, *охлаждение*, *учреждение*, *понуждение*, *предупреждение* и т. д.

Как указано было выше, можно с вероятностью отнести церковнославянские слова с *жд* и, следовательно, в числе их и глагольные образования, нами рассмотренные, к заимствованиям позднейшей эпохи, ибо уже в древнейших памятниках видим указание на то, что церковное *жд* произносилось как *ж* (в некоторых памятниках, как сказано, замена *жд* через *ж* проведена систематически). Ввиду этого слова, как *надежа*, *рожество*, *невежа*, можно признать за церковнославянизмы, в которых чуждое *жд* заменено было в древнейшие эпохи через *ж*; быть может, то же можно сказать о слове *тожество* при позднее заимствованном *тождество*, а также и об образованиях на *-ать*, как *провожать*, *распложаться*, *простужать*, *ссужать*, если признать и их или часть их за церковнославянизмы. Замечательно, что в 1-м л. наст. неизвестно *-жду* (ср. ниже *-щу*); очевидно, оно заменено русским *-жу*: *предупрежу*, *поврежу*, *услажусь*; исключение составляют отмеченные выше: *стражду*, *жажду*.

4. Аффриката *щ* вместо *ч*.

Общеславянское сочетание tj еще в общеславянском праязыке изменилось в č̊č̊ (č̊ означает звук *ч*); в ту же группу изменилось сочетание kt перед гласными переднего ряда (*ь*, *i*, *e*); в общерусском праязыке č̊č̊ изменилось в č̊, в западнославянских языках в c, в древнеболгарском в шт. В древнерусском произношении церковнославянского языка шт передавалось как šč̊, т. е. ближайшим звуковым сочетанием, восходящим к общеславянскому šč̊ из sk перед гласными переднего ряда и из stj; общеслав. šč̊ в древнеболгарском перешло в шт, напр. тръжиште, иштѫ, ѡштина, поуштѫ. Слова современного литер. языка, в которых находим *щ* (произносится в московском наречии и большинством говорящих литературным языком как šš) вместо ожидаемого по этимологии (по происхождению из tj или из kt)

ч, должны быть признаны остатками церковнославянского языка. Такое *щ* находим в трех категориях случаев: а) в отдельных словах, б) в некоторых глагольных образованиях: многократные глаголы на *-ать*, 1-е лицо ед. и причастия страдательные от глаголов на *-ать* и *-ить*, в) в причастиях настоящего времени, частью получивших значение прилагательных.

Отдельные слова: *мощь* (из *могть, русск. *мочь*), *помощь* (русск. *помочь*), *вещь* (ср. чешск. věc), *пещера* (др. русск. печера, *Печерский* монастырь), *праща* (русск. **пороча*), *общество* (из ѻбьщьство, русск. *ѻбьчьство, откуда *обчество, апшество, опчесьво*, ср. *оптом* из (*ѻбьтъмь), *овощь, овощной* (русск. *обочь, овочь*), денно и *нóщно*, *изящный*. Церковнославянизмом признаем и слово *товарищ*[1].

Глагольные формы. Многократные на *-ать: возвращать, укрощать, запрещать, сокращать, освещать, освящать, сообщать, поглощать*.

1-е лицо наст. и причастия страдательные от глаголов на *-ать* и *-ить*[2]: *клевещу, возвращу, запрещу, сокращу, укрощу, сообщу, освящу, освещу; возвращен, освящен* и т. д.

Причастия наст. вр.: *сущий, несущий, носящий, крадущий, кидающий, бросающий, светящийся, горящий, поющий, стареющий* и т. д. Прилагательные: *завидущий, блестящий, палящий, настоящий*. Ср. еще слова, как *существо, могущество*.

Относительно причастий можно с уверенностью сказать, что они продержались в книжном языке с самого водворения его на Руси; в русском языке причастия были утрачены еще в очень отдаленную эпоху, как склоняемые слова, заменяясь формами деепричастия на -ꙋче, -ꙋчи, -а (чьто въдадꙋче, идꙋчи, неса, како мога). Причастия же склоняемые получили значение прилагательных: *горячий, могучий, падучий, сыпучий, летучий, горючий, ходячий, сидячий, лежачий, певучий, висячий*. Церковнославянские причастия на *-ущий* проникли и в народную речь, где опять получили значение прилагательных: ср. формы на *-еющий* для обозначения превосходной степени прилагательных: *богатеющий, большущий* (также в литер. языке), *умнеющий*. Любопытно народное *-ащий, -ущий* вместо *-ащийся, -ущийся*, напр. *небьющая* кукла, *вертящая* игрушка.

5. Гласная *е*, не перешедшая в *о*.

Еще в общерусском праязыке общеслав. звук *е* в положении перед твердой согласной изменился в *ö*, откуда далее в севернорусском и восточнорусском *о*. В восточнорусском *о* такого происхождения, как вообще всякое *о*, сохраняло свой звук только под ударением (см. об этом выше). Поэтому и в московском наречии и в современном литературном языке найдем на месте этимологического (общеславян-

---

[1] Ниже, на стр. 90, автор рассматривает слово *товарищ* как русское. (Ред.)

[2] В рукописи: от глаголов на *-ить*. (Ред.)

ского) *е* под ударением перед твердой согласной *о*: ср. *нёс, вёсла, сёстры, плётка, стерёк* (стерег), *рёф* (рев), *подерёвно* и т. д. Равным образом перешел не в *е*, а в *ö*, откуда далее *о*, звук *ь* перед твердой согласной, ср. моск. и литер. *мёртвый, вёрсту, дёрн, пёс, пёстрый, назём* (род. назьму), *опёнки* (из опьнъкъ от слова пень), *попённо, подённо, тёмный* и т. д.

Тот же звук *о* находим после исконно мягких согласных *ш, ж, ч, ц, щ* под ударением перед твердой согласной на месте первоначальных *е* и *ь*: *щёку, пчёлка, шорох*, сам-*шост, облицовка, концов, чорт, чёрный, жёрнов, жёлтый, чёлн*. Древнеболгарскому языку было неизвестно изменение *е* в *ö* после согласных неисконно мягких, а возникшее еще в общеславянскую эпоху *ö* из *е* после согласных исконно мягких изменилось, повидимому, в *е*. Поэтому в целом ряде слов, где по-русски являлось *ö*, откуда и *о*, в церковнославянском держалось *е*. Значительное число слов литературного нашего языка, имеющих под ударением перед твердой согласной *е*, должно быть возведено к церковнославянскому языку. Из числа слов с *е* перед твердой согласной не относятся сюда слова с *е* перед отвердевшей согласной (напр., перед твердым *ц*: *купец*, твердым *р*: *серп*), а также с *е*, восходящим к общерусскому *ѣ* (*мелкий* из мѣлъкъıи). Остальные слова с большею или меньшею уверенностью могут быть признаны остатками церковнославянского языка.

Слова с ударным *е* перед твердой согласной, восходящие к церковнославянскому языку, могут быть рассмотрены в двух категориях. К первой относятся слова с *е* перед исконно твердой согласной; ко второй слова с *е* перед отвердевшею согласною.

Слова с *е* перед исконно твердою согласною по самому значению своему обнаруживают свое церковное происхождение: *небо* (ср. диалект. *нёбо* в значении неба, а также *нёбо* во рту), *щедр, пещера* (русской формой была *п е ч о р а), *предмéт* (кор. *мет-*: метать), *отмéстка* (с *е* из *ь*: мьсть), *жезл, пéкло, крест* (с *е* из *ь*, ср. диалект. *крёст, хрёст*, литературн. *крёстный* отец, при *крестный* ход), *хребет* (с *е* из *ь*: хрьбьтъ, ср. диалект. *хребёт*), *перст* (с *е* из *ь*: пьрстъ, заменившее церковнослав. прьстъ, ср. диалект. *пёрст*, литер. *напёрсток*), *сквéрна* (из скврьна на месте церковнослав. скврьна), *жéртва* (из жьртва на месте церковнослав. жрьтва), *мéрзкий, мéрзость, дéрзкий, дéрзость, развéрстый*. Из последних слов видно, что церковнославянское (правильнее русско-церковнославянское) *ь* заменилось с течением времени русским *е*, причем это русское *е* уже не подлежало изменению в *ö* потому именно, что звук *ö* был чужд церковнославянскому языку; объяснять *е* из южнорусского языка (где *е* после исконно мягких согласных звучит как *э*) нельзя потому, что после исконно мягких и здесь находим *о*, между тем *жéртва*, не *жóртва*. Повидимому, сюда же относится *исчéз*; по-русски это звучало бы *исчоз*; старослав. иштезнѫти при иштазати (с *а* на месте *ē*). Как долго держалось церковное *е* в некоторых словах, не чуждых и живому языку, видно из случаев, как: был как бѣс, потек как *песъ*. Посл. XVII в. (Симони, 82).

Слова с *е* перед отвердевшею согласною. Различаем две категории. В первой отвердение произошло в результате влияния на мягкую согласную (смягчившуюся перед *ь*, впоследствии выпавшим) следующей твердой; так отвердели, напр., губные и зубные перед твердым *н* после выпадения между ними и *н* звука *ь*; что *ь* смягчало в общерусском праязыке предшествующие согласные в подобном положении, видно из того, что, напр., слова бєꙁдьна, дѹшєвьнꙑи стали звучать в древнем украинском бѣꙁдна, дѹшѣвнꙑи с *Ѣ (дифтонгом *ie*) из удлинившегося *е* перед слогом с выпавшим из него *ь*. Ср. написания бѣꙁна, доушѣвнꙑи и т. п. в украинск. памятниках, начиная с XII в. В севернорусском и восточнорусском, где не было удлинения *о* и *е* при тех условиях, которые вызывали их удлинение в украинском, получилось *без'на, душев'ный* с мягкими *з, в* и с напряженным *е* перед ними. Но вскоре во всех русских наречиях зубные и губные в положении перед твердыми зубными отвердели; в украинском *бѣз'на, душѣв'ный* продолжали звучать с *ѣ* и после отвердения *з* и *в*; но в севернорусском и восточнорусском, где звук *е* напряженное сохранялся только перед нёбными, смягченными согласными, он переходил в *е* ненапряженное перед отвердевшею согласною, а ненапряженное *е* изменялось затем в *ö* и далее в *о*, в силу того, что вообще звук *е* не был известен перед твердыми согласными. Таким образом, мы ожидали бы в севернорусском и восточнорусском, а следовательно, и в московском наречии **бёзна*, **душовный*; ср. дѹшовнои в московских договорных 1428 г. № 43, 1440 г. № 60 и др., а также наши литер. ***тёмный, нёбный, крёстный, поёмный, слёзный, подъёмный, колёсный, почётный, счётный,*** диалект. стар. в лєшобнихъ лєсахъ Дв. гр. XV в. № 92 (вм. лѣшобнꙑхъ), слѹжобнꙑхъ в моск. догов. ок. 1465 № 92, 1433 № 50, царовна, Псковск. 2-я лет. XV в. (вместо *царёвна*), совр. вытегорск. *царёвна,* петрозав. *королёвна.* Объяснять *о* в подобных производных словах влиянием звука *о* в словах коренных (как ***подъём, нёбо, полёт***) невероятно ввиду того, что в ***тёмный, душовный, служобный*** возможно только фонетическое объяснение *о* из *е*. Если же мы в современном литературном языке находим в ряде слов в таком именно положении *е*, а не *о*, то все или почти все подобные слова должны быть признаны церковнославянскими. В церковном произношении, как указано, *ö*, откуда *о*, было вообще неизвестно; поэтому в подобных словах перед отвердевшею согласною произносилось *е* ненапряженное, ср. этот звук и на месте исконного *е* перед твердою согласною ***(небо)*** и на месте исконного *ѣ* в таком же положении (***вред***). Поэтому признаю церковнославянскими словами следующие: ***душевный, учебный, лечебный, служебный, ежедневный, вседневный, царевна*** (ср. церковнослав. происхождение слова *царь*), ***подзéмный, бéздна, полéзный*** (ниже укажу на церковнославянское происхождение слова ***польза***), ***любéзный, телéсный, небéсный, древéсный, лестный; прелéстный*** (ср. церковнослав. приставку ***пре-***), ***честный*** (ср. диалект. ***чóсной, бесчóсно***), ***крéстный, тщéтный.*** Равным образом влиянием книжного, церковнославянского произношения объясняется *е* в ***тюрéмный, королéвна*** (ср. ***царевна***). Равным

образом отвердело *н* перед следующим твердым *н*, превратив предшествующее *е* в *о* в севернорусских и восточнорусских говорах: ср. *подённый, двухсажонный* (от *сажень*), *казённый*. Поэтому церковнославянскими словами признаем: *современный* (при обрусевшем *совремённый*), *обыкновенный*, равным образом причастия страдательные, как *согбенный, благословенный, вдохновенный, надменный* (только после губных); сюда же слова *вселенная, бренный*.

Во второй категории, где *е* находим перед отвердевшею согласною, отвердение произошло в более позднюю эпоху вследствие общего отвердения той или иной согласной. Перед согласными, отвердевшими сравнительно поздно, находим *е* (ненапряженное вместо напряженного) не изменившимся в *о* (ср. *е* в *купец*, диалект. литер. *сем, первый*); но перед согласными, отвердевшими раньше, *е* напряженное через посредство *е* ненапряженного переходит в *о*; такой случай имел место, напр., перед отвердевшими *ж* и *ш*, ср. совр. произношение литерат.: *лёжа, Серёжа, серёжка, грабёж, кутёж, падёж, свербёж, застёжка, головёшка; кормёжка, одёжка* (по *одёжке* протягивай ножки), диалект. и простонародн. *одёжа, берёжый*. Поэтому слова, где в литер. наречии перед *ж* является *е*, а не *о* (*ё*), должны быть признаны церковнославянскими: *падеж, мятеж*, также *смежный*. Неясно, как понять *в перемежку*; не сказалось ли здесь влияние корня *меш-ать (в перемешку)*. В слове *прилежный е* может восходить к церковнославянскому *ѣ*, ср. прилѣжьнъ в Остр. ев.; во всяком случае — это слово церковнославянское. Известное и в литературном произношении *головешка*, равным образом *мережка* (род кружевного вязания) едва ли не заимствованы из таких говоров, где *ж* и *ш* отвердели позже и потому *е* не перешло в *о*.

6. Начальное *ю* вместо *у*.

В общерусском праязыке начальное сочетание *jу, i̯у* превратилось в *у;* общесл. *i̯унъ, i̯уноша, i̯уха, i̯угъ* (ср. старослав. юнъ, юноша, юха, югъ) изменились в *унъ, уноша, уха, угъ*, ср. в памятниках XI в.: оунъ, оугъ, оуноша; также современное *уха;* что касается украинск. *юха*, то *ю* здесь новое, вызванное общим стремлением украинск. языка к придыхательному приступу в начале слова. Ввиду этого совр. литер. *юный, юноша, юг, южный* должно признать церковнославянскими словами. Равным образом на месте общеславянского jǫ (старослав. ѭ) в начале слова ожидаем в русском языке не *ю*, а *у;* поэтому признаем церковнослав. словом *союз*, конечно, и *юдоль*.

7. Твердое *з* (из *г*) вместо мягкого.

В общеславянском праязыке звуки *к, г, х* при известных условиях, а именно, как предположено проф. Бодуэном-де-Куртенэ, перед ударяемым слогом, переходили в *ц, з, с*, если им предшествовали гласные переднего ряда (*ь, і, е* носовое); эти согласные восходят непосредственно к средненёбным смягченным *к, г, х*, заменившим задненёбные

к, г, х под ассимилирующим действием предшествующей гласной. Разумеется, эти *ц, з, с* были в общеслав. языке мягкими; они сохранили свою мягкость и в общерусском праязыке; позже диалектически отвердело *ц: овца* вместо *овця* (а это из *овьц'а* восходящего к *овька*); но *з* и *с* сохраняют свою мягкость, как и мягкие *с, з* другого происхождения, напр. великорусск. *сила, сёла, зёрна, зимний, зябну*. Ср. *с* мягкое из первоначального *х* в совр. *весь, всего* (восходит к вьс'ь из вьхъ), *з* мягкое из первоначального *г* в совр. *князь* (восходит к кънѧʒ'ь из кънѧгъ). Между тем в древнеболгарском диалектически ц, ʒ, с отвердели очень рано, ср. написания, как вьсакъ, вьса, кънаʒоу, польʒа, насмисатиса в древнеболгарских памятниках. Поэтому, если в современном литер. языке найдем твердое *з*, а не мягкое на месте общеславянского мягкого *з* из *г*, то такое твердое *з* свидетельствует о церковнославянском происхождении соответствующего слова. Итак, церковнославянскими признаем слова: *польза* (мы ожидали бы *пользя*, ср. подобное произношение в русских говорах, ср. *на пользю*, ср. также *нельзя, льзя*), *непритязательный* (по-русски было бы *непритязятельный*), *состязательный* (ср. корень *тяг-: тягаться, тяжба*), *осязать* (корень *сяг-: посягать, посягнуть*).

8. Гласные *о, е* на месте слабых *ъ, ь.*

В общеславянском языке *ъ* и *ь* были сильными в положении перед слогом с слабым *ъ* или *ь*, а также, быть может, под ударением в начальном слоге слова; в остальных положениях они были слабыми, а перед слоговыми *р* и *л*, а также за ними—неслоговыми. Напр., обозначая слабые *ъ* и *ь* буквами *ъ* и *ь* подчеркнутыми, находим для общеслав.: *тьмьный, льстьный, пьсъ, пьса, стькло, дъва, жьньць, жьньца* и т. д.; *вьрхъ, вьлкъ, блъха, дрьва, пльвати* со слоговыми *р* и *л*. То же имело место в общерусском праязыке, но неслоговые *ъ* и *ь* перед слоговыми *р* и *л* и после них стали слоговыми и притом сильными вследствие потери звуками *р* и *л* их слогового характера; вместо *вьрхъ, вьлкъ, гърдый, мълва*, явились *вьрхъ, вълкъ, гърдый, мълва* с неслоговыми *р, л* и сильными *ъ, ь*; вместо *блъха, дрьва, пльвати, трьвога* с слоговыми *р, л* явились *блъха, дрьва, пльвати, трьвоги* с неслоговыми *р, л* и сильными *ъ, ь*. Наконец, сочетание согласная + *ўь* (неслоговое *у* и слабое *ь*) перешло в общерусском в сочетание согласная + *вь* (согласная *в* и сильное *ь*), причем изменение слабого *ь* в сильное стоит в связи с переходом неслоговой гласной *ў* в фрикативную согласную: *зўьно, дўьри* перешли в *звьно, двьри* с сильными *ь*. Уже после распадения общерусского праязыка, не раньше второй половины XII в., исчезли из произношения (во всех вообще русских наречиях) звуки *ъ* и *ь* слабые, перешли в звуки полного образования, *о* и *е*, все сильные *ъ* и *ь*; ср. в древнерусском и современном опущение слабых *ъ* и *ь*, напр., в *темный, пёс, пса, скло, два, жнец, женца;* напротив, замену сильных *ъ* и *ь* звуками *о* и *е* в *тёмный,*

пёс, жнец, женца, верх, волк, гордый, молва, блоха, дрова, плевать, тревога, звено, дверéй и т. д.

Закон об опущении слабых *ъ* и *ь* не знает, конечно, исключений. Правда, находим в некоторых случаях замену слабых *ъ* и *ь* звуками *о* и *е*, но все относящиеся сюда в русских словах случаи объясняются влиянием аналогии. Случаи эти распределяются по двум категориям: к первой принадлежат такие слова, которые перенесли *о* и *е* из одних падежных форм в другие, причем в этих других они заняли место выпавших *ъ* и *ь* (между тем как в первых они правильно заменили старые *ъ* и *ь* сильные). Сюда относятся такие образования, как древнерусское Смоленск(ъ) вместо *Смол'неск* (из *Смольньскъ*) под влиянием *Смолéнска, Смоленску;* или совр. *пришелец* вместо и при *пришлец* (из *пришьльць*) под влиянием *пришел'ца* (из *пришьльца*); или, напротив, совр. *жреца, жнеца, швеца, кузнеца* вместо *жерца, женца, шевца, кузнца* под влиянием форм им. падежа *жрец, жнец, швец, кузнец; доскá* вместо *дска, цка* является под влиянием *дóску, дóски* с *о* из сильного *ъ* (сильного вследствие своего положения в начальном слоге под ударением); *стеклó* вместо *скло* под влиянием им. мн. *стёкла; пестра* вместо *пстра* под влиянием *пёстр, пёстрый; праведен* вместо *правден* (под влиянием *праведный*) и т. д. Равным образом *купеческий, молодеческий, греческий* явились на место *купецкий, молодецкий, грецкий* под влиянием кратких форм *купческ, молодческ, греческ*; *старческий* вместо *старецкий* под влиянием *старческ; человеческий* вместо * *человецкий* под влиянием *человеческ*. *Онемечить* вместо * *онемчить* новообразование под влиянием *немец, немецкий*. Ко второй категории относятся случаи появления *о* в предлоге *со* перед следующим *с* (*со* вместо *с* под влиянием *со* в других случаях): *со* своего, *состряпать, состав, состариться, сослепа, со* света, *со* степи, *со* стены под влиянием *сослать, созвать, со* сна, *со* ста.

Но в литер. языке оказывается ряд слов, которые не могут быть подведены ни под ту, ни под другую категорию, представляя звуки *о, е* на месте подлежавших выпадению слабых *ъ* и *ь*. Сюда относятся: а) слова, содержащие предлоги *со, во, воз* вместо ожидаемого после выпадения *ъ* в *съ, въ, във* звуков *с, в, вз;* б) слова, представлявшие *о, е* на месте слабых *ъ, ь* в некоторых суффиксах; в) слова, представляющие *о, е* на месте слабых *ъ, ь* в корнях. Является вопрос, как понять такие *о, е*? Значение многих относящихся сюда слов ясно указывает на их церковнославянское происхождение. Но почему же *о, е* заменили *ъ, ь* слабые, подлежавшие выпадению в живом русском произношении в церковнославянском языке на Руси? Памятники старославянского языка указывают, что в нем еще в XI в. произошло в некоторых его диалектах изменение сильных *ъ* и *ь* в *о* и *е*, так — в Зогр. Таким образом, переход сильных *ъ* и *ь* в *о* и *е* в диалектах старославянского языка произошел раньше, чем в русском. Вероятно, он имел место и в том диалекте, который был впервые перенесен на Русь при Владимире в X в. и при Ярославе в XI в. Прямым резуль-

татом этого явилось то, что при чтении церковных книг русские люди стали произносить букву ъ как *о*, букву ь как *е*, не справляясь, конечно, с тем, сильные ли эти *ъ*, *ь* в живом русском произношении, или слабые. Многие писцы при переписке старославянских оригиналов передавали ъ и ь через *ъ* и *ь*, придерживаясь и написания оригинала, руководясь и собственным русским произношением (влияние русского произношения очевидно между прочим из того, что окончание *-тъ* 3-го л. ед. и мн. старославянских оригиналов передается через *-ть*). Но другие писцы заменяли ъ и ь буквами *о* и *е*, основываясь именно на церковном произношении. Вот почему в памятниках XI в., переписанных на Руси, найдем нередко *о* и *е* и притом не только на месте сильных *ъ* и *ь*, но также и на месте слабых *ъ* и *ь*; мало вероятным представляется в особенности случаи, где *о* и *е* заменили слабые *ъ* и *ь*, возводить к старославянским оригиналам (где вообще находим замену через *о* и *е* только сильных *ъ* и *ь*); но еще менее возможно объяснить их из русского живого произношения, ибо, во-первых, сильные *ъ* и *ь* перешли в *о* и *е* не раньше второй половины XII в., во-вторых, слабые *ъ* и *ь* вообще не заменялись через *о* и *е*. Приведу примеры замены *ъ* и *ь* сильных и слабых через *о* и *е* в церковнослав. памятниках русской редакции XI в. Стихир. 1157: **веса, въ цьркови, веселеноую, добродѣтелеми, вьседе, владъıцени, неплодове**; Юр. ев.: **въѕеметь, вьседе, отагоуалѣ**; Минея 1095: **истоучнико, бговидеуе, ковсуегъ, весемирьнıа**; Ж. Ф. **ѕолодѣи**; Сб. 1073: **ѕолобѣ** 172 об. Особенно интересно написание **оуповати** в русских памятниках — Юр. ев. **оуповаше** 106 а, Усп. Мин. № 175 (18) **оупованию** 116 об. 1, Ж. Ф. **оуповаıа, оупованиемь**; можно было бы ждать на основании общего закона о выпадении слабых *ъ* и *ь* **оупвати**; но это слово было, очевидно, церковнославянским; как таковое, оно произносилось в нашем церковнославянском, а потому и писалось с *о*; это *о* дошло и до нашего времени (*уповать*). Искусственным книжным произношением всякого *ъ* как *о* и всякого *ь* как *е* объясняется смешение букв *ъ*, *ь* и *о*, *е*, замечаемое во многих памятниках русских XII — XIV вв. В XI и в первой половине XII в. от такого полного смешения удерживало то обстоятельство, что в живом языке *ъ* и *ь* сильные и слабые произносились отлично от *о* и *е*; но когда со второй половины XII в. сильные *ъ* и *ь* стали произноситься как *о* и *е*, а слабые исчезли из произношения, в распоряжении писцов, приверженных к древнему правописанию, не желавших ограничить употребление букв *ъ* и *ь* сообразно с вновь наступившими в языке условиями, не оказывалось средств различать этимологическое и звуковое значение букв *о*, *е* и *ъ*, *ь*. Отсюда происходят чудовищные написания, как **горъда, вѣрьмьнемь, дѣтемо, съ посадникомо** и т. п. Начало всем таким написаниям дано церковнославянским произношением, произношением, господствовавшим в церкви, звуков *ъ*, *ь* как *о*, *е*.

Перехожу к обзору отмеченных выше категорий слов современного литературного языка, где такое произношение выступает наружу.

Предлоги *со*, *во*, *воз* в русском языке должны являться в таком

виде (а не в виде *с*, *в*, *вз*) только в положении перед слогом, содержащим выпавшее *ъ* или *ь* (возможность *со* в других положениях, а именно перед *с*+согласный отмечена выше). Поэтому признаем церковнославянскими следующие слова, сложенные с предлогом *со*: *собирать* (ср. диалект. *сбирать*), *собор* (древнерусск. съборъ архангела Михаила, съборная церковь, совр. *сбор* в другом значении), *соблазн*, *соблаговолить*, *собеседование*, *соблюдать*, *собрат*, *соболезновать*, *совет* (древнерусск. на свѣтъ), *совещаться* (древнерусск. свѣщатися), *совокупить*, *совершить* (ср. *свершить*), *совратить*, *совесть* (древнерусск. свѣсть), *совладать*, *согреть*, *согребать* (ср. *сгребать*, *сгрёб*), *согласить*, *согражданин*, *согрешать*, *соглядатай*, *содержать*, (ср. *сдержать*), *содействовать*, *содрогаться*, *соединять*, *сожалеть*, *созывать* (ср. *сзывать*), *созвучие*, *созидать*, *сокровище* (древнерусск. скровище), *сокровенный* (древнерусск. скровеныи), *сократить*, *сокрушить* (древнерусск. скрушити), *сообразоваться*, *соорудить*, *соправитель*, *сопредельный*, *сопровождать*, *сопротивление*, *соприкасаться*, *сопричислить*, *сопряженный*, *соревнование*, *сосредоточить*, *сотрясение*, *сотрудник*, *сотрапезник*, *сотворить*, *соучастие*, *сохранить* (русск. *схоронить*), *сочетать*, *сочинить* (древнерусск. сучинити), *сочлен*, *союз*. Предлог *со* с особенным значением соучастия из слов, как *собрат*, *сотрапезник*, *соправитель*, *сочлен*, перенесен и в русские слова *сотоварищ*, *собутыльник*[1].

Слова, сложенные с *во*: *вовлекать*, *водворить* (хотя, может быть, это и русское слово, ср. *во* двор вместо *в* двор), *совокупить*, *вооружить*, *вообразить*, *воплощение*, *вопрос*, *вопреки*, *вочеловечение*.

Слова, сложенные с *воз*: *возбранять*, *возбудить* (ср. *взбудоражить*, *взбунтовать*), *возвеличить*, *возвестить*, *возводить* (ср. *взвести*, *взводить*), *возврат*, *возвышать*, *возгласить*, *возгореться*, *воздержаться* (ср. *вздёржка*), *воздвигать*, *воздавать*, *возделывать*, *возлежать*, *возлюбить*, *возложить*, *воскурить*, *воскресить*, *восклицать*, *возмечтать*, *вознаграждать*, *вознамериться*, *возносить*, *возненавидеть*, *вознегодовать*, *возомнить*, *возобновлять*, *воспитать*, *воспеть*, *воспаление*, *воспоминание* (ср. *вспоминать*), *воспламенить*, *воспретить*, *воспротивиться*, *восстать*, *восстановить*, *востребование*, *вострубить*, *восторг*, *восток* (обл. *вскток*, *сток*), *возразить*, *возраст* (ср. древнерусск. възрастъ), *великовозрастный*, *восход* (ср. *всходы*), *восчувствовать*.

Суффиксы, содержащие *е*,*о* на месте слабых, подлежавших выпадению *ь*, *ъ*. Повидимому, ряд слов с суффиксом *-ство* (из *-ьство*) должен быть признан церковнославянским. Сюда относятся: *рождество* и *рожество* (мы ожидали бы *рошство*, ср. древнерусск. рожьство), *множество*, *убожество*, *существо*, *могущество*, *человечество*, *качество*, *количество*, *купечество*, *молодечество*, *художество*, *вещество*, *отчество*, *старчество*; также после других согласных, не только после *ж*, *ч*, *щ*: *естество* (древнерусск. юство). Ср. перенесение *-ество* вместо *-ство* в областном *богатество*. Таким образом *-ество* узаконилось в

[1] Далее в рукописи по ошибке приведено слово *вочеловечение*, которое перенесено по смыслу статьи в конец следующего абзаца. (Ред.)

положении после согласных *ж, ч, щ*, очевидно, по удобству произношения, являясь в другом положении вообще в виде *-ство: братство, зверство, духовенство.* — Отмечу далее *скрежетать.*

Слова, представляющие *о, е* на месте слабых *ъ, ь*: *вопить* (ср. древнерусск. въпити), *уповать*, быть может, *соты.*

9. Гласные *ы, и* на месте напряженных *ъ, ь.*

Необходимо коснуться здесь еще нескольких заимствований, частью в настоящее время исчезнувших, но оставивших след на письме. Сюда относятся: *окончание им. ед. прилагательных на -ый, -ий.* В общеславянском праязыке соответствующие окончания звучали *ъ̂i, ь̂i* с напряженными *ъ* и *ь* и звуком *i* неполного образования: starъ̂i, sin'ь̂i; в памятниках древнеболгарских, а потом и в древнерусских напряженные *ъ* и *ь* изображались буквами ъı (ы) и и: старъıи, синии. В севернорусских и восточнорусских говорах, следовательно, в великорусскую эпоху напряженные *ъ* и *ь* перешли в *о* и *е* как в ударяемых, так и в неударяемых слогах, хотя возможно, что в восточнорусских, где *о* и *е* в неударяемых слогах редуцировались, они не возникали на месте напряженных *ъ* и *ь* неударяемых. В московском наречии, по происхождению севернорусском, мы должны ожидать под ударением: *-ой, -ей,* а в неударяемых слогах *-ай, -ɛй* (или *-ий*), причем *-ай, -ɛй* являются результатом редукции неударяемых окончаний *-ой, -ей:* ср. *седóй, маладóй, прастóй, сам-третéй, мúлай, дóбрай, трéтий.* В церковнославянском языке окончания *-ъ̂i, -ь̂i* перешли в -ыи, -ии; те же сочетания явились в украинском наречии. Оба эти обстоятельства узаконили произношение окончаний прилагательных как *-ый, -ий* в церковном и книжном языке. Трудно сомневаться в том, что в книжной речи Москвы говорили некогда *простый, седый, младый,* после *г, к, х: глухий, строгий, великий, долгий.* На письме *-ый, -ий* держатся до сих пор, причем оказывают влияние и на произношение. Несомненно, что многие говорящие литер. языком произносят в неударяемых слогах *-ый, -ий,* т. е. говорят *старый, добрый,* а не *старай, добрай.* В этом нетрудно убедиться, наблюдая произношение тех, кто после *к, г, х* употребляет окончание *-ий,* а не *-ай*; в среде книжно образованных людей нередко можно услышать произношение *крепкий, великий, убогий, строгий, безухий.* Такое произношение возникает под влиянием письма, но возможно, что оно держалось в литературной речи непрерывно.

В общеславянском праязыке *ъ̂* и *ь̂* напряженные были сильными только в положении перед слогом с *i* неполного образования из jь или i̯i, а также под ударением в начале слов; вообще же, т. е. в положении перед слогом с гласною полного образования, они были слабыми. В старославянских, а затем и в древнерусских памятниках слабые *ъ̂* и *ь̂* напряженные изображались буквами ъı и и: оумъıють, пролиıємъ, пъниıє, листиıє. С течением времени и притом в ту же эпоху, что слабые *ъ* и *ь* ненапряженные, исчезли из произношения *ъ̂* и *ь̂*

слабые напряженные во всех наречиях русского языка (следовательно, начиная со второй половины XII в.). Таким образом, явились сочетания согласная + i̯ + гласная в живом произношении: *лист'i̯е*, *kост'i̯у, лод'i̯а бел'i̯о* и т. п. В украинском i̯ в таком положении перешло в *j* и затем ассимилировалось предшествующей согласной (ср. украинск. *життя* из *жит'ja*, *жит'i̯ä*). Но в великорусском i̯ держится до сих пор. В церковнославянском произношении, где, как мы видели, слабые ъ и ь после выпадения их в живом языке продолжали произноситься как *о* и *е*, слабое ъ̂ (изображавшееся на письме как и) продолжало произноситься как *и*, следовательно, *пение*, *воскресение*, *отдание*, *нощию*, *печатию*, *братия*; поэтому в церковнославянском — *братия* в три слога, а в живом народном произношении *брат'i̯а* (писалось братьꙗ) в два слога. Такое церковное произношение объясняет нам, почему до сих пор держатся у нас написания с *-ия*, *-ию*, *-ие* — *пение*, *изображение*, *восклицание*, *келия*, *чтение* и т. п.[1]. Возможно, что и в произношении некоторых образованных людей держатся двухсложные окончания *-ия, -ие*, *-ию*; эти окончания привились и к словам, заимствованным из иностранных языков: *партия*, *провизия*, *компания*; ср. окончание *-ыя* после *ц*, напр., в *лекцыя*, *порцыя*, *конституцыя*. Произношение с *и* слоговым вызывает в некоторых производных сочетание *-ий*, а не *-ей*, которое явилось бы при коренном слове с неслоговым i̯ (ср. *скамья* — *скамейка*, *ружье* — *ружейный*, *армейский*, *компанейский*): так, находим прилагательные: *орудийный* (указывает на четырёхсложное *орудие*), *партийный*. Возможно, что церковнославянским произношением является: *сию, сиять, пиявка, лияло, влиять (приятель?)*, также сохранение *-ий: убийца, убийственный*, прилаг. *английский, италийский, австрийский; Россия, Мария*.

10. Формы прилагательных в род. *единственного*, в именительном-винительном *множественного* и др.

Окончанием род. ед. мужеского и среднего рода прилагательных в церковнославянском языке было *-аго*, между тем как еще в общерусском праязыке утвердилось окончание *-ого*. Что *-аго* проникло и в разговорную речь образованных классов, можно заключить, между прочим, из того, как упорно держится *-аго* на письме до сих пор; теперь[2] мы его пишем только в неударяемых слогах, но еще очень недавно писали: *другаго, втораго*, *большаго* (но произносили, конечно, *другово, второво, большово*). Быть может указанием на *-аго* в живом произношении могут служить и некоторые фамилии, повидимому, свойственные первоначально духовной среде: *Живаго*, *Мертваго*, *Белаго*.

Общеславянское носовое ѣ (i͡e носовое), являвшееся в некоторых грамматических окончаниях в основах на мягкую согласную в соот-

[1] Ломоносов различал слова на *-ие* и *-ье: здание*, но *копье* (*копьꙗ̑*). Ср. §§ 155 и 156 Гр.

[2] До реформы орфографии 1918 года. (Ред.)

ветствии с окончанием *-ы* в основах на твердую согласную, в общерусском праязыке перешло в *ѣ*, ср. общую утрату гласными их носового свойства в этом языке: род. *еѣ, моеѣ, доброѣ, душѣ, волѣ* и т. д. Написания с *ѣ* находим в русских памятниках, начиная с XI в.; *ѣ* держится до сих пор в украинском, где заместителя *ѣ*, звук *i*, находим в формах род. *душi, еї* и т. д. В древнеболгарском языке носовые гласные сохранялись, сохранялось и носовое *ѣ*, совпав с носовым *е* в одном звуке (ѧ): ср. древнеболг. доушѧ, ѥѩ, добрꙑѩ. В русском произношении церковнославянского языка всякое носовое *е* передавалось звуком *а*: свѧтъ произносилось свꙗтъ, тѧбло — тꙗбло. Поэтому как *а* произносилось и то носовое *е*, которому в живом языке русском соответствовал звук *ѣ*: род. ед. душѧ, моѥꙗ, ѥꙗ, отъ дѣвицꙗ и т. д., ср. подобные написания в памятниках. Конечно, это произношение перешло и в речь образованных классов, но с течением времени оно было вытеснено русскими (великорусскими) окончаниями на *-и, -й:* от *души, моей, доброй*. Вместо *еѣ, самоѣ, моеѣ,* в результате известного сложного процесса, явилось *её, моёе, самоё*, это живое произношение вытеснило искусственное, книжное произношение *ея, моея, самоя*. Дольше всего держалось *а* в *ея*; на письме оно сохраняется до сих пор [1], проникая в произношение книжно образованных людей, усваивающих себе письменное изображение и не считающихся с живым господствующим произношением. Несомненно, что таково же происхождение орфографического *я* в окончании им.-вин. мн. [2]; теперь по произволу теоретиков окончания *-ыя, -ия* употребляются в женском и среднем роде, но на самом деле *-ыя, -ия* в церковнославянском языке на Руси заменило и окончание им.-вин. мн. мужеского рода (древнеболг. ии им., ꙑѩ, иѩ [3] вин.), и окончание им.-вин. ж. р. (древнеболг. ꙑѩ, иѩ) [3] и окончание им.-вин. среднего рода (аꙗ, ꙗꙗ), под влиянием русской замены формы им. мн. (мужеский род) формой вин. мн., а также утраты самостоятельных окончаний во мн. числе прилагательных среднего рода; теперь орфографическое *добрыя* им.-вин. женского и среднего рода мы произносим так же, как *добрые* им.-вин. мужеского рода (*добрыјe, добрыи*).

Общеславянское сочетание *i̯ь* в сильном положении (перед слогом с выпавшими впоследствии *ъ, ь*) перешло, повидимому, еще в общеслав. эпоху в *i*, между тем как в слабом положении оно изменялось в *i* неполного образования: общеслав. jaicь, jaic'e, dostoinъ, moi.

---

[1] Т. е. в орфографической системе до реформы 1918 года. (Ред.)

[2] Имеются в виду написания названных форм прилагательных (также местоимений, числительных и причастий) по старой орфографии — на *-ые, -iе* в мужском роде, на *-ыя, iя* в женском и среднем роде. Реформой орфографии 1918 г. для этих форм узаконено независимо от рода одно окончание *-ые, -ие*. (Ред.)

[3] Очевидно, имеется в виду образование от таких прилагательных, как божии и под. Форма вин. мн. мужского рода и им.-вин. мн. женского рода от них действительно образуется на -иѩ (божиѩ). Между тем те же формы от прилагательных типа тъшть, тъштии образуются на -ѧ, ѧѩ (тъштѧ, тъштѧѩ). (Ред.)

В русских наречиях такое *ĭ* полного образования под влиянием аналогии (напр., влияния окончаний *-еп*, *-ес'* из *ьпъ*, *ьс'ь* на окончание -in, ic') заменялось звуком *е*, ср. диалект. великорусское, а также украинское и белорусское *яец*, *яешница*, также *троек*, *троечка*, *спокоен*, род. мн. *воен*, *боен*, *боец*, им. *боек*, род. мн. *коек*, прил. *коечный*, *перешеек*, *раёк*, *паёк*, *хвоек* и т. д. Древнее *ĭ* находим, напр., в *изба* (истъба из *įьстъба*). Там, где в современном литер. языке является в указанных суффиксах *и* (*-ин*, *-иц*), это *и* может быть объяснено как церковнославянизм: им. ед. *воин* (ср. также в род. *воина* — трехсложное вместо ожидаемого неизвестного *вόйна*), *достоин*, *троичная* ипостась, *таинство*, *таинственный*, *воинство*, *воинственный*, *воинский*, *взаимный*.

11. Элементы церковнославянского словообразования.

К словообразовательным суффиксам церковнославянского происхождения относится, как кажется, *-тель*; повидимому, он вообще чужд русскому языку (ср. то же в других славянских языках: словенском, болг., сербо-хорв.), хотя, впрочем, *житель* и древнее *волостель* слова русские. С уверенностью признаем за церковнославянские слова: *предатель*, *хранитель*, *властитель*, *учредитель*, *потребитель*, *распространитель*, *упразднитель*, *пленительница*; с вероятностью: *учитель*, *мучитель*, *знаменатель*, *утешитель*, *почитатель*, *покровитель*, *носитель*, *повелитель*, *гонитель*, *расточитель*, *сеятель*, *исцелитель*, *ценитель*, *правитель*, *попечитель*, *проситель* и т. д. В морфологии доказываю, что слова *учитель*, *смотритель* (ср. мн. *учителя*, *смотрителя*) заимствованы; быть может, также и *приятель*, *приятельница*, *учительница*. Равным образом церковнославянскими признаем образования на *-тельный* (*-ительный*, *-ательный*): *страдательный*, *восхитительный*, *мучительный*, *растительный*; *поразительный*, *увлекательный*, *омерзительный*, *огласительный*, *оздравительный*; простор.: *пользительный*; существительные на *-тельность*: *расточительность*, *признательность*, *растительность*, на *-тельство*: *учительство*, *правительство*, *предательство*.— Далее церковнославянским является суффикс *-ствие*: *бедствие*, *царствие*, *содействие*, *лицедействие*, *странствие*, *путешествие*, *бесчувствие*, *сочувствие*.— Русские слова с суффиксом *-ство* имеют, повидимому, ударение на нем: *родствό*, *свойствό*, *скотствό*, *озорствό*, *баловствό*, *плутовствό*, *хвастовствό*; слова с ударением на корне можно частью признать церковнославянскими: *цáрство*, *свόйство*, *урόдство*, *богáтство* (слово *богат* церковное, как видно из господствующего произношения с γ), *госпόдство*, *брáтство*, *непотрéбство*, *срéдство*; во всяком случае церковнославянскими должны быть признаны слова на *-ество*: *качество*, *множество*, *убожество*, *человечество*, *рождествό*, *естествό* (о чем сказано было выше). Церковнославянскими являются образования на *-енство* (по-русски было бы *-ёнство*): *главенство* (из *главьньство*), *духовенство*, *степенство* (из *степеньство*), *отщепенство*.— Образования с *-ес* церковнославянские: *телесный*, *небес-*

ный, словесный, древесный, телеса́ (в значении полного тела), *чудеса, чудесный.*— Вероятно, церковнославянскими надо признать и слова на *-е́ние, -а́ние: уче́ние, лече́ние, страда́ние, пение, горение, сожаление, повеление, устрое́ние, упое́ние, воспитание, расте́ние, воспале́ние, загражде́ние, освеще́ние, запрещение, учрежде́ние;* в русском языке вместо *-е́ние, -а́ние* находим *-еньё, -аньё: спаньё*, диалект. *пеньё, введеньё,* или еще *-анье, -енье* с ударением на предшествующем слоге: *ка́танье, гла́женье, сва́танье, бра́танье;* слова, как *варе́нье, пече́нье, проща́нье, ката́нье, гуля́нье*, конечно, русские, но они не имеют уже значения отглагольных существительных, а если получают, то под влиянием книжным.— Мы говорили выше, что причастия наст. времени вообще представляются сплошь церковнославянскими образованиями, ср. форму их окончаний: *-ащий, -ущий.* Но также признаем церковнославянскими причастия страд. на *-нный;* по самой форме эти причастия обличают свое церковнославянское происхождение; древнейшие примеры причастий на *-аньный, -еньный* находим в церковнославянских памятниках. Русские причастные формы на *-ный* не имеют значения причастия, это прилагательные; ср. *мощёный, тканый, печеный, топленый, мазаный, учёный, точёный, верченый, сеяный, веяный, холеный, воженый, засиженый, замараный, стираный, писаный.* Причастия страд. производятся от глаголов совершенного вида и по церковнослав. образцу оканчиваются на *-нный: расписанный, размазанный, вымощенный, натопленный, отвязанный, запаханный, размозжённый, утверждённый, запрещённый, учреждённый, загрязнённый, располо́женный* и т. д. Разумеется, в разговорной речи, как видно из примеров, такие причастия производятся и от чисто русских слов, но, напр., *запаханный* остается таким же церковнославянизмом, как *пашущие, замороженный*, как *хоронящий.* И от глаголов несовершенного вида могут быть произведены причастные формы на *-нный: виденный, слышанный.* — Причастия на *-вший, -вшийся* также признаем церковнославянскими образованиями, ибо русский язык утратил склоняемое причастие нестрад. залога и заменил его деепричастием; поэтому церковнославянизмы: *видевший, игравшая, пахавшие, вернувшийся, взволновавшееся, простившая* и т. д. — Русский язык утратил также склоняемые формы степеней сравнения; в современном разговорном языке их и нет, но здесь сохранились склоняемые формы превосходной степени: *умнейший, добрейший, милейшие, любезнейшая, кратчайший, высочайший, широчайший, мельчайшие* подробности, *сильнейшие* боли — это все церковнославянизмы; *меньшо́й, большо́й* без оттенка сравнения — русские слова, но *ме́ньший, бо́льший* — церковнославянские; также *лучший* [1].

Русскими признаем только краткие формы со значением наречия или прилаг.-сказуемого: *сильней, короче, тяжеле, веселей, глубже, шире.* То обстоятельство, что *умнейший* является в народной речи формою чуждою, книжною, так же, как причастия, напр., *богатеющий*,

[1] Ломоносов, § 215 Гр., признает рассудительную и превосходную степени на *-шій* славенскими: *далечайшій, свѣтлѣйшій, высочайшій.*

стареющий, объясняет, почему вместо *умнейший* и т. п. употребляется в народной речи *умнеющий*, *богатеющий*, *сильнеющий* в значении, однако, очень умный, богатый, сильный без оттенка сравнения. — Слова с *вы-* — русские: *выдать*, а *издать* — церковнославянское, *выход*, но *исход*, *вытекать*, но *истекать*, *вымерить*, но *измерить*, но, конечно, среди них есть и русские: *избить*, *исполосовать*, *испачкать; вынуть*, *но изъять*, *вылить*, но *излить*, *вычислить*, но *исчислить*.

12. Церковнославянская лексика.

К числу остатков церковнославянского языка в нашем разговорном и литературном языке относятся многие глагольные образования с многократным значением. Они обнаруживаются уже известными нам признаками, напр., наличностью *жд* в соответствии с коренным *д* или *щ* в соответствии с *т: присуждать, убеждать, побеждать, заграждать, запрещать, защищать, посещать* и т. д. (см. более подробные перечни выше). С уверенностью относим сюда и те формы, где в соответствии с коренными *к, г* глаголов немногократных является *ц, з: восклицать* при *воскликнуть, проницать* при *проникнуть* (ср. русск. литер. *проникать*), *бряцать* (при *брякнуть*), *отрицать, порицать,* также *созерцать* (ср. *к* в *зеркало* при церковнослав. *зерцало*), *осязать*. Возможно, что русский язык имел некогда подобные образования, но он устранил в них *ц, з* звуками *к, г*, подобно как в великорусском *ц, з* в повел. наклонении, а также в формах склонения заменены были по аналогии звуками *к, г,* (*пеки*, не *моги*, на *пороге*, в *куске* и т. п.). В этой замене сказалось бы стремление сблизить коренную часть глагола несовершенного или многократного вида с коренною частью соответствующего глагола совершенного или немногократного вида. Ср. с этим вытеснение в русском языке звуков *а* и *ѣ* звуками *о* и *е* в случаях, как *прилетать* вместо *прилѣтати*, ср. *прилететь, притѣкать*, ср. *притеку, отворять* при *отворить*. Впрочем, неясно, можно ли русские *отворять, провожать, рожать, прощать, опережáть, переделять, угощать, наклонять, загонять* и т. п. возводить к *отворяти, провожати, рожати* и т. д. Повидимому, глаголы на *-ати* в древнем языке перенесли ударение на коренную гласную под влиянием ударения форм настоящего времени, которые, как показывает сербский язык, еще в общеславянском праязыке имели ударение на корне, по крайней мере в формах со стяженными окончаниями (*-ашь, -ать, -амъ, -ате*); поэтому древнерусск. *упрáшашь, упрáшамъ* и отсюда *упрáшати;* на это указывает ударение в *упрáшивать, прохáживаться, ухáживать, занáшивать, забрáсывать, усвáивать, прикрáшивать, закýсывать, высýшивать*. Поэтому глаголы *полагáть, касáться* с сохраненным в них *а* признаем церковнославянизмами; в русском они неминуемо перешли бы в **полáгивать, *касываться*. Различие между *родить — рожать* и *упросúть — упрáшивать*, следовательно, между родити — рожáти, просити — прáшати сводится к тому, что в древнем языке рожати в настоящем времени спрягалось рожаю, -аешь, -áеть, а прáшати спрягалось (прашамь),

пра́шашь, пра́шать, что является стяжением из прашаашь, прашаать, ср. старослав. имаамь, имааши (любопытно ударение *и́мамы* в церковнославянском). Церковнославянскому языку и в древнейшие эпохи его существования были чужды образования пра́шаамь, пра́шааши, пра́шаатъ; они заменились через праша́ю, праша́еши, праша́етъ. Отсюда различие русских образований, как *отворотить — отвора́чивать, прикра́сить — прикра́шивать* (согласно предыдущему из **прикра́шать*) и церковнославянских, как *украсить — украша́ть, отвратить — отвращать*. Ввиду этого наше *провожа́ть* едва ли не церковнославянское образование (надо было бы ожидать *провожда́ть*, ср. *сопровождать*), ср. *проваживать, выпроваживать;* также *угрожа́ть*, ср. русск. *угра́живать, уснаща́ть*, ср. *усна́щивать, вытравлять*, ср. *вытра́вливать, ссужа́ть*, ср. *ссу́живать, разъясня́ть*, ср. *проясниваетс*я, *наруша́ть*, ср. *обру́шиваться*.

Кроме указанных слов и форм, обличающих своею внешнею формою свое церковнославянское происхождение, можно указать еще ряд слов, самое значение которых и культурная история доказывает тоже их церковнославянское происхождение. Таковы, напр., слова *кади́ть, внеза́пно, стезя́, о́браз, це́рковь* (склонение *церквам, церквах* сохранило церк. окончание, ср. русск. *церквям*, древнерусск. дат. мн. свекровемъ), *хору́говь, бу́ква*. Последние слова заимствованы из германского. Отнесем сюда же ряд греческих слов, проникших в наш язык через посредство церковнославянского: *пономарь* (из *парамонарь*), *пресви́тер, мона́х, монасты́рь, ке́лия, архиерей, иерей, епископ, епитрахиль, епити́мья, е́ресь, ерети́к, крова́ть, гра́мота, поп, диакон, дьяк, подьячий*.

Из предложенного обзора церковнославянизмов в современном литературном языке видно, что в словарном своем составе он по крайней мере наполовину, если не больше, остался церковнославянским. Как мы видели, он пользуется церковнославянскими элементами и при грамматических образованиях от русских корней: ср. причастия на *-ущий, -ащий*, напр., *стерегущий, ворочающий, молотящий*, причастия на *-вший: моловший, стеревший, говоривший*, причастия на *-нный: пересланный, укороченный, убережённый*, превосх. степень прилагательных *прямейший, холоднейший, прехорошенький*. В подобных образованиях видим наличность в одной форме и русского и церковнославянского элемента. Еще обычнее вторжение русского элемента в исконно церковнославянское слово: ср. ***перебраниваться*** (подчеркиваю русские элементы), *обезвре**живать**, со**товарищ***[1], ***вы**презвлять, **чел**овечество, воч**ё**ловечение, прегра**ж**у, повре**ж**у, здравие* (не *содравие*).

Впрочем, в области морфологии церковные элементы могут быть обнаружены еще в некоторых окончаниях: *-а* вм. *-у* в родительном. Наши *вкуса, предмета, разговора*, со *страха*, из *гроба* и т. д. едва ли не под церковнослав. влиянием.

---

[1] Это слово, повидимому, включено в этот список по ошибке: на стр. 76 слово *товарищ* рассматривается как церковнославянизм. (Ред.)

II. О ГРАММАТИЧЕСКИХ ФОРМАХ СЛОВ И О ЧАСТЯХ РЕЧИ

(ИЗ „КУРСА ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА",

читанного в СПб. университете в 1910/11 г., ч. III, стр. 3—9, литографир. издание).

Грамматическими формами называются те видоизменения, которые получает слово в зависимости от формальной (не реальной) связи его с другими словами. Формальные и реальные связи между словами устанавливаются их значениями: реальному значению слова соответствует отдельное представление в мышлении, отличное от других представлений (напр., *купец, купчик, купчиха, купеческий, покупать*); между тем формальное значение слова познается только по связи одних слов с другими (*дом купца*, при *купец идет; дочь купчихи*, при *купчиха продает; купеческие ухватки*, при *купеческая ухватка; он покупает*, при *мы покупаем*). Тогда как *купчик, купчиха* вызывают сами по себе в нашем мышлении другие реальные представления, чем, например, слово *купец*, — словам, как *купца, купчихи, купеческая, покупает*, не соответствуют в мышлении представления, отличные от слов *купец, купчиха, купеческий, покупаем*. Тем не менее между теми и этими словами существуют различия в значении — эти различия, не находящие себе соответствия в реальных представлениях, называются различиями формальными. Формальные различия устанавливают те или иные отношения между словами и вызываемыми ими реальными представлениями; *покупает* соединяется, например, со словами *он, купец, брат* и т. п., между тем *покупаем* соединяется только со словом *мы;* реальное представление, вызываемое словами *покупает, покупаете, покупаем, покупаю* и т. д., тождественно, но каждое из этих слов в своем употреблении зависит от различных реальных представлений, с ними сочетающихся. Разные виды слова, отличающиеся между собой своим формальным значением (познаваемым только из связи с другими словами), называются его грамматическими формами.

Реальные значения слов каждого языка так же разнообразны, как разнообразны представления, возникающие в мышлении в результате знакомства с внешним миром. Формальные значения слов, напротив, ограничиваются вообще немногочисленными категориями. Категории эти зависят прежде всего от реальных значений, связанных с теми или иными словами; но зависимость эта не прямая, а производная, именно от тех трех главных категорий реальных значений, которые

возникают в уме говорящего. С одними реальными значениями связывается представление о предметах и явлениях, видимых или познаваемых; категория этих значений объединяется термином „имя существительное". С другими реальными значениями связывается представление о качестве, свойстве, присущем предмету или явлению; категория этих значений объединяется термином „имя прилагательное". Наконец, с третьими реальными значениями связывается представление о действии, состоянии того или иного предмета или явления; категория этих значений объединяется термином „глагол". К этим трем категориям присоединяются еще „местоимения", т. е. слова, которым присвоено значение более общего определения имен существительных, независимое от того или иного индивидуального их свойства, что имеет последствием замену некоторыми местоименными словами самих существительных. Указанные четыре категории реальных значений, определяющие формальные значения слов, называются изменяемыми частями речи: результатом этих изменений являются грамматические формы. Но кроме того в языке существует ряд слов, не выделяющих из себя формальных значений; это, во-первых, слова, имеющие сами только формальное значение и потому немыслимые вне сочетания с другими словами: сюда относятся предлоги, обозначающие различные отношения между самими предметами или между предметами и действиями, состояниями; союзы, связывающие предметы мысли в одно представление и выражающие отношение одного предложения к другому; во-вторых, это слова, служащие для выражения наших чувств и нашего отношения к тем или другим действиям или качествам (ближайшего их определения), с одними из них связываются определенные реальные представления — это наречия; с другими такие представления не связываются — это междометия. Союзы, предлоги, наречия, междометия суть неизменяемые части речи.

Изменяемые части речи, вступая во взаимные отношения, создают ряд категорий формальных значений. Существительные, вступая в связь с другими существительными или с глаголами, тою или иною своею формой выражают, в каком именно отношении находятся они к этим другим членам предложения; различные формы существительных, определяющие эти отношения, называются падежами; кроме того, вступая в ассоциацию с представлением о числе, существительные своею внешнею формой могут выражать представление об единственном или множественном, а в некоторых языках и о двойственном числе. Итак, существительные изменяются по падежам и по числам. Прилагательные согласуют свои формы с существительными, к которым они относятся; сообразно с этим они изменяются по падежам и по числам; но кроме того они принимают и родовой признак существительного; в зависимости от того, что существительные бывают разного рода в индоевропейских языках (мужеского, женского, а в некоторых языках и среднего), и прилагательные могут принимать разные виды, соответственно роду определяемого ими существительного; наконец, качество, выражаемое прилагательным, может представляться или безотносительно к большему или меньшему его проявлению и напряже-

нию, или содержащим указание на такие его свойства, и это в особенности при сравнениях (степени сравнения); таким образом, прилагательные изменяются по падежам, числам, родам и степеням. Так же, как прилагательные, изменяются и местоимения, ибо они, определяя и заменяя существительные, должны передавать те самые формы, которые могут принимать существительные, между прочим и родовые признаки, так как местоимения, как и прилагательные, могут определять существительные разных родов; но, конечно, по степеням местоимения не изменяются, ибо они дают только общие определения существительным. В местоимениях находят себе выражение категории лица; заменяя и определяя все вообще существительные, местоимения являются общим определением и заменой не только предметов и лиц, о которых мыслит и говорит человек, но также и лица говорящего и лица, к которому обращена речь; таким образом создается формальное противоположение лица говорящего и лица, к которому обращена речь, всем остальным лицам и предметам, о которых идет речь; это противоположение вызывает представление о трех грамматических лицах и порождает особые слова, однородные с местоимениями, для выражения первых двух лиц (*я, мы — ты, вы*), между тем как другие местоимения оказываются выразителями третьего лица (*он, тот, сей*). Глагол изменяется, во-первых, по категориям лица и числа (*я говорю, они говорят*), во-вторых, по категориям времени, ибо действие может представляться в отношении его к носителю (субъекту) действия между прочим уже прошедшим, или продолжающимся в настоящем, или имеющим наступить в будущем (*я говорил, я говорю, я буду говорить*); в-третьих, по категориям наклонения, ибо действие может представляться между прочим как происходящее, происходившее или имеющее произойти независимо от каких-либо других условий или же в зависимости от них (*ты говоришь*, и рядом: *говори, ты говорил бы*); в-четвертых, по категориям залога, которыми выражается между прочим отношение действия к субъекту, представляющемуся или действующим или испытывающим на себе действие (*любящий* и *любимый, он убил* и *он был убит*); в-пятых, по категориям вида, которыми действие определяется между прочим как оконченное или неоконченное в прошедшем или будущем (*бросил* и *бросал, брошу* и *буду бросать*); в-шестых, по категориям, свойственным именам, когда действие не связывается с представлением о трех грамматических лицах, действующих или испытывающих действие (инфинитив, причастия, деепричастия, в старом языке супин).

Изменение имен существительных, прилагательных, местоимений и причастий по падежам называется склонением. Изменение глагола по выше указанным категориям называется спряжением. Но учение о формах обнимает и такие изменения частей речи, которые не покрываются понятиями склонение и спряжение; сюда относится, например, изменение прилагательных и местоимений по родам, изменение прилагательных по степеням.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРИЛОЖЕНИЕ

Редактор *Н. М. Шанский.*
Художник *Г. Смелова.*
Техн. редактор *Н. П. Цирульницкий*

Подписано к печати 4/XII 1951 г. А 08694. Тираж 30 тыс. экз. Формат $60\times92^{1}/_{16}=8^{1}/_{2}$ бум. л. —17 печ. листов. Уч.-изд. л. 20,05. Цена без переплёта 7 руб. Переплёт бумажный 75 коп., коленкоровый 1 р. 50 к.

Отпечатано с матриц
Первой Образцовой типографии
имени А. А. Жданова
в 20-й типографии Главполиграфиздата. Зак. 80.
Москва, Ново-Алексеевская, 52.